

Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

А.А. Бурыкин

Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов

(по материалам сказок о небылицах)

Тюмень, 2017

УДК 398,2(=511:142)
ББК 82.3 хат
Б 90

Ответственный редактор: **Кульганек И.В.**, доктор филологических наук
Рецензент: **Носов Д.А.**, кандидат филологических наук

Бурыкин А.А.

Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2017. – 416 с.

Монография посвящена хантыйским сказкам, содержащим мотивы рассказывания небылиц, в контексте распространения, бытования, сюжетных вариантов и состава мотивов аналогичных сказок урало-алтайских народов. В связи с хантыйскими сказками, сюжетом которых является добывание огня в обмен на рассказывание небылиц, в книге рассматриваются сходные сюжеты, а именно получение обещанной награды за рассказывание небылиц и рассказывание небылиц как испытание для жениху на дочери правителя (хана, падишаха, царя, министра). Прослеживаются особенности бытования отдельных мотивов, содержащих небылицы, и устойчивых последовательностей таких мотивов на материале урало-алтайских народов, народов Кавказа и Восточной Европы. Сказки с сюжетом о добывании огня связываются с мифами о получении огня (миф о Прометее). На этом материале автор представляет общую классификацию рассказов о небылицах, бытующих у разных народов, и дает опыты классификации небылиц по их предмету и содержанию. В связи с предметом исследования автор обсуждает вопросы о генезисе волшебной сказки, происхождении и характере сказочного вымысла, отмечает связи отдельных сюжетов с изображаемой в сказках этнографической реальностью. В книгу включен указатель небылиц, дополняющий существующие указатели сказочных сюжетов и мотивов. В заключении помещена антология сказок о небылицах.

Книга предназначена широкому кругу читателей: фольклористам, учителям, студентам и всем, кто интересуется культурой урало-алтайских народов.

*Рекомендовано к печати Ученым Советом Обско-угорского института
прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-6040210-9-5

© Бурыкин А.А., 2017
© Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок, 2017
© ООО «ФОРМАТ», изготовление, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю.....	4
Предисловие.....	8
Введение.....	12
1. Хантыйские сказки о небылицах. Обзор текстов.....	21
2. Хантыйские сказки о получении огня посредством рассказывания небылиц и географическое распределение вариантов сказок о небылицах в Сибири и других регионах Евразии	28
3. Сказки о небылицах, рассказываемых с целью обретения богатства.....	41
4. Сказки о небылицах, с целью получить в жены дочь правителя.....	57
5. Типы сказок о небылицах в ряду новеллистических сказок и смежных форм повествовательного фольклора.....	74
6. Историческая типология сказок о небылицах и география вариантов текстов.....	85
7. К происхождению сказок о небылицах в свете генезиса и эволюции вымысла в словесном искусстве.....	90
8. Сказки о небылицах в истории и современном состоянии их изучения.....	119
9. Культурные коды небылиц, соотносящие их с различными сферами реальности. Типы небылиц с использованием различных кодов.....	130
Заключение.....	135
Литература.....	139
Приложения:	
1. Указатель мотивов небылиц в сказках урало-алтайских народов.....	145
2. Сказки о небылицах. Антология.....	221

К ЧИТАТЕЛЮ

*«У хантов есть такие же сказки, как у турок,
корейцев и японцев...»*

Сказок у хантов множество. Хантыйские сказки записывали финские и венгерские ученые в позапрошлом веке, из записей XX столетия составлена хантыйская часть объемного тома «Мифы, предания и сказки хантов и манси», вышедшего в Москве в 1990 году в серии «Сказки и мифы народов Востока». Ежегодно пополняются новыми записями фольклорные архивы в районных центрах округа и в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок в Ханты-Мансийске. Почти каждый год в институте выходят сборники сказок и других образцов хантыйского фольклора, составленные из новых записей.

Собирание, перевод, и издание сказок и образцов других жанров хантыйского фольклора – это важное направление в изучении устного народного творчества хантов, манси и других народов Сибири, но не единственное. Другой аспект, представляющий собственно изучение фольклорных материалов – это исследование и комментирование текстов, выявление вариантов текстов внутри этнической традиции и за ее пределами – у близкородственных финно-угорских народов, у ближайших соседей, живших рядом с хантами в недалеком прошлом, у татар и башкир, а также и у других тюркских народов, распространившихся от Средиземного моря до Тихого океана, у народов, живущих рядом с тюркскими народами и состоящих с ними в отдаленном родстве – у народов алтайской семьи, то есть у монгольских народов, тунгусо-маньчжурских народов, а также корейцев и японцев. Финно-угорские и самодийские народы и народы алтайской семьи уже давно объединяются в одну макросемью – семью урало-алтайских народов. Хотя существование такой семьи как генетического единства народов и языков признается не всеми. В последние десятилетия накапливается все

больше данных, свидетельствующих об историческом родстве уральских и алтайских народов, а контактные соседские связи между ними являются самостоятельным предметом изучения этнографов, лингвистов, фольклористов независимо от данных сравнительно-исторического языкознания.

Книга А.А. Бурыкина, представляемая вниманию читателей, содержит всесторонний анализ хантыйских сказок, относящихся к редкому и оригинальному типу – сказок о небылицах, где сказочный герой рассказывает небылицы в целях получения огня от жадного владельца огня, наделенного демоническими качествами. Автор книги на значительном числе примеров сказок с аналогичным сюжетом и со сходными сюжетами, к которым относятся сказки о получении богатства или сказки о получении в жены дочери правителя, показывает, что сказки с подобным содержанием имеют весьма широкое распространение в Евразии – они бытуют на огромном пространстве от Адриатического моря до Охотского и Японского морей. При этом только столь широкая география охвата материала, привлекаемого автором для сравнительного анализа, дает возможность увидеть, что хантыйские сказки, наряду с единичными бурятскими, хакасскими, эвенскими сказочными текстами, представляют собой самый архаический тип сказок о небылицах, который, как предполагает автор, представляют собой трансформации мифа о Прометее – первополучателе огня у богов Олимпа. Сказки о получении богатства у героя-противника, облеченного властью или обладающего большим состоянием, или сказки о получении в жены дочери правителя путем рассказывания небылиц, которые желает услышать богач или правитель, стремясь испытать героя, представляют собой позднейшие формы сказок о небылицах, в которых изображается совсем другое общество, получившее статус государства, и в нем живут уже не охотники, а скотоводы.

Богатство сказок этого типа составляют мотивы – отдельные эпизоды и элементы, из которых многое встречается у разных народов, а некоторые оказываются очень редкими,

представленными в одном-двух текстах. Этот материал наглядно показывает не только изобилие мотивов, облакаемых рассказчиками в художественную форму, но и вскрывает разнообразные взаимосвязи между фольклорными традициями разных народов, проявляющиеся в сходстве сюжетов, мотивов и отдельных деталей.

Издания книг со сказками показывают, что у хантов есть и до сих пор бытуют сказки, в том числе и сказки о небылицах. Одна из них дошла до нас в пересказе А.М. Сенгепова. Но только исследователь с широким кругозором показывает – у хантов есть такие же сказки, как у турок, корейцев и японцев, а также у многих народов горной Центральной Азии, степной Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, а также у народов Юго-восточной Европы.

Еще одно достоинство книги А.А. Бурыкина – она представляет собой объемный и полезный учебник по сказковедению, которого так не хватает студентам и ученым-фольклористам. Автор на примерах показывает, как надо сопоставлять тексты, выявляя в них сходства и различия – в равной мере значимые для исследования, как следует анализировать текст, давать характеристику героям сказочного повествования, характеру конфликта, особенностям развития сюжета, реальному миру, изображаемому в сказке, и его перевернутому, как в зеркале, отражению, где герой рождается раньше своих родителей и пользуется несуществующими предметами.

Автор наглядно показывает, как частные проблемы сказок, представляющих один и тот же тип, связаны со сложными теоретическими проблемами фольклористики, такими, как исторические соотношения мифа и сказки, происхождение бытовой сказки, классификация типов сказок.

Книга А.А. Бурыкина – это научный труд представителя нового поколения, свободного от идеологических догм прошлого столетия, труд ученого с опытом собирания и изучения фольклора самых разных народов. Мы надеемся, что она с вниманием и интересом будет встречена читателями – учеными,

студентами, учителями, всеми неравнодушными ценителями фольклора обско-угорских народов и других народов России и сопредельных стран.

*В.Н. Соловар,
доктор филологических наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема настоящей книги, как и полагается, соответствует по общей проблематике и общему направлению исследований тому, что обозначено в названии – это сказки хантов в контексте сюжетики и состава мотивов финно-угорских народов и народов алтайской семьи, то есть тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских народов, корейцев и японцев. Однако по понятным причинам в качестве материала исследования для настоящей книги выбрана ограниченная группа сказок – сказки, содержание эпизоды и мотивы рассказывания небылиц.

В выборе объекта исследования, который мог бы показаться весьма ограниченным и представляющим узкоспециальный интерес, оказались объединенными две сферы интересов автора.

Первая сфера – это фольклор обско-угорских народов с его жанровым составом, сюжетикой, поэтикой и спецификой во всех аспектах – характерологическом, описательном, сопоставительном, предполагающим изучение устного творчества народом, соседствующих с хантами и манси, и историко-типологическом, предполагающим сравнение фольклорных текстов на более широкой основе и с учетом реальной или предполагаемой исторической перспективы происхождения и эволюции сюжетов. Здесь привлекают внимание – как только у автора, так и у широкого круга исследователей – как сказочные сюжеты, так и эпические произведения, изучение которых было начато еще в XIX веке С.К. Паткановым, а равно и малые жанры фольклора хантов и манси.

Вторая сфера интересов автора – это сказки о рассказывании небылиц, бытующие у монгольских и тюркских народов, взаимное сопоставление которых связано с изучением целого комплекса проблем взаимоотношения монголов, бурят и особенно калмыков с тюркскими народами Сибири (алтайцы, хакасы, якуты), народами Урало-Поволжья (татары, башкиры), народами Средней Азии (казахи, каракалпаки, узбеки, туркмены) и Кавказа (ногайцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы),

а также отношение фольклорных традиций этих народов к устному творчеству финно-угорских народов (марийцы, мордва, коми), ираноязычных народов (таджики, персы, осетины) и народов Кавказа и Закавказья. Отчасти ожидаемо, а по предмету довольно неожиданно то, что сказки о небылицах урало-алтайского или тюрко-монгольского типа получили распространение – как нетрудно догадаться, при посредстве турок у которых также бытуют подобные сказки – у южнославянских народов Балкан – македонцев и сербов. Эти народы показывают нам западные границы территории бытования сказок о небылицах; по крайней мере по данным указателей сюжетов, в похожих сказках у народов Европы вместо рассказывания небылиц фигурирует словесная задача иного типа – отгадывания загадки, но загадки в сказках составляют отдельную проблему исследования, где значимым будет как раз сравнение загадок в сказках с традиционными, привычными нам формами загадок у славянских, балтийских, финно-угорских народов.

При исследовании собраний сказок народов, перечисленных выше, как раз и обнаружились, причем довольно неожиданно, корреспонденции сказочных сюжетов, так ярко представляющих сказки среднеазиатских народов, со сказками марийцев, ханты, хакасов, якутов, эвенов – на Тихоокеанском побережье обозначается восточная граница распространения интересующих нас сюжетов, хотя Тихоокеанское побережье – это не только окрестности Магадана, область контактов якутов и эвенов, но и Корея, и Япония, где сказки о небылицах тоже зафиксированы. Показательно, что сказки о небылицах не зафиксированы у чукчей и коряков, а у азиатских эскимосов в качестве испытания в сходной ситуации (обещанная награда) фигурирует отгадывание загадки. Как раз сказки восточного ареала распространения сказок о небылицах позволяют ставить вопрос о связи тех или иных сказочных сюжетов и отдельных эпизодов с определенными характерными этнографическими чертами, относящиеся к хозяйству, власти, социальной жизни в том виде, в каком эти черты присутствуют в сказках тех или иных народов.

Изучение сказочных текстов, тем более с учетом этнографических данных, представленных в текстах, побуждает обратиться к таким вопросам, как происхождение отдельных сюжетов сказок, характер сказочного вымысла и нарочитой фантазии, связь сказки с другими жанрами фольклора. Эти вопросы, понятно, не могли обсуждаться без трудов классиков отечественной фольклористики XX века – В.Я. Проппа, М.И. Стеблин-Каменского, Е.М. Мелетинского. Пусть читатели не удивляются тому, что автор берет на себя смелость не соглашаться с мнениями классиков. Во-первых, таким авторам, как В.Я. Пропп и Е.М. Мелетинский, проявившим себя как блестящие теоретики, временами не хватало фактического материала, который позволил бы более выразительно и более полно охарактеризовать обсуждаемые явления. Нам удалось в настоящей книге выделить десять разных типов сказок с небылицами и сказок о рассказывании небылиц, но, по-видимому, это число может возрасти в связи с большим вниманием к деталям и к разнообразию форм сказок, традиционно относимых к бытовым сказкам, без сопоставления их с аналогичными, весьма редкими образцами подобных сказок у других народов.

Одна из целей настоящей книги, безусловно, не конечных, а лишь подводящих определенные итоги проделанной работе – это обобщение всего великого множества небылиц, встретившихся нам в сказках о небылицах, их классификация, соотнесение их с определенными кодами, относящимися к той или иной области культуры или к той или иной сфере языка, а главное – опыт составления указателя небылиц с их обобщением по народам, которым принадлежат сказки с теми или иными повторяющимися небылицами, или не повторяющимися, то есть уникальными небылицами. Разумеется, тут любое количество просмотренных сказочных текстов будет на сегодняшний день ограниченным. Автор надеется, что в будущем он будет иметь возможность продолжать разыскания в этой увлекательной области.

Несколько слов о составе книги. Это не вполне традиционная монография о сказках. Во-первых, как свидетельствует опыт,

специалисты испытывают неудобства при чтении книг и статей, охватывающий большой объем текстов, которые не всегда являются доступными даже в наш век электронных книг и Интернета. Во-вторых, исследователи фольклора обско-угорских народов и те, кто изучает сказочный фольклор народов Сибири и сопредельных регионов, испытывают дефицит образцов научного анализа отдельных конкретных сказочных текстов и групп текстов, объединяемых по жанровому, сюжетному или содержательному признаку, поскольку темой работ специалистов являются либо монографии, не дающие возможность сосредоточиться на конкретике, либо краткие комментарии в изданиях текстов, как это делается в томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», издаваемой с 1990 года в Новосибирске.

Книга открывается исследовательской частью, в конце которой размещается указатель мотивов сказок о небылицах, составленный с максимальной степенью проработки текстов. Заключительную часть книги составляет антология сказок о небылицах, которые были предметом исследования автора. Включая антологию в состав своей работы, автор стремится придать чтению книги развлекательность и еще раз призвать своих коллег к продолжению исследований сказок хантов, манси, татар и всех урало-алтайских народов. Одно из предназначений книги – в том, чтобы она была своего рода пособием по сказковедению для исследователей обско-угорского фольклора и фольклора коренных народов Сибири, предназначенным как для самостоятельной работы, так и для работы наших коллег с аспирантами и студентами, занимающимися фольклором обско-угорских народов, фольклором народов Сибири и фольклористикой.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение состава сказок как образца фольклорного жанра, принадлежащих определенной этнической традиции – ханты, манси, ненцы, эвенки, имеющего распространение в каком-то конкретном регионе – в Западной Сибири, в Южной Сибири, на Крайнем Северо-Востоке Азии, в Приамурье – представляет собой весьма значимую научную задачу для самых разных областей знания. Прежде всего, сказки, причем как их сюжетный состав, так и структура сюжетов и отдельные мотивы, и их поэтика в языковых и в неязыковых формах – это целая система проявления этнической культуры и эстетики. Дело даже не в том, что в фольклорных текстах могут отражаться какие-то древние черты этнической культуры – такой взгляд на фольклор постепенно уходит в прошлое, и это обоснованно. Исследователи уже знают, что этнографические данные, извлекаемые из фольклора, особенно из сказочного, соответствуют культурной реальности этнической традиции едва ли не до наоборот, в любом случае этнографические факты, в сказках или эпосе если и соответствуют этнографической правде, то оказываются довольно скудными, и это понятно – в недрах культурной традиции фольклор предназначенся, так сказать, для внутреннего употребления, и в текстах не описывается та среда, в которой носители традиции пребывают в повседневности. В силу этих обстоятельств, как правило, фольклорные тексты в их содержании по существу не дают нам информации о той этнической традиции, от носителей которой эти тексты записываются. Более того, сами исполнители сказочных текстов очень редко различают «свои» и «чужие» сказки, пришедшие от соседних народов, и как в своих, так и в чужих сказках, элементы конкретной этнической культуры невозможно идентифицировать, или это может сделать только этнограф-профессионал.

Для характеристики этнической культурной и фольклорной традиции по материалам собрания сказок явно недостаточно нескольких текстов или даже нескольких десятков текстов –

вот почему столь долгое время изучение сказок обско-угорских народов и большинства народов Сибири – тех, для которых не постарались зафиксировать материал исследователи XIX века – почти что стояло на месте. Более или менее полное впечатление о характере традиции и составе сюжетов, мотивов, персонажей, позволяющее делать значимые для этнографии и фольклористики выводы, может быть составлено только на основе учета всего массива записей текстов определенного жанра, будь то эпические формы, различающиеся в историко-стадиальном отношении от незаметных «страшных» рассказов, теряющихся среди сказок и бывальщин, до монументальных песенных повествований о героях и государственных правителях, или сказочные формы, включающие сказки о животных или «животный эпос», волшебные сказки и волшебнo-героические сказки, бытовые сказки с разнообразными сюжетами, или образцы несказочной прозы с их весьма непростой дифференциацией по жанрам – бывальщины, или правдоподобные рассказы, былички, рассказываемые авторов как участником действия от первого лица, легенды, основанные на сюжете, который давно утратил историческую основу и каждая традиция пытается обратить его в свою собственность. Не случайно к образцам сказок хантов, манси, ненцев, эвенков в продолжение почти всего XX века обращались прежде всего педагоги, видящие в сказках и других образцах фольклора надежное средство передачи культурной традиции народов – мол, а как же иначе, вот она, народная мудрость, народная эстетика, духовные ценности... Эти надежды не полностью оправдались, и одна из причин тут была заключена в нехватке фактического материала, попросту в нехватке количества сказочных текстов на родном языке исполнителей и читателей и в особенности – в качественном переводе текстов на русский язык, которые не могли быть заменены никакими литературными обработками или писательскими сочинениями по мотивам чьего-то традиционного фольклора, за что бы потом такие сочинения не выдавались – за записи от конкретных исполнителей или за авторское знание традиции. В то же время

специалисты-фольклористы, занимавшиеся проблемами эпоса и сказок народов малочисленных народов Севера. Сибири и Дальнего Востока России, испытывали большой недостаток аутентичного, подлинного фольклорного материала – особенно те, кто сам не владел языками изучаемых народов.

В наши дни перестало быть секретом то, что по фольклору некоторых народов русские исследователи – языковеды и этнографы опубликовали до 1917 года больше материалов, чем это было потом сделано за все последующие годы. Так обстоит дело с фольклором нивхов, где пока невозможно превзойти вклад Л.Я. Штернберга в собирание и издание образцов фольклора нивхов [Штернберг 1910], только недавно том «Фольклор юкагиров» вышедший в свет в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в 2005 году, приблизился по объему к публикациям В.И. Иохельсона [Иохельсон 1900], подготовленным в конце XIX века, и только обобщение всех разнообразных изданий образцов чукотского фольклора может приблизиться к тому вкладу в собирание и изучение фольклора чукчей, какой был внесен В.Г. Богоразом в его издании 1900 года [Богораз 1900]. Кстати, именно недостаток и неравноценность фольклорных материалов создали серьезные проблемы при сравнительно-историческом изучении мифологии и эпоса палеоазиатских народов, ставшего сюжетом монографии Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1979] – многие издания с очень интересными текстами, представляющие мифологические системы и сказочные традиции чукчей и эскимосов, вышли в свет уже после издания названной книги Е.М. Мелетинского.

Специалисты знают, что огромный и неоценимый вклад в собирание и изучение устного народного творчества хантов и манси был внесен финскими и венгерскими учеными – К. Карьялайненом, Х. Паасоненом, Б. Мункачи, И. Папай, К. Доннером, О. Доннером, В. Штейницем, Е. Шмидт и другими исследователями. Очень содержательный и объемный очерк истории собирания и исследования хантыйского фольклора

дан в книге Т.В. Волдиной [2002]. Фольклорные тексты, записанные учеными XIX – первой трети XX веков, отчасти долгое время пролежали в архивах и выходили в свет относительно недавно, или, будучи опубликованными, в течение долгого времени были недоступны или малодоступны в СССР и в России. Записи этих ученых, разумеется, не были адаптированы к тому, как именно надлежало обращаться с фольклором малочисленных народов Севера во времена СССР, и к тому, кому именно и как в те времена полагалось заниматься фольклором этих народов. Ныне положение дел изменилось, и плоды собирательской работы наших старших финских и венгерских коллег постепенно становятся достоянием потомков исполнителей тех произведений, которые записывались этими исследователями.

Уникальной по масштабам, а также по качеству и уровню научной работы и в особенности по ее результатам, является деятельность исследователей-лингвистов и фольклористов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 1980-е – 2000-е и 2010-е годы. Создание специальных центров и фольклорных архивов в районных центрах при объединении усилий ведущих ученых округа принесло свои результаты – множество фольклорных текстов разных жанров зафиксировано от хранителей фольклора и носителей языков разных поколений с использованием современных методов аудио и видеозаписи, эти материалы хранятся в идеальных с технической точки зрения условиях, и самое главное – во-первых, среди ученых округа есть специалисты, которые могут заниматься обработкой фольклорных аудиозаписей, их расшифровкой и переводом текстов на русский язык, и, во-вторых, издания новых материалов по фольклору хантов и манси оказываются востребованными и кругом читателей и пользователей, и новым поколением исследователей языка и фольклора хантов и манси.

Масштабная по объему и высококвалифицированная работа фольклористов Югры, равно как и их предшественников, среди которых хотелось бы назвать В.Н. Чернецова, благодаря которому

мы имеем прекрасное собрание образцов фольклора манси на разных, в том числе ныне почти забытых диалектах, позволяет приступить к сравнительному и историко-типологическому изучению сказок хантов и манси. Этому способствует прежде всего объемный и содержательный том хантыйских и мансийских сказок, вышедший в серии «Сказки и мифы народов Востока» в Москве в 1990 г. и солидный том по фольклору манси, вышедший в серии «памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в Новосибирске в 2005 г.

Непосредственным поводом для написания данной работы послужили сначала одна, а позже две, а потом уже и три хантыйские сказки, элементом сюжета которых является рассказывание небылиц. Первая сказка была опубликована в сборнике [Материалы по фольклору хантов 1978, 91] и перепечатана в сборнике сказок хантов и манси в 1990 г. [Мифы 1990, 202, текст № 77]. Даже в научной публикации специфика этой сказки среди хантыйских сказок оказалась не выявленной.

Вторая сказка с небылицами, записанная на рубеже 1920-х – 1930-х годов писателем и сибирским краеведом М. Ошаровым, как кажется, и не пользуется вниманием, несмотря на то, что вклад этого собирателя в изучение хантыгского фольклора отмечен и оценен Т.В. Волдиной в ее монографии по истории изучения фольклора хантов [Волдина 2002, 37-38]. Эта сказка с названием «Нарты с золотом» прочно заняла свое место среди хантыйских сказок, представленных в ресурсах Интернета, однако также не привлекла внимания фольклористов-сказковедов, занимающихся устным народным творчеством обско-угорских народов.

Побуждением к написанию данной книги послужили довольно продолжительные занятия автора в области жанровой специфики и сравнительно-исторического изучения сказок и других жанров фольклора народов Сибири, Центральной и Восточной Азии. У народов этого региона, а также у народов Средней Азии и Кавказа, преимущественно у тюркских народов, сказки о небылицах и о рассказывании небылиц имеют очень широкое

распространение. Такие сказки, как калмыцкая сказка «Семьдесят две небылицы», бурятская сказка «Семьдесят небылиц» уже широко известны и исследователям, и читателям далеко за пределами Калмыкии и Бурятии – так же, как турецкие, татарские, башкирские, казахские, узбекские сказки о хитрецах – рассказывателях небылиц знакомы и фольклористам, и любителям сказок разных народов. Увеличение объема известных нам текстов сказок о небылицах, выявляемое разнообразие типов сказок о небылицах, и, главное – расширение географии бытования сказок о небылицах на восток Сибири до побережья Охотского моря подсказало автору данной книги идею всерьез заняться такими проблемами, как сюжетные основы и сюжетная структура сказок о небылицах, система персонажей сказок и образы заказчика-слушателя и рассказчика небылиц, хронотоп – время и пространство сказок о небылицах. Разумеется, нельзя было обойти вниманием в исследовании и такие вопросы, как социальный фон и социальные коллизии в сюжетах сказок о рассказывании небылиц, общественное положение и имущественное состояние героев таких сказок.

Но, пожалуй, самое интересное из всего, что, как кажется, как раз привлекало внимание автора в огромном материале сказок народов Сибири и Средней Азии, и что может сделать данную работу интересной для широкого круга сказковедов – это необычайная сюжетная емкость повествований о рассказывании небылиц, и это как раз и делает такие сказки необычайно интересными для сравнительно-исторических и типологических исследований. Ведь в такой сказке каждая из небылиц, которая представляется от лица рассказчика как что-то им рассказанное или с ним происходящее – это отдельный мотив или даже сюжет, это такая содержательная единица сказочного пространства, которая может у каких-то народов, в каких-то сюжетных системах бытовать самостоятельно или входить в какие-то повествования иного содержания – чтобы не интриговать особо читателей, укажем, что в нашем исследовании встречаются сказки с одной-единственной небылицей, но встречаются

и такие тексты, где число небылиц крайне трудно сосчитать. и оно приближается к сотне..

Далее, необычайные приключения и похождения героя, рассказывающего небылицы, вполне могут вести автономную, самостоятельную жизнь. Внимательные читатели заметят, а фольклористы это давно знают, что рассказы героев из сказок о небылицах у народов Кавказа и Средней Азии очень даже напоминают рассказы барона Мюнхгаузена о своих приключениях – с той существенной для литературного и фольклорного текста разницей, что в сказках рассказчики небылиц выполняют чью-то волю или желание, ставят перед собой какую-то конкретную цель, с которой никак не связано содержание небылиц – в то время как барон Мюнхгаузен развлекает своими небылицами – причем его рассказы можем назвать небылицами только мы с вами – прежде всего самого себя и своих слушателей, которые давно стали, а скорее всего изначально были читателями его книг [Приключения 1985] и книги немецкого писателя Э. Распэ, создававшего свои произведения о приключениях барона Мюнхгаузена по мотивам рассказов самого знаменитого барона. Такие вопросы, как наличие или отсутствие сюжетного обрамления, объединяющие отдельные повествования в определенную группу и как-то связывающее их – не в границах их сюжетов в каком-либо порядке – а в едином пространстве рассказывания разных историй, такое важное понятие композиции любого художественного текста, как «точка зрения» – то, от чьего лица ведется повествование о тех или иных событиях, соотношение заведомой правды – пусть сказочной правды, сводимой к соответствию содержания повествования его же сюжету, и заведомого, опять же сказочного, а значит избыточного всевозможными преувеличениями вымысла, а также историческая основа такого вымысла – поскольку в сказочном фольклоре исполнителю и хранителю сказок крайне трудно что-то выдумать, и тут даже самый невероятный вымысел будет основан на длительной традиции, он непременно придет откуда-нибудь извне или

войдет в состав невероятных событий из других жанров, где такие события или явления были вполне вероятными – например, из мифов.

Таким образом, читателю может стать понятным общий смысл задуманной нами работы – показать, что материал фольклорной традиции хантов и манси имеет многомерные связи с устным народным творчеством и в целом с традиционной культурой многих народов Южной и Восточной Сибири, Центральной Азии, Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, Юго-Восточной Европы. Сюжеты, мотивы, детали, образы сказок и преданий, эпических произведений народов Севера Западной Сибири могут обнаруживать самые разнообразные параллели и аналогии в устной словесности и ранней литературе самых разных народов мира. Для того, чтобы выявлять и анализировать такие аналогии, главное – во-первых, иметь в распоряжении достаточный объем фольклорных записей, во-вторых – иметь доступный объем материалов, которые можно использовать для сравнения, в-третьих – выбирать наиболее существенные, наиболее значимые объекты для изучения. Один пример – кто бы мог подумать, тут и сейчас имеется множество недоумевающих – что хантыйские и мансийские сказки о старшей сестре и младшем брате, имеющие очень интересные аналогии в фольклоре народов Дальнего Востока, в сочетании со знаниями о формах семьи и счета родства у народов Сибири позволят найти новую интерпретацию древнегреческого мифа об Эдипе [Бурыкин 2014]. Это оказалось очень, неожиданным для тех ученых, которые смотрели на содержание этого мифа не только с позиций содержания рассказов об Эдипе, отстоящих от описываемых в них событий на шесть-семь поколений, с позиций более поздних норм поведения общества и морали, заложенных в Священном писании христиан и составлявших императив понимания мифов для многих поколений ученых. Сравнительно-исторический и типологический анализ хантыйских и мансийских сказок – весьма увлекательное

занятие [Бурыкин 2013], и оно требует продолжения на объемном и разнообразном материале, который, разумеется, никогда не будет исчерпан, поскольку неисчерпаемой является и сама мировая культура, и устная словесность народов мира.

===== 1. Хантыйские сказки о небылицах. =====

Обзор текстов

Хантыйская сказка «Манть-ку» – «Сказочник»

Хантыйская сказка «Манть-ку» [Мифы 1990, 202, текст № 77], содержащая рассказ, составленный из небылиц, по-своему уникальна для фольклора народов Западной Сибири. Как станет понятно из дальнейшего изложения, такие сказки типичны для народов Средней Азии, Кавказа, их бытование отмечено в Урало-Поволжье, они встречаются у монголоязычных народов – бурят и калмыков (в том числе два марийский текста, похоже, заимствованные у тюркских народов [Бурыкин 2012]). Предварительное сравнение хантыйской сказки с известными тюркскими, монгольскими и кавказскими сказками показывает, что хантыйская сказка имеет заметную степень самостоятельности, вместе с тем в ней присутствует и основная мотивообразующая деталь – долг слушающего рассказчику в сто рублей, такая деталь, которая иногда выступает как своего рода смысловой минимум – единственная небылица в сказках этого типа.

Приведём текст хантыйской сказки «Манть-ку» – «Сказочник» № 77. Манть-ку

Пошел Манть-ку в лес и там заночевал. У него огня не было, нечем огонь развести. Он в один дом зашел, там человек жил, совсем один. Манть-ку у него огня попросил, но тот человек ему отказал. Он говорит Манть-ку:

– Ты мне сказку расскажи, тогда дам тебе огня. Манть-ку отвечает:

– Никакой я сказки не знаю.

Схватил огонь и побежал. Человек догнал Манть-ку, отобрал у него огонь и говорит:

– Придумай сам и расскажи мне хорошую сказку. Манть-ку начал рассказывать:

– Жили мы, жили, и однажды родился мой отец. Надо было сделать поры, но ничего у меня не было, нечем поры сделать. Пошел я тогда на охоту и вижу: пять лосей на одной ноге стоят.

Я выстрелил в ногу, и все лоси упали. Не могу их до дома донести. Тогда я из лосиной шкуры веревку сделал, эта веревка до самого дома дотянулась. Я стал ее огнем нагревать. Веревка от огня все больше и больше сжимается, так лосей я до дома дотащил. Сделали поры. Живем, живем, и у меня родилась мать. Опять поры нечем делать. Пошел я на охоту, вижу: пять коров на одной ноге стоят. Я в одну ногу выстрелил, все коровы упали. До дому дотащить я их решил так же, как и лосей. Сделали поры. Так у меня мать и отец появились. Потом ко мне с неба семь сыновей Торума спустились. Они сказали, чтобы я им кисы сделал. Они спрашивают: «Когда сделаешь?» Я им определенное время назвал. Спустились сыновья Торума к этому времени на землю, а я не успел к сроку кисы сделать. Сыновья Торума рассердились. Они схватили меня и на небо понесли. Когда я упал, то по пояс в земле оказался. Вдруг вижу: лиса бежит. Я ее за хвост схватил. Лиса увернулась, а у меня в руке комок оказался. Развернул я комок, а там бумага. Стал я эту бумагу читать. Там было написано, что ты моему отцу сто рублей должен. Вот видишь, а ты для меня огня пожалел.

Этот человек долго думал, когда он в долг у Манть-ку сто рублей брал. [Мифы 1990, 202, текст № 77].

В данной работе рассмотрено множество сказок о небылицах. И то, что герой родился раньше отца и матери и те появляются на свет на его глазах, и то, что главной небылицей или главным сказочным мотивом является денежный долг, о котором даже не знает тот, кто просит рассказать сказку или какие-либо ну совсем немислимые небылицы – все это встречается в традициях разных народов в различном объеме. Герои, рассказывающие небылицы, путешествуют по миру сказки во многих рассказах – вообще оказывается, что у себя дома им рассказывать небылицы и трудно, и скучно, и надобности нет. Далее, перемещение действия и повествования о нем из микрокосма повседневности куда-то за его границы позволяет рассказчику повествовать о том, чего слушатели не видят и не видели, а потом, встраивать в рассказ вторую

линию повествования – о том, что происходит дома у героя, в этом самом микрокосме повседневности. Эта композиционная схема, реализуемая в анекдотах с сюжетом «Муж уехал, а жена...» хорошо известна в теории литературы хотя бы по книге академика В.В. Виноградова «Сюжет и стиль» [Виноградов 1963].

Приведенная здесь хантыйская сказка оказывается уникальной по одному признаку – герой сказки, пришедший к незнакомому человеку, попросивший у него огня и услышавший условие – рассказать сказку, сам является сказочником. Такая персонификация главного героя – знатока и рассказчика небылиц не встречается ни у одного из других народов, у которых бытуют сказки о небылицах. Другие важные и также уникальные детали этой сказки – то, что к герою по его рассказу приходит не кто-нибудь, а семь сыновей Торума – верховного божества хантов и манси, и, как простые охотники или пастухи, просят у него сделать им обувь-кисы. Трудно найти ответ на возникающий вопрос – что перед нами: непосредственная реплика мифов и включение мифологических героев в повествование, как бы продолжающее традиции бытования мифов, или ловко придуманная на основе мифологии небылица, вставленная в цепь описаний того, что в реальности быть никак не может... И конечно, весьма любопытна в хантыйской сказке бумага-расписка, согласно которой слушающий сказку должен рассказчику сто рублей. В анализе сказок будет важной даже эта конкретная деталь – деталь, значимость которой в сюжете меняется в зависимости оттого, чем представляются сто рублей рассказчику и слушающим. Оно, конечно, в Сибири, как пишут и сейчас исследователи, «Недаром за Уралом до сих пор говорят: «В Сибири сто верст – не крюк, сто рублей – не деньги» [Беловинский 2001: Библиотека лексикографа], а литераторы выражаются похуже: «На Колыме ты еще не старуха будешь. Там знаешь, как говорится? Сорок градусов – не водка, тысяча верст – не дорога, тысяча рублей – не деньги, шестьдесят градусов – не мороз, а шестьдесят лет – не старуха!» [Гинзбург 1966; Библиотека лексикографа]. Тут для исследователей народной культуры по сказочным текстам будет важна не столько

сумма, сколько расписка на бумаге – деталь новая и неожиданная для наших представлений о хантыйских сказках да и для самого собрания хантыйских сказок – пожалуй, тоже.

Хантыйская сказка «Нарты с золотом»

Собрались три охотника на охоту. Долго ли, коротко или, до ночлега дошли.

Стали искать спички, а спичек ни у кого не оказалось.

Один из них говорит:

– Влезайте на деревья; где огонь увидите, туда и пойдём. Влез один из них, смотрит – в одном месте огонь виднеется.

– Ну, сходи, принеси оттуда огня. Другой пошел к тому месту, где огонь был виден. Пришел туда; оказывается, какой-то старик огонь развел.

– Ну, дедушка, здравствуй!

– Здравствуй, здравствуй, внучек! Ты с какой нуждой-бедой ходишь?

– С какой нуждой-бедой хожу? Наши жены не позаботились об огне для нас, я пришел огня просить.

– Внучек, мой огонь дорогой, бесплатно не дам: расскажи семь веселых сказок – дам огня.

Постоял-постоял охотник и ушел к своим товарищам. Пришел туда и говорит:

– Дед своего огня бесплатно и дешево не дает. Говорит другому охотнику:

– Пойди ты, может, тебе даст.

Вот человек этот пошел, пришел туда. Старик стоит.

– Здравствуй, дедушка! – Здравствуй, здравствуй, внучек!

– Дедушка, я огня попросить пришел. Дашь или нет огня?

– Мой огонь дорогой и платный, так не дам. Расскажешь семь веселых сказок, дам.

– Я не умею рассказывать. Да где мне взять семь веселых сказок?!

Пошел к ночевью. Говорит двум своим товарищам:

– Дед говорит: если расскажу семь веселых сказок, даст огня; не расскажу – не даст. Младший из них говорит:

– А ну, я пойду! Пришел туда, старик сидит и подтапливает.

– Дедушка, наши жены не позаботились об огне для нас. Дай нам огня.

– Мой огонь дорогой, платный. Если расскажешь семь веселых сказок – дам.

Тот и начал:

«За все лето я набил полный мешок комаров и полный мешок мошкары, потом набил полный мешок оводов. И стал я их продавать. Один комар-лошадь и корова, одна мошка-лошадь и корова, один овод-лошадь и корова.

Потом стал убивать коров. Сколько убью – кожи их на ремни режу. Резал-резал, стал обдирать шкуру с последней коровы, а она вскочила и побежала...

– Дедушка!.. Смотри, небо сейчас свалится!..

Тут старик превратился в кучу золота.

Привел младший охотник туда своих товарищей, наполнили свои нарты золотом и уехали». [Электронный ресурс: <http://www.northlights.ru/text.php?group=9&story=27>]

Здесь все, как в классической волшебной сказке – три охотника, считайте, три брата, поскольку третий так и назван – младший, и оказывается этот младший самым умным – как в волшебных сказках, справляется-таки с поставленной задачей, да еще и проявляется как самый везучий. Обратим внимание – бытовая сказка, и, как мы увидим, большинство сказок о небылицах, даже близких к интересующему нас типу, обходятся меньшим числом персонажей или превращают других участников действия в статичные фигуры «без речей». Как мы увидим, братья героя имеют в этих сказках важную композиционную функцию – функцию замедления действия, которое эксплицитно, а чаще при умолчании распадается на большее число эпизодов, нежели это предполагают и этого требуют значимые события – получение искомого. В сказках о получении награды за небылицы или в сказках о получении дочери правителя в жены такую же функцию замедления действия выполняет стража у дворца правителя.

Еще одна очевидная черта классической волшебной сказки в этом тексте – счастливый конец, герои вместе с огнем, который был им нужен, получают неожиданное богатство. Как и в предыдущем тексте, некоторые его детали не свойственны повествованиям такого рода и откуда-то заимствованы – так, неспроста герой этой сказки рассказывает о том, что он набил полные мешки комаров, мошкары и оводов и начал продавать по штуке за лошадь и корову. Как писал 100 лет назад В.И. Иохельсон, такой мотив встречается довольно часто в сказках эвенов и других народов Северо-Востока, где убитые сказочным героем демонические существа превращаются после смерти в тучи всяких насекомых [Иохельсон 1917, 201-204]. Обретаемое героем богатство в сказках и эпических повествованиях – это олени, взявшиеся в изобилии неизвестно откуда за одну ночь [Тайшина, Роббек 1992] – это те самые животные, которые заменили тундровым пастухам и коров, и лошадей.

Неочевидная деталь, не то чтобы граничащая с вымыслом, но странная даже для сказочной условности – непонятно, что делал этот странный старик, который даже не в своем доме находился в глубоких сумерках, когда к нему по очереди отправлялись охотники-братья, и почему он вдруг превратился в кучу золота – хотя, по сказочной логике, раз заданная им «трудная задача» выполнена, и он побежден, пусть и не так, как богатырь в героической сказке – с ним должно было произойти что-то нежелательное для него.

Третья хантыйская сказка о получении огня в обмен на небылицы опубликована А.М. Сенгеповым, хорошим знатоком хантыйского языка, фольклора и культуры своего народа [Сенгепов 1994, 16-29]. Вот ее содержание:

Живут три брата, Идут осваивать новые земли. В пути оказалось, что у них нет огня. Младший посылает по очереди искать огонь двоих старших. Они идут по указу младшего к Менкву – богу (духу) леса, увидев его с сопки, Он сидит у своего костра. Менкв говорит, что даст огонь (и «живой», и «мертвый»), если расскажут ему очень интересный рассказ. Старший брат не может рассказать такого рассказа – Менкв вырезает у него из спины три ремня. Средний брат тоже не может ничего рассказать –

менкв вырезает из его спины четыре ремня. Младший брат сам приходит к менкву рассказывает небылицу: его отец и мать узнали, что на небе дорогие мухи, наловили на мыльной пене по семь мешков мух каждый, пока шли на небо, потеряли по одному мешку, которые несли в зубах; получали за одну муху корову с теленком или лошадь с жеребенком, наняли людей свежесвать купленный скот, сложили мясо в один огромный мешок, по ремню из коровьих шкур спустились на землю, с помощью огня стали стягивать на землю мешок – тут рассказчик пугает менкву, что сейчас мешок упадет прямо на него: менкв убегает и погибает от холода – замерзает. В это время младший крадет живой и мертвый огонь, находит полосы кожи, вырезанные со спины у братьев, и уходит. Он возвращает братьям кожу со спины, те радуются, возвращаются с богатой добычей, делят между собой долину Оби.

Этот текст необыкновенно любопытен и чрезвычайно важен для исследования всей группы сказок, которая будет представлена далее. Только в нем обозначена сверхъестественная, божественная природа обладателя огня, пусть даже его функции совмещены с функциями хозяина леса, хотя менкв – не обязательно хозяин леса, это просто демоническое существо – причем менквы не всегда враждебны к человеку они могут и просить у него помощи. и благодарят его за помощь, как это мы видим в мансийских сказках [Мифы 1990, 452-454]. Данное обстоятельство существенно, поскольку оно служит дополнительным указанием на возможную связь этих сказок с мифом о Прометее – перводобывателе огня.

Беглые комментарии к этим сказкам убеждают в необходимости начать выявление аналогичных сказочных сюжетов в фольклоре других народов, в какой-либо степени близких обско-угорским народам. Конечно, в первую очередь наше внимание привлекли бы сказки финно-угорских и самодийских народов, однако в сказочном репертуаре этих народов подобные сказки отсутствуют, или, скажем мягче – до сих пор не выявлены. Из народов, представители которых контактируют или в прошлом контактировали с обско-угорскими народами, наше внимание будут привлекать тюркоязычные народы Южной Сибири, а также тюркские народы

Средней Азии. Кавказа, южной части побережья Черного моря и Балкан и те народы, которые контактировали с тюркскими народами от якутов до современных турок. Нам придется внимательно изучить сказочные традиции тунгусо-маньчжурских народов, в которых усматривается как влияние тюркских и монгольских народов, так и палеоазиатских народов Крайнего Северо-востока – чукчей, коряков, эскимосов. То, что сказки о небылицах широко распространены у монголов, бурят, калмыков, у тюркских народов Средней Азии – у казахов, узбеков, а также у таджиков, в общем, хорошо известно и перед нами стоит задача выявить максимально большое количество известных вариантов сказок о небылицах, зафиксированных у этих народов и оценить степень сходства и различия отдельных вариантов и отдельных мотивов.

===== 2. Хантыйские сказки о получении огня ===== посредством рассказывания небылиц и географическое распределение вариантов сказок о небылицах в Сибири и других регионах Евразии

Среди сказок, сюжетом которых выступает приобретение какого-либо объекта с исполнением условия в виде рассказывания небылиц выделяется группа сказок, в которых целью рассказывания небылиц является получение огня. Эти сказки известны в гораздо меньшей степени, чем другие аналогичные сказки, где целью участия в рассказывании небылиц является женитьба на ханской (царской, падишахской, министерской) дочери или получение обещанной награды. Что касается сказок с сюжетом о получении огня, то нам на сегодняшний день известно девять таких сказок. Семь из них зафиксированы в Сибири, практически в едином регионе, причем, что очень существенно, в регионе, представляющем непрерывный континуум фольклорной традиции с многочисленными очагами этнокультурных контактов представителей разных этнических и языковых групп и взаимовлияний в сфере этнографии и устного народного творчества. Важно, что три разных варианта

сказок этой группы записаны у хантов. Такого мы более нигде не наблюдаем – только у бурят были записаны три сказки о рассказывании небылиц с разными сюжетами, но только один текст принадлежит к интересующей нас тут группе сказок о добывании огня. Одна такая сказка засвидетельствована в Поволжье у марийцев – даже если эта сказка была заимствована ими у соседей-татар, у которых имеется похожая сказка – получается, что почти все сказочные тексты представляют фольклорные традиции урало-алтайских народов. Еще один сказочный текст этого типа, причем с уникальными сюжетными особенностями, записан на Балканах в пределах зоны контактов народов юго-восточной Европы с турками.

Эти девять сказок о получении огня при помощи рассказывания небылиц проявляют разнообразные связи со сказками о небылицах, рассказываемых за обещанную награду или как условие получить в жены ханскую дочь (или дочь правителя или высокопоставленного лица) прежде всего в области содержания самих небылиц. Однако на фоне других типов сказок о небылицах и даже внутри группы сказок о небылицах с трудной задачей эти сказки являются обособленными в плане конкретной цели, преследуемой героями, и исполнения заданной задачи, а самое главное – в плане ареала распространения и потенциальной хронологии сложения данной группы сказок как представляющих особый сюжет и более обширной группы сказок о рассказывании небылиц как выполнение трудной задачи.

Как бы это ни показалось фантастичным, и мы будем говорить об этом, предваряя другие выводы, но нельзя исключать того, что сказки о получении огня посредством выполнения трудной задачи являются собой трансформации известного мифа о Прометее. Превращение мифа в сказку – вещь обычная, хотя иногда, как в фольклоре ненцев, наблюдается насыщение сказочного сюжета мифологическими мотивами и героями. В данном случае, как можно думать, перед нами пример трансформации мифа об обретении огня – трансформации, как раз в сторону выведения мифа из оборота, преобразования в сторону десакрализации мифа и насыщения его

элементами комического, то есть преобразования сюжета из мифологического в сюжет новеллистической сказки, иногда с элементами волшебной сказки. Собственно для того, чтобы миф превратился в сказку, слушателям и исполнителям достаточно лишь перестать верить в его содержание как в какую-то форму правдивого рассказа. Не будем вдаваться в детали того, что подлинный миф имеет полиморфное существование, и его содержание поддерживается в ритуале, пластическом воспроизведении-танце и ранней форме драмы, в играх, в изобразительном искусстве, культовой скульптуре, в реминисценциях других произведений разных жанров. Если такой поддержки нет и мифологический сюжет существует только в словесной форме – это, собственно говоря, не миф, а мифологический рассказ, текст, который имеет совершенно иные системные связи в системе жанров устной словесности. Мифологическая трактовка эволюции сюжета о получении огня поддается как раз третьим вариантом сказки, записанным А.М. Сенгеповым.

Кроме трех хантыйских сказок, содержание которых представлено выше, в эту группу входят следующие сказки:

1) Марийская сказка «Сорок одна небылица»: три брата рубят в лесу дрова, идут за огнем к старику, тот требует рассказывать небылицы: добывают зайца, из него топят пуд сала, рассказчик смазывает один сапог, другой сапог убегает в дыру под землю, куда попадает и рассказчик; его вытаскивает лиса, у которой на хвосте записка о долге старика отцу рассказчика: старик побежден – отдает огонь и котел с уткой,

2) Татарская сказка «Как братья огонь добывали»: три брата едут в дальний лес за дровами, не могут развести огонь, по очереди влезают на дуб, видят вдалеке огонь, старший брат приходит к старику (сам с кулачок, борода с целую сажень), просит у него огня; старик просит рассказать сказку, спеть песню и поплясать – старший брат говорит, что не может, старичок скрывается, старший брат уходит, то же происходит со средним братом. Посылают младшего, тот говорит, что плясать и петь не умеет, но сказку расскажет: рассказывает, как ехал

в лес на кобыле, заткнув топор за пояс, топор отрубил кобыле задние ноги, младший брат находит их и прибывает на место дубовым гвоздем, из лошади вырастает дуб до неба; герой лезет по дубу, открывает дверь в небо, видит там красную птичку, за это время его лошадь уходит; ветром забрасывает на небо охапку соломы, герой вьет веревку, которой не хватает; когда веревка рвется, герой падает в море и видит, что там водяные возят навоз, запрягли старичка и послали героя на нем возить навоз. Старик говорит, что он там не был – отдает младшему брату по условию огонь и сто рублей, младший брат возвращается к другим братьям, они разводят костер и варят себе кашу.

3) Хакасская сказка «Сорок небылиц»: три брата на охоте, забыли кресало, два брата идут за огнем к старику, тот требует небылицы, младший рассказывает: утром родился, вечером охотится; убивает муху с телку, смазывает один чигир, несмазанный чигир пропадает, лебедь уносит героя на небо, герой возвращается, на пиру видит прислуживающим свой сапог; напоминает о долге старика отцу и матери – выигрывает условие: освобождает братьев и привязывает старика к дереву.

4) Якутская сказка «Заблудившиеся парни»: три брата на охоте, идут к старику за огнем, младший брат рассказывает небылицы о том, как он попадал в верхний мир и спускался по соломинкам: старик дает младшему огонь.

5) Эвенская сказка «Без огня»: пять братьев поселились на берегу, нет огня, идут к старику-камчадалу, который прогоняет четырех братьев, пятый рассказывает: на спине лошади вырос тополь, по которому он полез вверх; падает и проваливается в землю, его вытаскивает волк, отрывается волчий хвост, превращающийся в шкатулку с драгоценностями – младший брат возвращается с огнем.

6) Бурятская сказка «Знающий 70 небылиц»: трое в пути остаются без огня, хозяин юрты обещает дать огонь за вырезанный из спины ремень, герой обещает рассказать 70 небылиц; родился раньше отца, переплыл море на щепке, обратно – на

верблюжонке, который вез и верблюдицу, попадает в верхний мир, спускается вниз по веревке и мякине, летящей вверх, падает и выбирается, держась за хвост лисицы, в хвосте лисицы письмо о долге отца слушающего отца рассказчика: по условиям из спины проигравшего состязание режут ремень и он умирает, выигравшему достается все его имущество и огонь.

7) Далматинская сказка «А правды ни на грош»: *три брата на охоте – нет огня, огонь у медведя, сидящего на дубе, рассказывают медведю небылицы с продолжением по очереди; младший брат родился раньше отца, попал в верхний мир, спустился вниз, вода замерзла в жаркий день, отрезал себе голову, чтобы напиться, забыл голову, вернулся за ней, но приставил наоборот – медведь отпускает братьев.*

Наша задача – выявить в этих сказках общие компоненты для самостоятельного сюжета о добывании огня посредством рассказывания небылиц и наметить те мотивы и детали, которые характерны для сказок о небылиц в целом и особенно для того их типа, который объединяет сказки с рассказыванием небылиц как выполнение трудной задачи.

Прежде всего, надо отметить, что вторая и третья хантыйские сказки о получении огня очень близки друг к другу, но рассказ, приведенный А.М. Сенгеповым, сохраняет больше деталей, нежели сказка «Нарты с золотом». В небылице из записи А.М. Сенгепова у героя есть отец и мать, и именно они торгуют наловленными мухами, причем для этого они идут на небо и потом спускаются вниз на землю по веревке – это те элементы сюжета, которые будут встречаться в других сказках о рассказывании небылиц. В ней же становится понятным причина испуга того, кто задает задачу – в сказке «Нарты с золотом» этот момент не прояснен. А такие подробности, как отыскание полос кожи со спины братьев и возвращение их братьям, когда пострадавшие братья выздоравливают, вообще эксклюзивны для сказок о небылицах, они более нигде не встречаются. Упоминание реки Оби в этом рассказе придает этой сказке черты рассказа-бывальщины, что не снижает ее достоинств и не уменьшает ценности для сравнений.

В большинстве сказок этой группы герои не имеют огня на промысле, на охоте. Только в эвенской сказке отсутствие огня у людей наблюдается на новом месте, в татарской – в лесу, а в одной хантыйской и в бурятской сказке – в пути. Хотя эти ситуации не связаны с первообретением огня людьми, экспозиция данного сюжета как бы моделирует в общественном минимуме обстоятельства первообретения огня с выразительным подтекстом, словесно выраженным почти во всех текстах – если в этом мире все люди – братья, то и сказочные герои, стремящиеся обрести огонь в безлюдном месте, тоже будут братьями, и даже родными. Налицо и контраст между теми, кто лишен чего-то и нуждается в чем-то – конкретно в огне и теми, кто обладает огнем.

Герой сказок, имеющий огонь – всюду старик, наделенный какими-нибудь странными чертами. В якутской сказке у него белые волосы, белая борода и медный прут в руках, в татарской – «сам с кулачок, а борода – с целую сажень», с одной стороны типичный евразийский мелкий демон, с другой – очень похож на духов-хозяев тунгусо-маньчжурских народов, у которых так может выглядеть и хозяин огня. В эвенской сказке – это богатый старик-камчадал, причисленный к соседнему, не очень дружественному эвенскому народу. В сказке, пересказанной А.М. Сенгеповым, владелец огня – менкв, великан, как ему и положено, и костер у него с ель высотой. Удивительная особенность далматинской сказки – в ней обладателем огня является медведь, к тому же сидящий на дубе. Такое можно было бы (за вычетом дуба, разумеется, который в Сибири не растет) ожидать от какого-нибудь из народов Сибири, но похоже, что самые архаические элементы сказочного повествования сохраняются на крайней периферии распространения сюжета, и далматинский текст только подтверждает это правило. В одной из хантыйских сказок обладателем огня является менкв, то есть в какой-то персонификации Бог-хозяин леса, и тут для нас существенные его функции, вообще-то хозяевам леса несвойственные, сколько его сверхъестественная, божественная природа. Очевидно, в других традициях, у которых в сказках исчезают все конфессионально обозначенные элементы, как свои, так и чужие –

в сказочном пространстве религия теряет актуальность, в нем действуют другие силы, этот персонаж утратил свою изначальную роль божественного владельца огня и превратился в заурядного, ну или не очень заурядного старика. Даже у хантов огнем владеет менкв, но он не хозяин огня, поскольку по идее хозяин огня, конкретного очага или костра – это совсем другой дух, а менкв лишь имеет у себя огонь. Поскольку этот персонаж должен чем-то отличаться от обычных людей – владелец огня повсеместно отличается от героев возрастом и одиночеством, и в некоторых текстах – внешностью, одеждой и атрибутами. У далматинцев владельцем огня является медведь, что по-своему понятно: все-таки у народов Восточной Европы нет такого культа медведя, как у хантов, манси и других народов Сибири и Дальнего Востока.

Особого внимания требует финальная небылица хантыйской сказки «Маньт-ку», имеющая аналогии в хакасской, бурятской и марийской сказках. Ее содержание – долг слушающего героя или его родителям, за которым как раз герой и приходит к любителю небылиц, т.е. почти в половине всех текстов этой группы. Этот мотив, задевающий самолюбие любителя небылиц, в тех сказках, о которых мы говорим, и в ряде других сказок составляет отдельный эпизод, предшествующий развязке, он широко распространен и в цепочках из небылиц. Однако у аварцев на Кавказе он составляет основу отдельного самостоятельного текста: рассказчику достаточно рассказать одну-единственную небылицу такого рода, чтобы одержать победу в состязании и выполнить свою задачу. У корейцев герой рассказывает всего две небылицы, но одна из них – о немалом долге министра отцу рассказывающего. Обратим внимание, и это может пригодиться для понимания того, как именно складывалась структура отдельных текстов и сюжетных разновидностей сказок о рассказывании небылиц – герой хантыйской сказки «Маньт-ку», похоже, является мастеровитым сказочником.

Мы не случайно упомянули в связи с этими хантыйскими сказками миф о Прометее, миф о добывании первого огня, и обратили внимание на то, что в сказке, пересказанной А.М. Сенгеповым, владельцем огня является великан-менкв с функциями духа-

хозяина леса. Сказки о добывании огня посредством рассказывания небылиц по этому признаку и по ряду других признаков выглядят наиболее архаичными, причем их архаика представлена не только в предмете, который хотят получить герои, имеющие единую коллективную цель, но и в их занятиях – они занимаются охотой, и отсутствие социально детерминированной дистанции, отсутствие потестарной разницы между героями и обладателем огня. Мы увидим, что сказки о добывании невесты будут блистать титулами: хан, падишах, царь, у корейцев – министр. У любителя небылиц обязательно будет соответствующая свита, и нет-нет да и зайдет речь о том, чем занимались родители знатного лица – обратим внимание на последнюю небылицу татарской сказки «Как Таз рассказывал падишаху небылицы». В большинстве этих сказок это старик, не бедный, но властью не облеченный. Его сверхъестественная природа остается заметной еще в одном – у него нет никого из близких, старик без семьи – существо явно демоническое. Стоит отметить, что в тайге от человека до божества дистанция оказывается намного меньше, чем в городе от человека до правителя.

Еще одна характерная особенность этой группы сказок заключается в том, что персонаж, задающий задачу рассказывать небылицы – чаще всего это тот старик, о котором мы только что говорили – после того, как герой выполняет заданную им задачу, физически страдает довольно редко. Он просто исчезает в хантыйской сказке «Нарты с золотом», о нем ничего не говорится в татарской сказке, он привязан к дереву в хакасской сказке: получил то, что сам готовил для неудачливых героев. Только в бурятской сказке «Знающий семьдесят небылиц» (кстати, такое именование выглядит как имя или прозвище героя, как и «маньт-ку»), жадный, не делящийся огнем старик умирает от вырезания ремня из спины, но интересующая нас бурятская сказка – это лишь одна сказка о рассказывании небылиц из трех, которые известны у бурят. В хантыйской сказке А.М. Сенгепова менкв замерзает и так погибает, тут возникает интересный вопрос, а как же демон-менкв мог замерзнуть? В сказках этой группы не особенно страдают и герои-неудачники. Они привязаны к дереву, рядом с

которым сидит старик, в хакасской сказке, они получают удар по ногам медной палкой в якутской сказке, в самом тяжелом случае незадачливые старшие братья на время лишаются полос кожи со спины (хантыйская сказка А.М. Сенгепова), однако же выздоравливают после того, как младший брат одолевает менква. В сказках о добывании невесты или награды их участь может быть более печальной, их часто ждет казнь или другие наказания.

Среди небылиц, рассказываемых с целью получения огня, в рассматриваемых нами сказках, даже при немногочисленности небылиц, что типично для этой группы – их далеко не 70 и не 72, как у монголов, бурят и калмыков – присутствуют такие небылицы, которые неоднократно повторяются в сказках рассматриваемой группы и к тому же имеют широко распространенные параллели среди небылиц других текстов, представляющих несколько иные сюжеты (получение награды или добывание дочери правителя в жены). Это следующие небылицы:

– Герой родился раньше отца (хантыйская сказка «Маньт-ку», бурятская, далматинская сказки);

– Герой пас скот старшего родственника (бурятская сказка); какой скот – в общем не принципиально, почему в бурятской сказке присутствуют верблюды, а не лошади, не очень ясно;

– Герой в своих невероятных похождениях попадает в верхнюю сферу мира – как говорится в некоторых сказках, на небо, как мы можем сказать – в Верхний мир, хотя бы он и не был населен божествами – это хантыйская сказка «Маньт-ку» и сказка А.М. Сенгепова, татарская, хакасская, якутская, эвенская, бурятская сказки. При этом верхний, небесный мир для сказок этого типа гораздо важнее нижнего, подземного мира. Для сравнения укажем, что единственная не только в этой группе сказок, но уникальная среди всех сказок о рассказывании небылиц сказка о том, где герой в своих приключениях попадает под землю, то есть в нижнюю сферу мира – это марийская сказка.

Любопытная небылица, часто разворачивающаяся в отдельную сюжетную линию, причем эта линия обязательно имеет логическое завершение с возвращением к исходной ситуации – это конфликт

между сапогами героя, один из которых смазан каким-то жиром, неважно – заячьим, мушиным или каким-то другим, а другой остался несмазанным. В данной группе текстов небылица, точнее, цикл небылиц о сапогах героя присутствует в двух сказках – марийской и хакасской, но мы увидим его еще не однажды в сказках этого же типа с похожими сюжетами. Кстати, несмазанный сапог, обретающий человеческие функции, похоже, нигде не возвращается к статусу предмета обучи своего хозяина.

Татарская сказка «Как братья огонь добывали» содержит известную небылицу о том, как герой сшил две половины лошади, но, что существенно, это единственная сказка в нашем материале, где присутствует подобная небылица, хорошо знакомая по приключениям Барона Мюнхгаузена и встречающаяся в восточнославянских сказках. Эта сказка оказывается единственной, в которой герой, падая с неба, попадает в море, а не на сушу. Море, таким образом, замещает нижний, подземный мир, где мог оказаться герой после неудачного падения с неба.

Две небылицы образуют последовательность элементов повествования, характерных для данного сюжета. Это лиса или (однажды в эвенской сказке) волк, вытаскивающие героя из земли – она есть в хантыйской сказке «Маньт-ку», в марийской, эвенской и бурятской сказках, и записка о долге на хвосте лисы (или шкатулка с драгоценностями, которую превратился хвост волка) в тех же сказках. В марийской сказке лиса, подобно необычному помощнику волшебных сказок, извлекает героя из подземного пространства, в других сказках лиса и волк помогают выбраться герою, завязшему в земле. Для тех сказок этой группы, где рассказчик небылиц говорит, что заказчик небылиц что-то должен ему или его отцу, трижды вестником долга оказывается лиса, только у хакасов тема материального долга возникает как бы сама по себе.

Целый ряд небылиц встречается в этой группе сказок по одному разу, но сами по себе эти небылицы являются очень характерными для других сказок этого типа и встречаются, как мы увидим ниже, довольно часто. Они таковы:

- Пуд сала, натопленный из зайца (марийская сказка);
- Лебедь, уносящий героя на небо (хакасская сказка);
- Муха с телку величиной (хакасская);
- Сапог – слуга на пиру (хакасская);
- Дерево, выросшее на спине животного (эвенская);
- Герой, переплывающий море на щепке (бурятская);
- Герой с верблюжонком на руках не может ехать на верблюдице, но едет с верблудицей на верблюжонке (бурятская);
- Герой пользуется подручными средствами для возвращения в средний мир (якутская, бурятская, далматинская);
- Вода, замерзающая в жаркий день (далматинская);
- Герой, снимающий с себя голову с целью разбить лед и забывающий вернуть ее на место (далматинская);
- Некто, указывающий на отсутствие головы у героя (далматинская).

Редкой небылицей для небылиц-рассказов героя являются следующие:

- Пять лосей на одной ноге (хантыйская «Маньт-ку»),
- Помещение наловленных насекомых в мешок (хантыйская «Нарты с золотом»); возможно, этот мотив каким-то образом связан с этиологическими рассказами о происхождении насекомых, бытующих у народов Крайнего Северо-Востока Азии, и, как указывал В.И. Иохельсон, у народов Северной Америки.

Сыновья Торума в этой же хантыйской сказке «Нарты с золотом» выглядят репликой из быличек о сверхъестественных существах.

В татарской сказке «Как братья огонь добывали» старик-хозяин огня просит своих гостей не только рассказать сказку (причем, стоит заметить, не небылицу), но и спеть, и сплясать. Из сказок данной группы этот мотив встречается только в данной сказке. В сказках с другим сюжетом – о получении богатства – такой же мотив выявился у народов Кавказа – ингушей и аварцев (см. далее), где оба раза к герою с такой просьбой обращаются демонические существа. Вполне возможно, что перед нами последняя реплика, указывающая во-первых, на архаический синкретизм авторского

исполнительского искусства как искусства слова, мелодии и танца, и, во-вторых, на возможность принесения нематериальной жертвы какому-либо божеству, жертвы в виде исполнения танцев, мелодий, определенных словесных текстов, возможно, в нескольких различающихся формах.

Необычна концовка хантыйской сказки, пересказанной А.М. Сенгеповым: рассказчик вводит слушающего-менква в ложный испуг, тот, боясь, что сейчас груз с неба упадет прямо на него, убегает и погибает. Нечто похожее должно было произойти в сказке «Нарты с золотом», иначе непонятно, почему на месте старика оказалась куча золота.

Казалось бы, социальное положение героев, рассказывающих небылицы, для сказок этой группы не является значимым. Однако очень интересно, и видимо, не случайно то, что и в сюжете таких сказок, в его экспозиции, и среди небылиц, рассказываемых героем, почти всюду занятием героев является охота, причем иногда это охота с диковинными промысловыми удачами (хантыйская сказка «Маньт-ку», марийская, хакасская, финал хантыйской сказки, пересказанной А.М. Сенгеповым), сбор дров в татарской сказке, и редко – пастушество – это мы видим лишь в бурятской сказке, причем в ней герой пасет верблюдов. Придется внимательно посмотреть, среди каких именно скотоводов в сказках о небылицах бытуют мотивы, связанные с пастьбой коней, и у каких народов герои сказок пасут верблюдов.

Крайне неожиданный образ для сказки данного типа – медведь на дереве, задающий трудную задачу, который встретился нам далеко за пределами Сибири в далматинской сказке. Впрочем, в этой сказке необычно и рассказывание небылиц: старший брат начинает рассказывать небылицы, младшие братья продолжают его рассказ, и самый младший добывается желанного успеха.

Не вполне ясно, и трудно даже объяснить, почему столь велика роль младшего брата в событиях, предшествующих рассказыванию небылиц, в хантыйской сказке А.М. Сенгепова. Почему всем ходом событий распоряжается младший брат, почему он решает

все за всех – объяснение этого найти непросто и мы предложить его не можем.

География распространения интересующего нас сейчас типа сказок о рассказывании небылиц как выполнении трудной задачи (понятие, определяющее сказочный мотив) нам в общем известна – от Далмации на западе до Охотского побережья на востоке, от бассейна Оби на севере до Алтая (хакасы) и Забайкалья (буряты) на юге. Однако в распределении этих сказок внутри территории бытования сказок о небылицах заметна явная тенденция к их сохранению в восточной части ареала сказок о небылицах – по существу, мы не видим сказок других типов к востоку от Оби, за исключением бурят, у которых имеются сказки других типов.

Можно полагать, что сказки о получении огня путем рассказывания небылиц сохраняются на восточной периферии ареала сказок о рассказывании небылиц (ханты, хакасы, якуты, буряты, эвены) и на западной периферии этого ареала (далматинцы). То есть при характеристике географии распространения этих сказок речь идет об окраинах единого недискретного ареала сказок о небылицах. Этот ареал включает урало-алтайские народы (ханты, марийцы, тюркские народы, монгольские народы, из тунгусо-маньчжурских народов – эвены, и даже корейцы и японцы), их ираноязычных соседей (таджики), а также народы Кавказа и Закавказья.

География и совместная встречаемость отдельных небылиц, составляющих сказки этого типа и иногда фигурирующих в виде отдельных разновидностей сказок или входящих в сказки с несколько иными сюжетами, оказываются весьма причудливыми и трудно объяснимыми, если исходить из позиций перенимания сказочных сюжетов от одного народа к другому. Они требуют дополнительных исследований. К таким исследованиям мы и переходим.

3. Сказки о небылицах, рассказываемых с целью обретения богатства

Сказки о небылицах, рассказываемые с какой-то определенной целью. в сказочных традициях народов мира представлены несколькими группами, причем сказки о получении огня в обмен на рассказывание небылиц, являются далеко не самой многочисленной из этих групп сказок, и, скажем прямо, почти неизвестной, хотя тем они и оказываются интересными. Другие сюжеты, в которых героям задается трудная задача рассказывания небылиц, связаны с получением обещанного богатства или реже, с реагированием героя на какое-то обещание, обращенное к нему.

1) Татарская сказка «Как Таз рассказывал падишаху небылицы»: *падишах желает услышать небылицы, о которых он скажет «не может быть», за рассказ, о котором он скажет «Может быть», рассказавший получит 100 ударов кнутом; два дня желающих нет, приходит плешивец Таз и рассказывает – У них с отцом была пасека и они знали точно. сколько пчел в каждом улье. Однажды потерялись две пчелы, герой идет их искать, ложится спать под кустом, просыпается оттого, что у него дерутся сапоги; находит одну пчелу, на которую напали два волка, герой спасает пчелу; в поисках второй пчелы встречает стадо свиней, которое пасет старик-отец падишаха; падишах говорит «не может быть» и проигрывает, в суматохе таз, сам забрав награду, исчезает.*

2) Бурятская сказка «Крестьянин Тархас»: *хан издает указ: если кто его обманет, получит чашу золота; первый рассказчик, рассказав две истории, не выполняет условия, крестьянин Тархас приезжает с пустой бочкой и говорит, что хан взял у него такую же бочку золота, а если хан не согласен – пусть отдает обещанную победителю чашу с золотом; хан соглашается.*

3) Бурятская сказка «Семьдесят небылиц»: *хан обещает тому, кто расскажет 70 небылиц, выдать столько золота, сколько можно навьючить на одного верблюда, не выполнивших условие казнят; после казни многих неудачников долгое время нет*

желающих рассказывать небылицы, приходит парень, караульный не советует ему идти к хану, но пропускает к хану; парень начинает рассказывать небылицы, среди них такая – когда отец этого хана украл овцу у его отца, отец героя наказал виновного тем, что выдергивал по одному волосу из головы: хан соглашается выдать награду и умирает через два дня.

4) Казахская сказка «Сорок небылиц» (вариант 2): хан обещает награду в мешок золота тому, кто расскажет сорок небылиц: не выполнившего условия бросят в зиндан. Приходит мальчишка, стражники не советуют ему идти к хану, мальчик рассказывает небылицы, хан готов выплатить награду. Но мальчик просит вместо нее отпустить всех узников из зинданов, стражники выпускают узников, хан умирает от досады на мешке с золотом.

5) Японская сказка «Шкатулка с небылицами»: Живет бедняк, его приглашает к себе богач, обещая награду за рассказывание небылиц, если герою удастся его обмануть; герой говорит, что готов, но оставил дома шкатулку с небылицами; посланные слуги богача не находят шкатулки, и бедняк говорит, что обманул богача – богач выдает герою обещанные десять золотых.

6) Чеченская сказка «Спор о небылице»: мельник бьется об заклад с бедняками, кто сумеет обмануть его небылицами, и всегда выигрывает; один бедняк рассказывает несколько серий небылиц, в финале которой из-под хвоста зайца выпадает записка о том, что данный спор выиграл бедняк; рассказчик получает выигранные две гирды кукурузы.

7) Ингушская сказка «Небылица»: живут три брата, у которых ничего нет, кроме туеска из коры-кхизг, решают его продать; старший встречает ведьму-гарбаи, та его проглатывает; среднего брата ожидает та же участь, младший брат также встречает ведьму, выполняет все ее условия – поет, танцует, рассказывает небылицы, побеждает, по условию режет из спины ведьмы-гарбаи ремень, извлекает из нее своих братьев и туесок, возвращаются домой.

8) Абхазская сказка «Три брата и князь»: живут три брата, у каждого по ослу, старший решает продать своего – князь

требуется рассказать ему небылицы, за отказ отбирает осла, средний продает осла, попадает к князю и также лишается осла, младший также попадает с ослом к князю и рассказывает небылицы: выигрывает состязание, князь отдает ему всех ослов и награду, ослы от сытой жизни не хотят идти домой, младший брат говорит о раскаленном железном пруте, которым будут их понукать, ослы идут домой, князь-самодур вскоре теряет рассудок от досады и умирает.

9) Аварская сказка «Как сын мельника обманул аждаху»: У мельника три сына, делят наследство так, что помолом занимается младший; старший брат разочарован, идет странствовать, приходит к аждахе, признается, что не знает сказок и песен, аждаха его проглатывает, со средним братом происходит то же самое, младший брат идет их искать, приходит к аждахе, тот требует сказку, младший брат говорит, что при выполнении задачи вырежет ремень из спины аждахи, рассказывает небылицы – аждаха начинает говорить, младший брат режет из его спины ремень и убивает его, проглоченные братья выскакивают наружу, идут домой и дружно живут у себя на мельнице.

10) Грузинская сказка «Три брата и плешистый плут»: три брата поочередно собираются за солью, не знают, сколько стоит соль, плут-плешивец попадает брату на дороге дважды, когда тот соглашается купить соль у плешильца, загадывает загадку, старший брат не может дать ответа, из жалости плешивец дает ему фунт соли; то же происходит со средним братом; младший брат находит ответ на загадку, получает верблюда и мешок соли, плешистый плут учит верблюда не подчиняться новому хозяину; младший брат в разговоре с путником обманывает верблюда, тот приходит к дому младшего брата, ноне хочет идти в хлев и раздувает брюхо, брат просит у старших топор, чтобы пообтесать верблюда брюхо, верблюд идет в хлев.

11) Турецкая «Сказка о сорока небылицах»: падишах завещает трем сыновьям не водить дружбы с рыжими, безбородыми

и карликами; сыновья забывают о наставлении отца; рыжий, безбородый и карлик, пользуясь доверием сыновей, забывших наставление отца, поселяются во дворце и тратят шахское золото, сыновья шаха собираются продать то, что осталось – коня, недоуздок и стремя; рыжий и безбородый получают обманом у двух сыновей коня и недоуздок, младший брат идет продавать стремя, карлик обещает ему отдать все взятое за небылицы; младший сын шаха рассказывает небылицы и выигрывает состязание, сыновья шаха соблюдают завет отца и делают падишахом младшего сына.

12) Карачаевская сказка «Сыновья хана»: Три брата – сыновья обедневшего хана – нанимаются на работу к другому хану, который ставит условие рассказывать небылицы и обещает наградить за удачные небылицы или вырезать со спины плохого рассказчика три полоски кожи; с задачей рассказывать небылицы не справляются старший и средний братья. Младший брат рассказывает небылицы так, что хан дважды его пытается остановить; младший брат требует обещанной награды и получает ее; ослы не хотят везти груз, младший брат обманывает их, ослы боятся ждать много лет и везут груз в селение.

Конструкции сюжета сказок этой группы весьма разнообразны, чего мы для сказок о получении огня посредством небылиц, не видели.

Первое, о чем надо сказать, и самое примечательное – у этих сказок другой герой-инициатор сценария сюжета. Это падишах в татарской сказке, это хан в бурятских сказках, мельник в чеченской сказке, а в турецкой сказке «40 небылиц» вообще все элементы смещены со своих мест так, что об этом придется говорить не раз. Главным героем в японской сказке – а это тот, кто называется в первых словах сказки – оказывается бедняк, наверное, бедняк в японском понимании, примерно как грузин на «Запорожце» в советском анекдоте, который говорит встречным водителям «Вы что, думаете, в Грузии нет бедных, да?»

Герои – три брата ингушской сказки, как и сыновья умершего хана в карачаевской сказке, похожи на героев хантыйских сказок,

вообще в ингушской сказке много сходного с сибирскими сказками о небылицах, и зловедная ведьма-гарбаш, и аварский аждаха выполняют те же функции, что и жадные старики, не делящиеся огнем. В этих сказках экспозиция представлена как бы своим собственным сюжетом, и ничто не предвещает, что братьям встретится герой, который будет требовать от них рассказывания небылиц. Иным оказывается и путь движения героев к центру событий: уже не лишённые чего-то братья ищут кого-то, а герой-инициатор требует к себе исполнителей его воли и желания. Из этого ряда выпадают только ингушская и аварская сказки, и еще в турецкой сказке плуты сами приходят к шахским сыновьям, но шахские дети покидают дворец, впрочем, они идут на базар, а не куда-то конкретно, и до базара даже не доходят, их встречают плуты; два с успехом выполнившие свои задачи, один, третий – карлик – себе на беду. Слушатель небылиц, тот, кто их заказывал, иногда задает вопросы о свойствах невообразимых предметов, и получает ответы на них, укладывающиеся в масштабы рассказываемых небылиц.

Тот, кто требует рассказывать небылицы в этих сказках – герой, занимающий высокое положение в обществе: верховный правитель – падишах, хан, богач, если кто попроще – так богатый мельник, а также, что необычно – демонические существа *гарбаш* и *аждаха*. Это уже не абстрактные старики сказок о получении огня – тут все серьезнее, это разделенное на сословия общество. В сказках о получении дочери в жены за рассказывание небылиц, которые мы будем рассматривать далее, такого будет еще больше.

Рассказчик небылиц в сказках этой группы – персонаж, как хочется сказать, социально ущемленный или социально ущемленный, так или иначе, в таких сказках уже проявляется и имущественная, и властная, потестарная дифференциация героев. Бурятский крестьянин Тархас, герой японской сказки, чеченцы, приезжающие к мельнику – бедняки, пусть и в понимании своего общества. Беден и рассказчик 70 небылиц у бурят: «босой парень, с худым белым лицом, в рваной рубахе, в дырявых штанах...», он оказался сыном

подметальщицы и старого пастуха, который пас бычков и телят богачей». Интересно, конечно, что и где у бурят подметала эта подметальщица... Три брата в ингушской сказке, ну точно – бедны, как церковные мыши, даже дом у них описывается так, как описываются негодные предметы в других сказках о небылицах – младший просто оказывается самым смекалистым. Такие же три брата из абхазской сказки побогаче их – там у каждого есть по ослу. Младший брат из наследников мельника в аварской сказке – настоящий сказочный дурак, работает больше всех и болтать, как оказалось, тоже умеет лучше всех.

Как и названные выше герои, столь же несчастны по-своему герои других сказок данной группы – сыновья умершего хана из карачаевской сказки. Тут вспоминается реплика из одной грузинской пьесы конца XIX века: «Какой он князь, если он работает?» К таким же героям, у которых ничего нет, относится и младший шахзаде, которого вместе со старшими братьями обманули три плута, ему приходится одному за всех возвращать «все, что нажито непосильным трудом» и что было в казне при отце-шахе. Двух братьев обманул плешивый плут в грузинской сказке, однако не похоже, чтобы эти герои сильно пострадали, лишившись двух хурджинов золота.

Трудно не заметить, что три брата из этих сказок очень похожи на шахских сыновей турецкой сказки, эти тоже несут на продажу последнее, только троим шахзаде есть что возвращать из шахского достояния, а младший брат в грузинской сказке даже не вспомнил, о том что плут обобрал его старших братьев – как можно иначе трактовать это сказочное умолчание... Вообще турецкая сказка «Сорок небылиц», которую мы рассматриваем – это блестящий образец социальной и сюжетной инверсии: нищие плуты наживаются, но при этом не вызывают сочувствия у слушающих сказку, а шахский сын в роли рассказчика – пусть и не самый блестящий виртуоз, но повествователь, неплохо знакомый с содержанием сказок-небылиц, его небылицы встречаются в других известных сказках с похожими сюжетами. Под стать ему младший ханский сын из карачаевской сказки – тоже неплохой рассказчик.

Героям, потерпевшим неудачу – плохим рассказчикам, здесь приходится плохо, причем по-разному. Ведьма из ингушской сказки и аварский аждаха их проглатывают, бурятский хан казнит неудачников, не знающих 70 небылиц, татарский падишах наказывает плохих сочинителей 100 ударами кнута, абхазский князь удовлетворяется тем, что оставляет братьев без имущества. Герои чеченской сказки проигрывают хитрому мельнику свою кукурузу (такой же плутоватый мельник есть у македонцев, мы это увидим) – неужели это занятие, проявление разделения труда у земледельцев, легло в основу имущественного неравенства? Старшие сыновья турецкого шаха не могут вернуть свое имущество, которое присвоили плуты. Только в бурятской сказке «Крестьянин Тархас» и в японской сказке возможное невыполнение трудной задачи с небылицами остается без последствий, ну и еще герои грузинской сказки как бы забывают о коллективной неудаче, хотя потеряли столько золота, которого на два сказочных сюжета хватит, а если отсчитывать по десять золотых, как японский богач – то и намного больше. Как это ни странно, сказки с такими сюжетами, относящиеся к дальневосточным традициям, вопреки ожиданиям всяческих страшных наказаний, поразительно гуманны к неудачникам, для которых даже не оговариваются условия их поражения. Кроме японской сказки о шкатулке с небылицами, мы потом увидим это же в корейской сказке о юноше, перехитрившем министра.

Финал сказок данной группы для искусных рассказчиков небылиц, всюду является благополучным. Герои получают награду, если она им обещана, выигрывают состязание (чеченская сказка), в ингушской сказке все возвращается к исходному состоянию: герои не разбогатели, но ничего и не потеряли. Любопытно, что в этой сказке младший брат и ведьма-гарбаш состязаются на равных условиях: кто победит, тот из другого ремень и режет. Аждаха в аварской сказке также истреблен и успел лишиться ремня из кожи спины, как и другие аналогичные герои.

Предмет нашего внимания здесь, как и в предыдущем разделе, как и далее – это сами сказочные небылицы, циклы небылиц и те предметы, с помощью которых оформляются небылицы.

Небылицы таза-плешивца в татарской сказке довольно необычны и встречаются нечасто – это небылицы о пропавших пчелах, которых обычно эксплуатируют, запрягая в плуг вместе с волами (она есть в чеченской сказке этой группы и встречается в других текстах). Небылица о дерущихся друг с другом сапогах, при том, что драка их не имеет мотивировки – в других сказках, и мы это еще не раз увидим, хозяин смазал один сапог, а на другой не хватило сала или герой забыл его смазать. Ну и, наконец, необычна финальная небылица, где бедный отец падишаха пасет стадо, да еще срам сказать – стадо свиней, ведь это же исламский мир...

Небылица героя по имени Тархас в бурятской сказке всего одна и она нам знакома – долг, которого не было, причем огромный по величине. Интересны небылицы, рассказываемые неудачниками – то, о чем обычно сказки умалчивают: о длинном шесте, которым можно перемешивать звезды на небе, и лопнувшем от грома небе, которое протекает от дождя, тут и хан рассказывает свою небылицу о длинной трубке, которую его отец раскуривал от солнца.

Небылица в японской сказке всего одна – про небылицы в шкапулке, но она все-таки очень изысканна и красива.

Небылицы мельника из чеченской сказки – о множестве кур и цыплят, и небылицы о пчеле, даже о пчелиной матке, запряженной в плуг с волами, о дереве, выросшем из ее шеи после лечения салом с орехами, земле на этом дереве, дыне, которая выросла там и из которой выскочили заяц и охотники, причем у зайца под хвостом оказалась записка о том, кто выиграл состязание. Небылица о пропавших пчелах, которую мы видели в татарской сказке этой же группы, нам будет еще встречаться, так же, как и дерево, выросшее после лечения раны.

Небылицы младшего брата из ингушской сказки: герой родился раньше отца, находит пропавший скот, ломает лед своей снятой головой в жаркий летний день, встретил человека, пахущего землей на дереве, спас пчелу от медведя, убил семь косуль, набил медом семь мешков их их шкур, запрягает в арбу дерущихся муравьев.

Сами по себе они довольно разнообразны, но рождение героя, его пастьба, поиски пропавшей скотины и связанные с этим приключения – это широко распространенные цепочки небылиц, встречающиеся в других сказках о небылицах. Вырезание ремня из спины ведьмы-гарбаш в цикл небылиц не входит – это элемент основного повествования.

Небылицы абхазской сказки о трех братьях оригинальны, сложны и разнообразны: первая цепочка небылиц (от первого лица): на охоте героя уносит какое-то чудовище на высокую скалу, герой убивает чудовище, при помощи его шкуры с крыльями слетает вниз, домашние не верят рассказу, он показывает перо чудовища. Вторая цепочка небылиц: у крестьянина была пасека, пчела пропала, крестьянин ее находит – на ней пашут люди, припрягая ее к пяти парам буйволов, у пчелы от ярма на шее рана, которую крестьянин лечит ореховым маслом, на шее пчелы вырастает ореховое дерево, от брошенного кома земли появляется поле, пасечник сеет хлеб, его помогает жать свинья, в ногу которой застрял серп, пасечник вяжет снопы – поле убрано. Третья цепочка небылиц (от первого лица): герой сеет кукурузу, она вырастает гигантской, ее едят кабаны: герой стреляет в кабана из ружья, которое было заряжено фасолью, на следующий год убивает кабана, обвитого стеблями фасоли, сосед говорит, что кто-то стрелял в кабана фасолью, герой вспоминает, что в кабана фасолью стрелял он, фасоли оказывается на полпуда – князь признает свое поражение. Заговор ослов против нового хозяина или в новой ситуации, мы это увидим с верблюдом – небылица редкая, непростая по структуре (состоит из нескольких эпизодов), но не уникальная.

В этой абхазской сказке первый эпизод уникален во всем, хотя по-своему это проявление того, как герой попадает в верхний мир, на небеса – горы, скалы, обрывы часто заменяют тройственное устройство мира, по которым путешествуют сказочные герои. Возвращение героя на шкуре чудовища – мотив, близкий в котором сказочный герой спускается вниз на птице, которую иногда даже кормит собственным мясом. Однако еще ближе этот эпизод к тому сюжету казахской сказки «Птенцы беркута», где охотник,

забравшись на скалу за птенцами хищной птицы (уникальный этнографический материал, не сохранившийся более ни в какой форме!), дожидается, пока они вырастают, и с их помощью спускается вниз к людям. Пропавшая пчела, на которой падают наравне с волами и у которой ярмо натерло рану на шее, а потом из раны после лечения вырастает дерево, на нем появляется поле – уже знакомый нам рассказ из нескольких стандартных небылиц – причем с ним придется разбираться отдельно, потому что такие сказки могут принадлежать только пчеловодам и аграриям; свинья с серпом в ноге имеет аналогии с лисой, у которой в лапе застрял серп (см. македонскую сказку). Главное в третьей цепочке небылиц – не гигантская кукуруза: ну да, она когда-то росла в предгорьях Кавказа и неплохо кормила горцев в не времена, когда колхозов не было, а может, это тоже небылица – не она, но кабан, на спине которого вырастает от выстрела фасоль. Сюжет этот более знаком по рассказам барона Мюнхгаузена о том, как он стрелял в оленя вишневым косточкой, однако мы видим его и в фольклоре кавказских народов. Очень любопытно то, что первые две небылицы рассказываются от первого лица, как рассказы-былички, а вторая – от третьего лица, как обыкновенная сказка или в нескладочной прозе – как бывальщина.

Небылицы аварской сказки: герой пасет кобылиц, в жару вода всюду испарилась, а река замерзла, герой разбивает лед топором – кобылицы не идут пить, отрывает у себя голову и разбивает головой (черепом) лед – напоил кобылиц, разложил костер в верховьях реки, река загорелась, сгорело все, кроме топорика и забытого героем черепа; герой топориком срубил деревья и соорудил арбу, убил двух оленей; разрешил спор двух пчел и получил от них две оленьих шкуры меду, повез мед на пчелах домой, палкой бьет одну пчелу – палка подбрасывает его в небеса, герой долго висит на краю неба, потом видит внизу стог и прыгает в него. Возвращение героя с небес тут заметно упрощено и лишено особой фантазии. При этом появление пчел в небылицах имеет новое применение: герой разрешает их спор, они снабжают его медом в небылых, по крайней мере для двух пчел, размерах. Еще раз пчела мелькает

в сказках о небылицах как спасаемая героем от медведя – притеснителя и эксплуататора, в общем – медососа.

Небылицы сказки «Три брата и плешивый плут», названные в тексте загадками, представляют не вполне понятный ныне жанр словесности. Фраза «*Есть у меня цесарка. Уйдет утром в лес, снесет там яйцо, а вечером, гляжу, вдвоем возвращаются – цесарка и яйцо, – и оба кудахчут. Что бы это значило?*» – не загадка, на которую можно найти ответ или знать ответ, как это имеет место в большинстве систем загадок. Скорее всего, это начало какой-то более объемной диалоговой формы устной словесности, в которой задача того, к кому обращаются – уметь поддерживать диалог в определенной форме и с определенным содержанием, зная продолжение начатой истории: нечто подобное мы встречали в с небылицей, на которой отец тренирует сына в варианте калмыцкой сказки о 72 небылицах, или небылица мельника Кюсе в македонской сказке, правильной реакцией слушающего на которую является умение ее продолжить. Примечательно, и возможно значимо то, что в ответе героя фигурируют пчелы, присутствующие в трех цепочках небылиц, в данном случае перед нами ожидается четвертая такая цепочка – но продолжения не следует. В этой сказке есть неожиданные недоговорки, все же два хурджина с золотом, отобранные у старших братьев, остаются у плута, а братья живут как ни в чем не бывало. Вспоминается еще один анекдот – тоже своего рода небылица местной традиции: грузин купил «Запорожец», поставил у дома, ночью машина пропала. Купил второй, поставил туда же – ночью опять машину угнали. Купил третий «Запорожец», поставил у дома, прикрепил к стеклу записку: «Дорогой, не бери, очень хочу кататься» – утром «Запорожец» опять нет, на его месте стоит новенькая «Волга» с запиской «Хочешь кататься – катайся, зачем нацию позоришь?»

Турецкая «Сказка о сорока небылицах», где небылицы рассказываются от лица самого ситятельного из рассказчиков, младшего шахзаде и будущего шаха, также необычна. В таких сказках герой может родиться раньше отца (см. бурятскую, ингушскую, далматинскую

сказки и др.), но тут ему сообщают о рождении сначала его матери, потом – его отца; торговец везет груз на петухе, после лечения раны на спине которого появляется бахча, и на ней вырастает арбуз, нож героя проваливается в арбуз, где герой находит три негодных котла, но каждый из них негоден по-своему («у одного отбиты края, у другого посередине дыра, у третьего нет дна»); герой режет петуха и варит его в этих котлах – тут действие завершается, плут-карлик возвращает герою все, что взято у него и у его братьев.

Небылицы младшего сына умершего хана из карачаевской сказки – Герой пас ослов, в жаркий день застрелил несуществующим ружьём неродившегося зайца, натопил из его внутренностей три с половиной ведра жира, из своих двух пар чабыров (обуви) три чабыра намазал, так, что потратил по ведру на каждый, четвертый чабыр намазал жиром из половины ведра. Этот чабыр обиделся и убежал, герой с трудом догнал его и уговорил вернуться. Герой не может найти своих ослов, взбирается на иголку матери и находит их – они лижут лед на вершине Эльбруса: герой разбивает лед головой и поит ослов, черный осел превращается в коня и кричит, что хочет быть орлом – тут хан засыпает; разбуженный, на другой день выдает награду.

Данная сказка примечательна во многих отношениях. Скот, который пасет герой – не лошади и не верблюды, а ослы. Тут же вопрос, а зачем пасти ослов стадом, если они должны работать по одному на хозяев? Еще одна небылица, ставшая нам уже непонятной? Оружие охоты здесь уже не неправильно применяемый, а вообще несуществующий предмет. Несуществующая и добыча – заяц, из которого тем не менее топят жир. Три ведра жира на три сапога-чабыра – в общем, тоже небылица, многовато, хотя четвертому и полведра мало. Смотровая вышка, которую герой сооружает, применяя всю свою смекалку, здесь – всего-навсего одна иголочка. Как и в других сказках, герой разбивает лед головой – однако это единственная сказка, где он не теряет, не забывает голову на льду. Наконец, очень странно ведут себя ослы на вершине Эльбруса, как будто они пили не воду, а что-нибудь другое.

Заметно, что в самой карачаевской сказке или в ее анализируемом варианте имеется масса недоговорок и недосказанностей. Причем жаркий день в первой небылице – там обычно замерзает река и как раз там герой разбивает лед головой, оставляя ее на льду. На Эльбрусе герой разбивает лед головой, но не снимает ее и не оставляет. Похождения несмазанного сапога в уже знакомой нам цепочке небылиц об обуви героя в этом варианте сказки отсутствуют, хотя основа для конфликта представлена очень даже выразительно: взбунтовавшемуся чабыру полведра жира мало. В других сказках благородный сапог удовлетворяется тем, что хозяин вытирает об этот сапог жирные руки, о ведре жира он и не мечтает. Наконец, финал сказки неожиданно скомкан, как бы оборван – почти как в двух хантыйских сказках.

Небылицы казахской сказки «Сорок небылиц» весьма многочисленны и очень разнообразны. Герой за семь лет до рождения пасет табун лошадей двенадцатого внука, ночью светит солнце и в жару замерзает озеро; герой не может разбить лед топором и ломом, разбивает головой, поит сто тысяч лошадей; один жеребец пропадает, герой сооружает смотровую вышку из посоха-курыка, ножа и иголки, которую он жевал, видит жеребца и родившегося жеребенка на острове в море, на курыке и ноже, потом на ноже с курыком доплывает до острова, свитым из песка арканом ловит жеребца, едет на нем по морю задом наперед; жеребец споткнулся, герой едет дальше на жеребенке, нагрузив на него жеребца. На берегу герой убивает зайца стрелой, пущенной наконечником назад, жеребец оказывается привязанным не к дереву, а к шее лебедя, а собранный кизяк – перепелками и жаворонками; топят сало зайца – целый казан протекает, дырявый казан держит сало; натопил десять бычьих желудков сала из зайца, хватило на один сапог, новью сапоги дерутся, несмазанный сапог убегает. Герой в поисках сапога попадает на пир – поминки по пропавшему байскому сыну, куда люди приезжают на разных животных; на пиру встречает свой сбежавший сапог в роли слуги, сапог-слуга прислуживает своему хозяину; посылает оба сапога за головой, они ее приносят. Из тучи валятся дыни, нож героя проваливается в дыню. Герой ищет нож

внутри дыни, встречает там человека, потерявшего стадо козлов – это байский сын, по которому справляют поминки, герой дерется с ним, дыня раскалывается. Герой пьет из проруби, к его усам примерзают 60 уток и 70 селезней, он меняет их на огромного журавля, который пил воду из колодца, не наклоня шеи. Хан спрашивает про глубину колодца и длину дня – тут хан приказывает выдать рассказчику награду.

Среди небылиц этой сказки много весьма частотных – рождение героя до своего отца, герой разбивает лед головой и забывает голову (герой не забыл голову всего один раз в карачаевской сказке). составляет смотровую вышку из курыка, ножа и иглы, его не может везти жеребец, но всех везет жеребенок; импровизированная коновязь оказывается лебедем (но тут лебедь никуда не летает с героем, в отличие от других сказок), собранный кизяк оказывается птицами, из двух казанов пригоден дырявый. Весьма выразительны небылицы с сапогами героя, в конце концов они даже приносят герою забытую голову. Отдельная цепочка небылиц – похождения героя внутри дыни и освобождение из нее, получающая своеобразный монтаж из эпизодов. Удачный промысел героя при помощи растительности на лице, выгодный обмен добычи на животное с длинной шеей, расспросы хана о глубине колодца и длине дня с соответствующими ответами-небылицами – это те небылицы, которые нам пока встречались в единичных случаях.

Характерная особенность этой сказки – высокая плотность небылиц и изобилие небылиц, построенных на противопоставлении и встречающихся в любом месте текста – часто там, где их нет в похожих сказках. Так, ночью светит солнце, жеребец приносит жеребенка, на поминки люди съезжаются на животных, для езды приспособленных только в соответствующих сказках – на жуках, ежах, ужах и т.п., десяти желудков сала из зайца хватает на один сапог героя – у этого сапога невиданные аппетиты. Дыни падают из тучи, а не вырастают на странно появившейся где-то вверх бахче. Курык-посох и нож героя меняются местами, когда герой плывет на остров, точно так же, как на обратном пути жеребец и

жеребенок – но последнее является общим местом многих сказок этого типа в ряде разновидностей.

Самая объемная сказка этой группы – бурятская сказка «Семьдесят небылиц». У нее начало имеет вид мифологических сказаний, а первая небылица повествует о рождении героя, с чем мы уже знакомы: «Небо в то время было не больше потника из-под седла. Обширная наша земля была не больше верблюжьего следа. Я в то время, хотя еще не родился на белый свет, но, достигнув десяти лет, пас табуны своего внука, тем и кормился». Далее в этой сказке есть лед, разбитый головой героя, которая оказывается забытой; пропавшая пегая кобыла, оказавшаяся за морем; чтобы ее увидеть, герой составляет себе из подручных предметов смотровую вышку; герой переплывает море на трости и ноже; его не может вести обратно кобыла, но везет вместе с кобылой жеребенок. Герой не может убить стрелой десятиногого зайца, но убивает его тупым концом стрелы; боярышник, за который привязана кобыла, оборачивается рогами козла-гурана, а собранный кизяк превращается в рябчиков; заячий жир топится только в котле без дна, голова героя оказывается забытой – он ест мясо без нее; далее следует цепочка небылиц о смазанном и несмазанном сапоге, сапог приносит герою забытую на льду голову. Герой хочет пить и ловит бородой семиметрового тайменя, которого меняет на огромную дрофу; хан осведомляется о деталях небылиц – не был ли неглубоким колодец, из которого пила дрофа, не были ли короткими дни. Далее следует небылица, в которой отец хана оказался вором, укравшим овцу отца рассказчика. Из этих циклов небылиц часто встречаются следующие:

- лед, намерзший в жаркий день – лед, о который тупится топор;
- лед, разбиваемый отделенной от туловища головой;
- забытая голова;
- пропавшая скотина;
- скотина, которая приносит приплод сильнее ее самой;
- смотровая вышка или лестница вверх, составляемая из того, что есть при себе у героя;

- импровизированная коновязь, оказывающаяся живым животным – козлом, или почти всегда лебедем (см. далее);
- необычная добыча – здесь десятиногий заяц, чаще заяц вообще неродившийся;
- необычный способ добывания охотничьей добычи (тут нам еще встретится и незаряженное ружье);
- из двух котлов полезным оказывается только негодный котел без дна;
- смазанный и несмазанный сапоги;
- обретенное животное, способное пить из немыслимо глубокого колодца – здесь дрофа, чаще верблюд;
- вопросы хана о глубине колодца и длине дня.

Достаточно редкими небылицами оказывается рассказ о стрельбе из лука стрелами, которые стрелок держит наконечником назад (иначе они не убивают дичь), о пойманном бородой огромном таймене, гигантской дрофе (с другими решениями они есть в казахской сказке «Сорок небылиц» второго варианта (в этой группе сказок), и об украденной отцом хана овце.

Интересно, что в мире предметов в небылицах сказок данной группы отсутствуют непоявившиеся предметы, хотя тон повествования задан тем, что герой родился раньше отца и пас скот своего внука. В основном то, что превращает предметы реального мира в небылицы – это их обращения в противоположность. Так, стрела не может убить зверя острием, но убивает своей оборотной стороной, правда, что касается бесполезного целого котла и полезности котла без дна – эта оппозиция показывает другой тип отношений между исправными и неисправными предметами. Заяц в казахской сказке этой группы – не десятиногий, а обычный, и вовсе не неродившийся.

Весьма примечательно, хотя может остаться непонятным или незамеченным то, что ингушская ведьма-гарбаш и аварский аждаха заставляют героев, ставших их жертвами, не только рассказывать небылицы, и рассказывание небылиц – не то, чего они просят с самого начала. Сначала они требуют, чтобы герой для них пел и танцевал, а уже потом что-то рассказывал, уж кто их знает,

как кавказские демоны определяют жанр услышанных историй. Впрочем, если они считают и признают эти истории вымыслом, значит. Они причисляют их к сказкам, ибо в фольклоре только сказка – образец заведомого вымысла рассказчика или общего вымысла традиции.

Цепочки небылиц или небылицы, составные из деталей, например, установление предметов один на другой с целью увидеть потерявшийся объект, которые мы встречаем в этих сказках, в равной мере характерны и для сказок о небылицах с несколько иным сюжетом – сказок о добывании дочери правителя или высокопоставленного лица в жены. Перейдем к их рассмотрению.

===== 4. Сказки о небылицах, с целью получить ===== в жены дочь правителя

Сказки о герое, рассказывающем небылицы с целью получения в жены дочери хана, падишаха, царя, в общем какого-то правителя, на худой конец министра. как у корейцев – пожалуй, представляют собой наиболее известную категорию сказок о рассказывании небылиц. Они также являются наиболее широко распространенными среди сказок с интересующими нас сюжетами и сюжетными вариантами.

Сюжеты о добывании жены посредством рассказывания небылиц встречаются в следующих текстах:

1) Башкирская сказка «Ерянсе-сесен»: *«В стародавние времена» хан обещает отдать половину своих богатств и выдать замуж дочь за того, кто расскажет небылицу, которую хан таковой признает, или казнить, если хан поверит в рассказанное; Ерянсе-сэсэн начинает рассказывать небылицы о том, как в поисках пропавшей кобылицы забрался на палку в сто аршин и на конец воткнутого в нее своего ножа, перевез кобылу через озеро на ее новорожденном жеребенке, убил плевком зайца, из которого получилось два ведра жира; ичиги героя начали драться, потому что один смазан лучше, несмазанный сапог пропадает и герой*

находит его прислуживающим на свадьбе; желая напиться, герой бьет головой кусок льда, его голова примерзает ко льду и он не замечает ее отсутствия; возвращается к своей голове; меняет вылетевших из льда уток на верблюда, находит верблюда после кражи, опознав укравшего; оказывается на пиру, где просыпается в объятиях дочери хана Айбики; дочь хана пропадает, герой побеждает семиглавого змея-аджаху, девушка указывает, где найти Айбику, которую увела ее хозяйка; хозяйка оказывается дэвом – герой убивает дэва, узнав от девушки, что его сила в вилах; девушка предлагает взять замуж ее и не искать Айбику – тут хан требует продолжать искать его дочь – далее герой находит жилище девятиглавого аждахи – сына убитого семиглавого аждахи, тот узнает вилы своего отца, предлагает герою двенадцать девушек, но герой требует отдать Айбику – рассказ завершается тем, что Айбика находится у себя дома, а ее отец слушает это повествование. Хан выполняет обещанное – отдает Айбику замуж за героя-рассказчика небылиц и дарит ему половину своих сокровищ.

2) Узбекская сказка «В трех неправдах по сорок небылиц»: у падишаха дочь на выданье, но она ни за кого не хочет выходить замуж; выйдет за того, кто расскажет ей три неправды по сорок небылиц, падишах созывает мудрецов и обещает казнить их за несправедливые решения. Приходит бедный юноша, после разговора со стражей проникает к падишаху, юноша рассказывает небылицы, мудрец падишаха советует прогнать юношу, дочь говорит, что юноша выполнил ее условия, падишах отдает дочь замуж, в финале сказки – пир.

3) Казахская сказка «Сорок небылиц» (вариант 1): хан обещает рассказчику сорока небылиц отдать дочь замуж, одарить богатством и сделать визирем, но неудачник будет повешен. Приходит мальчик-сирота, люди у дворца его отговаривают; мальчик рассказывает небылицы, хан выполняет обещание, отдает за него дочь, но умирает от досады через три дня.

4) Туркменская сказка «Сорок небылиц»: бай хочет женить сына на дочери падишаха: падишах говорит, что отдаст дочь

тому, кто научится хитростям у дэва; бай идет с сыном к дэву, дэв запирает байского сына в сундук на сорок дней, девушка-дочь дэва кормит юношу, юноша обретает способность превращаться в барана, коня, верблюда; дэв безуспешно преследует юношу, падишах требует от юноши сверх условия рассказать еще сорок небылиц, юноша рассказывает небылицы, падишах не верит – юноша говорит о том, что он выиграл.

Эта сказка имеет вариант: близок к первому, мелкие отличия – во втором варианте неясно, что происходит с полутора казанами – помещается в них мясо или нет; не мать, а бабушка дала иголку герою и эта иголка без ушка, сбежавший сапог сеет что-то, и вместо реки из арбуза вытекает море.

В этой сказке не совсем обычна композиция – и дело даже не в том, что в ней рассказывание небылиц встраивается в сюжет волшебной сказки, а не новеллистической бытовой сказки – подобные конструкции мы видели в башкирской сказке «Ерянсе-сесен», есть еще турецкая сказка «Аллем-каллем» с похожей структурой. В этой сказке инициатором действия выступает не отец невесты, а отец жениха – бай, падишах же задает трудные задачи жениху в ответ на инициативу героя – собственно так, как в волшебных сказках, где герой появляется в тридевятом царстве откуда-то извне.

5) Сказка туркмен Систана «Плешивый пастух»: царь обещает отдать дочь замуж за того, кто расскажет ему три небылицы, но неудачник в испытании будет убит; плешивый пастух вызывается рассказать небылицы, люди и его бабушка (он сирота, как и другие рассказчики небылиц) отговаривают его, пастух приходит к царю, царь думает, что он пришел с жалобой; по условиям пастух должен рассказывать по одной небылице в течение трех дней, первая небылица – из спрятанных палочек для сурьмы выросли пальмы с участками земли на листьях и на них пасут коров; вторая небылица – на деревьях вырастают дыни и арбузы, герой режет дыню, в нее проваливается нож; герой ищет нож в дыне и находит его привязанным к боку караванного верблюда; царь спрашивает, были ли в дыне улицы, базар и город; на третий

день герой привозит мельничный ящик и жернов – говорит, что ящик драгоценностей взял в долг отец царя у его отца, а штуку шелка весом с жернов отец царя взял в долг у его отца и истратил на завязки к шапке; царь отдает замуж дочь за плешивого пастуха.

Показательно, что из трех небылиц этой сказке (то же мы увидим в грузинской сказке «Пастух Бичиа») две небылицы имеют между собой сюжетную связь, ну а третья представляет собой, так сказать, давно взятую на вооружение домашнюю заготовку – историю о мнимом долге, которого любой правитель-жадина не пожелает признавать и сочтет небылицей. Герой этой сказки умножает число уже встречавшихся нам плешивцев: они выступают и как рассказчики небылиц, как в татарской сказке и здесь, и как плуты, с которыми мудрые отцы не советуют иметь дела и которых побеждают умные младшие сыновья, как в грузинской сказке, где побежден данный конкретный плешивый плут, и в турецкой «Сказке о сорока небылицах», где от младшего брата пострадало все сообщество плутов, в том числе и лысый; лысый – тоже плешивец, только в большей степени.

6) Ногайская сказка «Сорок небылиц»: *хан обещает отдать замуж дочь тому, кто расскажет сорок небылиц, неудачникам рубят головы; юноша-табуник начинает рассказывать небылицы, хан дважды вступает с ним в диалог о величине предметов, в конце напоминает о том, что слышал условие хана; хан отдает дочь замуж за табуника.*

7) Турецкая «Сказка про аллем-каллем»: *герой, представляющий себя рассказыванием небылиц от первого лица, рассказывает сказку с интересующим нас сюжетом: сын бедных отца и матери после смерти отца зарабатывает деньги, перевозя тяжести на единственном осле; мальчик побуждает мать идти во дворец падишаха и просить дочь падишаха ему в жены, мать идет во дворец к жене падишаха, султан-ханым говорит, что это дело может решить только падишах; падишах ставит перед юношей задачу – за сорок дней научиться играть в аллем-каллем; мать и сын пускаются бежать, встречают дэва, тот обещает научить*

юношу этой игре; во дворце дэва прекрасная девушка объясняет, что юноша должен делать и обещает научить его этой игре; юноша осваивает эту игру, хотя дэв говорит, что он не может ей научиться, мать и сын идут домой, юноша превращается в зайца, оленя и коня; догадавшийся обо всем дэв преследует юношу, тот превращается в голубя и прилетает в падишахский дворец, превращается в букет роз, потом в зерно проса; ищущий юношу дэв превращается в петуха и клюет зерно, юноша превращается в шакала и разрывает дэва, после чего идет к падишаху и требует его дочь. Падишах не соглашается, но юноша «делает аллем, делает каллем» (так и непонятно, что под этим понимается, по аналогиям – искусство превращений в животных), падишах соглашается, заключается брачный договор, свадебный пир длится сорок дней, юноша проводит жизнь в радости и наслаждении.

Сюжет этой сказки очень сходен с сюжетом туркменской сказки «Сорок небылиц» и с сюжетом башкирской сказки «Ерянсе-сесен» – с той лишь разницей, что тут искусство рассказывать небылицы является качеством исполнителя сказки, а не сказочного героя, а сюжет о получении падишахской дочери в жены имеет содержательное насыщение в виде комплекса мотивов волшебной сказки, и приключений героя достаточно для того, чтобы потребовать замуж падишахскую дочку – ему не требуется проходить второе испытание в виде рассказывания небылиц. Этот текст интересен для нас и для сказковедов своей проработкой деталей сюжета, являющихся основными для сказок о женитьбе на ханской/падишахской дочери посредством небылиц – тут и жизнь героя сказки до прихода во дворец, и разговор матери героя с султан-ханым, выдержанный в традициях этикета Востока, и правовое сопровождение все событий. Заметим, что падишах в этой сказке, в отличие от других героев подобных сказок, вполне доволен разрешением сложной ситуации.

Для чего нам нужна эта сказка при разборе сказок о рассказывании небылиц – во-первых, в ней имеется совершенно особая экспозиция, преподносящая рассказчика небылиц и оформление его

рассказа в виде небылиц, предваряющего сказочную историю. Во-вторых, данная сказка показывает нам яркий пример монтажа повествования из элементов волшебной сказки, по объему приближающихся к самостоятельным сюжетам, и мотивов сказки о небылицах, которые способны менять свое месторасположение в тексте.

8) Грузинская сказка «Пастух Бичиа»: царь обещает отдать в жены дочь тому, кто расскажет три самые невероятные небылицы; неудачников казнят, им отрубаяют головы. Пастух Бичиа решает идти к царю, мать отговаривает его, стража пускает его к царю, по условиям он должен рассказать за три дня по небылице каждый день. Первая небылица – о гигантской тыкве, плоть которой протянулись на другой берег моря; вторая небылица – о том, что мать готовила ужин (видимо, из той самой тыквы), не хватило соли, пастух отбил от скалы своей головой большой кусок соли и принес его домой. Третья небылица – герой прикатывает огромный чан к царскому дворцу и говорит, что два таких чана, полных драгоценных камней и жемчугов, задолжал отец царя его отцу; царедворцы, желая спасти свою репутацию – выполнить распоряжение царя, чтобы они не признавали небылиц, и соблюсти сценарий, называют рассказ правдой. Сам царь, вопреки своим экспертам, говорит, что это ложь, и ему приходится отдать царевну в жены пастуху.

Эта сказка по своей композиции и по насыщению, конкретно по характеру третьей финальной небылицы с мнимым долгом правителя, за которым является рассказчик, очень близка сказке туркмен Систана «Плешивый пастух».

9) Аварская сказка «Как бедняк женился на ханской дочери»: хан обещает выдать дочь за того, кто расскажет самую невероятную небылицу: приходит бедняк и говорит, будто бы его отец перед смертью сказал, будто хан был должен ему сто сорок мерок золота – хан, не желая опустошать казну, отдает дочь за бедняка.

10) Корейская сказка «Как юноша министра перехитрил»: Министр обещает отдать дочь замуж за того, кто расскажет

две интересные небылицы – юноша предлагает вырыть укрытие от жары под главной улицей Сеула и говорит о том, что отец министра занял у него сто тысяч ян, показывает расписку и требует вернуть деньги – министр, не желая признавать долга (как и все сказочные герои в этой ситуации), отдает дочь замуж за юношу.

11) Македонская сказка «Мельник Кьосе и хитрый парень»: отец посылает сына с зерном на мельницу, но наказывает не заходить к мельнику Кьосе; Кьосе притворяется своим же соседом, юноша говорит, что мельник должен был смолоть зерно, испечь погачу-лепешку и отдать за юношу дочь; начинают состязаться в рассказывании небылиц; мельник рассказывает одну небылицу, а парень – в продолжение к его рассказу целую историю из небылиц, где последняя – распоряжение судьи о том, что мельник должен отдать «и муку, и погачу, и дочку в придачу», парень получает все.

12) Калмыцкая сказка «Семьдесят две небылицы» (сборник «Калмыцкие народные сказки», 1982. С. 5-19): хан обещает свою дочь в жены и полцарства тому, кто расскажет семьдесят одну небылицу (о неудачниках в испытании ничего не говорится): один бедняк решает послать к хану старшего сына, испытав его рассказыванием одной небылицы. Юноша рассказывает небылицы и просит дочь замуж, хан говорит, что он рассказал ему семьдесят вторую небылицу о том, что дочери ханов могут быть женами черной кости и не выполняет своего обещания.

13) Калмыцкая сказка «Семьдесят две небылицы» (сборник «Сандаловый ларец», 2003 г. С. 171-176): Хан ищет развлечений – обещает отдать свою дочь замуж за того, кто расскажет ему 72 небылицы, прогоняет неудачников – сыновей ханов и нойонов, приходит юноша – сын бедняка и сам батрак, стража прогоняет его, но хан приказывает впустить: юноша (красавец) рассказывает 72 небылицы, хан отдает дочь замуж за юношу.

Фантастические события и истории разных вариантов калмыцкой сказки о 72 небылицах, будучи описываемыми по отдельности, могли бы составить тему целого ряда исследований. Их настолько

много (реально их до 90 в отдельных вариантах) что мы не имеем возможности анализировать каждую небылицу в отдельности. Поэтому мы ограничимся перечислением особо ярких небылиц, важных для сравнительного изучения сказок этой группы, указанием на цепочки небылиц, в основном уже нам знакомых, и приведением некоторых редких и уникальных небылиц, которые характерны только для этих сказок и нигде более не встречаются.

Поскольку калмыцкая сказка о 72 небылицах наиболее насыщена фантастическими подробностями и целыми историями, тем более, что мы располагаем как минимум двумя вариантами этой сказки, то целесообразнее всего начать рассмотрение небылиц из разных сказок именно калмыцкими небылицами.

Небылицы калмыцкой сказки «72 небылицы» из сборника «Сандаловый ларец»:

- Герой родился раньше отца и пасет табун прапрапрадеда;
- Лошадь не может везти его, везет жеребенка;
- Герой забыл голову, возвращается за ней;
- Готовят угощение из мухи, остаток припрятан в запас;
- Все насытились мухой;
- Герой смазал один сапог мушиным жиром, другой сапог убежал и служит у хана подносчиком водки (сёнгчи, весьма почетная должность, есть в калмыцком эпосе «Джангар»);
- Лиса, еж и тушканчик играют в карты, герой их обыгрывает;
- Сапоги дерутся (отдельный эпизод уже после пропажи несмазанного сапога и его возвращения);
- Ножны дерутся с ножом;
- Родник, бывший ключом, замерз – герой снимает голову, чтобы разбить лед;
- Зайчонок лапами забросил собаку на небо;
- Герой раскуривает трубку фантазийными средствами;
- Два кургана дерутся, появляются маленькие курганы;
- Пир в кибитке, стоящей вверх ногами – на пире нож и сапог героя;
- Хан осведомляется о величине верблюда, длине дерева и глубине колодца.

Небылицы калмыцкой сказки из сборника 1978 года.

Пробная небылица необычного жанра, требующая от слушающего продолжения тезиса (для героев еще неясен тип испытания: рассказывание небылиц или разгадывание чего-то):

- Герой родился раньше отца, пас табун прадеда;
- В жару лужа покрылась льдом;
- Герой разбил лед головой, на оставленной голове – мухи и черви;
- Мухи спорят из-за имущества, дают герою яловую трехлетнюю муху;
- Герой мажет сапог мушиным жиром, сапоги дерутся, несмазанный сапог возмущен;
- Дерутся нож и ножны героя;
- Несмазанный сапог и нож убегают, герой их ищет; идя задом наперед с ногами в одном сапоге;
- Буддийская молитва птиц (распределенные роли сродни выборам царя птиц в сказках тюркских народов Сибири);
- Нож и сапог прислуживают на пире (сапог идет на пир за салом?);
- Молебен сусликов, осенняя стрижка зайцев;
- Кутивший на ярмарке муравей;
- Герой привязывает верблюда за куст, куст уводит верблюда (лебедь и гуран в других сказках);
- Дудаки, заткнутые за пояс, поднимают героя в небо;
- Герой падает на скачущего сайгака и едет на нем верхом, находит свои потерянные удила и плетъ;
- Герой слышит хrap земли;
- Герой с околевшей собакой пытаются добыть неродившегося зайчонка, от лап которого собака улетает на небо;
- Пауки паутиной ловят рыбу, дают герою рыбешек;
- Сазан, мечущий икру, взламывает лед на реке;
- Герой выдавливают из сазана гору икры;
- Два кургана дерутся, образуются новые курганы;
- Река горит, старик-хозяин воды потерял все, герой помогает хозяину воды, в реке снова заводится рыба из сазаньей икры;
- Герой доедает мушиную голову, лисица проглатывает железную палку;

– Убивает несколько десятков уток, варит их без всего необходимого;

– Находит ожеребившегося жеребца, жеребец не везет троих, везет жеребенка;

– Герой убивает волка, везет его на неродившемся верблюжонке; рассуждает сам с собой о росте верблюжонка, высоте дерева, глубине колодца, длине дня;

– Тушканчик сообщает о том, что выросло просо, посеянное прадедом, герой фантазийным способом убирает просо;

– Убитый волк убегает в степь, отелился бугай;

– В жаркий день герой видит на снегу след лисицы,

– Лисица, еж и змея играют в карты, герой обыгрывает их;

– Герой опускает при помощи журавля голову в колодец, чтобы напиться, хозяин юрты ничего не дает безголовому, герой возвращает себе голову;

– Тарантул приезжает на хорьках погулять на свадьбе;

– Слышит разговор: блоха и вошь не могут договориться о свадьбе детей;

– Мысли ускакали от героя, он находит их спорящими с ветром, возвращает себе;

– Герой затыкает за пояс журавлей, журавли поднимают его в воздух, он падает вниз и скачет на волке;

– Герой встречает посла и получает приглашение к хану, хотя не было ни того, ни другого.

– Семьдесят вторая небылица, озвученная героем как напоминание условия – та, что хан может отдать свою дочь герою.

В этой сказке, в отличие от других, в том числе от иного варианта калмыцкой сказки «72 небылицы» встречается несколько повторов – снятая голова, смазанный и несмазанный сапоги, птицы поднимают героя вверх и он потом едет на сайгаке и на волке. В принципе повторы небылиц даже в иных вариантах и в другом словесном оформлении, для всех сказок о небылицах не являются характерными.

Небылицы ногойской сказки «Сорок небылиц»: Герой родился раньше отца и пас табун деда; пропадает жеребая кобыла, герой

встает на посох-курук, поставленный на толстый конец, ничего не получается; ставит курук на тонкий конец и влезает на него – опять ничего не видит, влезает на половинку конского навоза и видит кобылицу на другом берегу Этиля (Волги); перебегаёт Этиль по своему куруку, кобыла не может переплыть Этиль – всех везет жеребенок, герой добывает зайца фантазийным способом, хан спрашивает о размерах зайца, на что может пойти его берцовая кость, юрту с ней должны тащить сорок атанов или сорок тайлаков (верблюдов); деревья в сорок обхватов, старики, глубина колодца и длина дня; пуд сала из зайца, дерущиеся сапоги, несмазанный сапог прислуживает на пиру; герой не может разбить лед на Этиле топором, чтобы попить – разбивает головой, аульчане говорят, что у него половина головы; слышит, что хан обещал отдать дочь за того, кто расскажет сорок небылиц.

Эта сказка довольно специфична в ряду интересующих нас сказок. Здесь много хорошо знакомых цепочек небылиц – вся экспозиция, пуд сала из зайца, история со смазанным и несмазанным сапогами, разбиваемый головой лед и забытая голова.

Однако многие элементы небылиц в ногойской сказке как бы упрощены: для устройства смотровой вышки герою достаточно одного курука, да и он не помогает, каким бы концом вниз его ни ставили – помогает половинка навоза. Сало из зайца топится довольно прозаически, без перемен котлов и замены целого котла на дырявый или бездонный. Разбив лед, герой только напивается сам и никаких ста тысяч кобыл с ним рядом нет. Вместе с тем система вопросов, которые хан задает рассказчику, в этой сказке увеличена до максимально встречающегося количества, причем финальные вопросы будут общими для всех сказок, в которых мы их находим.

Небылицы башкирской сказки «Ерянсе-сесен»: характеристика «стародавних времен» с ролевой инверсией в материале сказок о животных (похожее начало имеет узбекская сказка); герой пасет лошадей самого хана у озера величиной с чашу; пропавшая кобылица величиной с жеребенка, а жеребенок ее с лошадь; герой боится жеребцов, от ржания которых может рухнуть ханский

дворец; у героя вылезает наружу сердце и стремится забиться в лошадь, герой заталкивает его обратно; герой сооружает смотровую вышку из палки в сто аршин, ножа и иглы; по палке переходит озеро, взнуздан палкой жеребенка и переплывает озеро, лошадь не везет – всех везет жеребенок; герой не может убить зайца стрелой и камчой – убивает плевком; мясо зайца уместилось в два котла, но его не хватило на казан; жира в зайце на два ведра – со дном и бездонное; смазывает сапоги – на один не хватило, намазывает ичиги, те смазывают сапоги, сапоги ночью дерутся и несказанный сапог убегает, герой его ищет с сапогом в руках; попадает на пир, где прислуживает его сапог; после пира хочет напиться и в жаркий день видит кусок льда, снимает голову, но не может разбить лед, забывает голову; возвращает голову на место, глыба раскалывается, из нее вылетают 60 пестрых и 70 пегих уток, герой ловит их и меняет на громадного верблюда (далее разговор о глубине колодца и длине дня); герой дарит верблюда своим братьям – умершему и неродившемуся; его крадет человек по имени Муса, находят Мусу – тот отпирается; старик, призванный рассудить героев, устраивает им испытание – отгадать, что у него в руке, те его выигрывают, Муса сознается в краже верблюда; далее герой рассказывает, что его уложили спать в ханском дворце с ханской дочерью Айбигой, Айбика пропадает, герой на кобылице едет ее искать; герой в поисках Айбики отрубает пять голов семиглавого аждахи, с помощью девушки побеждает дэва, девушка предлагает жениться на ней – «Чем я хуже Айбики?»; герой приходит к девятиглавому аждахе, разгоняет стражников вилами и ножом «который ты (хан) мне подарил, когда выходил замуж за нашу енгей»; аждаха предлагает герою на выбор 12 девушек, герой требует Айбику, аждаха отдает Айбику, герой говорит, что Айбика во дворце – хан соглашается отдать ее замуж за Ерянсе-сесена и отдает ему половину своих сокровищ.

Начало этой сказки содержит известные цепочки небылиц о пасении скота, пропаже и поисках скотины, сооружении смотровой вышки, обретения пропажи и разной силы у кобылы и жеребенка, когда детеныш сильнее. Далее следует охота на зайца, несколько

свернутая и прозаизированная; к смазыванию сапогов прибавляются ичиги, более не играющие роли в сюжете (еще в одной из сказок – карачаевской у героя две пары сапог), герой несет один сапог в руках (это более нигде не встречается), история о 60 и 70 утках, которые герой меняет на других животных, встречается в казахской сказке «Сорок небылиц», но в ином варианте. История с украденным верблюдом, вором по имени Муса и стариком-судьей – по сути отдельное повествование: стоит заметить, что Муса действительно оказывается вором, укравшим верблюда, а плут, с которым состязается девочка в казахской сказке «Старик и его дочка», похоже, и в самом деле в чем-то еще виноват. За ним следует слегка гиперболизированный блок событий, характерный для волшебной сказки, который сам по себе не содержит небылиц, кроме рассказа героя о том, как он провел ночь в ханском дворце, о пропаже ханской дочери, которая никуда не девалась на самом деле, и истории о ноже героя, якобы подаренном ему ханом.

Небылицы туркменской сказки «Сорок небылиц»: родители героя еще не были женаты, герой не родился, но пас кобылу дяди; кобыла ожеребилась, везти героя с жеребенком не может, их везет жеребенок. У матери героя остались живыми трое: слепой, безрукий и голый (с кем отождествляет себя герой, неясно). Под невыросшей полынью слепой увидел неродившегося зайчонка, безрукий его убил, голый завернул в полу халата и понес; в зайчонке было 60 батманов мяса и 70 батманов сала, не помещается в полтора казана – помещается во рту героя. Семьдесят батманов сала не хватает на второй сапог героя, несмазанный сапог ночью уходит. Герой влезает на иглу, которую ему тут же дала его умершая мать, видит свой сапог на другом конце земли, идет к сапогу – тот ест арбуз; сапог угощает героя арбузом. Нож героя вонзается в арбуз – из арбуза потекла река, в которую упал герой вместе с ножом – эта небылица оказывается последней.

Сами по себе все эти небылицы встречаются в рассмотренных нами сказках по крайней мере по одному разу. Примечательно, что почти все в них не имеет гиперболизированной характери-

стики, а сами истории-небылицы почти не проработаны: у дяди (не у прадеда, не у деда) всего одна кобылица, смотровую вышку составляет всего одна игла, несмазанный сапог существует как-то сам по себе и не служит никому, как в других сказках. Привлекают внимание цифры 60 и 70, к чему бы они ни относились – к весу мяса и сала, как здесь, или к числу разных видов уток, добытых героем каким-то фантастическим способом, как в других сказках – если ориентироваться по числовому коду в культурах урало-алтайских народов, то эти цифры связаны с культурой скорее монгольских, нежели тюркских народов.

Македонская сказка «Мельник Кьосе и хитрый парень» возвращает нас в тот демократический мир, который характерен для сказок народов Кавказа. В этом мире люди делятся не на падишахов и пастухов, а на относительно богатых – тех, кто имеет, скажем, мельницу, или множество скота, и немножко бедных – тех, кто не имеет мельницы, но семье двух хурджинов золота потерять не жалко. Эти детали весьма существенны – если уж исследователь берется реконструировать фольклорный мир, то реконструировать его надо во всех деталях, прослеживая все нюансы сюжета и повествования.

Обратим внимание на то, что в сказках этой группы мы видим совсем другие противопоставления героев, в частности, слушающего небылицы и рассказывающего небылицы. Слушающий небылицы – хан (большинство сказок), падишах (узбекская, туркменская), царь (туркмены Систана, грузинская), министр (корейская), в одном случае у македонцев – хитрый мельник, ставший жертвой собственного коварства. Наверное, стоит отметить, что в татарской сказке герой, слушающий небылицы – уже падишах, правитель единого государства, а в башкирской – все еще хан, то есть местный владетель. Это значит, что сказки очень близких друг другу народов имеют разные исторические истоки, и эти сказки даже относятся к разным группам. Здесь мы не встречаем никаких демонических существ: они своих дочек замуж никому не предлагают, да и что за радость была бы взять замуж дочь ведьмы (ничего себе теща!) или многоглавого аждахи? Социальные мотивы

в сказках данной группы выдержаны строго и последовательно, македонцы с мельником тут составляют некоторое исключение.

Посмотрим на рассказчиков небылиц. Ерянсе-сесен – плут и мудрец одновременно, типичный герой для тюркских кыпчакских народов, таков Алдар-Косе у казахов, и понятно, почему такое же имя носит плутоватый македонский мельник – сказка-то перенята южными славянами-македонцами от турок или других тюркских народов. В других сказках это бедный юноша (узбекская), мальчик-сирота (казахская, юноша-табунщик (ногайская), бедняк (аварская), простой парень – сын своего отца (македонская). В эту компанию как-то попал плешивый пастух (туркмены Систана), вроде бы из бедняков, но плут известный, не зря шах из турецкой сказки наставлял своих сыновей с такими не знаться – и, как надо полагать, еще и самый возрастной из потенциальных женихов. Тут уже нет ни шахских, ни ханских сыновей. Как-то в эту компанию затесался байский сын из туркменской сказки с повторяющимся названием «Сорок небылиц», который даже сам ничего не хотел – его отец пристраивает жениться на падишахской дочери, однако и он выдерживает испытание, хотя рассказывает знакомые нам небылицы не блестяще, так и хочется сказать – что-то подзабыл... Противопоставления героев по линии знатного происхождения, богатства и власти здесь усиливаются до возможного максимума: отцы невест – правители и владетели, претенденты на руку их дочерей – представители низших сословий, только в одном случае это какой-то вполне заурядный байский сынок. В этих сказках нет ни торговцев, ни ремесленников, ни лиц духовного звания, ни, так сказать, военнослужащих ханская или падишахская стража активной роли в них не играет.

Ставка в споре за неудачу в этих сказках, не больше, чем жизнь, как в известном давнем польском сериале, но чаще всего жизнь. Правитель казнит неудачников – таковы башкирская, казахская сказки, сказка туркмен Систана, ногайская и грузинская сказки. Чем тверже власть, тем страшнее наказания в сказочном государстве. Удивителен узбекский падишах – он обещает

казнить мудрецов-судей в споре за несправедные решения, а неудачливых женихов отвергает сама падишахская дочка, которая сама и желает слышать небылицы: впрочем, может быть, такой падишах и такая дочка – это тоже небылица... Туркменский падишах в сказке «Сорок небылиц» также не обещает никакого наказания байскому сыну, если тот не выдержит испытаний, да и женихов тут у падишахской дочки – не рать, как говорит царь у Л.Филатова в сказке «Про Федота-Стрельца...». В одном варианте калмыцкой сказки о 72 небылицах в варианте, изданном Т. Г. Басанговой в 2003 г., хан прогоняет неудачливых женихов, в другом, из сборника 1978 года – о них просто не рассказывается. Ничего не происходит с потенциальными неудачниками в корейской и аварской сказках, может быть, потому, что рассказчики небылиц приходят к министру и к хану соответственно первыми, а может быть, потому, что соответствующие сказочные традиции проникнуты гуманизмом по отношению ко всем героям повествований. Вообще, как можно заметить, самые страшные наказания ждут тех, кто не выдержит испытания, в этой группе сказок – исключительно в сказках тюркских народов (башкиры, ногайцы, казахи, туркмены Систана).

Показательно, что мрачный конец для правителя среди сказок этой группы мы находим только в казахской сказке, где хан умирает от досады – но там хан и обещал искусному рассказчику сначала богатство, а потом, если тот пожелает, то и дочь в жены и должность визиря. Кстати, в другом варианте такой же казахской сказки речь идет только о богатстве, и она входит в иную группу интересующих нас сказок. Даже с девятиголовой аждахой герой башкирской сказки смог договориться мирно. Видимо, мезальянс дочери огорчал правителя меньше, чем возможность потерять богатство, а, может быть, все с нетерпением ждали пира, как герои узбекской сказки. Только в наиболее известном варианте калмыцкой сказки «72 небылицы» хан не выполняет своего обещания, но и герой воспринимает случившееся как должное, как-то по-буддийски, смирившись со своей участью.

Мы можем увидеть, что сказки о небылицах, где речь идет о получении богатства, и особенно о добывании жены, не встречаются в составе циклов о плутах, на которые так богат сказочный фольклор народов Средней Азии. Их нет, например, в составе казахских сказок об Алдар-Косе, такие истории не рассказываются о Насреддине и других таких же сказочных циклах. Исключение одно – сказка «Обманщик обманщиков» из цикла рассказов об Алдар-Косе. Отчасти это понятно, добывание дочери хана или падишаха радикально поменяет всю биографию героя, которая уже не будет иметь однородного продолжения. Можно вспомнить, как трудно давались писателю Л. Соловьеву, автору «Повести о Ходже Насреддине» и его герою – самому Ходже Насредину похождения при обременении семьей – супругой Гюльджан и детьми, как это обстоятельства потом приобретали уже собственно литературное, романное, а не фольклорное оформление, и не случайно вторая часть дилогии этого автора о Ходже Насреддине выглядит менее удачной, недели первая часть, где герой обретает себе жену – свою Гюльджан.

Заметим в заключение, что в сказках данного типа женщины-героини почти не играют роли в повествовании. Только в узбекской сказке дочь падишаха сама устраивает рассказывание небылиц для выбора жениха. Далеко не везде есть даже указание на красоту невесты – она восторженно охарактеризована только в ногайской и в грузинской сказках. В вариантах калмыцкой сказки о 72 небылицах ханская дочь просто названа красавицей – в первом тексте в начале, во втором в конце, где говорилось, что юноша-победитель в состязании тоже был красавцем. Иногда, и довольно-таки редко, мать или бабушка выступают в качестве помощниц героя и тех, кто переживает за него. В сказках о добывании огня и богатства женские персонажи, как кажется, отсутствуют вовсе.

5. Типы сказок о небылицах в ряду новеллистических сказок и смежных форм повествовательного фольклора

До этого момента мы рассматривали довольно однородные сказки о небылицах, однотипные по сюжету, по сути дела представляющие варианты одного сюжета и различающиеся только отдельными элементами базовой сюжетной структуры и составом небылиц, выявляемых в тексте. Однако в действительности репертуар сказок о небылицах и сказок-небылиц как особой формы по типам весьма разнообразен, и без его описания мы не можем должным образом оценить и описать и жанровую и формальную специфику тех сказок, к которым мы обратились, ни самую форму небылиц, ни их генезис, если мы попытаемся это сделать.

Сказки о небылицах составляют особую группу сказок в фольклоре тюркских народов. Мы выяснили, что они имеют очень широкое распространение в пределах всей урало-алтайской языковой общности и за ее пределами на юге по обе стороны Кавказа и они зафиксированы на огромном пространстве от Балкан на западе, где эти сюжеты получили бытование благодаря турецкому влиянию, и на востоке до Тихого океана, на берегу которого располагаются герои эвенской сказки, получившие огонь у аборигена-камчадала, и на побережье которого также живут тюрки-якуты.

Сказки о небылицах, весьма близкие по друг другу содержанию, имеют распространение у калмыков («Семьдесят две небылицы»), монголов («Семьдесят небылиц»), бурят («Семьдесят небылиц» и некоторые другие сказки), и эти тексты уже были предметом исследования автора [Басангова, Бурыкин 2009, 50-59]. К исследованию сказок о небылицах обращались также З.Б. Самдан [1994], И.В. Кульганек [2009], Т.М. Садалова [2009]. Лучше всего изучены калмыцкие сказки о небылицах, или, скажем так – эти тексты чаще всего встречаются в публикациях, посвященным бытовым сказкам, сказочному юмору, теме социального неравенства.

Однако систематические исследования как на материале сказок одного народа, так и на материале текстов, представляющих разные традиции, все же отсутствуют.

Исследование объемных массивов сказок различных районов Европы и Азии показывает, что сказки о небылицах в собраниях сказок и в указателях сюжетов, во-первых, разнообразны по типам и сюжетам, и, во-вторых, окружены разнообразными повествованиями, которые по форме даже трудно отнести к сказкам. По формальному критерию невозможно признать сказками истории, рассказываемые от первого лица – а таких текстов довольно много – потому что такие тексты по характеру преподнесения или исполнения квалифицируются как рассказы-былички: собственно сказки от первого лица не рассказываются. В теории фольклора достаточно сложный аспект для сказок о небылицах и фольклорных небылиц – разграничение правды и вымысла; сказка – это заведомый вымысел для рассказывающего и для слушающих, но в отношении сказок о небылицах актуальным оказывается не само это разграничение, а языковая и текстовая маркировка вымысла, превращающая историю в заведомый, опознаваемый вымысел, а равно прецедент для вымысла в фольклорной традиции. Не менее трудный вопрос, значимый уже для жанрово-тематической группировки сказок – это различение собственно небылиц как своего рода группы мотивов и цепочек небылиц (см. выше), и разнообразных обманов, лжи героев – в общем, вранья всех мастей, что не избавляет нас от необходимости классифицировать все эти плутни и вымыслы по типам. Из того, что связано с нашими сказками о небылицах – это анализ структурных типов и содержания тех историй, которые преподносятся как небылицы, но в текстах прослеживаются следы того, что за такими небылицами стоит какой-то иной жанр. Это видно и на пробной небылице в варианте сказки о 72 небылицах, и тем небылицам, которые рассказывают проигравшие в состязаниях. Пока складывается впечатление, что такие ситуации соотносятся с отдельным диалоговым жанром, требующим знания предмета и обязательства реагировать на начало рассказа определенным образом, продолжая его.

Мы предлагаем следующую классификацию сказок о небылицах, отмечая, у каких именно народов отмечены те или иные типы интересующих нас сказок:

1) Небылицы, рассказываемые от первого лица. Эти фольклорные формы образуют (в системе классических определений и пониманий сказочного жанра) особый тип сказки, выделяемый по характеристике рассказчика небылиц, тождественного с повествователем. Странно, что публикаторы таких текстов объединяют такие истории с бытовыми или новеллистическими сказками, как бы не замечая формального отличия их от знакомых типов и сюжетов бытовых сказок. Нам встретились три абхазские сказки с небылицами, представляющие этот тип («Свадьба отца», «Табун», «Заяц в тыкве») интересно, что из пяти абхазских сказок о небылицах к данному типу относятся три, при том, что содержащиеся в них небылицы не представляют собой чего-то уникального и в изобилии встречаются в сказках других типов. Так и хочется спросить – неужели все ловкие рассказчики небылиц были так хорошо знакомы со сказками абхазов или других народов Северного Кавказа, что могли рассказывать эти сказки вместо собственных сочинений? Такие сказки встречаются у казахов («Сын Томая»), у алтайских тувинцев («Небылица»), такие истории записывались у русских Прибайкалья («Небылицы деда Ивана»), один образец зафиксирован у марийцев («Пчелиный сторож»). Довольно неожиданно то, что монгольские небылицы («Семьдесят небылиц») в том варианте, который известен нам, также преподносятся в своем большинстве от первого лица. Пожалуй, только такие истории могут рассматриваться как особый тип сказок-небылиц, при этом правомерность именования таких историй сказками остается дискуссионной. Занимателен случай с турецкой «Сказкой про аллем-каллем», которая начинается как небылица этого типа, но затем внутри повествования нам преподносится волшебная сказка. Непонятно и то, каким образом те мотивы сказок о небылицах, которые не являются самостоятельными, включаются в указатели сказочных сюжетов [Восточнославянская сказка 1979].

Характерная особенность таких небылиц – высокая степень свободы содержания. Классификация подобных историй по составляющим их мотивам весьма затруднена из-за недостатка материала и сложности сопоставлений отдельных мотивов и эпизодов таких текстов с собственно сказками о небылицах и с элементами их содержания. Ясно, что в каком-то объеме небылицы этих сказок вошли в сказки того типа, где аккумулируется большое количество единиц, в основном в сказки типа 7 (см. ниже)

Судя по всему, высокая степень свободы в содержательном плане типична не только для внутренней структуры этих сказок, которые, как и все другие, состоят из цепи эпизодов, но и для сочетаемости их как самостоятельных текстов с другими повествованиями. Неожиданный пример – экспозиция сказки горных таджиков «Нелепица», за которым следует волшебная сказка с драматическим сюжетом.

2) Небылицы – монологи сказочного героя. К таким сказкам относятся, в частности, и те, которые по содержанию смыкаются с сатирическими сказками и отождествляются с ними по прагматике – они служат средством развлечения, если, конечно, не искать всюду социальные мотивы и не додумывать для сатирических сказок функции призыва к общественному переустройству, что нередко делалось в минувшем веке и делается в отношении таких сказок. Такие сказки встречаются у казахов, но они с трудом выделяются из великого множества казахских сказок о плутах и плутнях. Отличительная особенность данного типа сказок от сказок о небылицах – это специфика цели рассказывания небылиц. В собственно сказках о небылицах герои буквально вынуждены рассказывать небылицы или рассказывают их во исполнение поставленных условий, уж там что кому нужно – огонь, гирда кукурузы, золото или невеста. В сказках данного типа ни ситуация рассказывания, ни характер небылиц ничем не предопределяются, и последствия рассказывания небылиц не классифицируются. В сказках данного типа рассказывание небылиц не является трудной задачей, поставленной перед героем или взятой им на себя, как это проделал

младший турецкий шахзаде – небылицы рассказываются по другим причинам и в других обстоятельствах.

3) Небылицы, предполагающие вопрос к слушателям в конце повествования. Такие небылицы, не содержащие абсурда, излагаются без какого-бы то ни было участия рассказчика в представляемых событиях. Этот тип небылиц довольно редок – в изученном нами материале он встретился у чеченцев («Кто больше?»), у грузин («Сказка-загадка»), у тувинцев («Сказка-загадка»). Формально такие тексты пока даже трудно классифицировать, определяя какие-то особые жанровые признаки или элементы содержания – для этого текстов просто не хватает. Пока по формальным признакам понятно, что такие истории не вполне правомерно даже относить к сказкам, они скорее принадлежат к каким-то диалоговым фольклорным жанрам, свойства которых нам еще не совсем понятны, и не случайно эти тексты оказываются близкими к загадкам. Для дальнейшего изучения образцов сказок этого типа нужно выяснить особенности повествователя подобных историй и той аудитории, для которой они предназначаются. Все это очень важно – иначе не вполне понятно, рассказывание каких именно небылиц требовалось от героя, либо тех, какие мы видим в большинстве сказок, либо тех, какие мы встречаем в ограниченном числе текстов, и которые требуют умения продолжать истории-небылицы или как-то реагировать на их содержание, увязывая подробности рассказа с реальностью – например, какова же глубина колодца, из которого пьет верблюд, или какова длина дня, если камень летит до дна колодца в продолжение целого дня. От таких небылиц, как мы видим, у нас остается очень небольшое число самостоятельных текстов и отдельные мотивы в «классических» сказках о небылицах, которые не привлекали к себе внимания в составе сюжетов.

4) Небылицы, рассказчик которых по сюжету порицается. Насколько можно судить после изучения максимально большого объема сказок и историй, содержащих небылицы или иные вымышленные истории, такие сказки представляют собой разновидность бытовых сказок с особым персонажем, а содержание

небылиц не характеризует сюжета и, похоже, даже не выделяется как имеющий содержание мотив. Примером сказок этого типа служит абхазская сказка «Хвастливый охотник». Не слишком ясно отношение героев к фантазиям главного персонажа Мию в боснийской сказке, хотя его выдумка больше похожа на банальное вранье – однако же вранье главного героя, образующее сюжет, и вранье так называемого ложного героя волшебных сказок – вещи явно разные. Последнее не образует отдельного сюжетного типа. Проблемы лжи, вранья и небылиц, как мы увидим далее, связаны друг с другом, что признавал В.Я. Пропп [1998], однако в своей названной здесь книге он изящно уклонился от их обсуждения. Исходя из нашего опыта, мы знаем, что небылицы сами по себе не порицаются – порицается раскрытая ложь, направленная на обман, и вранье как трудноопределимая ложь без цели, хотя те сказки, где герой признается «А я соврал», в ответ на обращенные к нему вопросы, требуют дальнейшего осмысления.

5) Хвастовство героя как небылица. В отличие от сказок, относимых нами к первому типу «собственно небылицы» и рассказываемых от первого лица, сказки этого типа содержат экспозицию, преподносящую рассказчика небылиц каким-то особенным образом. Рассказывание небылиц становится прерогативой охотников, а небылицы связаны с объектами охоты – животными и с эпизодами промысла. В просмотренном нами материале образцом охотничьих небылиц или небылиц про охотников является армянская «Сказка охотника», казахская сказка «Охотник Бухарбай». Похоже на то, что сюжет стихотворного рассказа Н.А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы» является вариативным пересказом-переделкой сказки «Зайцы Музаира» (сказка с таким названием есть у кумыков, тюркоязычного народа Дагестана), сказки об охотнике который хвастался тем, что видел сотню зайцев – если такая сказка известна у кумыков, соответственно она могла бытовать у других тюркских народов.

Любопытный образец подобных небылиц – это киргизская сказка «Хвастливый заяц», самостоятельный сюжет, выявляющийся среди сказок о животных. Герой-хвастун, герой-лжец обладает

способность менять свой внешний облик и объекты своих вымышленных подвигов. Заметим, что другие типы сказок о небылицах у киргизов нам не удалось обнаружить.

6) Небылица-миниатюра. Это сказки, в содержании которых присутствует единичный эпизод рассказывания небылицы. Похоже, что данный тип сказок, выделяемый на основании ограниченного числа представленных в тексте небылиц, соотносится только со сказками, герой которых рассказывает небылицы с целью какой-то выгоды. Чаще всего небылицы таких историй – это тема долга слушателя сказки рассказчику, отцу или семье рассказчика. Такая сказка-миниатюра представлена среди сказок о небылицах у аварцев («Как бедняк женился на ханской дочери»), почти с тем же сюжетом у армян – («Лгун»), правда, тут герой получает не невесту, а золотое яблоко. Сказки в две небылицы, из которых она обязательно о долге слушателя, присутствуют у бурят («Крестьянин Тархас»), у которых имеются также сказки о небылицах примерно с теми же сюжетами, но с иной структурой и с другими размерами, т.е. с гораздо большим числом небылиц. В корейской сказке «Как юноша министра перехитрил», которую мы рассматривали выше, рассказываются всего две небылицы, причем первая даже не вполне понятна в функции небылицы. Очень редко, всего в одном случае единственная небылица имеет другое содержание, как японская сказка «Шкатулка с небылицами».

7) Сказки, содержащие объемные циклы небылиц. К этому типу будут относиться сказки, где рассказывание небылиц является трудной задачей, которую слушатель небылиц задает герою, или где герой сам вызывается выполнить эту трудную задачу с целью выпутаться из затруднительного положения – как в турецкой «Сказке о сорока небылицах» где шахский сын рассказывает небылицы мошеннику и плуту и одолевает его. Такие сказки, как мы видели, зафиксированы у монголов, бурят, калмыков, хакасов, якутов, казахов, башкир, у татар, туркмен, карачаевцев, турок, а также у аварцев, ингушей, абхазов, грузин, у македонцев и сербов, у марийцев, у эвенов и в трех вариантах одного сюжета – у хантов. У бурят два текста таких сказок представляют разные сюжеты, два

варианта казахских сказок различаются некоторыми сюжетными деталями, варианты калмыцкой сказки имеют разные финалы.

В этом типе сказок присутствуют три сходных сюжета – сказки о добывании огня, сказки о получении обещанного богатства и сказки о получении в жены дочери правителя, министра (корейцы) или мельника (македонцы), который, видимо, также выступает как престижный тесть, а не только как плут, которого тем не менее можно перехитрить. Наиболее репрезентативны и наиболее широко распространены последние два типа сказок, сюжеты которых часто объединяются одной подробностью – обещанием и богатства, и дочери в жены, причем тут казахская сказка – та самая, в которой жадный хан умирает от досады, объединяется с македонской сказкой, в которой шустрый парень получает у плутоватого мельника все, что только можно у него взять. Сюжетная структура сказок этого типа в общем одинакова, отдельные мотивы и эпизоды в них занимают одно и то же место, в результате чего хорошо просматривается общий инвариант этих сюжетов, особенно если имущественное различие героев совмещается с потестарным различием – хан/падишах/царь – пастух, за редкими исключениями, когда страдающей стороной оказываются сыновья шаха или хана, а противостоящим героем – мельник. Можно выделить и четвертый тип сказок, где рассказывание небылиц не предполагает вознаграждения, а является самоцелью для героя (казахская «Сказка-небылица»), но такая ситуация для сказок о небылицах нетипична, и единственное, что позволяет понять бытование таких рассказов – они принадлежат известному плуту Алдар-Косе.

О различии охотничьей тематики в сказках первой группы, в преимущественно сельскохозяйственной, скотоводческой и на втором плане аграрной тематики с ее кукурузой, арбузами и дынями, вмещающими целый город, пчелами, которые приносят мед и на которых можно пахать наравне с волами, деревьями, вырастающими после применения лекарств, фасолью, которую посеяли на кабана выстрелом из ружья, мы уже говорили. В сказках этой группы – в первой группе сказок об огне реже, в других, о получении богатства и о добывании жены чаще – фигурируют истории

о торговле и обмене: у хантов один мотив обмена насекомых на коров и лошадей, в двух других группах эти мотивы более разнообразны. Только в сказках об обретении богатства и дочери правителя встречаются элементы диалога, когда слушающий задает рассказчику вопросы о глубине колодца, длине дня и т.п. Только в сказках последних двух групп встречаются нерожденные люди, приплод скота, охотничья добыча, только в них меняются местами целые и негодные предметы, чаще всего именно в них присутствуют истории о смазанном и несмазанном сапоге (исключение – хакасы, где эти элементы есть в сюжете о получении огня). Мы не будем тут описывать этот сюжет в терминах асимметрии и непарности в духе структурного анализа текстов 1970-х-1980-х годов, хотя и ценим научное наследие Клода Леви-Строса и его последователей – достаточно того, что смысловые оппозиции в выстраивании текста тут видны невооруженным глазом.

8) Рассказывание небылиц как состязание. До сих пор мы занимались характеристикой таких типов сказок о небылицах, где рассказчик небылиц выступал как отдельный персонаж, и именно его рассказ составлял основу сказочного текста. При этом – за редкими исключениями, когда небылицы пробует рассказывать тот, кто их по сюжету должен слушать (мельник в македонской сказке), или как в одном варианте калмыцкой сказки о 72 небылицах отец просит сына-главного героя сказки рассказать одну небылицу для проверки мастерства. В этом типе сказок мы встречаемся с двумя рассказчиками небылиц, которые состязаются друг с другом в своем искусстве, и вокруг этого строится развитие сюжета. Такие сказки встретились, кроме македонцев, у казахов («Старик и его дочка»), у татар и у узбеков, таджиков, абхазов («Коблук и черт») и чеченцев («Спор о небылице»). В казахской сказке дочь старика побеждает плута с целью вернуть отнятое обманом, в чеченской сказке, правда, у героя тоже есть своя вполне конкретная материальная цель – выиграть гирду кукурузы у хитрого мельника. Перечисление народов, у которых представлены эти сказки, говорит нам о том, что они встречаются в двух не слишком объемных и

не очень плотных ареалах в Средней Азии и на Кавказе – в обоих случаях сказки фиксируются у народов, даже не контактирующих друг с другом.

В этих сказках своеобразна система персонажей, оба рассказчика равны друг другу и целью состязания является личная победа, которую, например, таджикские борцы не могли обрести в борцовском состязании.

Состав небылиц в сказках этого типа требует специального внимания.

Небылицы казахской сказки, рассказываемые дочерью старика и плутом-бием, являются как бы самостоятельными новеллами, при этом небылицы бия, строящиеся на гиперболах, ближе к настоящим небылицам.

Таджикская сказка содержит следующие небылицы: проросшие в мешках на спине животного орехи, пашня на дереве, куры, которые нанесли яиц и улетели; отец второго силача, таскающий огромные вязанки дров, силачи, борющиеся в корзине, пастух верблюдов и силачи, поднимающиеся на небо, наконец, заявление гармского силача о том, что отец его противника был рабом его собственного отца – еще одно больное место, как падишахский отец у татар, как долг, часто встречающийся в таких сказках. Часть этих небылиц, например, выросшее дерево, имеет широкое распространение.

Абхазская сказка «Коблук и черт» представляет собой диалог, похожий на те диалоги, которые мы иногда находим в сказках о получении богатства или жены. Ряд мотивов, рост людей, верблюдов, а главное – глубина колодца и длина дня присутствует в сказках другого типа.

Чеченская сказка «Спор о небылице» имеет неравноценных героев, и мы рассматривали ее в ряду сказок о получении богатства, но формально, поскольку герои берут слово для рассказа небылиц по одному разу, ее можно отнести и к сказкам этого типа.

9) Небылицы, где один лжец помогает другому. Сказки этого типа близки по структуре сказкам о двух рассказчиках небылиц, но главная специфика этих сказок состоит в том, что рассказчики

объединены единой общей целью. Этот тип сказок о небылицах оказывается периферийным по значимости и распространению в еще большей мере, чем сказки о состязании в рассказывании небылиц. Такие сказки отмечены только у двух народов – у казахов («Удобнее лгать, когда кто-то поддакивает») и у грузин («Два дервиша»). У казахов, мы уже знаем, сказки о небылицах отличаются громадным разнообразием, также достаточно разнородны и сказки о небылицах у народов Кавказа.

Небылицы казахской сказки – о людях в небе, спускающихся с неба юртах, горящей реке и обожженных рыбах выглядят как своего рода варианты к известным небылицам, рассказанным искусными рассказчиками (см. калмыцкие сказки).

Сходны с первой небылицей и небылицы грузинской истории о двух дервишах, вошедшей в сочинение Сулхан-Саба Орбелиани.

Характерная особенность данного типа сказок, к слову, как и предыдущего – краткость рассказа в целом и небольшое число рассказанных героями небылиц.

10) Ложь вместо небылицы. Мы уже говорили о том, что отграничение сказочного вранья и сказочной лжи от собственно небылиц составляет сложную проблему. Ведь не всегда даже герои-слушатели небылиц могут разобраться, где правда и где ложь, пока герой сам не признается им «А я соврал!», как в сказке туркмен Систана. К этому типу относятся казахская сказка «Лжец Кутейба», боснийская сказка, где ложь героя как бы приравнивается к небылице. Яркий пример такой сказки – армянская сказка «Лгун», ее содержание точно соответствует аварской (за вычетом мелких деталей), но в аварской сказке герой просит рассказать небылицу, а в этой – соврать, это немного разные действия. Тем не менее мы считаем необходимым выделить этот тип сказок как пограничный случай между сказками о рассказывании небылиц и бытовыми сказками с мотивами вранья или разнотипной необманной лжи, которую предстоит еще в дальнейшем классифицировать.

Пока же надо признать, что подобные рассказы обнаруживают одно видимое свойство – они создают дилемму: верить или не

верить небылицам. Задача, которая ставится перед загадывающим – признать небылицу небылицей. Оттого и задаваемые вопросы о глубине колодца и длине дня, на которые нам еще придется обращать внимание.

6. Историческая типология сказок о небылицах и география вариантов текстов

Итак, мы в достаточном объеме просмотрели материалы, относящиеся к разным группам сказочных сюжетов, объединяемых рассказыванием небылиц, и получили возможность даже классифицировать сказки о небылицах и сказки с небылицами по отдельным группам. Географическое распределение вариантов текстов сказок о небылицах привлекло наше внимание уже при анализе сказок о рассказывании небылиц с целью получения огня. Теперь мы имеем возможность посмотреть, как распределяются структурные типы сказок о небылицах или сказок с небылицами.

Небылицы, рассказываемые от первого лица (тип 1) сконцентрированы на Кавказе. У тюркских народов они встречаются в основном у казахов, в традиции которых сказки поразительно разнообразны и по типам, и по сюжетам, и у тувинцев на Алтае, для которых контакт с казахами не исключен. Экспозиция турецкой «Сказки про аллем-каллем» показывает, что в прошлом этот тип сказок был более широко распространен, чем ныне, потому что очень сложная и необычная структура этой сказки выглядит как результат закономерного осложнения повествования (то же с турецкой сказкой о «сорока небылицах»), а не как заимствование из другой традиции. Любопытны те «Семьдесят небылиц», которые зафиксированы у монголов, опять-таки соседствующих с казахами, и которые также рассказываются от первого лица. Есть среди этих сказок и тексты с непонятной историей, связанной с расселением русских по Сибири и их контактов с местным населением. Небылицы типа 2 – монологи

сказочного героя, обманувшего кого-то, также отмечены только у казахов, если отвлечься от циклов рассказов о Насреддинах и им подобных обрамляющих персонажах, аккумулирующих десятки историй.

Небылицы с вопросом к слушателям, квалифицируемые как сказки-загадки и в тувинском, и в грузинском фольклоре, также указывают на два региона – Кавказ и тюркоязычный ареал Южной Сибири. Судя по всему, в обоих регионах сказки-загадки или истории данного типа (тип 3) представляют глубокую архаику.

Небылицы типа 4, рассказыватель которых заслуживает осуждения слушателей-статичных персонажей сказки, представлены минимумом примеров, однако возможно, что они просто не выделены при сборе материала для данной книги из многочисленных образцов бытовых сказок. Сказки об охотниках-хвастунах (тип 5) – а чем киргизский заяц не охотник на лису? – недостаточно изучены. Можно только предполагать, что количественная гипербола и гипербола размера («во-от такая рыба!») как-то связаны с представлениями об охотничьей удаче, которая поддерживается такими историями.

Сказки о небылицах, отнесенные нами к типу 6 «Небылица-миниатюра» встречаются не так уж часто, но имеют весьма своеобразное распространение, если вообще задаться целью сводить в единый ареал разрозненные точки их фиксации. Такие сказки бытуют, по данным проанализированных нами собраний, и на Кавказе, и на востоке Азии у бурят, корейцев и японцев. Эти регионы – крайняя периферия того пространства, на котором бытуют интересующие нас сказки, и, что характерно, мы не встречаем таких сказок в центре интересующего нас географического пространства Евразии, где проживают уральские и тюркские народы. Сказки этого типа сохраняют имущественную дифференциацию рассказчика небылицы и того, кто хотел бы услышать какую-нибудь небылицу, но она никак не поддерживается на уровне отношения героев к власти – за неудачу рассказчику не обещают тяжкого наказания, диалоги героев – по существу диалоги равных, плутоватый герой японской сказки мог бы быть наказан – и этого мы не наблюдаем.

Центральное место и максимальный объем в интересующем нас материале занимают сказки о рассказывании небылиц с целью обретения чего-либо отсутствующего. Уже данная формулировка показывает, как трудно бывает фольклористам определить инвариант сюжета, который объединял бы несколько похожих сюжетов или вариантов сюжета. Эти сказки, объединенные здесь в тип 7, занимают большую часть того географического пространства, которое привлекает наше внимание в плане распространения сказочных сюжетов и мотивов, связанных с небылицами. Сказки о небылицах данного типа распространены от Балкан до Тихого океана. Что касается отдельных сюжетов или близких групп сюжетов, различающихся по предмету-цели действий героев или по социальной среде, к которой принадлежат герои, здесь мы не видим однородности. Сказки о добывании огня посредством рассказывания небылиц связываются с бытом охотников, тут ни хакасы, ни якуты не составили исключения. Эта группа сказок, первая по внутренней классификации типа 7, распространена в основном в Сибири и на Дальнем Востоке с единственной параллелью на крайнем западе – в Далмации.

Сказки второй группы – сказки об обретении богатства в обмен на удачно рассказанные небылицы, хотя какой тут обмен, если награда выдается весьма неохотно, – сосуществуют со сказками третьей группы, образующими тип 7 – со сказками о получении в жены дочери кого-то из тех, у кого, как пел один наш современник, «холуи да сосуны с секретаршами» и того выше. Однако из 12 сказок о получении богатства за небылицы 7 сказок зафиксированы в окрестностях Кавказа, две – у бурят, одна – у корейцев, то есть опять же мы имеем дело с какой-то периферией региона, в котором сказки типа 7 представлены в основном сказками о рассказывании небылиц с целью получить в жены дочь правителя.

Сказки третьей группы – как раз те, где в разных формах рассказывание небылиц устраивается героями с целью выдать замуж дочь высокопоставленного лица, а со стороны героев низшего сословия – жениться на дочери правителя, или как в Корее – министра: корейский менталитет явно не допускал даже в сказках мыс-

ли о возможности женитьбы простолюдина на представительнице императорского дома.

Из 12 сказок этой группы на Кавказе встретились только две, в Корее – одна, из монголоязычных народов этот сказочный сюжет присутствует только у калмыков, хотя у монгольских народов есть все три сюжета сказок типа 7. Ядро распространения этих сказок – Средняя Азия и ее тюркоязычные северные соседи. Для этих сказок характерна максимальная жестокость по отношению к неудачникам, бедность героев, решавшихся на смелые поступки. В этой группе сказок мы встречаем переплетение мотивов сказок о небылицах с элементами сюжетики волшебных сказок о дэвах – впрочем, все примеры такого рода представлены сказками тюркских народов.

Сказки с сюжетом или мотивом состязания рассказчиков небылиц (тип 8) – при этом для таджикской сказки о двух борцах и для абхазской сказки «Коблук и черт» – это сюжет, для казахской сказки о старике и мудрой не по годам дочке, и таких же сказок у татар и узбеков – это мотив, продолжение самостоятельного сюжета, – и сказки с двумя рассказчиками, так сказать, рассказчиком и ассистентом (тип 9) встречаются довольно редко, но представляют те же среднеазиатские и кавказские сказочные традиции, где бытуют и иные типы сказок о небылицах.

Сказки с ложью вместо небылицы (тип 10), соотносимые по структуре со сказками о небылицах, встречаются редко и о них ничего нельзя сказать.

Для обсуждения истории сказок о небылицах нам придется поделить материал на две неоднородные группы – во-первых, это то, что нас более всего интересует, а именно. Группы сказок внутри типа 7, и, во-вторых, остальные типы сказок о небылицах в контексте истории волшебной сказки, истории бытовой сказки и истории жанров, соприкасающихся со сказками.

Как мы отмечали, сказки первой группы – сказки о добывании огня путем рассказывания небылиц его обладателю, выглядят наиболее архаичными и по своему предмету, и по тем занятиям героев, которые усматриваются в повествовании – а охота при анализе

сказочных материй всегда признается более древним занятием, чем все остальное, и по героям-антецедентам, обладателям огня, поскольку далматинский медведь и хантыйский менкв оказываются явно древнее, чем ханы, падишахи и даже чем почти театральные демонические существа кавказских сказок. Тут напрашивается вопрос, почему сказка не отражает никаких религиозных параметров, которые позволяли бы связывать ее с какой-либо конфессией, но едва ли мы можем дать на него ответ – остается вслед за А.И. Зайцевым [1984] полагать, что волшебная сказка и сказки об испытаниях, даже испытаниях небылицами, появились как жанр в конфессионально однородной среде, где ранние верования в сверхъестественных существ уже сменились каким-то единым стандартом, а что это было – вера в богов Олимпа, ранние религии ираноязычных народов, монотеизм семитского типа, какие-то предшественники буддизма – однозначно никто не скажет. Сказки о добывании богатства и сказки о добывании в жены дочери правителя, герои которых связаны с сельским хозяйством, выпасом скота и выращиванием зерновых культур, сказки, в которых даже фигурирует огнестрельное оружие – это сказки явно позднейшей формации со всех точек зрения, тут и утвердившаяся власть, проявляющаяся как наследуемая: героями сказок оказываются сыновья шаха, в небылицы попадает отец падишаха, ныне правящего; налицо и имущественное расслоение героев – кто-нибудь сказал бы – классовое, но правящая династия все же классом не являлась даже у самых махровых марксистов. Относительная хронология возможного появления отдельных групп сказок типа 7 соотносится и с ареалами их распространения, хотя имперские монархические падишахские мотивы ярче представлены в Средней Азии, нежели в Турции.

Как кажется, вымышленность сюжета о добывании ханской или падишахской дочери в жены посредством рассказывания небылиц не вызывала сомнений у рассказчиков и у хранителей традиции – как мы уже пытались обратить внимание, эти сказки не имели и не могли иметь сколько-нибудь внятного продолжения. Вообще даже странно, почему такие условия женихам не выставляли визири, упоминающиеся в сказках, богатые купцы, словом – хоть

бы кто-нибудь ниже падишаха, хана или царя? Почему «снизу» провозглашался принцип – все или ничего, или голова долой, или царская дочь в жены? Почему в сказках Средней Азии и Кавказа с его окрестностями так сокращалась дистанция от пастуха до падишаха? В русской словесной культуре эта дистанция оказалась, можно сказать, ещё короче, если принять во внимание анекдоты про распутную царицу, однако это всё-таки особый случай со своей исторической обусловленностью. В этих сказках нигде не идёт речи о религии, хотя сам Аллах или хотя бы его имя становится предметом историй в каракалпакских «Анекдотах Омирбека».

Происхождение сюжета о получении огня посредством выполнения трудной задачи, задаваемой обладателем огня, выполнение которой однажды свелось к похищению огня, а дважды обладателем огня оказывались демонические существа сверхъестественной, следовательно, раннебожественной природы – заставляет сопоставлять эти рассказы с мифом об обретении огня, с мифом о Прометее. С происхождением сюжетов об обретении богатства все несколько сложнее, для их появления уже *необходимы такие факторы, как наличие в обращении большого количества денег и, так сказать, товарных драгоценностей в таком объеме, который умещался в больших емкостях* (смотрите истории о долгах владельцев!). Ханская, падишахская, царская дочь в сознании носителей традиции, где бытовали подобные сказки, ассоциировалась с идеей власти. И то, и другое на фоне сюжетов об огне, пусть и трансформированных, потерявших мифологическую основу – явно весьма поздние явления.

===== 7. К происхождению сказок о небылицах ===== в свете генезиса и эволюции вымысла в словесном искусстве

Вопрос о происхождении, то есть о самом появлении и развитии того или иного фольклорного жанра в его ранних формах – один из сложнейших вопросов в изучении фольклора и серьезная

проблема в теории фольклора. В дискуссиях о генезисе сказки, эпоса и других повествовательных форм фольклора высказывались и высказываются самые разные мнения. В.Я. Пропп, говоря о происхождении сказки и основываясь на интерпретации ряда сказочных мотивов, связывал генезис волшебной сказки с обрядом инициации [Пропп 1946] – к слову, в Евразии не подтвержденным этнографическими данными. Е.С. Новик, сопоставляя структуру сказки с шаманскими камланиями, полагала, что в основе волшебной сказки может лежать шаманский ритуал [Новик 1984].

Сказки о животных в фольклористике и в междисциплинарной науке мифологии традиционно связываются с тотемическими представлениями, с представлениями об иррациональной связи человека и животного. Е.А. Костюхин, автор лучшей книги о животном эпосе, писал: «Генетически животный эпос восходит к эпохе тотемизма, когда появляются мифы о тотемных предках зооморфной природы. Действие в них отнесено к временам творения мира, так что тотемные предки – это прежде всего первопредки, культурные герои и демиурги» [Костюхин 1987, 43]. Несколько ранее он же замечает: «На этой ступени (переход от матриархата к патриархату)¹ миф превращается в сказку» [Там же, 22]. Эта ремарка значима для понимания формального аппарата концепции исследователя. Вместе с тем мы должны согласиться с автором в том, что «древнейший повествовательный фольклор включен в систему первобытной идеологии и связан не с охотничьей практикой, а с более общими представлениями о мире и социальной жизни» [Там же, 25]. Не случайно Е.А. Костюхин полемизирует

¹ По убеждению современных специалистов, матриархат как форма социальной организации – это один из мифов в представлениях о человеческой истории. Матриархат не мог предшествовать патриархату, поскольку матриархальное общество не способно к приобретению и развитию комплекса средств жизнеобеспечения, то есть неспособно выжить как самостоятельная социальная структура. Мифологические рассказы о женском царстве (они есть даже у казахов, то есть в исламском мире) – это характерное для мифов зеркальное отражение настоящего. В семьях из нескольких поколений одних только женщин в Сибири с их девизом «Чей бы бык ни скакал, а теленочек наш» роль партнерских отношений с мужским коллективом искусственно занижена, как и в мифах об амазонках.

с Е.П. Лебедевой, не соглашаясь с ней в том, будто бы «древние сюжеты сказок о животных при своем возникновении отражали постоянную заботу древнего человека о каждодневном пропитании» [Там же, 16] – еще бы, по мысли отечественных марксистов (почему-то именно отечественных!) все прошлое народов до века металлов представлялось как сплошная бедность, нищета, горе и несчастья, – и отмечая, что множество рассказов о животных вообще не имеет отношения к промыслам [Там же, 20]. Заметим, что анекдот о четырех бедах земледельца – зиме, весне, лете и осени родился не в древности, где ничего похожего не засвидетельствовано, а в эпоху расцвета колхозно-совхозного строя, и там, где этот строй цвел махровым цветом.

Странно, что в книге Е.А. Костюхина крайне мало внимания уделено другой стороне животного эпоса – его этиологическому характеру. Свойство объяснения, почему животные такие, какие они есть, с предположением о том, что раньше они были вовсе не такими – типичное свойство мифа, о чем бы он ни рассказывал: об отношениях Солнца и Луны, проявляющихся в их поведении на небесном своде, или о происхождении окраски бровей глухаря в красный цвет. Эти черты животного эпоса привязывают его к мифам куда прочнее, чем рассуждения о тотемизме, повторяющие великого компилятора Ф. Энгельса и его отечественных последователей, все же в Европе мало интересовались родством человека с опоссумом, крокодилом и другими тварями, и уж точно не видели в таких представлениях особую стадию общественного недоразвития. Многообразие этиологических рассказов о животных почти точно соответствует многообразию животного мира, а тотальная этиологизация во множестве частных проявлений даже в применении к комарам и прочим «гадам», как выражался В.И. Иохельсон – характернейшее свойство мифа, наследуемое многими бывальщинами.

Возражая Е.А. Костюхину, дающему характеристику тотемизма как некоего комплексного понятия, связывающего религию, мифологию и словесность [Там же 1987, 20-21], мы скажем, что

по нашему убеждению, тотемизм – это не корень религиозных воззрений и мифов, а всего-навсего одна из ветвей «мирового древа сверхъестественного», причем сравнительно молодая по историческим меркам, на которую еще ничто не успело наслоиться.² Среди народов Сибири аутентичные формы тотемизма, сходные с теми, которые фиксировались в Африке, Америке, Австралии и Океании, не отмечены, а под пережитки тотемизма ловко подводились любые упоминания о животных и даже о растениях в фольклоре и любые проявления обрядности по отношению к таким объектам.

Е.М. Мелетинский, более других исследователей занимавшийся соотношением мифа и сказки в их разных свойствах и проявлениях, писал в своей книге «Поэтика мифа»: «Происхождение сказки из мифа не вызывает сомнения. Многочисленные тотемические мифы и особенно мифологические анекдоты о трикстерах широко отразились в сказках о животных. Мифологический генезис бросается в глаза в универсально распространенных сюжетах волшебной сказки о браке с чудесным «тотемным» существом, временно сбросившим звериную оболочку; чудесная жена (в более поздних вариантах – муж)³ дарит своему избраннику охотничью удачу

² Вообще с тотемизмом как этнографическим понятием, в отечественной этнографии Сибири второй половины XX – начала XXI века что-то явно не все в порядке. Вера Ивановна Цинциус (1903-1983), известный тунгусо-маньчжуровед и научный руководитель автора книги по аспирантуре, слушавшая лекции Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, рассказывала автору о том, что уже эти исследователи позволяли себе говорить, что у народов Сибири медведь – не тотем, а тотемoid, то есть нечто лишь похожее на тотем. Собственно тотемы в материалах по этнографии народов Сибири не присутствуют.

³ Утверждение, явно сформулированное на дедуктивной основе от теории к материалу и очень спорное: невозможно доказать, что сюжеты о браке охотника и медведицы у народов Сибири древнее, чем абсолютно симметричные им в гендерном отношении сюжеты о браке медведя с девушкой, позднее превратившиеся в группу сюжетов «Маша и медведь». Если же рассматривать и эти сюжеты как этиологические, объясняющие ряд устойчивых деталей сюжетов, то бытование этих пар сюжетов в одном времени вполне понятно и объяснимо. Другое дело, что для ряда народов, например, для народов Кавказа, у которых сюжеты первой группы полностью отсутствуют, а сюжеты второй группы распространены ничуть не менее, чем в Сибири, оценочные характеристики этих сюжетов определяются позднейшими культурными компонентами.

и т. п., но покидает его вследствие нарушения брачных запретов, после чего герой ищет и находит жену в ее стране и вынужден там пройти ряд традиционных брачных испытаний (ср. сюжеты №№ 400, 425 и некоторые другие, по системе Аарне – Томпсона). Подобные сюжеты характерны для некоторых пережиточно-тотемических мифов о происхождении родов и племен» [Мелетинский 2000, 262-263]; «Собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя из мифологических истоков. Это та же мифологическая семантика, но с гегемонией «социального» кода; в частности, важнейшая оппозиция высокий/низкий имеет в сказке не космический, а социальный смысл» [Там же, 262].

В цитируемой книге Е.М. Мелетинского мы можем найти суждения, которые выглядят практически как комментарии к интересующим нас сюжетам о получении огня: «...Основные ступеньки процесса трансформации мифа в сказку: деритуализация и десакрализация, ослабление строгой веры в истинность мифических «событий», развитие сознательной выдумки, потеря этнографической конкретности, замена мифических героев обыкновенными людьми, мифического времени – сказочно-неопределенным, ослабление или потеря этиологизма, перенесение внимания с коллективных судеб на индивидуальные и с космических на социальные, с чем связано появление ряда новых сюжетов и некоторых структурных ограничений» [Там же, 264]. Есть в продолжении этих рассуждений и значимая характеристика деталей: «Очень существенна демифологизация времени действия, замена времени первотворения и строгой локализации в рамках космической модели неопределенным «сказочным» временем и местом действия. Отсюда неизбежна и демифологизация результата действия, т. е. отказ от этиологизма, специфически соотношенного с актами творения в мифологическую эпоху. Этиологизм формализуется в виде определенной мифической концовки. По мере потери сюжетом этиологического смысла эта концовка превращается в орнаментальный привесок и лишь постепенно вытесняется в сказках о животных «моралью», а в волшебных сказках – стилистическими формулами, намекающими на недостоверность повествования. Характерно,

что сказочные традиционные формулы в развитой классической форме сказки указывают на специфические отличия сказки от мифа: неопределенность времени и места, недостоверность и т. д.» [Там же, 265]. К недостоверности, маркирующей сказочные тексты, нам еще придется возвращаться.

Существенны замечания Е.М. Мелетинского, касающиеся взаимодействия жанров устного творчества в процессе преобразования мифов в сказки, и проявления социальной маркировки героев повествований, меняющих жанровую принадлежность: «В процессе демифологизации, по-видимому, сыграло свою роль взаимодействие традиции собственно мифологического повествования и всякого рода быличек, центральными персонажами которых с самого начала были обыкновенные люди, порой безвестные и даже безымянные. Демифологизация героя в сказке дополняется часто нарочитым выдвижением в качестве героя социально обездоленного, гонимого и униженного представителя семьи, рода, селения...» [Там же, 266]. Тут уместен вопрос, не противоречит ли автор сам себе, допуская бытование несказочной прозы в те периоды, когда и сказочная проза еще не оформилась как жанр, но мы тут противоречия не усматриваем. Ничто не мешает допускать, что в прошлом в системе мифов уживались друг с другом базисные мифы, имеющие широкое распространение и поддерживаемые обрядовой и ритуальной практикой вместе с изобразительным искусством, и какие-то местные относительно периферийные мифы, которые быстрее выходили из оборота и передавали свою сюжетику и своих персонажей другим повествовательным жанрам.

В.Я. Пропп, определяя характерные особенности жанра сказки, писал: «В русской сказке нет ни одного правдоподобного сюжета»; «Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция. Она никогда не выдается за действительность»; «Несоответствие действительности, выдумка как таковая доставляют особое наслаждение. В сказках-небылицах действительность нарочито выворочена наизнанку, и в этом вся их прелесть для народа»; «Мы видели, что сказочник не верит в действительность своего рассказа.

С эпосом дело обстоит иначе» [Пропп 1975, 86, 87, 101]. Заметим, в фольклоре выворачивание действительности наизнанку, превосходящее по мастерству мастеров литературы-обэриутов – Д. Хармса, А. Введенского и их единомышленников, в отличие от практики последних, никогда никого не возмущало и никем не преследовалось.

М.И. Стеблин-Каменский в своей книге «Миф» писал: «Повествование с установкой не на правдивость, а только на занимательность – естественный результат осознанности вымысла при неосознанном авторстве. Самое типичное повествование такого рода – это, конечно, волшебная сказка. Повествование с установкой не на правдивость, а на занимательность должно быть, естественно, построено так, чтобы не содержать ничего, что не способствует его занимательности. Поэтому все особенности формы и содержания волшебной сказки явно служебны по отношению к ее основной установке. В частности, главный герой волшебной сказки – это герой, индивидуальность которого исчерпывается тем, что ему удастся преодолеть все препятствия и что все его желания исполняются. Истолкование всех особенностей волшебной сказки как средств сделать повествование занимательным, т. е. как повествовательной техники, представляет несомненный интерес» [Стеблин-Каменский 1976, 86]; «...сказка как жанр, и во всяком случае волшебная сказка, предполагает не только осознанность вымысла, но еще и все те формальные особенности, которые развились в ней в результате ее установки на занимательность.» [Стеблин-Каменский 1976, 88].

Мы полностью согласны с мнением этого выдающегося филолога-скандинависта. Есть что-то магическое в средневековой литературе Норвегии и Исландии, благодаря чему специалисты в этой области проявляют себя как блестящие теоретики, как и М.И. Стеблин-Каменский, Е.М. Мелетинский также занимался скандинавской мифологией и литературой.

Итак, сказка – вымысел по определению. Это знают слушающие, это знает рассказчик. Но сказки о небылицах – это как бы вымысел внутри вымысла, и вымысел второго порядка, собственно

небылицы, получает самое разнообразное оформление на уровне связей предметов и их качеств. Сказки о небылицах, в отличие от других групп сказок, если они имеют устойчивые сюжеты – это сказки типов 6, 7, 8, 9 по нашей классификации, создают уникальную возможность, поведать слушающим, кто, как и зачем рассказывал неправду, кто заказывал неправду, кто и как ее слушал, и что из всего этого в итоге получилось. В сказках о небылицах рассказчик как бы надевает маску героя – простофили (не случайно чаще всего рассказчик происходит из социальных низов или оказывается жертвой каких-то событий, снизивших его социальное положение, как шахские или ханские сыновья) и показывает: а вот смотрите, чего может добиться герой и без меча-кладенца и без помощников-объедал и опивал, скороходов и других, выручающих героя в трудных положениях. Сказки о небылицах других типов как бы показывают слушателям, которые в идеале должны быть знатоками традиции, те неограниченные изобразительные возможности фантазийного повествования, которыми располагает фольклор.

Многие сказки о небылицах заполняют существующие лакуны между заведомой правдой и разнообразным вымыслом. Их герои частью соответствуют героям волшебных сказок, частью отличаются от них. Именно они придают законченность фольклорной модели мира в представлениях устной словесности.

Как нетрудно увидеть, взгляды автора данной работы на генезис сказки несколько отличаются от мнений уважаемых ученых, приведенных выше – собственно, для этого нам пришлось обратиться даже к животному эпосу и связанным с ним проблемам. Мы полагаем, что сказка как жанр, в особенности волшебная сказка при всем многообразии ее сюжетов, не едина по происхождению, и в процессе формирования сказки как жанра в ней объединились изначально разные повествования. Можно выделить три группы сюжетов и мотивов, которые некогда должны были быть самостоятельными, и должны были принадлежать как минимум к двум группам жанровых разновидностей. Эти группы таковы: 1) сверхъестественный герой; 2) сверхъестественный

предмет; 3) путешествие в иную сферу действия – иной мир, иное царство и т.п.

Первые две группы мотивов и сюжетов структурно, формально, и по-видимому, генетически связаны с ранними формами представлений о сверхъестественном, с ранними религиозными представлениями, с верой в существование сверхъестественных существ, с которыми можно установить контакт, и вера в существование необычных свойств у предметов, которыми можно завладеть. При этом все сверхъестественное – и существа, и предметы – может приносить пользу герою повествования (считайте, всем людям) или быть поставлено на службу герою или всем окружающим. Первые две группы сказочных сюжетов и мотивов, как можно догадаться – это сданные в архив религиозные воззрения, представления и верования, сохраняющиеся в форме занимательных и слегка страшных рассказов. Третья группа сказок – сказки о путешествии в иную сферу действия, связанные с тем, что герой почти обязательно покидает свой локус бытия, свой дом и идет куда-то искать и приобретать чего-то – имеет в своем основании универсальное свойство любого нарратива, любого повествования: рассказывать можно только о том, чего не видели слушающие, и переход от «видимого», т.е. того, что являлось для героя обычным, рутинным, повседневным, к «невидимому», незнакомому для него и соответственно незнакомому для слушающих – это как раз классическая, самая простая форма повествования о неизвестном, как раз то, что и является целью и смыслом любого устного повествования – ведь нет смысла рассказывать о том, что все знают...⁴

Сама по себе сказка как жанр – это, как ее определяли В.Я. Пропп и М. И. Стеблин-Каменский, заведомый вымысел, как для сказочника, так и для его аудитории. Сказки о небылицах – это как бы вымысел вдвойне, вымысел внутри вымысла. Вследствие этого проблема происхождения сказок о небылицах

⁴ Как мы уже заметили, позже в повествование встраивается другая линия, рассказ о том, что происходит в начальной точке повествования или в каких-то иных локусах.

разделяется на две самостоятельных проблемы – происхождение небылиц и их цепочек, и происхождение сказок о небылицах как одной из групп новеллистических сказок. Изучая тексты, можно видеть, что иногда сказки о небылицах, которые мы здесь рассматриваем, смыкаются с волшебными сказками – таковы башкирская, туркменская сказки, где рассказывание небылиц является самостоятельным и относительно поздним в хронологии развития сюжета эпизодом.

Простейший случай интерпретации происхождения сказок о небылицах составляют наиболее эффектные в сюжетном отношении типы сказок – сказки о приобретении чего-либо: огня, богатства, жены из высшего сословия. Фактически здесь герою задается трудная задача – типичная пропповская схема волшебной сказки, такая задача могла быть любой – но в интересующей нас группе сюжетов важно, чтобы герой-рассказчик небылиц не покидал локуса разворачивающегося действия – кстати, получивший чью-то дочь в жены герой как бы никуда не уходит из того пространства, где он добился искомого, это тоже существенно. Жена, добытая в героическом эпосе, с обязательностью увозится домой. В этих сказках герой никуда не уезжает и даже домой не возвращается.

Рассказ героя, состоящий из небылиц – это, как мы видели, чаще всего монолог, иногда прерываемый слушателем, довольно редко он содержит элементы диалога, к которому относятся вопросы о глубине колодца, величине верблюда, длине дерева, продолжительности дня и т.д. В первом приближении сказки о небылицах, имеющие такую схему построения, можно рассматривать как сказки о небылицах типа 7 по нашей классификации, в которые встраивается текст рассказа из небылиц типа 1 – небылицы, рассказываемые от первого лица. Эти небылицы, как мы говорили, именно по адресанту повествования сходны с рассказами-быличками. Иногда мы можем встретить сложный монтаж из небылиц, рассказываемый и от первого лица, и от третьего – как сказка или бывальщина, такова казахская сказка «Обманщик обманщиков».

Сказки о небылицах других типов имеют несколько иные конструкции. Некоторые из них состоят из двух элементов: основа сюжета + рассказываемые тексты. Сказки о небылицах типов 8 и 9 строятся по этой схеме, но в них могут присутствовать не только небылицы типа 1 (чего, кажется, в реальности и не происходит), а небылицы типа 2, рассказываемые от третьего лица, своего рода бывальщины.

В любом случае сказки о рассказывании небылиц в их типичных вариантах – это варианты типа 7 по нашей классификации, похоже, инкорпорировали мотив «рассказывание небылиц как испытание», наполнением которого являются два разных типа серий небылиц, рассказываемых от первого лица или от третьего лица.

Происхождение сказок о небылицах или историй с небылицами, отнесенных нами к первым пяти типам, до сих пор определенно не поддавалось объяснению. Каким образом рассказчик смог вместить себя в поле немислимого и заведомо вымышленного? Впрочем, известный сказочный финал – «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало» представляет собой небылицу именно этого типа. Такие концовки сказок нельзя считать русскими – они широко распространены у народов Евразии. Примыкание небылицы типа 1 к волшебной сказке в ее финале, равно как и помещение небылиц типа 2 в экспозицию сказок, о чем мы уже говорили – явления в целом понятные и укладывающиеся в представления о контаминации мотивов и цепочек мотивов, формирующих отдельный сюжет – процессы, знакомые всем, на них держится фольклорное повествование, примеры контаминаций можно обнаружить в любом сказочном сборнике.

Впрочем, некоторые образцы сказок могут подсказать решение поставленной проблемы. Некоторые сказки из тех, что привлекли наше внимание как сказки о небылицах, имеют начало, характеризующее «досказочное» прошлое», и такое начало само по себе выглядит как небылица. Вот начало узбекской сказки «В трех неправдах по сорок небылиц»: *«Было то или не было, сытно ли голодно, волк был бакаулом, лиса – ясаулом, гусь – горнистом,*

утка – флейтистом, ворон – знахарем, воробей – сплетником». Музыкальные мотивы в связи с птицами в этой сказке заставляют вспомнить ламаистскую службу птиц и зверей в калмыцкой сказке. Но там это одна из небылиц, а здесь – средство маркировки жанра сказки (яркий вымысел).

Начало башкирской сказки «Ерянке-сесен»: *«В стародавние времена, когда коза состояла в командирах, утка – в урядниках, индюк – в десятниках, волки – в надзирателях, а вороны – в стражниках; когда от сорок был прок, а от воробья – ни копы; когда петухи исправно совершали грехи, а курицы не покидали улицы: когда львы не знали любви, змеи были кнута злее, а лисы были большие подлизы, жил да был, сказывают, некий хан»*. Тут почему-то все звери и птицы призваны на службу по охране ханского порядка.

В этих сказочных экспозициях мы наблюдаем нечто сходное с отдаленными временами по экспозициям тунгусских, в основном эвенкийских, эпических сказаний. Эти экспозиции, как полагают, имеют мифологическую природу, что не мешает в них изображать мир как бы вывернутым наизнанку. Впрочем, если мы далее встретимся с пародийным началом героического сказания, то почему бы сказочнику не пародировать и сам эпос?

Подобные зачины сказок, варьирующие темы иной организации мира в прошлом, встречаются и в сказках, никак не связанных с небылицами. Вот как выглядят зачины двух гагаузских сказок.

Сказка «Ручная мельница»: *В стародавние времена, когда колос был в соломе, дед был в колыбели, а отца моего еще на свете не было, пошла моя мать в монастырь*.

Сказка «Джюджа-Тодур»: *В стародавние времена, когда гумно было на стеблях, когда я в колыбели был, а отца еще на свете не было, мать моя отправилась в селение Аладжа-Манастир*.

А вот как выглядит зачин татарской богатырской сказки «Турай-Батыр»: *Жила, говорят, в далёкие времена одна женщина. Три дома имела: один соседский, другой не построенный, а у третьего и сруб ещё не срублен. Вот она и жила в лачуге. А лачуга была знатная, всем домам дом: облаком крыта, ветром*

законопачена. Но хоть и бедно та женщина жила, а все ж не побиралась. И был у неё, говорят, сын по имени Турай, громадного роста и богатырской силы джигит.

Можно сравнить зачины этих текстов с зачином варианта бурятской сказки «Семьдесят небылиц» (вариант 2): «В далекие прежние времена, когда океан-море было с лужицу, а птица-ворон – с воробушка, жил на свете один жестокий хан». Здесь мифологическая основа сказочного времени, заданная свойствами объекта, еще не пародируется, несмотря на жанр и тип сказки.

Если изучать только эпические произведения монгольских и тунгусских народов, то подобная экспозиция будет непонятной, с какой стати исполнитель и сам текст ерничают по поводу домов матери такого джигита? Появление такого зачина понятно только при одном условии – когда мы видим, что мифологическая экспозиция с ее преувеличениями-гиперболами и чаще уменьшениями-литотами, характерная для героического сказания одной формации, начинает откровенно пародироваться в героическом сказании другой формации. Почему не подвергается осмеянию вполне приемлемое мифологическое начало бурятской сказки? Вероятно. Потому, что и содержащиеся в ней небылицы сохраняют мифологический характер, присущий героическим сказаниям монгольских и тунгусо-маньчжурских народов.

И в экспозиции, и в финалах сказочных текстов небылицы существуют как некий конвой к текстам, сопровождение сказочного текста и факультативные дополнения к нему – ни рассмотренные нами начала, ни конец «И я там был» не являются обязательными для структуры сказочного текста. И наличие или отсутствие таких элементов сказочного повествования, и их оформление – это прежде всего одна из составляющих традиции в оформлении повествований, а уже потом второстепенный жанровый признак. Можно предполагать, что переключение персональности – от рассказчика к участнику рассказа, какое мы наблюдаем при рассказывании небылиц от первого лица – является каким-то сюжетным ходом в сказках определенных групп.

Возможно, есть что-то непонятное в природе вымысла и его разновидностях: любая сказка – вымысел и заведомая неправда, но небылицы второго типа представляют собой стопроцентно опознаваемый слушателями и всемерно маркированный вымысел, характеризующийся собственной поэтикой, средства которой не используются более нигде, ну за исключением каких-нибудь частушек («Поросеночек яичко снес»).

Иногда некоторые современные авторы связывают такие тексты с абсурдом – глубоко авторским абсурдом Д. Хармса и его литературных единомышленников второй трети XX века. Но надо помнить – абсурд Хармса есть авторский абсурд, новация и новодел на фоне трехсот лет авторской русской литературы в ее стилевом разнообразии и сохранении авторского стиля в хронологии литературного континуума: стиль Ломоносова и Державина не изменится и в XXII-м и в XXV-м веках, а стиль сказки и эпоса должен был измениться, даже если это сказки про Петра Первого, эпос про Князя Владимира или воспевание кого-то из династии Великих Моголов, имевших титул Джехан-гир – повелитель мира, с которым любят связывать имя главного героя калмыцкого героического эпоса – Джангара.

Впрочем, не все, что кажется новым, таковым является. Интересное собрание небылиц представляет собой «Лечебник на иноземцев» второй половины XVII века. Приведем его фрагмент:

«Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба, и тому пристойныя статьи: Взять мостового белаго стуку 16 золотников, мелкаго вешнаго топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников, а принимать то все по 3 дни не етчи ... Крепительныя порошки: Взять воловоу рыку 5 золотниковъ, чистваго, самого ненаснаго свиново визгу 16 золотников, самых тучных курячьих титекъ, иногда пол 3 золотника, вешнаго ветру пол четверика в таможенную меру, от басовой скрипицы голосу 36 золотниковъ, вежливаго жаравлинаго ступанья 19 золотников» [История государства Российского 2000, 476-477].

Многие известные фольклористы В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, М.И. Стеблин-Каменский, без трудов которых мы не можем

обойтись при обсуждении нашего материала, при обсуждении проблем хронологии появления фольклорных жанров и их связи с религиозными представлениями, поднимали проблемы, что первично – миф или сказка, что появилось раньше – мифология или религия (см. выше). Это вполне правомерно, особенно для состояния гуманитарных наук на период середины прошлого века. Сейчас нередко, когда сравнивают дискуссии по таким проблемам со спором о том, что появилось раньше – курица или яйцо, научные шутники замечают – забыли про петуха... К сожалению, эта остроумная ремарка сюда не подходит: спорящие и их критики тут забыли не только про петуха. Они забыли и про известь, из которой состоит яичная скорлупа, и про дифференцированные формы органической материи, которой наполнено яйцо и из которых состоит курица. Прежде чем вести спор об архаике жанровых форм фольклора и его связи с мировоззрением, можно обратиться к свойствам языка, без которых не мыслится само существование устной словесности.

Во всех языках мира имеются многозначные слова. Во всех языках мира имеются синонимы, дающие возможность по-разному называть один и тот же предмет и создающие основу поэтики словесных художественных форм. Исключений тут нет и они невозможны в силу специфики естественного языка как феномена. На любом языке возможно построение как истинных, так и ложных высказываний. На любом языке возможно построение корректных высказываний и высказываний с разной степенью некорректности.

В 1960-е – начале 1970-х годов вся прогрессивная советская лингвистическая общественность обсуждала примеры их работы американского лингвиста Н. Хомского «Бесцветные зеленые идеи спят яростно», и даже отмечалось, что отсутствие смысловой связи между отдельными словами соотносит этот текст с поэтическими опытами – кое-кто из лингвистов даже делал поэтические перифразы этого примера. Позже мы получили-таки нечто собственное на русском языке в виде известной и любимой песни артиста и барда Владимира Качана: *«Над Москвой встает зеленый восход, По мосту идет оранжевый кот, И лотошник у метро продает Апельсины цвета беж»*. Здесь к языковым небылицам –

необычным словосочетаниям позже добавилась небылица реальная – лотошников от метро погнажи.

Как раз названные свойства языка – свойства любого языка, русского, хантыйского, японского, узбекского, чукотского, любого африканского или папуасского – позволяют существовать устной словесности и письменной литературе как культурным феноменам универсального характера (не знаем, как с фольклором, но литература существует даже на искусственном эсперанто, а фольклор процветает уже более 70 лет в разнообразии жанров на возрожденном во всех функциях иврите. Эти свойства языка – возможность иных номинаций, возможность описывать воображаемые или несуществующие предметы и не происходившие события, не только способствует возникновению и существованию фольклора, но и определяет дифференцированность фольклорных жанров. Отличие сказки, мифа, эпоса друг от друга – главный признак их различия заключен в разной степени достоверности для знающих, рассказывающих и слушающих: как ни парадоксально для нас, абсолютная достоверность у мифа, абсолютная недостоверность у сказки, относительная достоверность, правдоподобие – у эпоса, реальность которого никогда не была наблюдаема большинством слушающих, а участники событий не особо желали распространяться о творимых ими жестокостях; мир того, что незнакомо большинству, как раз и являлся миром героического эпоса.

В споре о первичности сказки и мифа, в осознании того, как развивалось понимание вымысла и каковы были его функции, специалисты нередко упускают из вида одну важную деталь, одно свойство форм словесности и форм общественного сознания – это множественность текстовых единиц, которые существуют только в виде определенного единства, совокупности, суммы. Ведь возникновение комплекса мифов, равно как и становление репертуара сказочных сюжетов – это не конвейер по пошиву сапог: одна пара, вторая, третья... Образцы текстов этих жанров появляются в обиходе сразу какими-либо группами, как говорят сейчас, пакетами. При этом каждая группа входит в обиход со своими системными связями и со своей историей, в равной степени связанной

со смежными практиками: знаниями, религиозными представлениями, ритуалами, своим и чужим социальным опытом. Можно утверждать, что история знала столько же систем сверхъестественных существ, сколько людей жило на земном шаре – у каждого была своя, но не все эти системы достигли обобщения. Есть даже такая религиозная система – нагуализм, в которой у каждого человека свое божество, никто не знает у кого какое, и никому нет дела, кто кому молится. И конечно, нет надобности связывать эти формы с какими-то периодами истории – даже не истории, а ее дайджест-конспекта, обязательного к изучению и представленного в крошечной книжке «Манифест коммунистической партии» или рефератами по сочинениям позапрошлого века, над которыми трудился великий компилятор Ф. Энгельс. Не верите – посмотрите сами, у него честно даны ссылки на тогдашних классиков истории и зарождавшейся этнографии, а мы в дополнение к ним теперь знаем, кто к какой научной школе принадлежал и все эти школы основательно устарели. Мы твердили за ним «Труд создал человека» – только этот труд, создавший человека, был не физическим, не коллективным, и главное, не принудительным. Наши сказки показывают, что рассказывание небылиц – это такой же труд, как и пастьба лошадей или верблюдов. Можно задаться вопросом, и это справедливо: откуда у автора этой книги такая ирония по отношению к предшественникам? Дело в том, что наши знания в данной области за последнее столетие ушли далеко вперед. Кстати, у Ф. Энгельса нет ни понятия «тотемизм», ни понятия «тотем» – значит, эти понятия приспособили к историческому материализму позднейшие эпигоны. И мы (за редкими исключениями из числа доморощенных философов) не принимаем словник в 200 слов, записанный путешественником или миссионером, за полный словарь какого-нибудь незнакомого нам примитивного языка; более того, мы хорошо знаем, что языков с 200 или 300 словами никогда не существовало и существовать не может. Классики отечественного юмора И. Ильф и Е. Петров ошиблись – словарь героини романа «Двенадцать стульев» Элочки Щукиной никак не мог составлять тридцать слов. Это она в общении обходилась тремя десятками

высказываний, часть которых состояла из одного слова, вполне грамматически оформленного по-русски, а *хамите* – так даже вежливого. При этом героиня с таким «Словарем» прекрасно понимала все, что ей говорили собеседники, так же, как она понимала содержание читаемых журналов. Кому не лень – тот может подсчитать число слов в диалогах с ней, уверяем – лексикон супруги инженера расширится до словника целого романа о великом комбинаторе.

Загадка, универсальный жанр фольклора (если где-то их нет, значит, там их просто своевременно не обнаружили) – это сложная номинация знакомого объекта, причем загадки бытуют в такой системе, когда отгадывающий, тот, к кому обращен вопрос, должен не отгадать ответ, а дать его, исходя из своих знаний корпуса загадок [Бурыкин 2001]. Изучение разнообразных, немногочисленных, явно периферийных афористических и миниатюрных форм фольклора позволило выявить парадоксальный, но нашедший свою нишу в системе фольклорных форм жанр антизагадки – когда от слушающего требуют не отгадать, что так названо, а вспомнить, какая загадка существует на данный предмет, как он загадывается [Басангова, Бурыкин 2009а, 475-480]. Наверное, это еще не все жанровые формы, близкие к загадкам, связанные с ними и производные от единой системы виртуально диалоговых фольклорных форм.

Важное свойство загадки, о котором не всегда говорили даже фольклористы, и о котором никогда не говорят педагоги, использующие загадки в своей трудной области приложения сил, то есть этнопедагогике, – это динамичность ее текста, способность распространяться, присоединять к себе другие загадки с той же отгадкой [Бурыкин 2001]. Для того, чтобы установить этот факт, нужно было попробовать записывать загадки в их живом бытовании – даже варианты загадок в письменных текстах этого почти не показывают.

Вот как раз в области соприкосновения загадок и сказок (но не при прямом цитировании хорошо известно формы загадки в хорошо известной форме сказки) и заключено нечто интересное для нашей темы. В нашем материале встретились необычные ситуации, когда один герой сказки начинает рассказывать

какую-то несусветицу – одну небылицы или несколько небылиц в цепочке, а задача другого – либо признать, что такого не бывает и не может быть, либо... продолжать этот рассказ своими несусветицами или каноническими небылицами. Это мы видим в одном варианте калмыцкой сказки «72 небылицы» у калмыков, где заботливый отец тренирует сына перед испытанием: «Однажды хан объявил: кто ему расскажет красиво и интересно семьдесят одну небылицу, тому он отдаст свою красавицу дочь и полцарства».

Услышал об этом один бедняк и решил послать к хану своего старшего сына. А прежде чем послать сына, надо его проверить. Вот идет старик со своим сыном по берегу озера и говорит ему

– Посмотри-ка, видишь, теленок матку-рыбу сосет?

– Да, да, вижу, сосет! Даже на мое лицо молоко брызнуло, – отвечает сын.

Отец остался доволен сыном, его быстрым и находчивым ответом и отправил его к хану».

Этот эпизод для комментаторов и исследователей явно померк в сравнении с десятками небылиц, составляющими текст сказки и остался без внимания – кстати, он есть только в одном варианте этой сказки из тех двух, которые пользуются широкой популярностью. Между тем он принципиально важен для уяснения, что считать по форме сказочной небылицей – монолог или стихийный диалог, как в рассмотренном эпизоде.

Сходное развитие событий мы видим в македонской сказке о мельнике Кьосе и том парне, который перехитрил его: «И стал ему Кьосе плести небылицы: он постарше, значит, и начал первым.

– Видишь вот ту канаву? Здесь в старину было чудо. Посадили тут огурцы. Росли они, росли да выросли такие большие – просто диво. Один огурец ненароком упал поперек канавы да так и остался заместо моста. Не только люди по нему могли проходить, но и верблюды.

– Верно, верно! – весело засмеялся парень. – Конечно! Я знаю! Я помню! Отец мне рассказывал, что было еще и такое: однажды по этому огуречному мосту шли верблюды с поклажей, везли

драгоценности царские. А мост-огурец раскачался, затрясся – верблюды в канаву свалились, да и утонули. А отец мой в огурце сидел, спал там. Проснулся он от этого шума и выглянул из огурца. Собрал потом потихоньку все царские сокровища и сделался богачом.

И я тебе вот что еще расскажу! У нас были улы пчелиные, штук этак триста. И каждое утро отец пересчитывал пчел (далее следует текст небылицы, заставившей мельника признать свое поражение)».

Бурятская сказка «Крестьянин Тархас» – и только эта сказка – представляет нам совершенно нетипичную для таких сказок ситуацию, когда рассказчик небылиц терпит поражение в диалоге с ханом: «Давно это было, как-то узкоглазый хан Олзой (интересно, а какие при этом глаза у слушателей-бурят?) от нечего делать издал указ: «Кто сумеет обмануть меня так, чтобы я поверил, тому отдам полную чащу золота».

Узнал об этом указе пастух Малаасгай пришел к узкоглазому хану Олзою и говорит:

– Хан-батюшка, у моего отца был такой длинный шест, что он мог им перемешивать звезды на небе.

– Да это ерунда. Вот когда закуривал мой хан-отец свою трубку во дворе, то зажигал ее прямо от солнца. Вот такая была у него длинная трубка.

Услышал это пастух Малаасгай и молча вышел».

В этой сказке хан сумел поддержать диалог, своего рода сочинение сложной небылицы, а пастух оказался незадачливым, растерялся и ушел ни с чем. Заметим, как и со сказкой «72 небылицы» такие эпизоды остаются незамеченными и выглядят не вполне понятными, если мы не имеем полной картины бытования небылиц и сказок о небылицах во всем их многообразии.

В одном из вариантов бурятской сказки «Семьдесят небылиц» кратко описываются рассказы героев-неудачников: «И повалили ко дворцу завязтые говоруны, записные лгуны, любители небывальщины: одни – из жадности, другие – из бедности, а кто и прославиться захотел. Вот тут-то хан и поставил перед ними главное

условие: – Кто выведет меня из терпения своей ложью, кому я скажу: «Такого не бывает», – тот и победит.

Принялись говоруны за опасное дело. Но один запнулся на середине рассказа, другой правдивое слово обронил ненароком, третий все складно поведал, но хан презрительно усмехнулся и процедил сквозь зубы: – Со мною и похлеще случалось.

Казнили всех троих говорунов, записных лгунов, и желающих рассказать хану семьдесят небылиц сначала поубавилось, а потом и вовсе не стало». Здесь, несмотря на то, что рассказы незадачливых исполнителей только характеризуются, все же кое-что понятно: рассказчик небылиц не должен был останавливаться, не доведя свое повествование до логического конца; рассказ не должен был содержать признаков правды (чтобы избежать этого, он насыщается гиперболами, смысловыми инверсиями разных типов и т.п.), и стараться не дать возможности слушающему увидеть в повествовании что-то знакомое или превосходное по степени вымысла его собственные фантазии, да даже не фантазии, а пассивный и активный опыт импровизации в этой области.

Интересный фрагмент, сходный с представленными выше, содержится в абхазской сказке «Три брата и князь». Рассказчик повествует: ... когда он смазывал ореховым маслом шею пчелы, несколько капель упало на землю, и за ночь выросло это большое дерево. Наш пасечник поднял ком земли и кинул его в верхушку дерева, чтобы сбить несколько орехов, но ком застрял среди густых ветвей; так он и не полакомился орехами...

И тут в тексте среди рассказа звучит реплика к слушающему:

– Если ты обо всем этом слышал, то продолжай дальше, – сказал князю Джир. Но князь вынужден был сознаться, что он не может продолжать рассказ.

После этого исполнитель небылиц продолжает повествование за незадачливого собеседника:

– А дальше произошло вот что, – сказал Джир. – Пошел мелкий дождь, и комок земли, брошенный пасечником, разбух, превратился в целое поле и пластом лег на вершину дерева».

Становится даже жалко гордого абхазского князя – ведь продолжение рассказа, которое он не смог озвучить, представляет собой широко распространенный мотив или сюжет второго порядка, знакомый многим народам, и встречавшийся нам достаточно часто – столь же часто, как, например, и сбежавший сапог.

Если бы подобные фрагменты изредка не встречались в рассматриваемых нами сказках, причем на какой-то их периферии, где в тексте монолог рассказчика не является доминантой повествования, нам было бы невозможно понять истинный характер сказок о небылицах, как невозможно было бы и представить себе их былое многообразие.

То же самое мы видим в сказках об условленном или непредумышленном состязании рассказчиков небылиц, например у казахов в сказке «Старик и его дочка» (сказка с таким же сюжетом есть у татар – «Мудрая девушка», у узбеков – «Дочка-умница»), у чеченцев («Спор о небылице»), у абхазов («Коблук и черт»), там, где небылицы рассказываются равными по статусу героями. Вообще-то фрагменты таких рассказов в классический набор мотивов-небылиц чаще всего не входят, эта форма сказок в фольклоре существует как-то самостоятельно, и, как представляется, сказки такого типа зафиксированы у немногих народов и находятся уже на грани изживания из обихода. Сказки об умной дочери явно выпадают из этой группы, поскольку там немногочисленные небылицы привязаны к сюжету.

Еще одна особенность сказок о небылицах, которая связана уже не с жанровой природой, а с самим типом рассказа о небылицах – это вопросы, касающегося содержания небылицы, которые как бы намечают превращения описываемого предмета в нечто нереальное, карликовые верблюды, неглубокие колодцы в степи, короткие дни. Покажем это на примере бурятской сказки «Семьдесят небылиц»:

Хан подумал, что парень закончил свой рассказ о семидесяти небылицах без запинки и придется ему отдать проигранное золото, ударил тростью о пол и громко крикнул:

– А может неглубоким было дно колодца?

– *Может, было неглубоким. Почему думаю так? Когда бро-
сишь камень утром в колодец, то только вечером достигает он
дна, – говорит парень, не растерявшись.*

– *В это время, наверное, дни были короткими? – спрашивает
хан.*

– *Может, и короткими были. Когда твой отец украл овцу у
моего отца и был пойман, мой отец начал выдергивать по одной
волосинке его волосы. Только к вечеру твой отец вернулся домой
совсем лысым и с красной головой.*

– *Врешь! – закричал хан и сразу замолчал.*

Такие диалоги с примерно одинаковым содержанием встреча-
ются, кроме этой бурятской сказки, в башкирской сказке о Ерян-
се-сесене, в казахской сказке «Сорок небылиц», в ногайской сказ-
ке с таким же названием и в одном из вариантов калмыцкой сказ-
ки «72 небылицы», опубликованном в сборнике Т. Г. Басанговой
«Сандаловый ларец». Такой диалог, заключительные два вопроса
которого связаны с глубиной колодца и длиной дня, является тек-
стовой основой абхазской сказки «Коблук и черт».

Здесь надо вспомнить небылицы типа 3 по нашей классифика-
ции, то есть небылицы, которые предполагают вопрос к слушате-
лям в конце повествования или вопрос к герою-рассказчику в ка-
кой-то момент повествования, если поддерживать сравнение этих
рассказов с эпизодами сказок о небылицах типа 8 и отдельных
текстах типа 7. Мы говорили, что этот тип небылиц встречается
нечасто – мы смогли найти его у чеченцев («Кто больше?»), у гру-
зин («Сказка-загадка») и у тувинцев («Сказка-загадка»). Однако
элементы этого типа повествований мы можем встретить в других
сказках. Вот какой вопрос содержится в конце калмыцкой сказки
«Неприсужденная награда»: «А ты как думаешь? Сказки слу-
шать всякий умеет. Ты вот помоги решить, кому же из братьев
награду нужно дать. Всем трем? Нельзя. Не по правилу. Келмер-
чи будут против. Одному из трех? Так кому же?» Текст другой
калмыцкой сказки «Сын Аралтана» имеет вопрос-предложение
к слушателям: «Что же дальше, дальше что? – спросите вы.
Пока Наран гонит табун к кибитке дочери Чибчин Хурчи, сами

подумайте. Кто придумает лучше, такой и будет конец у этой
сказки». Сказки с подобным вопросом в конце, который, понятно,
не учитывается ни одним указателем как особая жанровая фор-
ма сказки, нередко встречаются среди татарских сказок. Правда,
здесь уже перед слушателями, к которым обращены вопросы,
только в последнем из приведенных здесь случаев стоит задача
продолжения сказки, в сущности, рассказа такой же небылицы
как и те, что интересуют нас.

Как мы видим, наши рассуждения вращаются вокруг хорошо
известных в фольклористике понятий. Гипербола, преувеличение,
в данном случае увеличение размеров предмета до немыслимого
масштаба – этот прием используется в фольклоре в разных жанрах
и с разной целью. Литота, термин, редко используемый – антоним
для гиперболы, преуменьшение чего-либо. В данных случаях, и
вообще в громадном числе небылиц-мотивов гипербола служит
уже не для «остранения» предмета (термин Виктора Шкловского)
с целью придания ему художественной ценности, но для создания
эффекта нереального, невозможного, замыкаемого на явный вы-
мысел рассказчика или вымышленное содержание истории.

В. Я. Пропп писал в своей книге «Проблемы комизма и смеха»:
«Труднее объяснить комизм рассказов типа повествований Мюнх-
гаузена. ... Смех, возбуждаемый рассказами барона Мюнхгау-
зена, не относится к области насмешливого смеха. Ложь Хлестакова
изобличает лжеца с отрицательной стороны, ложь же Мюнхга-
узена возбуждает в нас, наоборот, симпатию к герою повество-
вания своей находчивостью. ... Смешон не только тип Мюнхга-
узена, смешны его рассказы. Большинство небылиц, рассказыва-
емых Мюнхгаузеном, имеет фольклорное происхождение. В них
герой поражает слушателей своей способностью находить выход
из самого, казалось бы, безвыходного положения... Нечто сход-
ное имеется в русской сказке. Человек увяз в болотной трясине
по самое горло. ... далее рассказывается, что на его голове утка
свила себе гнездо и снесла яйца. Волк прибегает и съедает яйца.
Рассказчик наматывает хвост волка себе на руку и пугает его
криком. Волк испугу бросается вперед и вытаскивает его из

трясины. Но есть небылицы и иного. порядка; в них нет удачи и находчивости: рассказывают, например, о кисельных берегах и молочных реках, об огромных выросших на огороде овощах, о перепрыгивании через море на тот свет и т. д. Ложь в этих случаях не преследует ни сатирических, ни разоблачительных целей. Лжец здесь вовсе не интересует рассказчика или слушателя. Интересует фабула. Фабула построена на совершенно очевидном и явном алогизме, и этого вместе с другими причинами совершенно достаточно, чтобы вызвать в слушателе веселую улыбку и довольный смех». [Пропп 1999, 113-114]. Многие небылицы из рассказов Мюнхгаузена и некоторые небылицы, отмеченные в указателе сюжетов восточнославянских сказок [Восточнославянская сказка 1979] встретились и в изученном нами материале. В общем, приходится констатировать – с небылицами и сам... Пропп не разберется, в чем он откровенно и признавался. В самом деле, мы пока не можем сказать, где в сказках о небылицах начинается собственно комическое, сколько конкретно небылиц рассказчик должен нанизать друг на друга, чтобы слушатели засмеялись.

Попробуем, однако, порассуждать о небылицах, отталкиваясь от предмета, подсказанного В.Я. Проппом – небылиц барона Мюнхгаузена. Невероятные события и приключения, о которых рассказывает барон, происходят с ним в странствиях и путешествиях. Баснословные рассказы о жителях каких-то далеких местностей и стран – привилегия европейских географических сочинений о Севере и Востоке. В восточных географических сочинениях, рассказывающих о Западе, о Европе, такого как будто бы нет. Можно думать, что какие-то мотивы небылиц появляются как реакция на рассказы о путешествиях – то, на чем строится повествование великого современника барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена, а именно английского писателя Дж. Свифта о путешествиях Гулливера по вымышленным странам.

Барон фон Мюнхгаузен, хотя его фантазийные приключения не привязываются к географической конкретике, все же может рассматриваться как врун географический. Тогда рассказчик небылиц

из интересующих нас сказок, сказок типа 7, 8 и 9 – это социальный врун. Социальный врун – неожиданная, необычная категория рассказчиков с тяжелой судьбой, живущих в тоталитарном обществе или в суровых природных условиях, где и огоньку-то попросить – просто так никто не даст, о чем нам рассказывают сказки о получении огня. Если у русского Емели мечта – до тридцати лет лежать на печи, а потом жениться на царской дочке, то мечта носителей традиции сказок с небылицами – немножко попасть скот, потом чуть-чуть потрепаться, а результат чтоб тот же – царскую дочку с приданым в жены. Станным оказывается герой узбекской сказки, который вместо золота требует открыть зинданы – ну почти Котовский... И напрасным будет тут занятие искать темы социального протеста или требования равенства. Как это характерно для Востока, герой-рассказчик небылиц не стремится поменять что-то в социальной системе, он хочет поменять свое место в этой системе на более комфортное и более престижное. Если он и стремится к равенству, то его равенство – в богатстве, а не в бедности. В татарских волшебных сказках («Одиннадцатый сын Ахмет» и др.), братья, женившиеся на падишахских дочках, везут их домой к родителям, что для наших героев-рассказывателей небылиц – вещь немислимая.

Интересно, что сказки о небылицах, где герой что-то приобретает, представляют собой редкий тип пространственного решения повествования, редкий тип отношения героя и хронотопа (пространства и времени). Только в сказках об огне и в небольшом числе других сказок – там, где их несколько, сыновья шаха, хана, братья-герои сказки возвращаются назад, к месту ночлега и в родные места. Не представляет чего-то особенного путь героев на мельницу домой и обратно, разве что заупрямившиеся ослы – так сказать, «заговор ослов» в карачаевской сказке и строптивый верблюд в грузинской («Три брата и плешивый плут») заставляют сосредотачиваться на деталях финала сказки – причем обе эти сказки говорят об обретении героем богатства, а не превращении в падишахского зятя. В основном герой приходит ко двору правителя, навсегда покидая родные места. Истинная мечта номада? Нет,

все-таки не будем, как выражался М.И. Стеблин-Каменский, вчитывать современные представления в сказочный текст. Но только в небольшом числе текстов героя как бы ждут в родном доме – иногда он возвращается домой каждый вечер, если рассказывает небылицы в три дня, и только у калмыков отец испытывает рассказчика небылиц, да еще в некоторых сказках (у турок, у туркмен) мать или отец выступают спутниками героя при бегстве или возвращении от дэва. Странно, но братья из ингушской сказки «Небылица», одолев ведьму-гарбаш, возвращаются к себе, а у них, как известно, «дом без окон и дверей, двор зарос бурьяном. И не было к нему ни тропы, ни дороги».

Есть и принципиально иной подход к проблеме происхождения сказок о небылицах, который основывается на истории одного из сказочных героев в народной словесности и в реконструируемой авторами исторической действительности (умолчим о том, насколько она соответствует реальности). Этот подход связан с генезисом образа героя – плута, и он представлен в работе Ю. И. Юдина, одного из учеников В. Я. Проппа.

Ю. И. Юдин – кстати, если так можно говорить, один из основоположников сравнительного изучения русского и хантыйского фольклора [Юдин 1979], писал так: «Говорить о происхождении бытовых сказок на современном уровне наших знаний можно лишь предположительно, так как доказательства в пользу того или иного вывода извлекаются из сравнения сказочного репертуара разных народов, а также соответствующих мифологических сюжетов, верований и обрядов» [Юдин 2006, 188]. С этим нельзя не согласиться, ибо никоим образом не удастся сделать из сложной проблемы простую. Далее Ю.И. Юдин пишет: «Соответственно этому выявляются и универсальные типы героев бытовой сказки. Их всего лишь два – дурак и хитрец, именно они скрываются за красочными костюмами разноликих персонажей бытовых сюжетов» [Там же, 198]. Это весьма существенно, герой-хитрец нас определенно интересует, хотя откровенных дураков в сказках о небылицах, как показывает наша работа, нет. Слушатели небылиц с высокими титулами ведут себя с пониманием,

демонстрируют хорошее знание традиции и иногда даже показывают собственное искусство, о чем рассказчики сказок предпочитают не говорить, пересказывая небылицы более симпатичного им героя. Можно согласиться с наблюдениями и гипотезой автора: «Анализ показывает, что мотивы бытовых сказок питаются доисторическими истоками» [Там же, 198]. Однако Ю.И. Юдин, следующий в объяснении происхождения волшебной сказки за своим учителем В. Я. Проппом, пытается связать с обрядом инициации (кстати, в Сибири ни у кого из народов не отмеченным) и генезис бытовой сказки: «Так, доисторическим прообразом сказочного дурака был посвящаемый, во время наибольших физических мук и ритуальных истязаний обряда инициации впадавший в состояние беспамятства, безумия реального или мнимого», «Мы в самых общих словах указали источник двух сказочных типов в обряде инициации» [Юдин 2006, 199]. Как-то не очень верится, чтобы небылицы придумывал герой, истязаемый кем-то или обкушавшийся мухомора. А почему, собственно, инициации связываются с жестокостью и насилием? Как выражался профессор Преображенский у М. Булгакова, это у Карла Маркса где-нибудь сказано? Ведь потребление мухомора как галлюциногенного средства у народов Сибири, практиковавших его использование (то есть далеко не у всех) было настолько строго регламентировано, что эти правила, например, коряки помнят до сих пор. Перефразируем известную сентенцию, которая подходит к многим проявлениям историко-этнографических трактовок фольклорной реальности. закованных на рецептах прошлого – нельзя найти черную кошку в темной комнате, если ее там не то, что нет, а никогда и не было.

Чем же предложенная нами концепция описания генезиса сказок о небылицах отличается от того, что обсуждалось в данной работе с нескрываемой иронией? В ней ведь тоже поднимается вопрос о соотношении мифа и сказки, о трансформации жанров. Есть ли тут повод для насмешек?

Есть повод. Все вопросы, возникшие при попытке решить проблемы происхождения сказок о небылицах, разрешаются без

всякого тотемизма, матриархата и прочих догматов экс-истмата. Все оказывается гораздо проще. Классический миф о похищении и приобретении огня и хантыйские сказки о получении огня оказываются стоящими рядом. То же справедливо в отношении всех сказок о получении огня за рассказывание небылиц. Сюжет тот же, что в мифе о Прометее. Изменилось только социальное окружение и перестроились все массивы текстов, сгруппированные по жанрам, соответственно по степени доверия, выстраиваемые один за другим на оси «миф-сказка» или «правда-вымысел». Глобальная общечеловеческая проблема сменилась индивидуальной проблемой героев сказки, выделившихся из массы статичных героев мифа, Образ первообладателя огня дифференцировался, в стилевом решении снизился, но где-то он еще сохраняет черты сверхъестественного (великан-менкв, медведь) и приобретает черты авторитарно-потестарного (жадный старик, старик из соседнего народа).

Сказки о небылицах других групп также связаны с образцами жанра мифов и мифологических рассказов так, что в них не усматривается ни «мифологического мышления» (вообще мифологическое мышление – это не стадия, а вид художественного мышления, который можно с блеском освоить в наши дни), ни роста общественного сознания социума-носителя фольклорной традиции. В мифах, которые изображают преобразование прошлого до современного настоящего, присутствует обращенное, зеркальное, перевернутое изображение мира в другом времени. Расположение мифологической экспозиции с таким содержанием в начале сказки (см. выше), при котором ее содержание уже извлечено из мифологического контекста и перемещено в сказочный при абсолютной неприкосновенности текста, на уровне содержания превращает один вымысел (мифологический, зеркальный) в другой вымысел (сказочный, фантазийный) и на уровне поэтики задает стандарт преобразования реальности для дальнейшего повествования. Если для характеристики окружающего мира подстановка мифологической экспозиции в сказку еще как-то оказывается приемлемой, но при описании конкретных реалий-артефактов такое описание

превращается в пародию, вот вам и начало татарского сказания «Турай-Батыр». Если рассказчик сказки о небылицах захочет поставить себя на место наблюдателя мифологического времени. Ему не остается ничего другого, как изображать из себя первочеловека, который естественно родился раньше своего отца, у которого, натурально, ничего нет и он приспосабливает все то, что найдет, для использования в необычных функциях. Впрочем, и рассказы о первом человеке, послужившие основой для бедных героев в фольклоре, вполне могли иметь продолжение в виде пародий – эпизодов в сказках о небылицах.

8. Сказки о небылицах в истории и современном состоянии их изучения

Как это ни покажется странным, но сказки о небылицах, встречающиеся в фольклоре уральских и алтайских народов, вообще не привлекали специального внимания исследователей сказочных традиций этих народов. Сравнительное сказковедение в тюркской и монгольской фольклористике заметно отстает от степени сравнительно-исторического изучения героического эпоса, а степень изученности сказочного фольклора финно-угорских народов в сравнительно-сопоставительном аспекте также заметно ниже, чем степень изученности общего и частного в финно-угорских языках. Фольклор народов Кавказа и Закавказья, к материалу которого нам приходилось обращаться, составляет самостоятельные традиции, которые в общем не имеют опыта масштабного историко-типологического изучения отдельных сюжетов и мотивов, несмотря на огромные богатства устного творчества отдельных народов Западного и Восточного Кавказа.

Из числа тех текстов, которые являются объектом внимания в настоящей книге, наилучшим образом, как представляется, известны образцы калмыцких сказок о небылицах. Калмыцкая сказка «Семьдесят две небылицы», входившая в целый ряд сборников калмыцких сказок и выходившая в свет отдельным изданием,

рассматривалась в ряде специальных исследований, о ней писали М.Э. Джимгиров [1970], Т.Г. Басангова (Борджанова) [2002], Н.Ц. Биткеев [2007], содержание и структуру этой сказки изучала Ц.Ш. Васильева [1997; 2004]. Как пишет Н.Ц. Биткеев, известно большое число вариантов современных записей сказки о 72 небылицах, в которых сохраняется основная линия повествования, но эти варианты могут существенно различаться в деталях [Биткеев 2004, 417]. Как явствует из работы Б.Б. Горяевой [2015] текст одного из известных вариантов этой сказки, перепечатанного по переводу И. Кравченко в сборнике калмыцких сказок 1978 г. и до сих пор находящийся в обороте фольклористов, является сводным, соответственно он требует источниковедческого изучения; вероятно, нуждается в дополнительных характеристиках и другой известный там текст этой калмыцкой сказки.

В сборниках бурятских сказок три известных нам бурятские сказки о небылицах комментируются в основном в соотношении таких текстов внутри бурятской сказочной традиции. В других работах сказки о небылицах лишь упоминаются [Бардаханова 2011]. Есть лишь один опыт сравнения бурятский и калмыцкой сказки [Басангова, Бурыкин 2010]. Небылицы как форма детского фольклора монгольских народов упоминаются у И.В. Кульганек [Кульганек 2009, 26].

Тюркские сказки о небылицах, материалы по которым накапливались постепенно, а первая работа, посвященная сказкам о небылицах у туркмен, узбеков и казахов (называемых тогда киргизами), была написана А.Н. Самойловичем [Самойлович 1912], рассматривались нами в ряде статей [Басангова, Бурыкин 2010; Бурыкин 2012], в одной из работ [Бурыкин 2012] было указано на бытование сказок о небылицах у марийцев и был предложен опыт классификации сказок о небылицах.

На сказки о небылицах обращали внимание специалисты по фольклору тюркских народов Сибири. Так, Т.М. Садалова пишет об алтайских сказках: «К разделу новеллистических сказок («тапкыр чөрчөктөр») относятся в основном сюжеты: о том, как герой, который по социальному статусу ниже, женится на претендентке

с высоким положением, в этом случае он обычно отгадывает загадки, умеет рассказывать небылицы, проявляет остроумие или хитрость; о том, как герой может продемонстрировать свою мудрость, подсказывая выход из трудных ситуаций и т.д.» [Садалова 2009, 23]. З. Б. Самдан, подготовившая к изданию собрание тувинских сказок, замечает: «Малочисленную, но своеобразную группу тувинских сказок составляют сказки-небылицы, которые построены на сознательных алогизмах и выражают особенности народного юмора и смекалки (см. тексты № 27 и 28)» [Самдан 1994, 17]; при этом тексты, опубликованные в указанном издании, представляют очень редкий тип сказок о небылицах – тип 3 по нашей классификации [Тувинские народные сказки 1994, 398-401].

О сказках с небылицами у народов Кавказа А.О. Мальсагов говорит так: «Значительное место в сборнике занимают и небылицы (оапаш – «вранье», «побрехушки»), в которых алогизм возводится на высшую степень невероятного, невозможного. Например, в «Небылице» (№ 76) рассказчика не смущает, что дом у него без окон и дверей и ветер дует и в дверь, и в окна. Это обычное явление для подобных сказок. Небылица обычно строится так: богач или какое-нибудь чудовище ставит горцу условие рассказать небылицу. Во время рассказа слушающий не должен вмешиваться в ход повествования. Но богач или чудовище не могут удержаться от реплик и поставленные ими условия оборачиваются против них же» [Мальсагов 1983, 14-15].

Все процитированное выше – и так, и не так. Да, традиционно интерес к сказкам о небылицах диктовался «низким», так сказать, сельхозпролетарским происхождением героя и (деревня, одним словом!) его положительными качествами, умом, остроумием, а его демарши в отношении высших лиц – проявлением классового сознания. Но ведь шустрый и острый на язык пастух – не единственный герой таких сказок, мы видим, что у турок это сыновья шаха, у карачаевцев – сыновья хана. Значит, подобная трактовка сказок о небылицах оказывается односторонней, впрочем, и устаревшей.

Одна из немногих специальных работ, посвященная сказкам о небылицах у тюркских народов – это статья Е.Д. Турсунова [1976]. В этой работе Е.Д. Турсунов, проанализировав все известные ему и все рассмотренные в настоящей книге сказки, высказывает предположение, что в основе сказок-небылиц лежат рассказы посвящаемых «о путешествии их душ в нижний мир» [Там же, 126], где, как известно, по представлениям тюркских народов и многих народов Сибири, мир представляется зеркальным, как бы вывернутым наизнанку и насыщен всевозможными преобразованиями-инверсиями (см. [Бурыкин 2007]). Идея Е.Д. Турсунова основана преимущественно на внешнем сходстве деталей мира, изображаемого в сказках-небылицах в инвертированном виде, и представлений о загробном мире, что в какой-то степени оправдано. Однако даже такая постановка проблемы вызывает вопросы: энантиоморфность (переворачивание, выворачивание, инверсия общей картины мира) в загробном мире, проявляющаяся в погребальной обрядности народов Сибири, имеет парциальный, ориентированный на частности характер [Бурыкин 2013], и проявляется у отдельных этносов лишь в частных заметно различающихся деталях. В то же время как частная этническая отнесенность отдельных небылиц из общей их суммы еще не прослежена, и даже нам не представляется возможным решить эту задачу в настоящей книге.

Гипотеза Е.Д. Турсунова о связи и миропредставления текста сказок-небылиц тюркских народов имеет еще одно уязвимое место. Небылицы из тех сказок тюркских народов, о которых идет речь, не являются уникальными ни для тюркского мира, ни для всей доисламской Азии – они широко распространены в фольклоре самых разных народов мира. Не случайно В.Я. Пропп сопоставлял фольклорные небылицы (без различения типов повествования) с рассказами барона Мюнхгаузена, которые мы отнесли бы к типу 1 рассказов о небылицах. Забавно, что рассказы славного барона (см. [Приключения 1985]) составляют полную аналогию монгольским рассказам о небылицах, не сопоставимых по форме и цели рассказывания ни с калмыцкими, ни с бурятскими повествованиями о небылицах и их рассказчиках.

Вместе с тем обращение к сказочной традиции народов Европы показывает, что в этих традициях сказки с небылицами отсутствуют или оказываются незаметными на фоне сказок с другим содержанием. Сюжеты, сходные с сюжетами сказок с рассказыванием небылиц, отмечены в указателе литовских сказок известной исследовательницы-сказковеда Брониславы Кербелите [Кербелите 2005, 331, 332-335], однако в этих сказках трудная задача – разгадывание загадки, а не рассказывание небылиц, хотя, как мы видели, сказки-загадки и сказки с небылицами смыкаются практически в одно целое.

Самое интересное – и сказки о рассказывании небылиц, и отдельные мотивы, полностью соответствующие небылицам сказок уральских и алтайских народов, а также народов Кавказа и Закавказья, в большом количестве зафиксированы у восточнославянских народов – русских, украинцев и белорусов. Интересующие нас сюжеты и мотивы приведены в справочной книге [Восточнославянская сказка 1979].

Приведем здесь полностью одну из таких сказок «Сорок братьев ездили отца крестить» из сборника Н.Е. Ончукова «Северные сказки» [2008, 125-126]:

Бывало, поехали сорок братьев отца крестить; у их была сорокапегая кобыла, сорок братьев все на ней выселись, всяк на свою пегину. Они ехали, ехали, пришлось реку переезжать. Через эту реку у их кобыла скочила, да по середине сорвалась (перервалась пополам).

А у их брат был меньшой, а на сметках большой, он кольцо свил, да и кобылу сишил, да и опять поехали. Им привелось по дороге ночевать, а у их огнива не было, огня добыть: они увидели в лесу в избушке огонь, послали большого брата за огнём. Пришёл брат к избушке, лежит старик из стены в стену ногами упёр, нос в потолок:

– Дедушко! Подай огню! – Скажи небылицу дак и подам огню.

– Я, бывало, сорок сажень в день дров насек.

– Это кака небылица, это я на старось насеку.

Взял из спины ремень выкроил, да и в погреб бросил.

Не могли дожидатца большого брата, послали сренёго.

Приходит сренънй и говорит:

– Дедушко, подай огню. – Скажи небылицу, дак подам огню.

– Бывало я сорок возов сена в день поставил.

– Это кака небылица, это я на старось поставлю. Взял из спины ремень выкроил, в погреб бросил.

Пошел брат меньшей, который на смеках большой.

– Дедушко, подай огню. – Скажи небылицу дак подам огню.

– Я, дедушко, услышел: за морем, што там скот дёшов, быков меняют на оводов, мух на коров, телят на комаров. Я наклал три туеса, первой оводов, другой мух, третьей комаров и поехал за море и стал минётъ этого скота. Наменял этого скота, променял все три туеса. Из-за моря вздумал их переправлять на свою сторону, а провозом стают дорого. Я стал их из-за моря за хвосты метать. Переметал всего скота, оставил себе семигодовалого быка. Розмахал этого быка, бросил; бросил да не отпустился, и сам с ним полетел. Выбил этого я скота и наделал кожи. Оттуда я отправился на небо и из кожи стал обушки шить: всем большим богам по сапогам, малым-то богам сошил всем по котам. А из семигодовалого быка выкроил себе ремень и стал по этому ремню с неба спускаться; ремень у меня не стал (ремня не хватило). Я ита-ны те поттыкал, дыму накликал, ужище свил и опеть спускался и опеть ужища не стало. Посмотрел испод, думал стоит печь, скочил и осел в болото до плеч. Стала утка летать, мне на голову еича садить. Волк узнал, стал ходить, еича ись; я добывал, добывал свою правую руку, прииол волк еича ись, я за хвост и поймался; волк скакал, скакал, меня выдернул, у волка хвост оторвался. Вот, дедушко, я оттуль и прииол. Ну, какова, дедушко, небылица? – Хороша, молодец!

И дал дедушко огню и выпустил братьев из погребца. Оттуль поехали они дальше.

Что представляет собой эта сказка? В ее начале – картинка перевернутого мира, которую мы видим во множестве сказок о небылицах, эпизод со сшитой лошадьё известен по барону Мюнхгаузену, а то, что следует далее – почти что хорошо знакомая хантыйская сказка о небылицах, рассказываемых с целью добывания огня.

Сюжет с тремя братьями представлен в хантыйской сказке «Нарты с золотом», а сюжет с вырезанием ремней из спин старших братьев – в пересказе А.М. Сенгепова. Обмен мух на скот – эпизод из хантыйской сказки «Нарты с золотом», как мы отметили, имеющий сибирскую основу, шитьё обуви богам – эпизод, встретившийся в хантыйской сказке «Манть-ку».

Здесь же даются и рассказы старших братьев, заботливые, незначительные дедом-хозяином огня – как мы знаем, крайне редкая деталь, встречающаяся, пожалуй, в одной сказке такого типа из десятка.

Получается, что севернорусская сказка о небылицах, во-первых, явно не выглядит как заимствование от каких-то северных или восточных соседей, и, во-вторых, содержит множество мотивов и комбинаций мотивов, которые типичны для сказок о небылицах урал-алтайских и кавказских народов и встречаются в сказках этих народов в самых разных комбинациях. Причем и богатство состава, и систематическая повторяемость отдельных мотивов в сказках о небылицах просто поражает. Один простой пример – резание ремней из спины проигравшего встречается и в русской, и в хантыйской сказке, и кроме них, в других сказках, и несмотря на географическую неоднородность распределения, он не относится к числу редких мотивов.

Попытаемся перечислить и рассмотреть мотивы небылиц, приведенные в указателе сюжетов восточнославянской сказки, которые хоть однажды встречаются в изученных нами сказках о небылицах.

Ниже приводятся заголовки раздела «Небылицы» указателя «Восточнославянская сказка» [1979, 370-380].

• АА 1877*В Человек сам выкапывает себя из болота или вырубает из дупла. – В нашем материале этот мотив встречается там, где герой попадает в верхний мир или на небо.

• 1880 Шляпа из масла, одежда из бумаги и т. п.; лошадь ледяная (тает у огня), плетка гороховая и т. п. (прибаутка в конце сказки). Предметы из льда, трут из воды встречаются в рассмотренных нами текстах.

- 1881=AA 1876*B, *1886 Журавли на веревке: мужик ловит журавлей, поит водкой и связывает; протрезвившись, журавли улетают и уносят с собой мужика. Мотив присутствует в калмыцкой сказке о 72 небылицах.

- AA *1885 AA *1885 – см. 1889K (*Человек влезает на небо по дереву*). Мотив второго порядка встречается в ряде сказок, где деоево вырастает на спине у животного.

- -1885* 1876 *B Человек едет за собственной головой: забирает ее в телегу. Мотив, где герой забывает голову, чрезвычайно характерен для подобных сказок и существует в ряде вариантов.

- 1886=AA *1886 1886=AA *1886 Человек хочет напиться: снимает собственный череп и пьет из него; череп падает в воду, утка вьет в нем гнездо. Мотив, где герой снимает голову, чтобы напиться (не только чтобы разбить лед), встречается самостоятельно; мотив с птицами, выющими гнездо на голове героя, фиксируется гораздо реже и не имеет связи с мотивом снятой головы.

- 1887*=AA *1887 1887*=AA *1887 Переправа через море: человек переплывает через море на рогоже; перекидывает через море одного за другим стадо быков, с последним перелетает сам, уцепившись за хвост. В наших текстах герой переправляется через море на лодке, сделанной из подручных предметов (ножа, курука).

- 1889K=804A=AA *1425, *1885 Человек влезает на небо по дереву: оттуда спускается на ремнях, ремней до земли не хватает, вьет веревки из мякины, падает. Аналогии почтив ов сехс казках о небылицах, где герой попадает в Верхний мир или на небо.

- 1892 На боках лошади вырастает верба (дубы, гречка, овес) до неба. Ср.: AT 1889D. В наших материалах чаще всего на спине животного вырастает ореховое дерево после лечения животного ореховым маслом или орехами.

- Андреев: 1892 Овес на боках лошади: ободранная лошадь катается по полю; на боках ее вырастает овес, тетерева летают в овес; человек привязывает дубину к хвосту лошади и таким образом добывает множество тетеревов. Аналогией к этому

сюжету является фасоль, выросшая на кабане после того, как охотник выстрелил в него из ружья, заряженного фасолью.

- -1895D* -1895D* Сожженная половина озера: утки улетают, топор, брошенный в них, остается в озере; одну половину озера человек сгребает в кучу, другую поджигает; топор сгорает, а топорнице остается. Сожженное озеро или река, утраченный топор и оставшееся у героя топорнице представляют собой разные мотивы с разным распределением.

- 1896 Андреев: 1896 Волк без шкуры: человек держит волка за хвост и бьет; волк выбегает из своей шкуры и убегает. Мотив о повешенном волке, сбежавшем после того, как он выскочил из шкуры, есть в варианте калмыцкой сказки о 72 небылицах.

- -1900*=AA 1900A Волк (медведь) вытаскивает человека из болота: человек увязает в болоте, на его голове утка вьет гнездо, волк приходит полакомиться яйцами, человек хватается за хвост. Ср.: 1889K. Андреев: 1900 A. Мотив, где лиса или волк, пришедшие есть яйца из гнезда на голове героя, встречаются в тех сказках о небылицах, где герой падает с неба на землю.

- -1900** Верхом на медведе: человек падает с дерева на медведя, скачет на нем и освобождается от него с помощью кушака; с удушенного медведя снимает шкуру. В нашем материале представлен только мотив, где герой падает сверху на медведя – границы между смысловыми элементами отдельных сказок труднообредимы.

- -1911*** лечат ПЧЕЛУ – Мотив встречается в татарской и марийской казках.

- -1911**** Человек ежедневно пересчитывает и доит пчел. Мотив ежедневного пересчитывания пчел встречается в марийской сказке.

- 1920A Лгала и Подлизала: один утверждает, что видел громадные капусту, дома и т. п. (ср.: 1960), другой подтверждает; выступают сватами и т. п. – Инвариант этого сюжета составляет пара персонажей, в то время как содержание текстов может варьироваться – сказки этого типа относятся к типу 9 в нашей классификации.

- 1920С=К1924 Барин (царь) награждает за ложь (неслыханный рассказ): мужик рассказывает барину (царю) небылицу с условием, что получит награду (тарелку червонцев), если барин прервет его, скажет «Неправда!» («Слыхал!»); услышав от мужика, что задолжал много денег (что тот видел на том свете его отца, возящего навоз), барин (царь) нарушает условие; мужик выигрывает заклад. Данный сюжет, точнее все-таки – сюжетная основа присутствует во всех сказках второй группы типа 7, т.е. в сказках об обретении богатства посредством рассказывания небылиц.

- АА 1920*D см. 1920Н* («Огонь в обмен на небылицы»). (СУС Стр.376).

- 1920Н*=АА 1920*D=К1922 Огонь в обмен на небылицы, три брата идут к старику у костра за огнем; два брата не могут рассказать старику небылицу, старик вырезает у них из спины ремни; младший брат заставляет старика сказать: «Неправда!» («Твой дед моего верхом на себе возит» и т. п.). Ср.: 852. Андреев: 1920 *D. По нашим материалам, сюжет относится к первой группе сказок типа 7 – сказки о добывании огня посредством небылиц, однако он разделяется на мотивы с разной дистрибуцией по текстам – виды испытаний, придумываемых стариком, вырезание из спины ремней (жертвой чего может стать инициатор), а также небылицы, затрагивающие достоинство героя или его предков.

- -1930В*=АА 1931*С Подпоясался топором: увидел на утке озеро, корова бабу доит, квашня бабу месит и т. п. Небылицы, основанные на предметной субституции (*Подпоясался топором*) или акциональной инверсии (*корова бабу доит*) оказались характерны для сказки русских Прибайкалья, в которой встречается и предметная инверсия (*берет грядку и идет лопату копать*). Исчисление типов таких мотивов и их классификация осложняются редкостью соответствующего материала.

- 1960А Большой бык (лошадь, овца, заяц, собака, медведь и пр.). Зооморфная гипербола присутствует среди рассмотренных нами сказок о небылицах, иногда в скрытом виде – во многих сказках о размере зайца ничего не говорится, но из него получается фантастическое количество мяса и жира.

- 1960В Большая рыба. Таймень в бурятской сказке.

- АА 1960 *С I Большой сбор утиных яиц. Большой объем куриных яиц – характерный мотив для сказок о небылицах у народов Кавказа.

- 1960D Неслыханно большая капуста, огурцы, дыня, горох и т. п. Ср.: 1920А. 1960G=АА *1425, 1960 G, 1960 *G I. Фактически каждый из названных тут овощей образует самостоятельный сюжет или мотив; ср. мост из огурца, заяц в тыкве, тыква, плети которой протянулись за море; река или море, вытекающие из арбуза; путешествие героя внутри дыни и т.д.

- Андреев: 1960 G Большое дерево (растение, вырастающее до неба); ср. *1885, *1960 G 1. Дерево или плети травянистого растения служат для героя небылиц средством проникновения в Верхний мир, на небо.

- 1960J=АА 1960 *В I Большая птица. Мотив встречается у народов Кавказа, но его нельзя признать характерным для большинства сказок о небылицах.

- 1960M=АА 1960 *А I Большой имель: дерется с медведем. Близким к данному мотиву является мотив пахоты на пчеле, представленный в разных вариантах с разными цепочками мотивов.

Представляется, что одного сравнения сказки из сборника Н.Е. Ончукова с хантыйскими сказками о получении огня в обмен на рассказывание небылиц хватило бы на то, чтобы обосновать необходимость тщательного, детального изучения состава небылиц в сказках народов Евразии. Интересно, что сказка о добывании огня в указателе сюжетов восточнославянской сказки не просто присутствует и выделена в отдельный сюжет, но представлена значительным числом вариантов. Впечатляет и количество параллелей к отдельным небылицам уральских, тюркских, монгольских и кавказских сказок, не образующим самостоятельных сюжетов, которые обнаруживаются в восточнославянском сказочном фольклоре.

Этот материал – небылицы-мотивы восточнославянской сказки и небылицы – мотивы и цепочки мотивов в сказках о небылицах северо-восточной части Евразии, помимо своего богатства,

которое превращает его исследование в очень сложную проблему, показывает нам массу проблем теоретического характера. К их числу относятся такие необыкновенно сложные и вместе с тем весьма популярные у фольклористов проблемы, как отношение и соотношение сюжета и мотива, вопрос о документации сюжетов и мотивов в указателях, ориентированных на каталогизацию сюжетов, проблемы структуры сюжета и структуры мотива и поиски элементарных составляющих мотива, необходимые для сопоставления материала из разных традиций.

9. Культурные коды небылиц, соотносящие их с разными сферами реальности

В материале калмыцкой сказки о 72 небылицах можно выделить следующие коды и элементы кодов:

1) *Временной, или темпоральный код:*

- инверсия момента рождения родителей героя; герой рождается раньше родителей и получает весть об их рождении;
- стремительность течения времени и скорость перемещения в пространстве;
- темпоральные гиперболы (глубина колодца и время падения в него камня, перемещение стада по степи, быстрый рост потомства домашнего скота;
- нерожденные зооморфные персонажи (зайчонок, верблюжонок);
- непоявившиеся фитоморфные объекты (невзошедшая полынь).

2) *Пространственный код:* герой едет «в разные стороны», кибитка стоит вверх ногами.

3) *Размерный или масштабный код:* инверсия объема и размера предмета: тень от плетки, герой едет на жеребенке, который везет мать-кобылу, цветок и жук, которые выдерживают героя на жеребенке; персонажи могут насытиться мухой, а герой смазывает мушиным жиром сапог; дерево в 150 обхватов, которое верблюд кинул в колодец и т.п.

4) *Природно-географический код:* инверсия природных условий: лед в жару, степной родник, бьющий фонтаном и замерзающий в жару.

5) *Акциональный код:* герой засыпает стоя.

6) *Акционально-предметный код:* сапоги дерутся, дерутся нож и ножны, гремит гром от удара головы героя об лед; курганы дерутся и спорят, кто из них старше.

7) *Трансформационный код:* сапог и нож служат у персонажей сказки; герой хлещет сапог «по щекам»; раздает пощечины неодушевленным предметам.

8) *Функциональный код:* пауки ловят сетью-паутиной рыбу и угощают ей героя; лиса, еж и тушканчик играют в карты.

9) *Материально-объектный код:*

- реальные, физически невозможные и физически отсутствующие предметы: нескрученная веревка; несуществующее ружье, не увиденный героем заяц, кремь из воды и трубка из табака; кобылы, приносящие верблюдов; жеребенок, родившийся у жеребца; отелившийся бугай, верблюд, способный сгрызть дерево;
- предметы, действующие по назначению в нестандартном применении: зайца убивает стрела, только пущенная хвостовым оперением вперед (в этом случае рассказывается о вполне материальных предметах, двойное острашение, например. объявление несуществующим, тут невозможно);
- объекты с инверсией функций (корова бабу доит);
- объекты с преобразованием отношений: берет грядку и идет лопату копать; герой мелет языком – язык действует как мельница и т.п.

– объекты с инверсией степени пригодности: целый котел негоден, но годен дырявый;

– множества негодных объектов, индивидуализируемые в рассказе так, как если бы один был пригодным.

10) *Числовой код:*

- количество братьев героя или героев-неудачников;
- количество родившихся и живых братьев героя с парадоксальным соотношением;
- цифры 60 и 70.

11) Соматический код:

– герой отделяет голову от туловища, использует череп как чашу для питья и поения животных (существенно, что никакие части тела человека, кроме головы, в небылицах не фигурируют);

– плешивцы и карлики, приобретающие особый статус: плешивцы, безбородые и карлики являются плутами и составляют угрозу для героев, плешивец выступает как рассказчик небылиц.

12) Растительный код:

– гигантское дерево, при взгляде на вершину которого у героев падают с голов папахи;

– длинные стебли у растений, достающие до неба;

– проросшая на спине кабана фасоль, которой было заряжено ружье;

– проросшие на арбе в мешках орехи, из которых вырастают деревья;

– дерево, вырастающее на спине животного после лечения.

13) Зоологический код:

– верблюды, пьющий из колодца;

– дрофа, пьющая из колодца;

– журавли, поднимающие героя в небо;

– журавль, к шее которого герой привязывает коня;

– козел-гуран, к рогам которого герой привязывает коня;

– спящие птицы, которые герой принимает за камни;

– животные, занятые тем, что им не свойственно: суслики ставят свечи, птицы собрались на молитву, зайцы проводят стрижку, пауки ловят сетью рыбу, тарбаганы обрабатывают шерсть, животное с застрявшим в нем серпом жнет на поле; волк, лиса, заяц, приносящие шкатулку с драгоценностями и письма; петух служит по найму.

14) Пищевой код:

– персонажи сказки едят муху;

– зеленый терн оказывается сладким.

Типы небылиц с использованием различных кодов

1. Небылицы об экспозиции самого сказочного сюжета (узбеки, гагаузы).

2. Небылицы о времени действия (буряты).
3. Небылицы о несуществующем герое – герой еще не родился, но уже успешно действует, занят рутинными делами, пастьбой.
4. Небылицы о несуществующем (неродившемся) животном.
5. Небылицы о несуществующем предмете.
6. Небылицы о годном и негодном предмете – лошадь и жеребенок, целый и дырявый казан.
7. Стрела, убивающая оборотным концом «пяткой». Незаряженное ружье.
8. Небылицы с инверсией свойств смежных предметов – трубка.
9. Небылицы о предметах, изготовленных неподобающим образом – трут из воды.
10. Небылицы о предмете, используемом в несвойственных ему функциях – курук.
11. Небылицы о поле животного, приносящегося приплод – жеребец, бугай.
12. Небылицы акциональной инверсии («корова бабу доит»).
13. Небылица инверсии по смежности.
14. Небылицы функциональной инверсии (кто был кем).
15. Небылицы инструментальной инверсии (что в каком качестве использовано).
16. Небылицы о жаре и холоде – лед, замерзшая вода(река) летом в жару.
17. Небылицы о снятой и забытой голове.
18. Небылицы об использовании животного в необычных функциях – пахота на пчеле.
19. Небылицы об использовании несъедобного животного в пищу (муха).
20. Небылицы о приписывании животному несвойственных функций – трехлетняя яловая муха.
21. Небылицы о размерах животного.
22. Небылицы о размерах предмета (высота дерева, глубина колодца).
23. Небылицы о свойствах времени (длина дня).
24. Небылицы о размере мяса у добычи (заяц).

25. Небылицы о добыче, пойманной необычным образом – таймень, утки.
26. Небылицы о дереве (растении), выросшем из раны на шее (спине) животного.
27. Небылицы о размерах овоща (дыня, тыква, арбуз).
28. Небылицы о проникновении животного внутрь овоща.
29. Небылицы о проникновении героя внутрь овоща.
30. Небылицы о том, что находится/происходит внутри овоща.
31. Небылицы о сале, потраченном на смазывание сапог.
32. Небылицы о самостоятельных действиях предметов (сапоги, нож с ножнами).
33. Небылицы о попадании на небо.
34. Небылицы о способах попадания на небо.
35. Небылица о выгодной торговле (мухи на коней и коров).
36. Небылицы об обмене (животными).
37. Небылицы о возвращении с неба (до половины).
38. Небылицы о спуске на землю (погружение в землю, езда верхом на ком-то).
39. Небылица о попадании под землю.
40. Небылица о животном-помощнике, на хвосте которого обнаруживается документ.
41. Небылица о долге героя (отца героя) рассказчику (отцу рассказчика).
42. Небылица об отце героя (падишах пасет свиней).
43. Небылица о возможности неравного брака (калмыки).
44. Небылица о смене местонахождения героя в заточении (герой сбегал куда-то...).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание данной книги составили рассуждения, основой для которых послужили три хантыйских сказки, имеющие один сюжет – сюжет о получении огня в обмен на рассказывание небылиц. Исследование этого материала потребовало сопоставления этих сказок в их целостности как текстов и в их отдельности как повествований, состоящих их множества эпизодов, мотивов и деталей, со значительным, и столь же неисследованным объемом сказок о рассказывании небылиц, бытующих на огромном пространстве от Адриатического моря до Охотского моря. Изучение трех основных сюжетов сказок о рассказывании небылиц – сказок о добывании огня, сказок о получении богатства, и сказок о добывании жены правителя – так или иначе попало в связь с проблемами историко-этнографических характеристик разных сюжетов, характером и статусом героев, из занятиями, реальным миром. Так уж получилось, что композиция и отчасти тематика отдельных разделов данной книги в их совокупности стали чем-то напоминать известный труд Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». По-видимому, и в XXI веке при рассмотрении отдельных вполне частных сюжетов нельзя понять эти сюжеты без обращения к общим проблемам фольклористики смежных дисциплин и к проблемам истории мировоззрения, искусства, словесности.

Выявление общего массива сказок о небылицах у народов Сибири, Поволжья, Средней Азии, Центральной Азии и Кавказа неожиданно повлекло за собой необходимость дать общую классификацию сказок, основанных на рассказывании небылиц. Поскольку для ряда фольклорных традиций, прежде всего для Средней Азии и Кавказа, характерным является бытование сказок о небылицах или сказок с небылицами. представляющих разные типы повествований с различающимися сюжетами, вполне логичным оказался вопрос о генезисе сказок с рассказыванием небылиц в связи с общими проблемами фольклорного вымысла, проблемами комического и смешного в фольклоре и некоторыми другими серьезными проблемами фольклористики. Соотношение заведомой правды, заведомого вымысла и заведомой фантазии повлекло за собой

обращение к проблемам мифа и сказки, их генетической связи и исторической последовательности появления в жанровой системе, что потребовало некоторой ревизии фундаментальных положений теории фольклора и ряда смежных дисциплин. С какой степенью убедительности автору удалось представить свои заключения – надлежит судить читателям. Однако автор не отступится от своей основной идеи, согласно которой *система фольклорных жанров строится на ряде универсальных объективных свойств человеческого языка – любого языка от Арктики до Океании и по-своему реализует эти универсальные свойства языка в каждом из фольклорных жанров.*

Проделанная работа раскрыла и демонстрирует очень важное и очень интересное для теории искусства положение – *фольклор, если его рассматривать во всем объеме, в полном корпусе повествовательных текстов и их вариантов, которые часто также очень существенны для понимания текста и оценки его взаимосвязей с жанровой системой, с этнической культурой, с иными фольклорными традициями, отражает и представляет наблюдателю полную картину окружающего мира, хотя бы и с разной, чем-то предопределенной степенью ее детализированности.* Как раз изучение периферии этой картины мира, тех явлений, которые кажутся малозначимыми и несущественными, представляет увлекательное занятие для фольклористов и специалистов по общей теории искусства, поскольку оно не только увеличивает объем знаний о фольклоре, но и позволяет лучше понять те явления, которые кажутся очевидными – кто бы мог подумать, что исследование сказок о небылицах позволит проследить следы какого-то давно заглохшего диалогового жанра обмена небылицами, – что у нас от него осталось? Разве что охотничьи и рыбацкие байки, но разрушение среды лишило этот жанр диалогового качества. Особенности повествования в сказках о небылицах позволили соотнести эти сказки с непонятными, редкими и таинственными сказками-загадками, а также сказками с незавершенным сюжетом, заканчивающимся вопросом к слушателям – каждый может и должен предложить свой вариант, придерживаясь рамок традиции. Это, конечно, не совсем рассказывание небылиц, но какие-то

ответы уложатся в логичное продолжение, а какие-то попадут в поле небылиц, и грань между слушателем и рассказчиком небылиц исчезнет.

Как и предполагалось в самом начале работы над книгой и что был ясно уже при работе над статьями, выход которых совпал по времени с ее замыслом, сказки о небылицах аккумулируют в себе колоссальное количество сюжетов, встраивающихся в эти сказки, вплоть до относительно независимых волшебных сказок, массу мотивов, устойчивые последовательности мотивов, отдельные детали, а также приемы построения образов-небылиц и самих небылиц на словесном уровне. Этот объемный фактический материал требует фольклорно-географического изучения, что отчасти удастся сделать в настоящей книге в предварительном варианте, а также его описания в виде указателя сюжетов и мотивов в сопоставлении с аналогичными примерами, отраженными в имеющихся указателях, таких, как указатель сюжетов восточнославянской сказки – мы отчасти специально пока не обращаемся к указателям Ст. Томпсона, охватывающим больший объем текстов и большее число народов, тексты которых прорабатываются в этом указателе. Эти задачи – дело будущего.

Работая над изучением отдельных небылиц или устойчивых последовательностей, цепочек небылиц, иногда образующих своего рода зависимые сюжеты, такие как смазанный и несмазанный сапоги героя, а также оценивая сходства отдельных цельнооформленных текстов сказок о небылицах, автор смог заметить, что, несмотря на значительные сходства отдельных сюжетов сказок о небылицах и отдельных текстов, что очень даже ожидаемо для фольклорного материала, нам очень трудно оказывается признать даже случаи массового сходства сюжетов и мотивов как результат прямого заимствования сюжетов сказок о небылицах, имеющих сложнейшую, многокомпонентную структуру. Складывается впечатление, что сказки о небылицах распространяются не как целостные текстовые единства, а именно как россыпи мотивов и эпизодов, из которых какая-то часть перенимается соседями, а какая-то либо не приживается, либо творчески перерабатывается в составе новых текстов.

Примечательно, что те составляющие сказок о небылицах, которые соотносятся с этнографической архаикой, что было хорошо видно на примере сказок о добывании огня посредством рассказывания небылиц, сохраняются в причудливом наборе на географической периферии единого ареала бытования сказок о небылицах. В то же время в центре ареалов мы встречаем существенные социальные обновления состава сюжетов мотивов и иных более крупных структурных элементов повествования, когда становится трудным далее понять, что перед нами – волшебная сказка с рассказыванием небылиц как еще одной трудной задачей, или сказка о небылицах с встроенной в нее волшебной сказкой.

Безусловно, данная книга не исчерпывает всего множества проблем, связанных с составом сказок о небылицах у уральских и алтайских народов, тем более у народов Кавказа, и равным образом у соседей народов центральной Евразии, как можно означить ареал распространения сказок о небылицах, охваченных нашим исследованием. Однако хотелось бы думать, что данная работа не только придаст какие-то импульсы дальнейшему изучению этих сказок, но и качественно изменит общий уровень их изученности. Последнее, на чем хотелось бы остановиться – в сравнительно-историческом изучении сказок и образцов любого жанра какого-либо отдельного народа становится невозможно замыкаться в языковых и этнических границах, задаваемых материалом, ибо как полнота, так и достоверность выводов и общений будет полностью зависеть от объема зафиксированных текстов и кругозора исследователя.

Литература

Бардаханова С.С. Сказка в системе жанров бурятского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Вып. № 4. – 2011. – С.18-21.

Басангова Т.Г., Бурыкин А.А. Возможности и перспективы историко-типологического изучения калмыцкого сказочного фольклора (параллели к сказке «72 небылицы» // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Ч. 2. – Элиста: ГУ «Издательство «Герел», 2009. – С. 50-59.

Басангова Т.Г., Бурыкин А.А. О соотношении сказочных текстов и афористических жанров в мансийском фольклоре. К проблеме типов загадок и жанра антизагадок // Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. – СПб.: Наука, 2009а. – С. 475-480.

Басангова Т.Г., Бурыкин А.А. Сказки о небылицах в фольклорной традиции тюркских народов (заметки к типологии сюжетов и мотивов) // Типология, взаимосвязи и национальная специфика фольклора народов Дагестана и Северного Кавказа: материалы международной научной конференции. 19–21 октября 2010 г. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. – С.44-48.

Басангова Т.Г., Бурыкин А.А. Новые ресурсы в фольклористике: опыт разработки и использования электронной библиотеки сказочных текстов // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований, 2013, № 1. – С. 76-79.

Беловинский Л.В. Изба и хоромы. Из истории русской повседневности. – М.: Профиздат, 2002. – 352 с.

Биткеев Н.Ц. Калмыцкое устное народное творчество. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 213 с.

Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900. – 466 с.

Борджанова Т.Г. Смеховая культура калмыков (предварительные заметки) // Смех: истоки и функции. – СПб.: Наука, 2002. – С. 119-125.

Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора – СПб., Петербургское востоковедение, 2001. – 275 с.

Бурыкин А.А. Вера в духов: сколько душ у человека. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 320 с.

Бурыкин А.А. К сравнительной характеристике проявлений энантиоморфности виртуального мира в погребальной обрядности народов Сибири: проблемы системы признаков и ее вариантов // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий: [Материалы VII Сибирских чтений, 23–24 окт. 2007] / Отв. ред. Л.Р. Павлинская; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – Кн. 1. – С. 23-29.

Бурыкин А.А. Сказки о небылицах в фольклоре народов Урало-Поволжья: к историко-типологическому анализу // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: история, современность, перспективы. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 125-летию государственного и общественного деятеля, языковеда и классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова, 105-летию Народного поэта Чувашской Республики Петра Хузангая, 15-летию кафедры татарской и чувашской филологии СГПА им. Зайнаб Бииевой Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 24-26 мая 2012 г. – Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия им. Зайнаб Бииевой, 2012. – С. 121-124.

Бурыкин А.А. Сказки о небылицах в фольклоре тюркских народов к историко-типологическому и ареальному анализу сюжетов и мотивов // Вестник тюркского мира. – 2013. – № 2 (5). – С. 10-17.

Бурыкин А.А. Сказки обско-угорских народов в историко-типологическом освещении (заметки и наблюдения) // Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных

народов Севера. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. – С. 26-51.

Бурыкин А.А. Эдип в свете этнографии. Хантыйские сказки и древнегреческий миф // Вестник угроведения № 3 (18) 2014. С. 17-27.

Бурыкин А.А., Борджанова Т.Г. Калмыцкая сказка «Семьдесят две небылицы»: структурный анализ и типологические параллели // Ойрад судлал: өнөө ба ирээдүй. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхэтгэл (Материалы Межд. научн. конф. «Ойратология: сегодня и завтра») (г. Ховд, 18–19 сентября 2010 г.). – Улаанбаатар, 2011. – 410 х. – Х. 252–259.

Васильева Ц.Ш. К вопросу о сюжетном повествовании о путешествии героя по иному миру в калмыцкой сказке «Далн хойр худл» // Проблемы современного джангароведения (Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию профессора А.Ш. Кичикова). В 2 кн. Кн. 1. – Элиста: изд-во КГУ, 1997. – С. 125-130.

Васильева Ц.Ш. Пространство и время в калмыцкой сказке «Семьдесят две небылицы» // Этнопоэтика и традиция: К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака. – М.: Наука, 2004. – С. 106-111.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.

Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 258 с.

Восточнославянская сказка. Сравнительный указатель сюжетов. – Л.: Наука, 1979. – 437 с.

Гедеева Д.Б. Небылицы как жанр устного народного творчества калмыков // Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора А.Ш. Кичикова. Элиста, 26 декабря 2001 г. – Элиста: изд-во Джангар, 2002. – С. 98-104.

Гинзбург Евгения. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. – М.: Русское слово, 1966 – 288 с.

Горяева Б.Б. Указатель сюжетных типов калмыцких волшебных сказок в соотношении с сюжетными типами Сравнительного указателя сюжетов [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа: URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/goryaeva1.htm> (дата обращения: 29.05.2015).

Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. – 103 с.

Зайцев А.И. К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография У этнографических истоков фольклорных сюжетных образов. – Л.: Наука, 1984. – С. 69-77.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб.: Императорская академия наук, 1900. – 234 с.

Иохельсон В.И. Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в Сибирско-американских мифах // Сб. МАЭ (в честь В.В. Радлова). – Пг., 1917. Т. V. Вып. I. – С. 201–204.

Кербелите Б. Типы народных сказок. Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. Ч. 1. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 2005. – 724 с.

Корпус «Библиотека лексикографа» [Электронный оффлайновый ресурс]. – СПб.: Словарный отдел ИЛИ РАН.

Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – 269 с.

Кульганек И.В. Малые жанры монгольского поэтического фольклора. Автореф. ...докт. филол. наук. – СПб., 2009.

Мальсагов А.О. О сказках и легендах вайнахов // Сказки и легенды ингушей и чеченцев. – М.: Наука, 1983. – С. 5-20.

Материалы по фольклору хантов [Текст] / Запись, предисл. и примеч. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 216 с.

Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. – М.: Наука, 1979. – 228 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 2000. – 407 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – [Текст] / пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; под общей редакцией Е. С. Новик. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 568 с.

Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции, вып. 8. – М.: ГРЦРФ, 2005. – С. 22-41. Эл. версия: Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика Публикации. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov14.htm>.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. – М.: Наука, 1984. – 304 с.

Приключения барона Мюнхгаузена. – Л.: 1985.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: изд-во ЛГУ, 1946. – 208 с.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – Л.: 1976. – 327 с.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.

Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 1999. – 288 с.

Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Элиста, 2009.

Самдан З.Б. Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / Сост. З. Б. Самдан. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. – С. 10-34.

Самойлович А. Сказка «40 небылиц» по туркменскому, узбекскому и киргизскому вариантам // «Живая старина», вып. II-IV. – СПб.: изд. Отделения этнографии Имп. рус. геогр. о-ва, 1912.

Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова [Текст] / сост. В. И. Еремина. – СПб.: Мирь, 2008. – 748 с.

Сенгенов А.М. Рассказы старого ханты. – СПб.: Просвещение, 1994. – 173 с.

Стеблин-Каменский М.И. Миф. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.

Тайшина Е.И., Роббек В.А. Нелтэк. – Якутск: Розовая чайка, 1992. – 64 с.

Тувинские народные сказки. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. – 460 с.

Турсунов Е. Д. Этнографические основы происхождения некоторых мотивов тюрко-монгольских сказок // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 125-131.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Т. 1. – СПб., 1910.

Юдин Ю.И. Русская бытовая сказка и хантыйский мифологический рассказ // Советская этнография. – 1979. – № 1. – С. 124-132.

Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и черт. (Исторические корни бытовой сказки). – М.: Лабиринт, 2006. – 342 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Указатель мотивов небылиц в сказках урало-алтайских народов

Настоящий указатель представляет собой попытку обобщить в компактном виде и в максимально полной форме все небылицы, встретившиеся в сказках, изученных в данной работе, и тем самым дать возможность обозревать материал небылиц, представленный на огромной территории, присутствующий в самых разных текстах и имеющий статус от сюжетообразующего мотива сказки-миниатюры до характеристики отдельных предметов и совершаемых с ними действий.

В качестве заглавной статьи указателя, выделяется наименование предмета или свойство предмета, с использованием которого выстраивается небылица, составляющая мотив или последовательность мотивов, как бы зависимый несамостоятельный сюжет (например, смазанный и несмазанный сапоги; дерево, выросшее на спине животного и т.д.). Далее в указателе перечисляются все выявленные небылицы, а также те места сюжета, где предмет упоминается вне рассказывания небылиц, например, в экспозиции к сказке.

В указатель включены только те слова-названия предмета, которые имеют отношения к небылицам: отражение в таком указателе всех употреблений таких слов, как «дом» или «голова», в том числе и тех, которые встречаются вне контекста небылиц, для нас выглядит избыточным.

Как показал проведенный нами в книге анализ подачи небылиц в указателе «Восточнославянская сказка», экспликации небылиц представляют собой довольно сложную и ответственную задачу. В ряде случаев характеристики небылиц, данные в этом указателе, оказываются неполными или, наоборот, избыточными по полноте в сравнении с представляемым нами материалом. Вместе с тем в нашем указателе мы наряду с обобщением материала также ищем способы подачи примеров небылиц в их разном статусе, –

как сюжетообразующих мотивов, как отдельных мотивов, входящих в сюжет, как элементов цепочек мотивов, образующих сюжеты второго порядка или какие-то самостоятельные элементы сказки, еще не получившие осмысления, наконец, как детали или как элементы фантастики второго порядка (небылицы) в сказочной картине мира. Как классификация небылиц в статусе проповедских функций, образующих план содержания сказочного текста, так и их характер представляются чрезвычайно важными для анализа и сравнения вариантов одних и тех же сюжетов, что очень хорошо просматривается на примере калмыцких, бурятских, казахских сказок, безусловно, будет наглядно видно на примере тех сказок, для которых варианты текстов внутри одной традиции пока еще не выявлены. По этой причине в указателе отдельные небылицы представлены в виде изложения элементов содержания сказки, а часть небылиц подана в виде цитат из текстов.

Представляя вниманию научной общественности настоящий указатель, автор надеется, что работа по анализу и сравнительно-типологическому изучению такого увлекательного материала, как сказочные небылицы, будет продолжена, объем небылиц будет увеличиваться, вместе с чем будут совершенствоваться и принципы описания материала небылиц в справочниках и указателях сюжетов и мотивов сказок.

Указатель небылиц

Аждаха (персонаж): аварцы, Как сын; Башкиры.

Арба: – герой топорищем срубил деревья и сделал арбу; впряг в арбу пчел: аварцы, Как сын;

– персонаж обещает собрать с дороги урожай гороха и чеснока, до того, как арбы проедут обратно: Грузины, истинная неб.;

– герой говорит, что отвезет верблюда на арбе домой: грузины, Три брата;

– муравьи везут арбу вместо волов: ингуши, Небылица.;

– теленок, родившийся утром, вечером становился трехлетним волком, «Его в арбу запрягали да в лес за дровами ездили»: ногойцы, 40 неб.;

– герой говорит: «На бесспицовой арбе, без мешков, просом наполненных, вас видел»: ногойцы;

– герой рассказывает, что его отец нагрузил арбу грецкими орехами и поехал на базар, после дождя из орехов выросли деревья, прохожие стали бросать в арбу комьями земли и камнями, образовалась пашня в тысячу танапов земли: таджики, Три неправды.

Арбуз: – арбузы в три мана: туркмены Систана;

– на участке на дереве выросли арбузы и огромная дыня: чеченцы, Спор о неб.;

– нож провалился в арбуз, герой идет за ним: армяне чепуха; турки, 40 неб.;

– сапог угощает героя арбузом, из арбуза получилось море: туркмены, 40 неб. (из арбуза потекла река: туркмены, 40 неб. 2).

Аркан: – «Я стал приносить домой по одному тяжелому аркану-связке упитанных зверей»: казахи Охотник Бухарбай,

– герой свил из песка аркан: казахи, 40 неб. 2;

– герой сделал аркан из веревки, которая еще не свита: «Сел я на верблюда, еще не родившегося, взял плетку из ветвей дерева, которое еще не росло, сделал аркан из веревки, еще не свитой, и в жаркую погоду отправился в далекий путь – при дожде, который не шел, при шургане, которого не было»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герою не хватает длины аркана: «Веревки моей до земли не хватило, и я повис в воздухе. Десять лет висел, качался между небом и землей. Потом решил: будь что будет, выпустил аркан, упал вниз головой и в землю по самые пятки ушел»: хакасы.

Атан (верблюд): – «берцовая кость его перекрытием для твоего дворца может послужить. – Да не для дворца, а для юрты?! – Может, и для юрты. Только ту юрту сорок атанов должны были тащить. – Ты, верно, хотел сказать «сорок тайлаков»? – Может, и сорок тайлаков, только они верхушки сосен в сорок обхватов глотать могли»: ногойцы.

Бабушка: – «На мне был пояс, оставшийся от деда, который носил правнук зятя моей родной бабушки»: башкиры;

– герои просят у бабушки (старушки) котел, чтобы сварить зайцев: далматинцы;

– бабушка дает герою иголку без ушка: туркмены, 40 неб. 2;

– герой просит бабушку приготовить ему припасов в дорогу к дворцу: туркмены Систана.

Баран: – «мне показалось, что дерутся два барана. Я помчался туда, думая, что бараны помогут мне дотянуть арбу до дому. Когда я подбежал, то оказалось, что дрались два муравья»: ингуши, Небылица;

– «Дни, верно, были короткими ... в те времена стадо баранов проходило всю степь от края до края за один день»: казахи, 40 неб. 1;

– «если за один такой день отара баранов проходила всю степь из края в край»: казахи, 40 неб. 2,

– сын превратился в барана: туркмены, 40 неб., 40 неб. 2;

– герой говорит, что он пришел отдать двести баранов, которые его хозяин должен как налог падишаху: узбеки.

Бахча: бахча выросла на спине петуха: турки, 40 неб.;

– «Влез на орешину, вижу – там целое бахчевое поле»: узбеки.

Безбородый: – шах наказывает сыновьям не дружить с рыжими, безбородыми и карликами: турки, 40 неб.;

– «Если он высок ростом, значит, безбородый»: башкиры.

Блоха: – беседуют вошь и блоха, блоха сватает за сына дочь вши, вошь ей отказывает: калмыки, 72 неб., 1978.

Блюдо: – «гости зубам отдыха не давали: всё мясо съели и блюдами закусил. Мне и крошки не осталось»: казахи, 40 неб. 2.

Боб: – у героя три боба, выросли до неба; герой лезет на небо, козы перегрызают стебли бобов: далматинцы.

Борода: – борода героя зацепилась за зубы семиметрового тайменя: буряты, 70 неб., 70 неб. 2;

– у героев после драки «ни одного волоска не осталось в бороде у обоих»: казахи, 40 неб., 40 неб. 2;

– «старик сидит: сам с кулачок, борода – с целую сажень»: Татары, Как братья;

– шах наказывает среднему сыну не знаться с человеком, у которого нет бороды и усов: турки, 40 неб.;

– старик-владелец огня «лежит себе, спину греет, бороду гладит»: хакасы;

– «В тени бороды козла спал чабан»: Чеченцы: кто больше;

– герой схватил медведя за бороду: Марийцы: пчелиный пастух.

Бородавка: – у кобылы на спине четыре бородавки, под которыми герои укрываются от дождя: эвены.

Ботинки: «Развесили кусты на ботинках и стали солнце на них сушить»: Байкал.

Бочка: – герой приезжает к хану с пустой бочкой: «– О! Крестьянин Тархас, что за пустую бочку с грохотом привез? – Приехал за долгами, – отвечает тот»: буряты, Крестьянин Тархас;

– «Журавли в тот момент, когда я их брал, оказывается, были пьяные. Они напились свадебного вина, которое везли в бочках»: калмыки, 72 неб., 1978.

Бугай: – «отелился наш бугай»: калмыки, 72 неб., 1978.

Буйвол: – несколько пар буйволов не могут сдвинуть голову героя, герой запрягает двух комаров – цель достигается: абхазы, Табун;

– «С одной стороны дышла запрягли пчелу, и с нее пот градом катится, а с другой стороны дышла пять пар буйволов»: абхазы, Три брата и князь;

– «Мы глядим на неё, а это и не утка вовсе, а целый буйвол!»: армяне, Сказка охотника.

Бурьян: – «Жили-были три брата. У них был дом без окон и дверей, двор зарос бурьяном»: ингуши, Небылица;

– «Через некоторое время ноги привели меня к бурьяну, который еще не рос. Подошел я к бурьяну и хотел присесть в его тени отдохнуть, как вдруг слышу, кто-то грозно зарычал из-под бурьяна. С испугу одним прыжком я отпрыгнул на десять верст назад и стал искать врага, притаившегося под бурьяном. Искать долго не пришлось: в бурьяне оказался зайчонок, который еще не родился. Он сидел в тени бурьяна, который вовсе не рос и шил себе шубку на зиму»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «я случайно наткнулся в тени бурьяна, который не рос, на лицицу. Она сидела в компании ежа и змеи»: калмыки, 72 неб., 1978.

Бык: – «вороне понравилось место, села она на рог одной овцы, устроилась поудобней и стала закусывать быком»; грузины, Сказка-загадка.

Вверх ногами: – «Только прошел немного и вижу – стоит вверх ногами кибитка. Зашел в нее – глазам не поверил: пир горой идет,

один сапог мой разносит гостям водку, нож мой мясо режет и пирующим раздает»: калмыки, 72 неб., 2003.

Ведро: – «из-под самого носа вылетела перепелка. Обрадовался я, прикончил ее и снял с тушки два ведра сала. Одно ведро было с доньшком, а другое – без. Подвесил над очагом целое – оно стало протекать. Приладил дырявое – полный порядок»: казахи, сын Тома;я;

– «– Верно, те колодцы канавами были? – Может, и канавами, только ведро, брошенное туда утром, доставало дна к вечеру»: ного-гайцы;

– «Зачерпнула в воде прорубь да и вытащила в ведре деда»: Байкал;

– падишах дает за оленя женщине ведро золота: турки, Аллем.

Верблюд: – в кладовой дома уместятся 8 верблюдов с кладью: абхазы Коблух;

– герой выменял верблюда за 60 и 70 уток; герой пас верблюдов деда; пропавшая верблюд(ица) принесла верблюжонка; дрофа больше двугорбого верблюда: буряты, 70 неб.;

– хан за небылицы обещает столько золота, сколько можно навьючить на верблюда: буряты, 70 неб. 1, 2;

– птица унесла караван-сарай вместе с верблюдами: грузины два дервиша;

– плут обещает дать герою соль и верблюда в придачу: Грузины, Три брата и плешивый плут;

– герой наполняет салом кишки верблюда, вола и зайца казахи, 40 неб. 1;

– старик и дочка имеют верблюда, лошадь и ишака: казахи, Старик и его дочка;

– «Привязал я своего верблюда, который не родился, за сухой куст и лег спать. А куст-то за ночь и увел моего верблюда»: калмыки, 72 неб., 1978;

– ожеребились кобылы верблюдами: калмыки, 72 неб., 2003;

– гигантский верблюд не может вести героя и падает: калмыки, 72 неб., 2003;

– по мосту из огурца могли идти верблюды, верблюды с драгоценностями свалились с моста: македонцы;

– отец героя не родился, когда герой пас дедушкиных верблюдов: монголы;

– герой хвастается, что зажал в кулаки по 20 верблюдов: таджики;

– «когда верблюд бирючом был»: турки, Аллем-каллем;

– герой превращается в верблюда: туркмены, 40 неб. 1, 2;

– внутри дыни нож героя навьючен на верблюда: туркмены Систана;

– внутри арбуза старик рассказывает, что их было 40 караванов по 40 верблюдов: узбеки.

Верблюдица: – «Нарвал я травы и положил на море, трава подняла меня. Пришел я к верблюдице, а у нее верблюжонок родился. Стал я верблюжонка на верблюдицу навьючивать, а она не смогла поднять его. Тогда я попробовал навьючить верблюдицу на верблюжонка. Оказалось, он запросто ее поднял и двинулся. Гнал я верблюда, ко мне подъехал один человек на белом коне и предложил мне поменяться»: буряты, Знающий 70 неб.;

– герой «пас дедушкиных верблюдов. Одна верблюдица принесла верблюжонка. Оседлал ее, хотел взять в седло детеныша, но ей было тяжело. Я сел на верблюжонка, затащил туда и мать. Так весело было ехать»: монголы.

Верблюжонок: см. Верблюдица.

Верста: – «Иду дальше. За три версты услышал шум тихий, подъехал, смотрю – уж лягушку сосет»: калмыки, 72 неб., 2003.

Вертел: – «на верхушке дуба сидит медведь: разжег там огонь, насадил на вертел вола и жарит его»: далматинцы;

– «Снял я с коня седло, привязал повод за пенек, потом из снега распалил костер, изо льда вертел сделал и муху поджарил»: хакасы.

Вершина: – «Значит, чинары были низкорослые. Коблух: Как низкорослые? Когда мой брат глядел на их вершины, с его головы спадала папаха»: абхазы, Коблух и черт;

– комок земли, брошенный в дерево, «превратился в целое поле и пластом лег на вершину дерева»: абхазы, Три брата и князь;

– герой на вершине горы видит дом, выстроенный из драгоценных камней: башкиры;

– герой рассказывает: «воткнул в рукоять ножа иголку, которую носил у сердца. Вскарabкался на ее вершину, глянул через игольное ушко и только тогда увидел свою любимую пегую кобылу»: буряты, Крестьянин Тархас;

– «... я сам видел, что вершина того холма, где проходит тропинка, вся выгорела, и видел, как люди несли с холма больших рыб с обжаренными головами и обугленными хвостами»: казахи, Удобнее лгать;

– «Вдруг на самой вершине горы блеснула лужа. Подъехал я к луже и увидел: по краям ее черви завелись, а середина не вытерпела жары и покрылась льдом толщиной в четверть и еще четыре пальца»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой говорит: «Если тут есть хоть одно слово лжи, то пусть я утону на вершине горы в воде, которая утекла, пусть я сгорю в огне, который потух и пусть выключает мне глаза сдохшая ворона»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «И что же я увидел? Мои ослы лизали лёд с вершины Эльбруса!»;

– герой оставил свою голову на вершине Эльбруса: карачаевцы;

– герой рассказывает: «Поднялся я на его вершину, посмотрел по сторонам, но ничего не увидел. Взял я тогда свой курук, оперся на его толстый конец и хотел взобраться на его тонкий конец, да не сумел. Тогда я оперся на тонкий конец и на толстый взобрался»: ногойцы;

– герой объясняет: «только когда на вершины сосен старики смотрели, с их голов папахи падали!»: ногойцы;

– на спине у лошади стал расти большой тополь; «через несколько дней уже не стало видно вершины тополя. Я решил на него забраться. Не достиг я еще вершины дерева, а земля уже стала чуть заметной»: эвены.

Ветка: – герой рассказывает: «Нарубил я веток, оплел ими бок гуся, чтобы не вываливались внутренности, нагрузил его мукой, и мы вернулись домой»: абхазы, Свадьба отца;

– герой «привязал свою норовистую кобылу к засохшей ветке и уже приготовился прилечь да отдохнуть, как вдруг выскочил из-под кустов десятиногий заяц» – ветка – рога гурана: буряты, 70 неб. 2;

– «внезапно мне под ноги с ветки спрыгнул заяц. Я погнался за ним»: казахи, 40 неб. 2;

– «Прошел он несколько фарсангов и увидел, что навстречу ему движется целая гора дров, а за зеленую веток не видно дровосека. Прошла эта гора мимо твоего отца. Он пошел сзади и стал выдергивать торчащие ветки. Дергал, дергал, а гора не останавливается»: таджики, Три неправды;

– «Видим – в траве лежит детеныш неродившегося зайца. Взяли мы неотрубленную ветку непосаженного тополя; вырезали дубинку и ударили зайчонка. Он три раза перекувыркнулся и упал. Мы поймали его и зарезали»: узбеки.

Визирь (персонаж): грузины, небылица; казахи, 40 неб. 2; казахи, Лжец Кутейба.

Вино: герой везет вино на свадьбу отца на стрекозах: абхазы, Свадьба отца;

– вино вытекло из бочек и образовало большую лужу на дороге, журавли напились допьяна: калмыки, 72 неб., 1978;

– на пир принесли заморское вино: монголы;

– герой рассказывает: «мой пропавший чигир меж гостей ходит, вино каждому подает, а меня мимо обносит»: хакасы.

Вода: – «Один бык протягивал голову за семь верст и щипал траву на лугу. Потом он протягивал голову за семь верст и пил воду из озера»: чеченцы, Кто больше;

– «А ведь был я не из маленьких, слава богу, пятнадцать сажень ростом был. Каждое утро из колодца рукой воду доставал и мылся»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Верно, эти старики карлики?! – Может, и карлики, только они со дна колодца воду пили»: ногойцы;

– «я привязал лошадь, [куст] оказался шеей лебедя. Пока я возился с ведрами, птица утащила мою кобылу в воду»: казахи, сын Тома;

– в прорубь хлынула морская вода (море далеко): абхазы, Табун;

– герой говорит: «Если тут есть хоть одно слово лжи, то пусть я утону на вершине горы в воде, которая утекла, пусть я сгорю в огне, который потух и пусть выключает мне глаза сдохшая ворона»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой «сварил своих уток в котле без воды, на тагане без огня, поел и лег отдохнуть»: Калмыки, 72 неб., 1978;

– «Глянули мы на них и вдруг заметили, что в том озере, в котором вообще воды не было, плавают три утки. Причём две из них – мёртвые, а третья вообще не живая»; Армяне, Сказка охотника;

– «Морской царь открыл все моря и реки и напустил их на глаз пастуха. Шли, шли воды, две недели шли, наконец вынесли бычачий бок из глаза пастуха»: грузины, Сказка-загадка;

– «Взял в рот трубку. Чем ее разжечь? Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек изо льда искру, вода и загорелась. Прикурил я и поехал»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «достал кисет, наложил в табак трубку, сделал из него кремень, из воды – трут, ударил о кремень – искры летят, горит трут – славно покурил я!»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «взяли мы мертвого пескарика, положили в котел без дна, налили воды и начали варить»: узбеки;

– герой, боясь, что его заставят прислуживать, говорит «а и матери-то воды не приносил»: монголы;

– «Влез на орешину, вижу – там целое бахчевое поле, и с края участка журчит в арыке вода»: узбеки;

– Как начал он языком молоть, что твоя мельница. За какой-то час целый короб пирогов намолот, пришлось чай пить да водой закусывать»: Байкал.

Водка: сапог мне подмигнул. «Заходи, мол, присаживайся. Водка – рекой, махану – гора. Угощу»: калмыки, 72 неб., 1978,

– «сбежавший сапог у того хана служит, подносчиком водки сделался»: калмыки, 72 неб., 2003;

– на пиру подают арз и хорз [сорта водки]: монголы.

Волк: волк нападает на коз, герой находит волка с козой в сыре: абхазы, Коза пастуха;

– волк выгрыз бок у гуся: абхазы, Свадьба отца;

«...индюк – в десятиниках, волки – в надзирателях»: башкиры;

– герой без труда сшибал волков: казахи, Охотник Бухарбай;

– герой опасается, что волки могут съесть жеребенка: калмыки: 72 неб., 1978; ногойцы;

– жеребец дерется с волком, герой убивает волка не ударив, голова и хвост волка тащатся по земле, герой вешает волка за хвост на столбе, волк сбежал без шкуры, герой упал на спящего волка, волк нырнул в нору: калмыки, 72 неб., 1978;

– заяц не боится волка: киргизы;

– в роще на дереве медведи, лисицы и волки: македонцы;

– волк ест утиные яйца на голове героя, герой хватается за хвост волка, волк выдергивает его из земли, у волка отрывается хвост: русские;

– волк ест яйца на голове героя, хвост волка превращается в шкатулку эвены.

– два волка напали на пчелу: татары, Таз,

– «волк был бакаулом, лиса – ясаулом»: узбеки.

Ворона: герой говорит: «Если тут есть хоть одно слово лжи, то пусть я утону на вершине горы в воде, которая утекла, пусть я сгорю в огне, который потух и пусть выклюет мне глаза сдохшая ворона»: калмыки, 72 неб., 1978.

Вошь: вошь беседует с блохой, блоха сватает за сына дочь вши: калмыки, 72 неб., 1978.

Выросло: «Складывал-складывал – выросла моя поленица до самого неба»: марийцы, Пчелиный пастух,

– выросла огромная тыква: абхазы, Заяц в тыкве;

– от масла выросло большое дерево: абхазы, Три брата и князь;

– «выросла такая кукуруза, что стебель мог выдержать тяжесть человека»: абхазы, Три брата и князь,

– «мазали спину гуся, а у него на спине через месяц ореховое дерево выросло»: армяне, чепуха;

– «из хвоста моего коня выросло высокое, красивое дерево, оно скребет по небу и мучает моего коня»: буряты, Знающий 70 неб.;

– на спине цыпленка вырос тополь: горные таджики;

– «бобы выросли до неба»: далматинцы;

– из хлопкового семечка выросло громадное дерево: казахи, Старик и его дочка;

– выросли большие огурцы, из огурца получился мост поперек канавы: македонцы;

– из мешочка для сурьмы и палочки выросли три финиковые пальмы до самого неба: туркмены Систана;

– у героя из семян выросли большие арбузы: узбеки;
– на шее пчелы-матки после лечения ореховым маслом «выросло огромное ореховое дерево со спелыми орехами на ветвях»: чеченцы, Спор о небылице.

Гарбаш (Ведьма – персонаж): ингуши, Небылица.

Гнездо: ворона несет в когтях быка в гнездо: грузины, Сказка-загадка;

– около героя журавль свил гнездо и вывел журавлят: марийцы, 41 неб.;

– птицы вьют гнезда на голове героя, яйца катятся ему в рот: эвены.

Голова: – семиголовый аждаха: башкиры;

– девятиголовый аждаха: башкиры;

– голова дэва как чугунный котел: башкиры;

– человек несет на голове котел и просит Бэлэнсэнгэ рассказать небылицу, тот говорит, что небо загорелось, человек роняет котел, котел разбивается: монголы;

– «когда мой брат глядел на их (чинар) вершины, с его головы спала папах»: абхазы, Коблук и черт;

– «когда на вершины сосен старики смотрели, с их голов папах падали»: ногойцы;

– у отца хана красная голова от выдергивания волос за кражу овцы: буряты, 70 неб. 2;

– герой выдергивает волосы на голове, чтобы спуститься с неба: далматинцы;

– орехи, выросшие из деревьев на мешках, били по головам прохожих: таджики;

– кто-то отрубил голову зверю, про которого рассказывает охотник-хвастун: абхазы, Хвастливый охотник;

– с неба посыпались верблюжья голова и ноги: грузины, Два дервиша;

– трубка как верблюжья голова: калмыки, 72 неб., 1978;

– муравей спит, положив зерно под голову: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой жарит мушиную голову на огне: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой ведет домой зайцев, накинув переднему уздечку на голову: Байкал;

– заяц ударился о голову волка и рассказывает, что ударил его по голове: киргизы;

– голова и хвост волка тащатся по земле: калмыки, 72 неб., 1978;

– «У дохлого быка туловище лежит на царском поле, ноги же, хвост и голова – на соседском»: грузины, Сказка-загадка;

– бык протягивал голову за семь верст, чтобы есть и пить: чеченцы, Кто больше;

– герой сделал из головы било: абхазы, Табун;

– герой разбил головой лед, чтобы напиться: калмыки, 72 неб., 2003;

– герой пробил головой прорубь: ногойцы;

– герой отрывает себе голову и поит кобылиц из черепа: аварцы, Как сын мельника;

– герой отрывает себе голову, пробивает челюстью лунки и поит лошадей, забывает голову и возвращается за ней: алтайские тувинцы;

– герой не может разбить лед снятой головой, забывает голову и возвращается за ней: башкиры;

– герой разбивает лед головой и забывает голову: буряты, 70 неб. 2; казахи, 40 неб. 2;

– герой разбивает лед своей отрезанной головой, забывает ее, возвращается за ней: далматинцы;

– герой возвращается за головой к худуку: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой разбивает лед головой, оставляет голову, хватился, что не может пить – забыл голову: казахи, Сын Томая;

– герой забыл голову там, где долбил прорубь, ест, пихая мясо в горло: буряты, 70 неб. 1;

– герой разбивает лед головой, ему приносит голову собственный сын, родившийся 26 лет спустя: казахи, 40 неб. 1;

– гутул (сапог) принес герою забытую голову: буряты, 70 неб. 1;

– герой пьет, просунув голову в прорубь: буряты, 70 неб. 1, 2;

– герой пробивает лед головой, спустил голову напиться, калмыки, 72 неб., 1978;

– герой снимает голову и пьет из колодца при помощи журавля: калмыки, 72 неб., 1978;

- герой возвращается за головой, голова смеется, в ней завелись черви: калмыки, 72 неб., 1978;
- на пиру не угощают того, кто без головы: калмыки, 72 неб., 1978;
- герой оставил свою бритую голову там, где сидел: калмыки, 72 неб., 2003;
- герой забыл голову на вершине Эльбруса: карачаевцы;
- с половиной головы на плечах героя видели аульчане: ногойцы;
- лежащий в колыбели отец бьет героя дубиной по голове: турки, Аллем-каллем;
- утка несет яйца на голову герою: русские;
- птицы выют гнезда на голове героя, яйца катятся ему в рот: эвены.

Голуби: – герой превращается в голубя, садится на окно комнаты дочери падишаха и превращается в букет роз: турки, Аллем-каллем;

– герой принес три больших сизых камня, чтобы сложить очаг – оказалось что принес трех заснувших голубей: алтайские тувинцы.

Горшок: – «три горшка. Два из них были насквозь пробиты, а третий и вовсе без дна. Мы наполнили тот горшок, что был без дна, водой»: армяне сказка охотника;

– «Дай-ка нам, бабуся, три горшка – зайцев сварить. Она им подает три горшка – два разбитые, а у третьего дна нет»: далматинцы.

Гриф: – герой упал в ущелье, сел на спину грифа, гриф понес героя: монголы.

Гром: «вчера загремел гром так, что разорвал небесный шов – Млечный путь. Мне пришлось до позднего вечера зашивать эти швы»: буряты, Крестьянин Тархас.

Грядка: – «Дед мой – такой непоседа! Чуть свободная минута выпадет, схватит грядку и бежит в огород лопату копать»: Байкал.

Гуран: – герой привязывает кобылу не к боярышнику, а к ветвистым рогам гурана: буряты, 70 неб. 1, 2;

Гусь: – волк выгрыз бок у гуся, герой заплетает бок гуся ветками: абхазы, Свадьба отца;

- гусь выскочил из куриного яйца: армяне, Чепуха;
- герой стреляет в гуся из лука: башкиры;
- дикие гуси летают в разгар лета: калмыки, 72 неб., 1978;
- «волк был бакаулом, лиса – ясаулом, гусь – горнистом»: узбеки.

Два предмета противопоставляются третьему:

– три озера: два из них были пересохшими, а в третьем вообще воды не было: армяне, Сказка охотника;

– в озере три утки: «две из них – мёртвые, а третья вообще не живая»: армяне, Сказка охотника;

– три горшка – два разбитые, а у третьего дна нет: далматинцы;

– «три денежки: две совсем-совсем стертые, а одна без надписи.

Мы подняли денежку, ту, что без надписи, и пошли дальше. Шли дорогой, шли, много прошли. Шли-шли, спустились в лощину. Видим – в речке лежат три пескарика. Два подохшие, а один мертвый. Взяли мы мертвого пескаря, положили в полу халата тому брату, у которого халат был без полы. Пошли по дороге. Шли-шли, увидели перед собой три дома: два без кровли, а один совсем без крыши. Вошли мы в тот, у которого не было крыши, увидели там три котла, два – все в дырах, а один без дна»: узбеки;

– три котла: у одного отбиты края, у другого посередине дыра, у третьего нет дна: турки, 40 неб.;

– три денежки: у одной нет краев, у другой – середины, у третьей – ни того, ни другого: турки, Аллем-каллем.

Дверь: «Жили-были три брата. У них был дом без окон и дверей»: ингуши, Небылица;

– «вхожу в кибитку, где шел пир, и сел у дверей»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Юркнул Кюсе в свою мельницу да тут же через черный ход выскочил и вошел к соседу, – тихохонько через заднюю дверь прошмыгнул к нему, тут же на улицу через переднюю вышел и стал звать к себе парнишку. Но тот его узнал, к нему не пошел и поступался в соседнюю мельницу. Подумал, верно, что это не мельница лукавого Кюсе, раз он у другой двери стоит»: македонцы;

– дверь в небо раскрыта: татары, Как братья;

– «Мы все трое ели-ели, наелись, брюхо себе наели. Хотели выйти, а в дверь никак не можем пролезть. Нашли в стене щелку, вышли на улицу и пустились в путь»: узбеки.

День: «Из этого кома земли получился большой участок земли на три пахоты. Шестью волами вспахал я этот участок за три дня»: чеченцы, Спор о небылице;

– «Чёрт: А может быть, день был короткий? Коблук: Ничуть! Корова, погулявшая с быком утром, возвращалась вечером домой с теленком»: абхазы, Коблук и черт;

– «– Наверное, дни тогда были короткими? – Наверное, короткими были, – соглашается парень. – Ведь когда твой отец украл овцу у моего родителя и был пойман, у воришки стали выдергивать волосы с головы по одной волосинке. Только к вечеру твой отец вернулся домой»: буряты, 70 неб., 70 неб. 2;

– «Жил один царь. Было у него огромное поле. Вспахали царю то поле, засеяли, и поставил он двенадцать сторожей. Один стоит посреди поля, а одиннадцать целый день идут к нему от краев – никак не дойдут»: грузины, Сказка-загадка;

– «– Ну, может быть, в те времена дни были короткие, – возразил хан. – Дни, верно, были короткими: в те времена стадо баранов проходило всю степь от края до края за один день, – сказал мальчик»: казахи, 40 неб. 1, 2;

– «– Верно, дни тогда коротки были?! – Может и коротки, только утром трехгодовалая телка в долине телилась, а вечером ее теленок трехгодовалым волом становился»: ногайцы;

– «Дошел к вечеру домой, верст пятьсот отмахал за день»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «– Я, бывало, сорок сажен в день дров насек. – Это кака небылица, это я на старось насеку»: русские;

– «Однажды запер я курицу в комнате и пошел по своим делам. На второй день открываю комнату и вижу: курица снесла столько яиц, что они заполнили всю комнату до потолка»: чеченцы, Спор о небылице.

Дерево: – герой делает желоб из дерева: абхазы, Коза пастуха;

– «у пенька невыросшего орехового дерева сидит неродившийся заяц»: абхазы, Табун;

– герой «Взял неродившегося верблюжонка, привязал его за шею к невыросшему дереву»: калмыки, 72 неб., 2003;

– герой «взял плетку из ветвей дерева, которое еще не росло»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой привязал лошадь к шее журавля, приняв ее за дерево: башкиры, казахи, 40 неб. 2;

– дятел занес героя на дерево, герой провалился по полому стволу вниз. Ворон подхватил его: якуты;

– старик привязывает к дереву проигравших братьев: хакасы;

– жеребенок взобрался на ветку высокого дерева и там ожеребился: казахи, 40 неб. 1;

– дочь старика «посеяла хлопковое семечко. Выросло из него громадное дерево. Тень падала на расстояние одного дня езды»: казахи, Старик и его дочка;

– из хвоста коня выросло высокое дерево, которое скребет по небу: буряты, Знающий 70 небылиц;

– на спине у лошади вырос тополь, герой полез по нему, но упал вниз: эвены;

– ореховое дерево выросло на спине петуха: македонцы;

– у осла на спине выросло дерево, на котором образовалось поле: узбеки;

– ореховое дерево выросло на пчеле: абхазы, Три брата и князь;

– на спине пчелы выросло ореховое дерево, на него набросали землю на три пахоты и засеяли арбузами и дынями: чеченцы, Спор о небылице;

– на спине гуся выросло ореховое дерево, на нем луг, посеяли пшеницу и рожь, пастухи пасут: армяне, Настоящая чепуха;

– человек пашет на дереве: ингуши, Небылица;

– «когда я подъехал к самому высокому дереву, он стал щипать листья с самой верхушки. А может быть дерево низкое?»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «верблюд мой сгрызал на корню дерево сосновое, так что дерево и покачнуться не успевало. – Да может, – не унимался хан, – дерево-то низкое да тонкое было! – Нет, дерево то в 150 обхватов было, а как кинул его верблюд в худук глубиной в 65 саженей, так дерево еще на 15 саженей над колодцем торчало»: Калмыки, 72 неб., 2003;

– «посреди неба растёт красное дерево. А на дереве сидит золотая птичка.»: татары, Как братья.

Дождь: – «Сел я на верблюда, еще не родившегося, взял плетку из ветвей дерева, которое еще не росло, сделал аркан из веревки, еще не свитой, и в жаркую погоду отправился в далекий путь – при дожде, который не шел»: калмыки, 72 неб., 1978.

Доить: – герой зашел в кибитку и взял посуду, чтобы доить жеребца: калмыки, 72 неб., 1978.

Документ о долге: – Письмо с долговым обязательством слушающего рассказчику: буряты, Знающий 70 небылиц;

– У юноши бумага – долговое обязательство: корейцы;

– у лисы на хвосте была бумага с обязательством о долге: ханты, Манть-ку.

Документ, разрешающий спор: – у зайца из-под хвоста выпал клочок бумаги, где было написано: «Гирду кукурузы выиграл бедняк»: чеченцы, Спор о небылице;

– Жницы нашли записку, которую выронила лиса, отнесли к судье, судья сказал – нечего Кьосе хитрить понапрасну: македонцы;

– Бог пишет письмо попу с приказом окрестить отца героя: далматинцы.

Дом: – «увидели перед собой три дома: два без кровли, а один совсем без крыши. Вошли мы в тот, у которого не было крыши, увидели там три котла»: узбеки;

– «Жили-были три брата. У них был дом без окон и дверей, двор зарос бурьяном»: ингуши, Небылица;

– «Причём, двух сёл не видно, а в третьем и вовсе домов нет»: армяне, Сказка охотника;

– «Чёрт: Что-то ты врешь! Или, может быть, дворец был низенький. Коблух: Ничуть! Разве скажешь, что дом низенький, если в его кладовой можно уместить восемь верблюдов с кладью»: абхазы, Коблух и черт;

– «пришла лиса, стала дергать его; как дернет – закачается бок, рушатся купцовы дома»: грузины, Сказка-загадка;

– «В большом селении, где жил чабан, было девять тысяч домов. Собрали всех жителей, даже стариков и детей, привязали к лопатке цепи, потянули и вытащили лопатку из глаза чабана.

Жители села решили поставить на этой лопатке девять тысяч домов»: чеченцы, Кто больше;

– «Проезжаю мимо одного дома. На балконе сидят три сестры. Одна из них играет на ачамгуре, а другие поют. Увидев меня, они засуетились. Старшая говорит: – Унан, какой красивый парень едет! – Но ведь он без головы»: абхазы, Табун;

– «От тоски по убежавшему сапогу умерла оставшаяся дома жена»: казахи, 40 неб. 1;

– герой сказал, что не взял шкатулку с небылицами, оставил ее дома: японцы;

– «Вот сижу я в животе у медведя и задыхаюсь. Что же делать? Сбежал домой, принёс острый нож и распорол медвежье брюхо»: маришцы, Пчелиный сторож;

– «Проторчал в земле три года. Как ни старался, не мог выбраться. Думал, думал и догадался: сбежал домой, взял сошник и выкопал себя»: хакасы.

Дудак: дудак – председатель молитвенного хора: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой нашел дудаков, заткнул за пояс, они полетели: калмыки, 72 неб., 1978.

Дыня: – садовник вырастил дыню на затылке вола: казахи, 40 неб.;

– дыни валяются с неба: казахи, 40 неб. 2;

– нож героя провалился в дыню и герой идет его искать: казахи, 40 неб. 1, туркмены Систана;

– из рассеченной дыни выскакивают заяц и охотники: чеченцы, Спор о небылице.

Дышло: – дышло натерло шею пчеле: абхазы, Три брата и князь, чеченцы, Спор о небылице.

Еж: – лисица, еж и змея играют в карты: калмыки, 72 неб., 1978;

– лисица, еж и тушканчик играют в карты: калмыки, 72 неб., 2003;

– гости съезжаются на пир «кто на быке, кто на жуке, кто на еже, кто на ухе, кто на горном козле, а кто на журавле»: казахи, 40 неб. 2.

Жара: – герой в жару гонит стадо на водопой, река замерзла: буряты, 70 неб.;

- «жара стояла сильная, и все замерзло»: далматинцы;
- «А жара была несносная. Вдруг на самой вершине горы блеснула лужа. Подъехал я к луже и увидел: по краям ее черви завелись, а середина не вытерпела жары и покрылась льдом»: калмыки, 72 неб., 1978;
- «Долго искал, а жара несносная. Встретилось мне множество дудаков, и у всех крылья облетели»: калмыки, 72 неб., 1978;
- жара – герой хочет пить: калмыки, 72 неб., 1978;
- «Жара была страшная, земля льдом покрылась»: калмыки, 72 неб., 2003;
- «зной стоит, жара жгучая. Добежал по воздуху до степного ключа-родника, бывшего фонтаном. Подбежал и вижу: замерз фонтан от жары и зноя»: калмыки, 72 неб., 2003;
- герой предлагает сделать укрытие от жары под главной улицей Сеула: корейцы.

Жать: брошенный ком земли «превратился в целое поле и пластом лег на вершину дерева. Пасечник, не раздумывая, посеял на нем пшеницу. Когда пшеница созрела, он взял серп и пошел жать хлеб. Но в пшеницу забралась свинья. Пасечник бросил в нее серпом, серп попал ей в заднюю ногу и застрял. Свинья стала бегать с серпом по полю; убежать ей было некуда, и она жала пшеницу, а пасечник, еле поспевая за нею, вязал снопы»: абхазы, Три брата и князь;

– «тут рукоятка серпа прямо в бок лисице. От боли несчастная стала метаться туда и сюда – так все поле одна и сжала. А кончила жать – к лесу помчалась»: македонцы;

– «орехи на деревьях созрели, ветер сбивал их, и, падая вниз, они били по головам прохожих. Рассерженные прохожие стали бросать в арбу комьями земли и камнями. Образовалась пашня в тысячу тананов земли. Так отец мой стал хлеборобом. Посеял он хлеб, смотрит, а уж пора жать»: таджики, Три неправды.

Жена: – у героя умерла жена (вымысел): боснийцы;

– «От тоски по убежавшему сапогу умерла оставшаяся дома жена»: казахи, 40 неб. 1.

Жеребенок: кобыла не везет героя с жеребенком – жеребенок везет героя с кобылой: абхазы Табун; алтайские тувинцы,

башкиры, буряты, 70 неб. 1, 2; казахи, Сын Томая; ногайцы; туркмены, 40 неб. 1, 2;

– жеребец не везет – везет его жеребенок: казахи, 40 неб. 1, 2; калмыки, 72 неб. 1978, 2003;

– пропал семисаженный жеребенок, рожденный от пестрой двухвершковой кобылы: казахи, 40 неб. 1;

– волк хочет съесть жеребенка: калмыки, 72 неб. 1978, 2003;

– отец и мать героя получают за муху корову с теленком или лошадь с жеребенком: ханты, Сенгепов.

Жеребец: жеребцы поднимут на смех героя: башкиры;

– герой пас 63 кобылицы и одного жеребца: ингуши, Небылица;

– жеребенок-жеребец ожеребился: казахи, 40 неб. 1, 2;

– жеребец ожеребился: калмыки, 72 неб., 1978, 2003.

Жир, сало: одному сапогу досталось больше жира, другому меньше – они ссорятся: алтайские тувинцы;

– «жира достало ровно на два ведра – на одно бездонное и одно со дном»: башкиры;

– смазанный правый сапог, лоснящийся от жира, отлупил несмазанного; левый сапог весь в жиру, прислуживает во время пира и упрекает хозяина: буряты, 70 неб. 2;

– жир держится в котле без дна, переливается в кишки бычка: буряты, 70 неб. 1;

– жир не вытекает из дырявого казана: казахи, 40 неб. 2;

– несмазанный сапог лупит смазанного из-за жира: казахи, 40 неб. 2;

– один сапог смазан остатками жира: казахи, Сын Томая;

– у мухи «на задке жир толщиной в четыре пальца, а под мышками — в три пальца»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой намазал свои пятки жиром, чтобы они не скрипели: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой вытер жирную руку о сапог, другой не смазан: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой намазал мушиным жиром один сапог, и забыл смазать другой: калмыки, 72 неб., 2003, хакасы;

– из внутренностей зайца герой натопил три с половиной ведра жира; «У меня было две пары чабыров. Три чабыра я помазал

три ведрами жира, а четвертый – жиром из половины ведра»: карачаевцы;

– из зайца вышел пуд жира, которого хватило на один сапог: ногойцы;

– «из-под самого носа вылетела перепелка. Обрадовался я, прикончил ее и снял с тушки два ведра сала»: казахи, Сын Томая.

Жук: – гости едут на пир «кто на быке, кто на жуке, кто на еже, кто на ухе, кто на горном козле, а кто на журавле»: казахи, 40 неб. 2;

– жеребенок въехал на рог черного жука, рог выдержал: калмыки, 72 неб., 2003.

Журавль: – герой привязывает лошадь вместо столба к шее журавля: башкиры,

– герой меняет 60 уток и 70 селезней на журавля ростом с верблюда: казахи, 40 неб. 1;

– гости съезжаются на пир «кто на быке, кто на жуке, кто на еже, кто на ухе, кто на горном козле, а кто на журавле»: казахи, 40 неб. 2;

– журавль – руководитель молитвенного хора: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой заткнул за пояс журавлей, они ожили и понесли героя: калмыки, 72 неб., 1978;

– журавль свил гнездо около героя, провалившегося в землю: марийцы, 41 неб.

Задние ноги: – «Скачу-скачу и вдруг вижу – задние ноги моей кобылки гуляют в каком-то табуне»: татары, Как братья;

– «зайчонок, совершенно невредимый, заснул крепким сладким сном, а его задние ножки хвалятся перед передними»: калмыки, 72 неб., 1978, 2003.

Задний ход: – «Надел я один сапог на обе ноги и отправился прыжками искать их. Попробовал вперед идти, не удастся, попробовал назад идти – удастся. Я и пошел задним ходом»: калмыки, 72 неб., 1978.

Зажигать: – «Вот когда закуривал мой хан-отец свою трубку во дворе, то зажигал ее прямо от солнца. Вот какая была у него длинная трубка»: буряты, Крастьянин Тархас;

– отец рассказчика «раз в год ходил в лес, наламывал вязанку дров высотой в сто деревьев, эту вязанку приносил в кишлак, целый год весь кишлак жег эти дрова, не сжигал их за год, половина дров еще оставалась. Оставшиеся дрова отец складывал и зажигал и велел жителям кишлака прыгать через костер»: таджики, Три неправды.

Зайчонок: неродившийся зайчонок в бурьяне, которого ловит герой: калмыки, 72 неб., 1978;

у корня невзошедшей полыни неродившийся зайчонок: калмыки, 72 неб., 2003;

– зайчонок лягнул и убил собаку: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Под невыросшей полынью слепой увидел неродившегося зайчонка, безрукий убил его, а голый завернул в полу своего халата и понёс. В зайчонке было шестьдесят батманов мяса и семьдесят – сала»: туркмены, 40 неб.;

– Убили неродившегося зайчонка, из которого вышло 6 пудов сала и 6 пудов мяса: узбеки;

– зайчонок «сидел в тени бурьяна, который вовсе не рос и шил себе шубку на зиму»: калмыки, 72 неб., 1978.

Закон: – хан почитающий древние законы Тибета: буряты, 70 неб. 1, 2;

– воля старших – закон: аварцы, Как сын мельника.

Заснуть: герой заснул между дравшимися гутулами: буряты, 70 неб., казахи, 40 неб. 2;

– «Шел-шел, а потом – надоело; стал я и заснул стоя», слышит как дерутся сапоги и нож с ножнами: калмыки, 72 неб., 2003.

Заяц: – заяц залезает в тыкву и его герой находит там, когда он выскакивает: абхазы, Заяц в тыкве;

– «закончил резку зайца за каких-нибудь пять дней. Высушил мясо, засолит его песком, а одну ляжку зайца положил в котел, чтобы натопить себе сала»: казахи, 40 неб. 1;

– «взял я того зайца, принес в кос, шкуру с него содрал, разделал, целый пуд жира вытопил... Съел я мясо зайца и лег спать»: ногойцы;

– «Мяса получилось шестьдесят батманов, сала вышло семьдесят батманов. Нашли мы в одном месте котел, в другом месте

– половину котла. Положили зайца в целый котел – не поместился, положили в половину котла – не поместился, тогда положил я шестьдесят батманов мяса себе в рот и проглотил разом»: туркмены, 40 неб. 1, 2;

– «Пока он (дед) носом крутил, на место его воротил, все зайцы из чугунок выкипели и в лес убежали»: Байкал;

– у невыросшего дерева неродившийся заяц: абхазы, Табун;

– «Мой чёрный осёл как только увидел пристреленного мною неродившегося зайца, тотчас превратился в чёрного коня и стал кричать: «Не хочу быть конём, хочу быть орлом!»: карачаевцы;

– неродившийся заяц, которого герой убивает стрелой, выпущенной хвостом вперед: казахи, 40 неб.;

– заяц попался в руки герою нерожденным: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Поехал дальше, убил я, не догнав, зайца, которого не видел»: калмыки, 72 неб., 2003;

– убили трех зайцев: по двум промахнулись, а третий удрал: далматинцы;

– у зайца из-под хвоста выпал клочок бумаги, на нем было написано: «Гирду кукурузы выиграл бедняк»: чеченцы, Спор о небылице;

– заяц выскакивает из арбуза с бумажкой «Чепуха» на хвосте: армяне, Чепуха;

– герой убивает зайца плевком: башкиры;

– десятиногий заяц, которого герой убивает стрелой, выпущенной хвостом вперед: буряты, 70 неб. 1, 2; казахи, 40 неб. 2;

– «Пошли мы в лес ставить зайцев на петли»: Байкал;

– заяц и рыбы пропадают у героя: калмыки, 72 неб., 1978;

– заяц-хвастун: киргизы;

– герой увидел зайца, стегнул курук жеребенком и поймал зайца: ногойцы;

– заяц бежит под ногами у матери героя: турки, Аллем-каллем;

– заяц и охотники выскакивают из рассеченной дыни: чеченцы, Спор о небылице;

– герой видит, как зайцы проводят осеннюю стрижку: калмыки, 72 неб., 1978.

Земля: «бескрайняя наша земля – не больше верблюжьего следа»: буряты, 70 неб. 1, 2;

– «когда небо было не больше потника, а земля – не крупнее седла, и меня еще не было вовсе на свете»: казахи, 40 неб. 1;

– «А как я упал – утка и распласталась на земле: каждое крыло метра четыре в длину»: армяне, Сказка охотника;

– орлы «Когда они садились на верхушку дворца, то крыльями касались земли»: абхазы, Коблук и черт;

– «когда он смазывал ореховым маслом шею пчелы, несколько капель упало на землю, и за ночь выросло это большое дерево. Наш пасечник поднял ком земли и кинул его в верхушку дерева, чтобы сбить несколько орехов, но ком застрял среди густых ветвей; так он и не полакомился орехами... Если ты обо всем этом слышал, то продолжай дальше, – сказал князю Джир. Но князь вынужден был сознаться, что он не может продолжать рассказ. – А дальше произошло вот что, – сказал Джир. – Пошел мелкий дождь, и комок земли, брошенный пасечником, разбух, превратился в целое поле и пластом лег на вершину дерева»: абхазы, Три брата и князь;

– «А сорванцы ребяташки увидели галок – и давай кидать в них камнями да комами земли, хотели орехов достать и галчат раздобыть. Столько там, наверху, накопилось всяческой дряни, что вскоре уже стало там не дерево, а изрядный участок земли, и отец рассудил, что можно там высеять много семян, не меньше десяти, да, кроме того, еще роща останется. Распахал отец ту землю девятью плугами, хлеб там посеял»: македонцы;

– «орехи на деревьях созрели, ветер сбивал их, и, падая вниз, они били по головам прохожих. Рассерженные прохожие стали бросать в арбу комьями земли и камнями. Образовалась пашня в тысячу тананов земли»: таджики, Три неправды;

– «Смотрю я – а на каждой из пальм три-четыре джебиба земли. Я и сказал своему другу: мол, давай пасти коров. Поднял я коров на деревья и стал их пасти на деревьях. Царь спрашивает: – Как из сурьмы и палочки для бровей выросли пальмы? – А я соврал. – А откуда земля на деревьях? – А я соврал»: туркмены, Систана;

– «Думал я сбить несколько орехов и бросил в дерево ком земля. Ком застрял на дереве. Из этого кома земли получился большой участок земли на три пахоты»: чеченцы, Небылица;

– «Когда гусь на лугу пасся, пастухи и ребята бросали в него комья земли, камни и палки, чтобы орехи сбить»: армяне, Чепуха;

– «человек с двумя кобылами и с двумя лошадьми деревянной сохой на дереве землю пахал»: ингуши, Небылица;

– «Присыпали рану землей, смотрим – на спине цыпленка тополь вырос»: горные таджики;

– «я брякнулся как раз у озера, где оставил свой табун. Да так, что земля прогнулась!»: казахи, 40 неб. 2;

– «Только вокруг спит и похрапывает земля. Постоял я немного, послушал этот храп земли, сравнил его с человеческим храпом и узнал, что они ничем не отличаются один от другого»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой «приложил ухо к земле, тиканье стало еще яснее слышно. Ну, теперь я понял в чем дело: оказалось, что это шум роста травы»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «дерутся между собой два кургана-соседи, не сумев доказать друг другу, кто из них старше. От их сильных ударов зашаталась земля, и отлетавшие куски земли образовали десятки новых курганов»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Два больших кургана затеяли спор, кто из них старше. Спорили-спорили да в драку пустились. Пыль кругом стоит, земля трясется, от ударов по степи малые курганчики, что шишки выскакивают»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Прыгнул сапог в какую-то дыру под землю. Свил я веревку из мякины и за сапогом спустился. Тут и поймал его. Стал я назад вылезать, да веревка оборвалась, и свалился я опять под землю»: марийцы, 41 неб.;

– «Моя бедная бабушка дала мне иголку без ушка, я воткнул ее в землю, влез на перекладину и увидел – на другом конце земли мой сапог сеет»: туркмены, 40 неб., 2;

– «Воткнул в землю иглу, влез на нее, посмотрел, вижу, – моя старушка мать стирает белье на берегу Сырдарьи»: узбеки;

– «и обнаружил на другом конце земли свой сапог. Он что-то там ел»: туркмены, 40 неб.;

– «Бегу и спотыкаюсь о свою тень. Наконец, я догнал их, когда они сидели с ветром на краю земли и спорили, кто из них скорее пришел на край земли»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «лежат на земле три денежки: две совсем-совсем стертые, а одна без надписи»: узбеки;

– «А на небе жизнь такая же, как на земле»: хакасы;

– «живут три брата, идут осваивать новые земли»: ханты, Сенгепов;

– «Когда я упал, то по пояс в земле оказался»: ханты, Маньт-ку;

– «Пришли на север из теплой земли пять мужчин; пять братьев»: эвены;

– «и по соломинкам доберешься вниз в средний мир. Соломы не хватило до земли, и я повис в воздухе»: якуты.

Зиндан: казахи, 40 неб. 2.

Змея: – змеи жуют смолу: алтайские тувинцы;

– змея может заползти в тыкву: абхазы, заяц в тыкве;

– лиса, еж и змея играют в карты: калмыки, 72 неб., 1978.

Золото: герой требует выдать золото раньше рассказа: буряты, 70 неб. 2;

– царь отдает рассказчику золото вместо царской дочери: грузины, Небылица;

– герои едут менять золото на соль: грузины, Три брата и плешивый плут;

– хан выдает золото: буряты, 70 неб.;

– хан выдает обещанное золото, но умирает через три дня: казахи, 40 неб.;

– падишах обещает золото рассказчику небылиц: татары, Таз;

– сундук золота старшего сына иссякает, он идет продавать коня: турки, 40 неб.;

– старик превратился в кучу золота: ханты, Нарты с золотом.

Зуб: – зубы героя стали острыми, пока голова была отдельно от него: буряты, 70 неб. 1;

– борода героя зацепилась за зубы семиметрового тайменя: буряты, 70 неб.;

– герой вытащил передний зуб и стал резать зайца: казахи, 40 неб. 1;

– голова подмигивает герою и скалит зубы: калмыки, 72 неб, 2003;

– отец и мать героя потеряли по одному мешку, которые несли в зубах: ханты, Сенгепов.

Зять: «У пастуха было три зятя: царь птиц, царь зверей и царь морей»: грузины, Сказка-загадка.

Игла: – «Нашлась у меня еще только штопальная игла, всадил я ее сверху в нож, забрался на нее и тогда увидел своих лошадей»: алтайские тувинцы;

– «была еще в моем кармане игла, длиной в аршин и толщиной с руку. Не долго думая, я вонзил ее на кончик ножичка, забрался на ту иглу и опять стал озирать бескрайние дали»: башкиры;

– «Моя умершая мать дала мне иглу, я воткнул её в пол, залез на неё и обнаружил на другом конце земли свой сапог»: туркмены, 40 неб.;

– «За шесть месяцев петух заработал одну мешочную иглу, да и ту хозяин дома держал у себя. Поругался я, поскаandalил с хозяином и заставил его отдать иглу»: узбеки.

Иголка: – «тут пришла моя мать и принесла обед. Я взял из платка матери иголку, встал на неё и посмотрел вокруг. И что же я увидел? Мои ослы лизали лёд с вершины Эльбруса»: карачаевцы;

– «Моя бедная бабушка дала мне иголку без ушка, я воткнул ее в землю, влез на перекладину и увидел – на другом конце земли мой сапог сеет»: туркмены, 40 неб. 2;

– «Очень я огорчился, воткнул в рукоять ножа иголку, которую носил у сердца. Вскарabкался на ее вершину, глянул через игольное ушко и только тогда увидел свою любимую пегую кобылу»: буряты, 70 неб. 1, 2;

– «у меня была с собой иголка, которую я всегда носил под языком. Я воткнул ее в рукоять камчи»: казахи, 40 неб. 1;

– «с детства у меня была привычка вместо серы жевать иголки. Достал я из-за губы иголку, вонзил её в черенок ножа и – будь что будет – снова полез вверх»: казахи, 40 неб. 2.

Икринка: – «Я тут же вспомнил о тех икринках, которые выдавил из сазана, и сказал старику: – Ничего, старик, не беспокойся, и рыбы будут у тебя в реке»: калмыки, 72 неб., 1978;

– икринки превращаются в рыбешек: калмыки, 72 неб., 1978;

– икринка почти съела зайца: калмыки, 72 неб., 1978.

Искра: – «Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек изо льда искру, вода и загорелась. Прикурил я и поехал»: калмыки, 72 неб., 1978.

Кабан: – кабаны едят кукурузу, герой стреляет в кабана, на нем вырастает фасоль: абхазы, Три брата и князь.

Казан: – мясо зайца не уместилось в два котла, но на один казан его не хватило: башкиры;

– течет новый казан, герой перекладывает сало в дырявый казан: казахи, 40 неб. 2;

– «В одном месте мы нашли целый казан, а в другом половину. Положили мясо и сало в целый казан – не поместилось; положили в половинку – тоже осталось»: туркмены, 40 неб.;

– герой бросил мясо зайца в казан: ногайцы.

Камень: – герой делает из широкого камня лодку и из плоского камня весло: хакасы

– герой принес три больших сизых камня, чтобы сложить очаг, оказалось, что это заснувшие голуби: алтайские тувинцы;

– «Когда гусь на лугу пасся, пастухи и ребята бросали в него комья земли, камни и палки, чтобы орехи сбить»: армяне, Чепуха;

– «А сорванцы ребятишки увидели галок – и давай кидать в них камнями да комами земли, хотели орехов достать и галчат раздобыть»: македонцы;

– «Рассерженные прохожие стали бросать в арбу комьями земли и камнями. Образовалась пашня в тысячу танапов земли»: таджики, Три неправды;

– «Коблук: Что ты, он был такой рослый, что, запустив руку в колодец, доставал со дна камни. Чёрт: Что ж такого, если колодец был совсем неглубокий»: абхазы, Коблук и черт;

– «Видно, колодец твой был наверху, – вставил хан. – Может быть, и наверху, – тут же согласился с ним Ерянсе. – Во всяком случае, утром брошенный в него камень долетел до дна только к вечеру»: башкиры;

– «– А может быть, колодец был неглубоким? – полюбопытствовал хан. – Может быть, и неглубоким, потому что камень,

брошенный в него утром, только к вечеру достигал дна, – ответил парень, не растерявшись»: Буряты, 70 неб. 1, 2; казахи, 40 неб. 1, 2;

– «А может быть, колодец стал мелким? Чтобы проверить это, я взял камень и бросил в колодец»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «два таких чана, полных драгоценных камней и жемчугов, за-должал отец нашего царя моему отцу»: грузины, Пастух Бичиа;

– «через день она (стрела) настигла серого и пригвоздила его к камню»: калмыки, 72 неб., 1978.

Камча: – «Воткнул я конец ножен в веревочную камчу, снова забрался на самую макушку»: казахи, 40 неб. 1; (см. Плеть, плетка).

– герой не может убить зайца камчой: башкиры.

Карлик: «Верно, эти старики карлики?! – Может и карлики, только они со дна колодца воду пили»: ногойцы;

– шах наказывает сыновьям не дружить с рыжими, безбородыми и карликами: турки, 40 неб.

Карты: – лиса, еж и змея играют в карты: калмыки, 72 неб., 1978;

– лиса, еж и тушканчик играют в карты: калмыки, 72 неб., 2003.

Кизяк: – «Решил я зажарить добычу, начал собирать в подол дэгэла кизяк для костра»: буряты, 70 неб. 2;

– кизяк, собранный героем, оказался рябчиками: буряты, 70 неб. 1, 2;

– герой принял перепелок за кизяк: казахи, 40 неб. 1;

– герой принял перепелок и жаворонков за кизяк: казахи, 40 неб. 2.

Кинжал: – герой «выхватил кинжал, воткнул в алабашу и взобрался на его рукоятку. Смотрел, смотрел, опять ничего не видеть. Тогда я воткнул в рукоятку кинжала нож, встал на его черенок, смотрю вдаль – все напрасно, пропал мой табун! Тогда я воткнул в черенок ножа шило, взобрался на него, и только теперь увидел своих лошадей далеко на берегу моря. Выдернул я шило из ножа, нож из кинжала, кинжал из алабаши, алабашу из земли и побежал к табуну»: абхазы, Табун.

Кишки: – «Вот сижу я в животе у медведя и задыхаюсь. Что же делать? Сбежал домой, принёс острый нож и распорол медвежье

брюхо. Распорол его, снял шкуру, внутренности вытащил, разрезал кишки. Еле-еле отыскал себя в медвежьем желудке. Если бы не нашёл, наверно, там бы и сдох»: марийцы, Пчелиный сторож;

– «Весь жир влил в кишки бычка»: буряты, 70 неб.;

– Из зайца «набралось его (жира) столько, что я наполнил им кишки верблюда, кишки вола и кишки самого зайца, и еще осталось пудов шесть»: казахи, 40 неб. 1.

Кобыла: ожеребилась зеленым жеребенком: Алтайские тувинцы;

– кобыла жеребилась от солнца: башкиры;

– кобылы ожеребились верблюдами: калмыки, 72 неб., 2003;

– сорокапегая кобыла разорвалась пополам, герой ее сшивает: русские;

– топор отрубил кобыле заднюю часть: татары, Как братья;

– у везучего жена умирает, у невезучего кобыла: боснийцы;

– герой пас кобылу: туркмены, 40 неб. 1, 2;

– у героя пропала кобыла: буряты, 70 неб. 1, 2;

– саврасая кобыла убежала от героя: казахи, Сын Томая;

– пропал семисаженный жеребенок, рожденный от пестрой двухвершковой кобылы: казахи, 40 неб. 1;

– человек с двумя кобылами пашет землю на дереве: ингуши, Небылица;

– герой врет, что получил дойную кобылу: казахи, Небылица;

– у пяти братьев была одна лошадь-кобыла: эвены.

Ковыль: – «потом лошади охотно стали пастись на льду, где росли густой ковыль и высокая полынь»: казахи, 40 неб. 1.

Коза: герой пасет коз: абхазы, Коза пастуха;

– «... когда коза состояла в командирах»: башкиры;

– «Шли козы на пастбище, набрали на бобы, перегрызли стебли, и у меня уже не было пути на землю»: далматинцы.

Козел: «И ещё съезжаются: кто на быке, кто на жуке, кто на еже, кто на уже, кто на горном козле, а кто на журавле»: казахи, 40 неб. 2;

– сорок козлов не могли выйти из пшеницы, вышли из испеченного хлеба: казахи, Старик и его дочка;

– «орел увидел большого козла, опустил быка на его рога и стал есть. В тени бороды козла спал чабан»: чеченцы, Кто больше.

Колодец: – герой находит свою голову у колодца: далматинцы;
– колодец разлился во всей степи, вода замерзла: казахи, 40 неб. 1;

– брат, запустив руку в колодец, доставал со дна камни: абхазы, Коблук и черт;

– герой рукой доставал воду из колодца: калмыки, 72 неб., 1978;

– возможно, колодец был неглубоким: башкиры;

– дрофа пила из колодца – может, колодец был неглубоким: буряты, 70 неб. 1,2; казахи, 40 неб.;

– журавль пил воду из глубокого колодца – был ли колодец глубокий: казахи, 40 неб. 1, 2;

– старики пили воду со дна колодца – не были ли они карликами и не были ли колодцы канавами: ногайцы;

– бай со страху бросился в колодец, когда его сын превратился в верблюда: туркмены, 40 неб.

Ком: – герой кидает ком земли на выросшее дерево: абхазы, Три брата и князь;

– озорники кидают комья земли в ореховое дерево, выросшее на курице: македонцы;

– герой хочет сбивать орехи комьями земли, комья застревают в дереве: чеченцы, Спор о небылице.

Комар: «Вижу: над берегом летают два комара. Я поймал их, запряг вместо буйволов и погнался хворостиной. Комары взвились и так ловко потянули цепь, что затрещал лед, а моя голова очутилась на берегу»: абхазы, Табун;

– герой за морем меняет оводов на быков, мух на коров, телят на комаров: русские;

– герой продает одного комара за лошадь и корову: ханты, Нарты с золотом.

Комаринный: – «А вот, говорят, комариную ляжку не смогли съесть восемь собак»: абхазы, Коблук и черт.

Кости: – «Перемолол я ими гору мяса вместе с костями»: буряты, 70 неб. 2;

– «Но вот горе – осталось на кости немного мяса. Пришла лиса, стала дергать его; как дернет – закачается бок, рушатся купцовы дома»: грузины, Сказка-загадка;

– «– Крольчонка, наверное, за зайца принял? – говорит хан. – Может, и крольчонок то был, только берцовая кость его перекрытием для твоего дворца может послужить»: ногайцы.

Косуля: «Иду я дальше и вижу – сидят семь косуль. Выхватил я из-за пояса топориче и одним ударом переломал им всем ноги. Содрал я с семерых косуль шкуры»: ингуши, Небылица.

Котел: – молоко по желобу текло в котел: абхазы, Коза пастуха;
– «мясо его (зайца) не уместилось в два котла, но на один казан его не хватило»: башкиры;

– «Сварил я зайца в котле без дна»: буряты, 70 неб. 2;

– герой «сварил своих уток в котле без воды, на тагане без огня»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой «поставил новый котел и стал растапливать заячий жир. Вдруг вижу – жир весь вытекает. Что делать? Я быстро перелил жир в котел без доннышка и так растопил»: буряты, 70 неб.;

– герой «высушил мясо, засолил его песком, а одну ляжку зайца положил в котел, чтобы натопить себе сала. Но сало все время вытекало из котла. Тогда я выкинул целый котел, взял дырявый. И что же получилось, таксыр? Когда-нибудь вы видели такую штуку? Ни одной капли сала не вытекало»: казахи, 40 неб. 1;

– «а я, чтобы найти нож, влез в арбуз, посмотрел – стоят три котла: у одного отбиты края, у другого посередине дыра, у третьего нет дна. Я зарезал петуха, ошпарил его в котле без краев, сварил в котле с дырой, поел из котла без дна...»: турки, 40 неб.;

– «Нашли мы в одном месте котел, в другом месте – половину котла. Положили зайца в целый котел – не поместился, положили в половину котла – не поместился, тогда положил я шестьдесят батманов мяса себе в рот»: туркмены, 40 неб. 2;

– «увидели перед собой три дома: два без кровли, а один совсем без крыши. Вошли мы в тот, у которого не было крыши, увидели там три котла, два – все в дырах, а один без дна. Взяли мы мертвого пескарика, положили в котел без дна, налили воды и начали варить»: узбеки;

– «Поскольку еды никакой не было, решил я сварить медный котелок»: казахи, Сын Томая;

– герой «Не убив муху – снял ее шкуру, не снявши шкуру – сварил, не сварив – вынул из котла, не вынув – съел»: калмыки, 72 неб., 1978;

– старик обещает дать герою, кроме огня, еще котел и жирную утку, которая варится в котле: марийцы 41 неб.;

– котел упал с головы и разбился от рассказа небылицы: монголы;

– мельник насыпал мало муки в котел: македонцы;

– «Стала бабка воду доливать и выплеснула в котел моего деда»: Байкал;

– «Когда время во времени стало, когда решето да в котел упало, когда верблюд бирючом был, а вол – носильщиком был, когда я белобородым старцем был»: турки, Сказка про аллем.

Кровля, крыша: – «увидели перед собой три дома: два без кровли, а один совсем без крыши. Вошли мы в тот, у которого не было крыши, увидели там три котла»: узбеки.

Кукуруза: – герой сеет кукурузу: абхазы, Заяц в тыкве;

– герой везет сорок пудов кукурузы на гусе: абхазы, Свадьба отца;

– выросла такая кукуруза, «что стебель мог выдержать тяжесть человека»: абхазы, Три брата и князь;

– герой рассказа принес гирду кукурузы, чтобы смолотить ее; гирда кукурузы служит ставкой в споре о небылицах: чеченцы, Спор о небылице.

Курган: – курганы дерутся, выясняя, кто из них старше; от сотрясения земли появляются новые мелкие курганы: калмыки, 72 неб., 1978, 2003.

Курица: курица-драчуня нанесла кладовку яиц: армяне, чепуха; чеченцы, Спор о небылице; «когда петухи исправно совершали грехи, а курицы не покидали улицы»: башкиры.

Куст: «Привязал я своего верблюда, который не родился, за сухой куст и лег спать. А куст-то за ночь и увел моего верблюда»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Сел отдохнуть я, отвязал от седла зайца, что нерожденным мне в руки попался, пустил его под кустиком полежать. Не дошел до куста заяц, как на него собака бросилась»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Вышел на берег, иду, смотрю: из-под выросшего куста заяц юркнул в степь. Я стегнул курук жеребенком, догнал его и поймал...»: ногайцы;

– «Потом у нас опять работа: решетом воду черпать да из пустого в порожнее переливать. Однажды вымокли, как сухари. Пришлось разуваться. Развесили кусты на ботинках и стали солнце на них сушить. Да так высушили – насилу потом обули»: Байкал.

Лапти: – герой «Вырубил в соснячке сухой шест и лаптями привязал всех зайцев к нему»: Байкал.

Лебедь: – герой по ошибке привязал лошадь к шее лебедя: казахи, 40 неб. 1, 2; казахи, Сын Томая; хакасы.

Лед: лошади лижут лед, герой не может разбить его ударами алабаши, разбивает биллом из своей головы: абхазы, Табун;

– герой разбивает лед топором, поит лошадей из своего черепа: аварцы, Как сын мельника;

– в колодце лед толщиной в рост человека, герой не может разбить лед топором и ломом – разбивает головой, снятой с туловища: казахи, 40 неб. 1;

– герой рубит льдину, в нее проваливается топор, снимает череп и поит лошадей, забывает голову там, где рубил лед: ингуши, Небылица;

– герой не может разбить лед топором – разбивает головой: буряты, 70 неб. 2; казахи, 40 неб. 2;

– герой не может пробить лед кулаком, пробивает прорубь снятой головой: казахи, Сын Томая;

– герой пробивает лед снятой головой: калмыки, 72 неб., 1978, 2003;

– герой отрезает себе голову, разбивает ею лед и напивается: далматинцы;

– герой забыл голову там, где разбивал лед: казахи, 40 неб. 1; ногайцы;

– герой не может разбить лед снятой головой, забывает голову и возвращается за ней: башкиры;

– герой забывает половину головы там, где разбивал лед: ногайцы;

– герой пробил лед головой, сунул голову в прорубь и напился: узбеки;

– лед взорвался оттого, что сазанчик метал икру: калмыки, 72 неб., 1978;

– ослы героя лижут лед на вершине Эльбруса, герой обламывает лед головой: карачаевцы;

– герой пустил скот пастись на лед: казахи, 40 неб. 1;

– на льду под старым невыросшим тростником лежал неродившийся жирный заяц: казахи, 40 неб. 1;

– герой втыкает в лед на озере укрюк, в него нож и в нож иглу: Алтайские тувинцы;

– герой вбивает в лед иголку головой, чтобы привязать коня: казахи, 40 неб. 1;

– «Взял в рот трубку. Чем ее разжечь? Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек из льда искру, вода и загорелась. Прикурил я и поехал»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой «из снега распалил костер, из льда вертел сделал и муху поджарил»: хакасы;

– «Стою, смотрю на этот взлетевший лед и думаю: дойдет он до неба или растает, когда приблизится к солнцу? Ан нет, лед долетел до неба, ударился об него, но не сумел пробить его толщу и, отскочив назад, стал падать вниз, на землю»: калмыки, 72 неб., 1978.

Лето: «Воткнул я плетку в землю, лег под ее летней тенью да так крепко уснул, что проснулся осенью»: калмыки, 72 неб., 2003.

Лиса, лисица: «В это время прилетела чайка и отложила яйца в моем ухе. Пришла рыжая лисица, хотела выкрасть яйца из моего уха. Только она вспрыгнула, как я схватил ее за хвост, хвост лисицы оторвался»: буряты, Знающий 70 небылиц;

– «В можжевельнике я ловил за хвост лисиц и без труда сшибал волков. Попутно схватил с снежных сугробов шесть львиных яиц и запустил этими яйцами в бежавших из кустарника лисиц, которых было тридцать штук, и сбил всех»: казахи, Охотник Бухарбай;

– «В мой капкан, поставленный у входа в широкое и глубокое ущелье, стали каждый день попадать по тридцать куланов и девяносто лисиц»: казахи, Охотник Бухарбай;

– «(Разгар лета). Подхожу к реке. Смотрю, по снегу, только что выпавшему, проходит свежий след лисицы»: калмыки, 72 неб., 1978;

– лиса, еж и змея играют в карты: калмыки, 72 неб., 1978;

– лиса, еж и тушканчик играют в карты: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Тут парни и девушки бросились ловить лисицу; поймать ее не поймали, а кто-то в нее кинул серп. Вонзилась тут рукоятка серпа прямо в бок лисице», лисица жнет поле: македонцы;

– «...бычачий бок, выстроили на нем целый город и стали жить да поживать. Но вот горе – осталось на кости немного мяса. Пришла лиса, стала дергать его; как дернет – закачается бок»: грузины, Сказка-загадка;

– «Сижу я, сижу в дыре, а тут весна наступила. Свил себе журавль гнездо, вывел журавлят. Повадилась за журавлями лиса лазить: сегодня одного утащит, завтра – другого, послезавтра за третьим приходит. Подкрался я однажды к лисе – и хвать ее за хвост! Побежала лиса и меня за собой потащила. У выхода я застрелял, а лиса рванулась – и хвост оторвался. Принес я домой лисий хвост, распорол его, а внутри лежит бумажка»: марийцы, 41 неб.;

– «Когда я упал, то по пояс в земле оказался. Вдруг вижу: лиса бежит. Я ее за хвост схватил. Лиса увернулась, а у меня в руке комок оказался. Развернул я комок, а там бумага. Стал я эту бумагу читать»: ханты, Маньт-ку;

– «волк был бакаулом, лиса – ясаулом, гусь – горнистом, утка – флейтистом»: узбеки;

– «– Из этой шкуры можно сшить моему трехлетнему внуку шубу? – сказала Жера-Баба и сняла с лисы оставшуюся шкуру. Жера-Баба сшила своему трехлетнему внуку шубу, но на рукава и воротник шкуры не хватило»: чеченцы, Кто больше.

Лопата: – «Дед мой – такой непоседа! Чуть свободная минута выпадет, схватит грядку и бежит в огород лопату копать»: Байкал.

Лук: – «Я тотчас же схватил свой лук и пустил в зайца стрелу, но она отскочила от меха. Тогда я сбежал за стрелой, принес ее обратно, перевернул тупым концом и вновь пустил ее. Стрела прошла зайца насквозь»: казахи, 40 неб. 1.

Лук (растение): – «Насадил он луку. И такой лук высокий удался – что вдоль, что поперек»: Байкал.

Льдина: – «Пересек я небольшое поле и увидел: над зеленой травкой висит на лучах солнца огромный кусок синей льдины»: ингуши, Небылица.

Лягушка: «подъехал, смотрю – уж лягушку сосет. Попросил я у него лягушку, закусил сытно кусочком, вернул ужу лягушку»: калмыки, 72 неб., 2003.

Мать: мать сварила мамалыгу: абхазы, Коза пастуха;
– мать дала корзину тыквенных семечек: грузины, Небылица;
– герой рассказывает матери, что царь отдаст дочь за рассказчица небылиц: грузины, Пастух Бичиа;
– мать приносит обед герою, пасущему ослов: карачаевцы;
– мать дает братьям припасы: татары, Как братья;
– герою сообщают о рождении матери и требуют награду-мюждэ за весть: турки, 40 неб.;
– мать героя родилась позже отца и позже самого героя: ханты, Маньт-ку;
– мать героя идет во дворец договариваться о браке сына с падишахской дочерью: турки, Аллем-каллем;
– умершая мать дала иглу герою: туркмены, 40 неб.;
– у героя дома остаются старуха-мать и петух, исчезают, герой их ищет: узбеки;
– отец и мать героя меняют мух на скот на небе: ханты, Сенгепов;
– мать вытаскивает из глаза героя бычьей лопатку: чеченцы, Кто больше.

Махан (мясо): – «Водка – рекой, махану – гора»: калмыки, 72 неб., 1978.

Мед: – пчелы ссорятся, кто приносит больше меду: аварцы, Как сын мельника;

– пчела обещает герою мед за спасение от медведя: ингуши, Небылица;

– «Попробовал – мед! И вот налетели на меня пчелы, что твои воробы. За один день бочку меда натаскали, эдак пудов на пять. Мы потом с дедом всю зиму мед пили и в бочку не заглядывали»: Байкал.

Медведь: – медведь-хозяин огня: далматинцы;

– «На стеблях были такие початки, что ими можно было оглушить медведя»: абхазы, Три брата и князь;

– медведь разорвал пчелу: марийцы, Пчелиный пастух;

– пчела убегает от медведя, герой ломает медведю лапы: ингуши, Небылица;

– на дереве, выросшем из спины, образовалась роща, в ней поселились медведи, лисицы и волки: македонцы;

– герой упал из верхнего мира на спину медведя: якуты.

Мельник (персонаж): – аварцы, македонцы, чеченцы.

Месяц (календарный): «смазали спину гуся, а у него на спине через месяц ореховое дерево выросло»: армяне, Чепуха;

– «Натянул я правый гутул и кинулся за беглецом. Бежал день, бежал месяц, целый год бежал без отдыха, а его все нет и нет»: буряты, 70 неб. 2;

– целый месяц бежал за гутулом: буряты, 70 неб. 1;

– «пустился в погоню по следу убежавшего сапога. Месяц иду, другой иду... От тоски по убежавшему сапогу умерла оставшаяся дома жена»: казахи, 40 неб. 1;

– «Может, сутки карабкался, может, месяц, а как заглянул в иголье ушко, так сразу и увидел пропавшего жеребца»: казахи, 40 неб. 2;

– «Идем со мной», – говорю петуху. – «Нет, – говорит, – я нанялся на шесть месяцев; три месяца уже прошло; кончится срок, получу деньги и приду сам»: узбеки.

Мешок: – «человек и дал хозяину в придачу к гусю два мешка зерна. Нагрузил тот мешки гусю на спину и погнал его домой. Дома видит: мешки гусю спину натерли»: армяне, Чепуха;

– герой везет мешок проса на петухе, на спине у петуха рана: турки, 40 неб.;

– «Содрал я с семерых косуль шкуры, сделал из них семь мешков и заставил пчелу наполнить эти мешки медом». ингуши, Небылица;

– «на бесспицовой арбе, без мешков, просом наполненных, аульчане едут»: ногайцы;

– плут отдает герою верблюда с мешком соли: грузины, Три брата и плешивый плут;

- младший брат «исправно собирал сах муки с каждого помолотого мешка»: аварцы, Как сын мельника;
- хан обещает мешок золота рассказчику: казахи, 40 неб. 2;
- ослы сбрасывают мешки с пшеницей: карачаевцы;
- грузят на осла мешки с зерном; македонцы;
- отец героя везет мешки с орехами на базар: во время дождя орехи промокли и проросли в мешках, выросли в большие деревья: таджики, Три неправды;
- отец и мать потеряли по одному мешку: ханты, Сенгепов;
- герой набил полный мешок комаров и мошкар: ханты, Нарты с золотом.

Млечный путь: – «вчера загремел гром так, что разорвал небесный шов – Млечный путь. Мне пришлось до позднего вечера зашивать эти швы»: буряты, Крастьянин Тархас.

Молитва: – «где-то сбоку раздается молитвенный мотив. Прихожу туда, а там собрались на свою молитву все крылатые. Председателем – дудак, руководителем – журавль, барабанщиком – цапля, тенором – ворона, трубачом – беркут, а остальные мелкие птицы вопят, как манджики»: калмыки, 72 неб., 1978.

Молния: – «сорвал свою голову с шеи, размахнулся, ударил об лед – молния сверкнула, распался лед»: калмыки, 72 неб., 2003.

Молоко: – герой льет молоко вниз по желобу: абхазы, Коза пастуха;

- волк с козой попадают в молоко и выбегают из сыра: абхазы, Коза пастуха;

- «– Посмотри-ка, видишь, теленок матку-рыбу сосет? – Да, да, вижу, сосет! Даже на мое лицо молоко брызнуло, – отвечает сын»: калмыки, 72 неб., 1978.

Молоть, намолоть: – «А деда хлебом не корми, дай поговорить. Как начал он языком молоть, что твоя мельница. За какой-то час целый короб пирогов намолот, пришлось чай пить да водой закусывать»: Байкал.

- Море:** – когда океан-море было с лужицу: буряты, 70 неб. 2;
- герой застилает море травой, чтобы перейти его: буряты, Знающий 70 неб.;
- герой едет рысью по морю: буряты, 70 неб. 1, 2;

- царь морей – зять пастуха: грузины, Сказка-загадка;
- герой переплывает море на жеребце и жеребенке: казахи, 40 неб. 1;
- в морях вода соленая – может быть, от слез: Байкал;
- за морем скот дешев: русские;
- герой падает с неба в море: татары, Как братья;
- из арбуза получилось море: туркмены, 40 неб. 2.

Мост: «Росли они, росли да выросли такие большие – просто диво. Один огурец ненароком упал поперек канавы да так и остался заместо моста. Не только люди по нему могли проходить, но и верблюды. – Верно, верно! – весело засмеялся парень. – Конечно! Я знаю! Я помню! Отец мне рассказывал, что было еще и такое: однажды по этому огуречному мосту шли верблюды с поклажей, везли драгоценности царские. А мост-огурец раскачался, затрясся – верблюды в канаву свалились»: македонцы;

- герой «Перебросил свой курук через Эдиль и, как по мосту, перешел на другой берег»: ногайцы;

- «Прошел немного, а река разлилась и снесла мост. Стояли жаркие дни, я томился жаждой»: узбеки.

Музыка: – «мой несмазанный сапог носит мясо на стол, портянка пляшет под музыку, а подкладка дрыхнет без задних ног»: башкиры.

Мул: – шум: у хана украли рога мулов: монголы.

Муравей: – «Встречаю муравья, который два связанных зерна перевалил через плечи и тащит. – Муравей, а муравей, куда ты бредешь? – На ярмарку»: калмыки, 72 неб., 1978;

- «Муравей, а муравей, что с тобой? – Гуляю, братец. Не от отца-матери добро мне досталось, своим трудом нажито. Продал зерно по хорошей цене да покутил с приятелями. Вот и благодущую»: калмыки, 72 неб., 1978;

- «дрались два муравья. Взял я одного за ухо, привел и запряг в арбу. Он потащил арбу и двух быков вместе. Я подумал: «Если бы привести и второго муравья, то мы доехали бы куда быстрее». Привел я второго муравья и запряг. Умчали два муравья мою арбу»: ингуши, Небылица.

Муха: «на угощение закололи муху-четырёхлетку, пировали уже целых четыре дня, и все были сыты и довольны»: алтайские тувинцы;

– «В кибитке той убили муху и готовили угощение. Жирная была черная муха. Наелись все досыта, а остаток мухи в семидневный запас припрятали»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «...муха свою шерсть выбивает. Решил помочь тетушке мухе. Она рада, хочет меня отблагодарить – забила муху-корову, дает мне грудинку. Я ел, ел и никак съесть не мог»: монголы;

– «муха мне на лоб села. Большая муха, с двухголовую телку будет. Хлопнул я себя по лбу, поймал муху. Распорол ей брюхо, потом снял шкуру и удивился: наружного сала на ней было в четверть аршина, внутреннего – на четыре пальца. Снял я с коня седло, привязал повод за пенек, потом из снега распалил костер, изольда вертел сделал и муху поджарил»: хакасы;

– слух о том, что за морем мух меняют на коров: русские;

– отец и мать героя наловили на мыльной пене по семь мешков мух каждый, получали за одну муху корову с теленком или лошадь с жеребенком: ханты, Сенгепов;

– мухи выются над отделенной головой героя: калмыки, 72 неб., 1978.

Муха-корова: муха «Она рада, хочет меня отблагодарить – забила муху-корову, дает мне грудинку. Я ел, ел и никак съесть не мог»: монголы.

Мякина: – «один высоченный человек зерно развеивал, зацепился я за мякину и спустился»: буряты, Знающий 70 неб.;

– «Прыгнул сапог в какую-то дыру под землю. Свил я веревку из мякины и за сапогом спустился»: марийцы, 41 неб.

Мясо: «Супчик, значит, всё варился и варился, мясо и рис закипели и испарились, – одна вода осталась»: армяне, Сказка охотника;

– «мясо его (зайца) не уместилось в два котла, но на один казан его не хватило»: башкиры;

– герой без головы «стал кидать куски мяса прямо через горло и быстро насытился»: буряты, 70 неб. 1, 2;

– герой без головы несет кусок мяса ко рту и не обнаруживает рта на месте: казахи, 40 неб. 1;

– «закончил резку зайца за каких-нибудь пять дней. Высушил мясо, засолил его песком, а одну ляжку зайца положил в котел, чтобы натопить себе сала»: казахи, 40 неб. 1;

– сапог несет поднос с мясом: буряты, 70 неб. 1, 2;

– сапог разносит мясо на пиру: казахи, 40 неб. 1, 2; ногайцы;

– «гости зубам отдыха не давали: всё мясо съели и блюдами закусили. Мне и крошки не осталось»: казахи, 40 неб. 2;

– нож подносит мясо на пиру: калмыки, 72 неб., 2003;

– ножны: «– Ты, хозяин, дал ножу мясо, а нам нет. Вот мы и деремся. Дал я ножнам мяса»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «взял я того зайца, принес в кос, шкуру с него содрал, разделал, целый пуд жира вытопил. Мясо в казан бросил, а жиром решил сапоги смазать. Всего жира только на один сапог хватило, а другой остался несмазанным. Съел я мясо зайца и лег спать»: ногайцы;

– «Мяса получилось шестьдесят батманов, сала вышло семьдесят батманов. Нашли мы в одном месте котел, в другом месте – половину котла. Положили зайца в целый котел – не поместился, положили в половину котла – не поместился, тогда положил я шестьдесят батманов мяса себе в рот и проглотил разом»: туркмены, 40 неб., 1, 2;

– герои варят пескарика: «Жара не пожалела – кости разварились, а мясо сырое осталось»: узбеки;

– «Вышло из зайчонка шесть пудов сала, шесть пудов мяса. Мясо мы не варили, не сушили, а взяли и все сразу съели, но не наелись, остались голодными»: узбеки;

– отец и мать героя сложили мясо в один огромный мешок, по ремню из коровьих шкур спустились на землю: ханты, Сенгепов;

– лиса приходила к огромной лопатке быка и глодала остатки мяса на ней: чеченцы, Кто больше.

Наследство: – сыновья делят наследство отца: аварцы, Как сын мельника;

– сыновья быстро потратили наследство отца: карачаевцы.

Небылица проигравшего: буряты, Крастьянин Тархас; русские.

Небылица-испытание (перед рассказыванием хану небылиц): калмыки, 72 неб., 1978.

Небылица, вызывающая сомнение слушающего и диалог: абхазы, Три брата и князь, Коблук и черт; буряты, 70 неб.; башкиры; казахи, 40 неб.; ногайцы, калмыки, 72 неб., 2003; чеченцы, Спор о небылице.

Недоуздук: средний брат идет продавать недоуздук: турки, 40 неб.;

– отец героя продает сына, превратившегося в коня, за сто туманов, а узду и недоуздук оставляет себе: туркмены, 40 неб. 2.

Нож: – герой втыкает нож в кинжал и в нож шило: абхазы, Табун;

– герой втыкает нож в укрюк и иглу в нож: алтайские тувинцы;

– герой втыкает нож в посох и в рукоять ножа иголку: буряты, 70 неб. 1, 2;

– герой втыкает нож в петлю курука, надевает на нож ножны: казахи, 40 неб.;

– герой забывает нож в куруке: казахи, 40 неб.;

– герой вонзает в нож иголку казахи, 40 неб. 2;

– герой делает из ножа весла: буряты, 70 неб. 1, 2;

– герой делает из ножа весло и потом лодку казахи, 40 неб. 1, 2, сын Тома;

– на пиру герой встречает сапог (но не находит ножа) казахи, 40 неб.;

– нож и ножны дерутся: калмыки, 72 неб., 1978, 2003;

– нож пропадает, ножны остаются: калмыки, 72 неб., 1978, 2003;

– нож на пиру делит гостям угощения: калмыки, 72 неб., 1978, 2003;

– «я ножом ударил по дыне, дыня раскололась, а нож весь в дыню ушел. Я стал свой нож в дыне искать, смотрю – а там улица, а рядом базар. Поискал я, а ножа нигде нет. Прошел еще одну улицу, еще один базар, вижу: идет караван, а мой нож навьючен на одного из верблюдов. Ну, я стащил нож...»: туркмены, Систана;

– нож героя провалился в арбуз: армяне, Чепуха;

– нож проваливается в арбуз, герой лезет его искать: турки, 40 неб.; узбеки;

– герой вонзает нож в дыню – пропадает лезвие, герой идет в дыню искать нож: казахи, 40 неб. 1, 2;

– герой описывает встречному нож «описав ему подробно его масть, вид, тавро, походку и кличку»: казахи, 40 неб.;

– герой идет вслед за ножом по морю из арбуза: туркмены, 40 неб. 2;

– нож вонзился в арбуз, из него потекла река: туркмены, 40 неб.;

– у отца нож без лезвия: армяне, Сказка охотника;

– лис лижет нож, ему отрезает язык: башкиры.

Ноздря: – «все же вылезло сердце наружу, норовя забраться в ухо какой-нибудь лошади, да я вовремя успел увидеть это своим ртом, всунул в ноздрю и уж оттуда затолкал в живот»: башкиры;

– «стрела моя вошла в правую ноздрю кулана, выскочила из его левого уха, оторвала щиколотку правой передней ноги, сшибла копыто задней левой ноги, прошла через ляжку, вонзилась в хвост и вышла из спины»: казахи, Охотник Бухарбай.

Нос: – герой поставил голову так, что затылок спереди, а нос сзади: далматинцы;

– стрела попала остриём прямо зайцу в нос, да отскочила и вернулась в руки герою: казахи, 40 неб. 2;

– «По избе такой дух пошел, что нос набок воротит. Смотрю, у деда моего нос воротило-воротило и на затылок заворотило. Подкрался я сзади да щелчком его по этому самому носу. Дед не видит, кто его щелкает, только носом крутит. Пока он носом крутил, на место его воротил, все зайцы из чугунка выкипели и в лес убежали»: Байкал;

– в избушке лежит старик, нос в потолок: русские.

Обхват: «Да может, – не унимался хан, – дерево-то низкое да тонкое было! – Нет, дерево то в 150 обхватов было»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Может и сорок тайлаков, только они верхушки сосен в сорок обхватов глотать могли. – Верно, сорок муравьиных обхватов?! – Может и сорок муравьиных обхватов, только когда на вершины сосен старики смотрели, с их голов папахи падали!»: ногайцы.

Овца: «...когда твой отец украл овцу у моего родителя и был пойман»: буряты, 70 неб. 1, 2;

– «вороне понравилось место, села она на рог одной овцы, устроилась поудобней и стала закусывать быком»; грузины, Сказка-загадка.

Огниво: «Взял в рот трубку. Чем ее разжечь? Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек из льда искру, вода и загорелась. Прикурил я и поехал»: калмыки, 72 неб., 1978;

– у героев не оказалось огнива: русские;

– младший брат предлагает попросить огниво у соседа-старика: эвены.

Огонь: – герои желают получить огонь: буряты, знающий 70 неб.; далматинцы; марийцы; русские; татары, Как братья; ханты, Маньт-ку Нарты, Сенгепов; эвены; якуты;

– горит река; аварцы, Как сын мельника; калмыки, 72 неб. 1978;

– приготовили еду, а огонь не разводили: армяне, Сказка охотника;

– герой говорит: «Если тут есть хоть одно слово лжи, то пусть я утону на вершине горы в воде, которая утекла, пусть я сгорю в огне, который потух и пусть выключает мне глаза сдохшая ворона»: калмыки, 72 неб., 1978.

Огурец: – огурец упал поперек канавы и остался вместо моста: македонцы.

Один сапог: герой надел один сапог на обе ноги: калмыки, 72 неб., 1978;

Озеро: «Воткнул я в лед на озере свой укрюк, взобрался на него»: алтайские тувинцы,

«Глянули мы на них и вдруг заметили, что в том озере, в котором вообще воды не было, плавают три утки. Причём две из них – мёртвые, а третья вообще не живая»: армяне, Сказка охотника;

– герой ударом заставляет кобылу развернуться к озеру и решает переплыть озеро: башкиры;

– в жару вода в озере замерзла до дна: казахи, 40 неб. 2;

– герой забыл голову на озере казахи, 40 неб. 2,

– «Опустил я голову в прорубь и стал тянуть воду. Всё озеро выпил, а жажды не утолил»: казахи, 40 неб. 2;

– «видел своими глазами, как горело объятное огнем озеро на узкой тропинке»: казахи, Удобнее лгать;

– конь героя плавает в озере, потому что герой привязал его к шее лебедя: хакасы.

Окно: – «три брата. У них был дом без окон и дверей»: ингуши, Небылица;

– Голубь садится на окно комнаты дочери падишаха и превращается в букет роз: турки, Аллем-каллем.

Олень: – герой на охоте убил двух оленей брошенным топориком: аварцы, Как сын мельника;

– мальчик превращается в оленя: турки, Аллем-каллем.

Орел: – «Мой чёрный осёл как только увидел пристреленного мною неродившегося зайца, тотчас превратился в чёрного коня и стал кричать: «Не хочу быть конём, хочу быть орлом!»: карачаевцы;

«Вдруг из-за облаков налетел на быка огромный орел. Он схватил его когтями и скрылся в облаках. Долго летел орел, выискивая место, куда можно было бы опуститься с быком. Наконец орел увидел большого козла, опустил быка на его рога и стал есть. В тени бороды козла спал чабан. Орел съел быка, очистил свой клюв о лопатку быка и бросил ее. Она попала в глаз чабана, но он не проснулся. Орел улетел»: чеченцы, Кто больше;

«Ничего сказать – махонькие! Они съедали орлов, сядившихся на вышку княжеского дворца. – Ну так, видно, орлы были крохотные...»: абхазы, Коблук и черт.

Осел: – осел прогрыз тыкву: абхазы, Заяц в тыкве;

– у трех братьев три осла: абхазы, Три брата и князь;

– осел побежит как ветер: горные таджики;

– герой везет на осле хурджин золота за солью: грузины, Три брата и плешивый плут;

– «Мой чёрный осел как только увидел пристреленного мною неродившегося зайца, тотчас превратился в чёрного коня и стал кричать: «Не хочу быть конём, хочу быть орлом!»: карачаевцы;

– хан обещает дать герою сто ослов, нагруженных пшеницей: карачаевцы;

– у героя осел стер спину – на спине после лечения вырастает ореховое дерево: узбеки.

Остров: кобыла с жеребенком на острове-скале: буряты, 70 неб. 1, 2.

Отец: – герой родился раньше отца: буряты, Знающий, калмыки, ногойцы, алтайские тувинцы, далматинцы; ингуши, Небылица, казахи, 40 неб.; монголы, татары, Таз;

- герой до рождения заработал на калым: казахи, 40 неб. 1;
- герой родился до рождения родителей: якуты;
- «когда я белобородым старцем был, добрые вестиносящий явился: твой, мол, отец да сегодня родился»: турки, Аллем-каллем;
- герой ровесник деда, не знающий отца с матерью: Байкал;
- герою сообщают о рождении его отца: абхазы, Табун;
- человек требует с героя мюждэ – награду за весть о рождении матери и отца: турки, 40 неб.;
- лежащий в колыбели отец бьет героя дубиной по голове: турки, Аллем-каллем;
- родившемуся отцу героя сам герой должен сделать поры: ханты Маньт-ку, русские;
- герой утром родился у отца и матери, вечером пошел на охоту: хакасы;
- хан должен отцу героя сто мерок золота: аварцы, Как бедняк женился;
- отец героя должен получить долг у богача: буряты, Знающий 70 неб.;
- отец слушающего взял в долг у отца рассказчика ящик драгоценностей и шелк: туркмены Систана;
- отец министра взял в долг сто тысяч лян у рассказчика: корейцы;
- герой с отцом пасут стадо: грузины, Пастух Бичиа;
- отец героев наказывает не иметь дел с плешивцами: грузины, Три брата и плешивый плут;
- сыновья потратили наследство отца: карачаевцы;
- отец героя наставляет сына как вести себя на мельнице: македонцы;
- отец-падишах наставляет сыновей остерегаться плутов: турки, 40 неб.;

– у отца и матери родилось трое – осталось семеро: марийцы, 41 неб.;

- родился у отца один – выжили трое: узбеки;
- отец давал имена пчелам: марийцы, Пчелиный сторож,
- отец героя везет на базар орехи, которые прорастают: таджики;
- отец героя привез орехи из Индии: армяне, Чепуха;
- отец с героем у дэва – туркмены;
- отец и мать героя меняют мух на скот на небе: ханты, Сенгепов;
- старшие братья умные как отец: татары, Как братья.

Отруби: бог дал герою отрубей, чтобы тот спустился по ним вниз, рассыпая их: далматинцы.

Очаг: – герой принес три камня, чтобы сложить очаг, оказалось, что принес трех заснувших голубей: алтайские тувинцы;

– «Одно ведро было с донышком, а другое – без. Подвесил над очагом целое — оно стало протекать. Приладил дырявое – полный порядок»: казахи, Сын Томая;

– герой «начал перебирать, прославляя все подряд – от ханского дворца до сияющей башни, от причесок, украшений на голове до живота, от очага до кувшинов чайных и печных щипцов»: монголы.

Падасть: – «вижу – дуб стоит, а на дубе человек молотит просо, солома падает на землю, а зерно остается на верхушке дуба»: далматинцы;

– «Может быть, (колодец) и не так глубок: камень, брошенный в него утром, лишь к вечеру падал на дно»: казахи, 40 неб. 2,

– «когда на вершины сосен старики смотрели, с их голов папахи падали!»: ногойцы;

– созревшие орехи, падающие с дерева, выросшего на арбе, били по головам прохожих: таджики, Три неправды,

– «когда мой отец-дэв наострит зубы съесть тебя и спросит, как же это ты выжил, ты отдай ему виноград и скажи: «Каждый день ко мне сверху падал вот такой виноград, я его и ел»: туркмены, 40 неб. 1, 2;

– герой бросает камни в орешину, выросшую на спине осла: «Ни один камень не падает назад, ни один орех не падает на землю»: узбеки.

Падишах (персонаж): татары, Таз; турки, туркмены, узбеки.

Палка: – герой взял перо чудовища вместо палки: абхазы, Три брата и князь;

– герой ударил пчелу палкой, она подбросила героя в небеса: аварцы, Как сын мельника;

– герой «воткнул в землю палку в сто аршин длиной, забрался на ее макушку и зорко огляделся по сторонам. Нет, не видно моей кобылы» башкиры;

– герой протыкает мушиную голову железной палкой, собака глотает эту палку: калмыки, 72 неб., 1978;

– тарбаганы герою дали «длинную белую палку, вроде укрюка, и принялся я бить войлок»: монголы;

– герой привязывает пчеле палку вместо лапки и приказывает ей лететь к его отцу: татары, Таз;

– старик прогоняет палкой старших братьев: эвены.

Пальма: – из сурьмы и палочки для бровей вырастают пальмы: туркмены Систана.

Пасти: – герой пасет табун прапрадеда: калмыки, 72 неб., 2003;

– не родился, но пасет табуны внука буряты, Знающий 70 неб. 2;

– герой сын подметальщицы и пастуха, пасшего скот богачей: буряты, 70 неб. 1;

– герой пасет телят, потому что ему не дают пасти жеребят из-за его слабости: таджики;

– герой отказывается пасти скот и идет во дворец рассказывать небылицы: туркмены, Систана;

– герою советуют пасти коров вместо похода во дворец рассказывать небылицы: туркмены, Систана;

– пас лошадей своего внука: казахи, 40 неб.;

– пас табун двенадцатого внука: казахи, 40 неб. 2;

– пас табун прадеда: калмыки, 72 неб., 1978;

– пасет лошадей деда: алтайские тувинцы;

– пасет верблюдов деда: буряты, Знающий 70 небылиц;

– пас дедушкиных верблюдов: монголы;

– пас табун деда: ногойцы;

– пас лошадей отца: казахи, Сын Томая;

– пас кобылу дядьев: туркмены, 40 неб.;

– пасет лошадей хана: башкиры;

– пасет с отцом стадо: грузины, Истинная небылица;

– пасет 63 кобылицы и одного жеребца: ингуши, Небылица;

– пасет кобылиц: аварцы, Как сын мельника,

– герой пасет коз и овец: абхазы, Коза пастуха;

– герой занимается пасти ослов: карачаевцы;

– пасут быков на дереве: армяне, Чепуха;

– пастух пасет верблюдов, видит дерущихся героев: таджики;

– отец падишаха пасет свиней: татары, Таз.

Пахать: – люди пахут поле на пчеле: абхазы, Три брата и князь;

– пчелиная матка с шестью волами запряжена в плуг и пашет: чеченцы, Спор о небылице;

– пчела пашет в паре с волом: македонцы;

– пропавший петух пахал землю баю: узбеки;

– человек пашет на дереве: ингуши, Небылица.

Пахота: – из брошенного кома земли, застрявшего на дереве, получился участок земли на три пахоты: чеченцы, Спор о небылице.

Пашня: – прохожие бросают камни в дерево, выросшее на арбе с орехами, на нем образовалась пашня в тысячу тананов земли: таджики, Три неправды.

Пегий: – 70 пегих уток: башкиры;

– любимая пегая кобыла: буряты, 70 неб. 1, 2;

– ожеребившийся пегий жеребец: калмыки, 72 неб., 1978.

Пена: – лодка, которую герой сделал из посоха, разбилась о морскую пену: Буряты, 70 неб. 1, 2;

Пень, пенек: «Вдруг я заметил, что у пенька невыросшего орехового дерева сидит неродившийся заяц. Я выхватил незаряженное ружье и застрелил зайца»: абхазы, Табун;

– герой привязал коня не к пеньку, а к шее лебедя: хакасы.

Перепелка: – «из-под самого носа вылетела перепелка. Обрадовался я, прикончил ее и снял с тушки два ведра сала»: ногойцы;

– герой принял перепелок за кизяк: казахи, 40 неб. 1;

– герой принял перепелок и жаворонков за кизяк: казахи, 40 неб. 2;

Пескарик: «Видим — в речке лежат три пескарика. Два подошедшие, а один мертвый. Взяли мы мертвого пескаря, положили в полу халата тому брату, у которого халат был без полы»: узбеки;

Песня (как задача вместе с небылицами): ингуши, Небылица, — герой поет на пиру: монголы.

Песок: — герой «закончил резку зайца за каких-нибудь пять дней. Высушил мясо, засолил его песком, а одну ляжку зайца положил в котел, чтобы натопить себе сала»: казахи, 40 неб. 1;

Песчинка: силачи «Терли, терли они свои глаза и нащупали в них песчинки, каждая весом в пятьсот пудов»: таджики, Три неправды;

Петля, петли: — «Думая, что курук оказался слишком низким, я воткнул в его петлю нож — опять ничего не видно»: казахи, 40 неб. 1;

— «Пошли мы в лес ставить зайцев на петли»: Байкал.

Петух: — отец героя оседлал петуха чтобы ехать искать пчелу, на спине у петуха рана, из которой вырастает ореховое дерево: македонцы;

— герой везет мешок проса на петухе: на спине петуха рана, из которой растет бахча: турки, 40 неб.;

— дома у героя оставались старуха мать и петух, петух пахал землю баю, за 6 месяцев заработал одну мешочную иглу: узбеки;

— «Из этих яиц тотчас же вылупился полный двор кур и петухов. Я разозлился, схватил длинный шест и разогнал по двору всех кур и петухов. После этого все курицы и петухи превратились в одну курицу и в одного петуха»: чеченцы, Спор о небылице;

— «вместо зерен из-под цепа побежали петухи, а из соломы — куры. Петухи и куры полетели на сennик. Куры нанесли яиц»: таджики, Три неправды;

— дэв оборачивается петухом: турки, Аллем-каллем;

— «когда петухи исправно совершали грехи, а курицы не покидали улицы»: башкиры;

— «в животе от лука петухи поют»: Байкал;

— «Едва запели петухи, как с неба посыпались верблюжья голова, ноги, обрубки коня, обломки кирпича и черепицы»: грузины, Два дервиша.

Пир: — герой появляется на пиру без головы: калмыки, 72 неб., 1978;

— на пиру сапог разносит водку и нож режет мясо: калмыки, 72 неб., 2003;

— сапог на пиру: буряты, 70 неб. 2;

— чигир подает на пиру водку: хакасы;

— герой на пиру у хана лусов: монголы;

— герой захмелел на пиру: башкиры;

— пир — поминки по пропавшему байскому сыну: казахи, 40 неб. 2;

— пир в финале: узбеки.

Плетка, плетъ: «Сел я на верблюда, еще не родившегося, взял плетку из ветвей дерева, которое еще не росло, сделал аркан из веревки, еще не свитой, и в жаркую погоду отправился в далекий путь — при дожде, который не шел»: калмыки, 72 неб., 1978;

— герой находит плетку, которую потерял в прошлом году: калмыки, 72 неб. 1978;

— «Сделал ручку-плетку из нескрученной веревки, пошел пасти табун своего пра-пра-прадеда. Жара была страшная, земля льдом покрылась, идешь и скользишь. От жары табун в разные стороны разбегается. Воткнул я плетку в землю, лег под ее легкой тенью да так крепко уснул, что проснулся осенью»: калмыки, 72 неб., 2003;

Плешивый (персонаж): грузины: Три брата и плешивый плут: казахи, Сказка небылица;

— плешивый — рассказчик небылиц: татары, как Таз;

— плешивый пастух: туркмены, Систана;

Плут: рассказчик небылиц одолевает плута: македонцы, турки, 40 неб.

Плюнуть: «Тогда в досаде спрыгнул я с лошади и плюнул на проклятого зайца — и он тут же покатился по земле и испустил дух»: башкиры.

Плясать (испытание вместе с небылицами): герой говорит, что не умеет плясать: татары, Как братья;

Подкладка: — «мой несмазанный сапог носит мясо на стол, портянка пляшет под музыку, а подкладка дрыхнет без задних ног»: башкиры;

Поле: – герой посадил тыкву на кукурузном поле, осел прогрыз тыкву: абхазы, Заяц в тыкве;

– пашут поле на пчеле: абхазы, Три брата и князь;

– «У дохлого быка туловище лежит на царском поле, ноги же, хвост и голова – на соседском»: грузины, Сказка-загадка;

– «Пересек я небольшое поле и увидел: над зеленой травкой висит на лучах солнца огромный кусок синей льдины»: ингуши, Небылица;

– «Я скорее поймал тушканчика, сел на него верхом и помчался на просяное поле. Приехал на поле. Действительно, просо уже созрело, пора убирать. Помчался я обратно домой, собрал всех телят-бычков, которых у меня не было, запряг их в телеги без оглоблей и ярем и отправился на поле»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «рукоятка серпа прямо в бок лисице. От боли несчастная стала метаться туда и сюда – так все поле одна и сжала»: македонцы;

– на орешине от брошенных камней образовалось бахчевое поле: узбеки;

Полынь: «потом лошади охотно стали пастись на льду, где росли густой ковыль и высокая полынь»: казахи, 40 неб. 1;

– «у корня невзошедшей травы-полыни лиса, еж и тушканчик в карты играют. ... Пошел дальше – у другого корня невзошедшей полыни лежит нерожденный зайчик»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Однажды мы втроем отправились на охоту. Под невыросшей полынью мы заметили неродившегося зайца. Слепой увидел его, безрукий убил, а тот, который был голым, положил его к себе в подол»: туркмены, 40 неб. 2, ... убили зайчонка – туркмены, 40 неб. 1;

Порожний: из пустого в порожнее переливать: Байкал.

Портянка: «мой несмазанный сапог носит мясо на стол, портянка пляшет под музыку, а подкладка дрыхнет без задних ног»: башкиры.

Посол: «Когда я пришел домой, то встретил у себя вашего посла, которого вы не посылали, и получил ваше приглашение, которое вы не делали. Вот я и явился к вам»: калмыки, 72 неб., 1978.

Посох: «Воткнул я свой посох-алабашу в землю, влез на него, обсмотрел берег – нет табуна»: абхазы, Табун;

– «у моего отца как раз был такой длинно-короткий и тонко-толстый посох. Он поднял его на плечи, навёл на цель и выстрелил. Ба-бах!!!»: армяне, Сказка охотника.

Потник: – «Небо в то время было не больше потника из-под седла твоего иноходца, бескрайняя наша земля – не больше верблюжьего следа»: буряты, 70 неб. 1, 2.

Пояс: – «На мне был пояс, оставшийся от деда, который носил правнук зятя моей родной бабушки и я, не задумываясь, перевязал задние ноги кобылы тем поясом»: башкиры;

– «на мое счастье, засунул я за пояс моток пряжи», по ней герой спускается с неба: далматинцы;

– «Я пяток дудаков взял и заткнул за пояс. Не успел я сделать и десятка шагов, как почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Дудакки, оказывается, ожили, полетели и понесли меня под облака. На грех, пояс лопнул, и я стремглав полетел вниз»: калмыки, 72 неб., 1978,

– герой заткнул себе за пояс несколько журавлей и продолжал путь; Журавли вылетают из-за пояса: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Разбудил я смазанный сапог и надел на ногу. Подоткнул назад за пояс полу халата, у которого не было полы, и пришел домой»: узбеки;

– «Когда я упал, то по пояс в земле оказался»: ханты, Маньт-ку;

– «Вдруг тополь обломился у основания, я свалился и с такой силой стукнулся о землю, что ушел в нее по пояс»: эвены.

Приглашение: – «Когда я пришел домой, то встретил у себя вашего посла, которого вы не посылали, и получил ваше приглашение, которое вы не делали. Вот я и явился к вам»: калмыки, 72 неб., 1978.

Продавать: абхазы, Три брата и князь; ингуши, Небылица; казахи, Старик и его дочка,

– муравей продал зерно: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой советует построить и продать укрытие от жары: корейцы;

– задача: продать животное, в которое превращается герой: турки, Аллем-каллем; туркмены, 40 неб. 1, 2.

Промahnуться: – охотник ничего не добыл-промахнулся, потом хвастается: абхазы, Хвастливый охотник;

– убили трех зайцев: по двум промахнулись, а третий удрал: далматинцы.

Просо: «– Просо, посеянное твоим прадедом, теперь уже созрело. ... собрал всех телят-бычков, которых у меня не было, запряг их в телеги без оглоблей и ярем и отправился на поле. Еще не доехав до поля, я уже скосил просо, не скосив, убрал его, не убрав, нагрузил на подводы, не двигаясь с места, привез домой»: калмыки, 72 неб., 1978,

– на дубе человек молотит просо: далматинцы;

– герой везет мешок с просом на петухе: турки, 40 неб.;

– розы превращаются в просо (ряд превращений героя): турки, Аллем-каллем.

Пряжа: герой спускается с неба с помощью мотка пряжи (после отрубей): далматинцы;

– старуха держит пряжу и веретено: таджики.

Пустое: Из пустого в порожнее переливать: Байкал.

Пчела: пчела пропала, люди пашут поле на пчеле, дышло натерло пчеле шею, после лечения на пчеле вырастает ореховое дерево, на брошенном комке земли появляется поле: абхазы, Три брата и князь;

Пропала пчелиная матка, герой идет ее искать – на ней пашут, у нее рана на шее, после лечения на ней вырастает ореховое дерево, от бросания земли на дереве появляется поле: чеченцы, Спор о небылице;

– запряженные в арбу две пчелы везут мед, одна пчела подбросила героя в небеса после удара палкой: аварцы, Как сын мельника;

– герой спасает пчелу от медведя, она наполняет его мешки медом: ингушская, Небылица;

хозяин пересчитывал пчел, одна пчела пропала, хозяин на петухе едет искать пчелу, около Багдада на ней пашут, после лечения петуха на нем вырастает ореховое дерево: македонцы;

– отец героя пересчитывал пчел, одна пчела пропала, герой пошел ее искать: татары, Таз;

– отец давал имена пчелам: марийцы, Пчелиный сторож;

– герой складывает поленницу из пчелиных костей: марийцы, Пчелиный сторож;

– Пчела разодранная медведем, летает вместе с другими, жива: марийцы, Пчелиный сторож;

– «два волка напали на нашу пчелу. Как увидели меня волки, испугались и убежали. Я осмотрел пчелу, вижу – у неё сломана одна лапа. Чтобы она могла ходить, я привязал ей вместо лапы палку и приказал лететь к бабаю»: татары, Таз.

Пьяный: «Журавли в тот момент, когда я их брал, оказывается, были пьяные. Они напились свадебного вина, которое везли в бочках»: калмыки, 72 неб., 1978.

Рана (из которой вырастает дерево): – рана на спине цыплёнка: горные таджики;

– рана на спине петуха: македонцы; турки, 40 неб.;

– рана на спине осла: узбеки;

– рана на шее пчелиной матки: чеченцы, Спор о небылице.

Река: – река (в жару) замерзла: аварцы, Как сын мельника: буряты, 70 неб. 1, 2; калмыки, 72 неб., 1978; узбеки;

– в жаркий день герой у реки видит след лисицы на снегу: калмыки, 72 неб., 1978;

– лед на реке взорвался: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой скачет через реки и озера: башкиры;

– герой переправляется через реку с помощью курука и ножа: казахи, Сын Томая;

– пауки ловят сетью в реке рыбу: калмыки, 72 неб., 1978, 2003;

– герой восстанавливает реку, помогая хану реки: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой видит на берегу реки уток: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой на кобылице (жеребенке) переплывает реку: ногайцы;

– сорок братьев переезжают реку – лопнула кобыла: русские;

– герой за уши перебрасывает себя через реку: якуты;

– морской царь напускает все моря и реки на глаз пастуха: грузины, Сказка-загадка;

– из арбуза потекла большая река: туркмены, 40 неб. (одна).

Ремень: угроза вырезать ремень из спины: аварцы, Как сын; буряты, знающий 70 неб.; русские;

– проигравшему вырежут три ремня из спины: ханты, Сенгепов;

– герой режет кожи на ремни: ханты, Нарты с золотом.

Решето: «Потом у нас опять работа: решетом воду черпать да из пустого в порожнее переливать. Однажды вымокли, как сухари. Пришлось разуваться»: Байкал;

– «Когда время во времени стало, когда решето да в котел упало, когда верблюд бирючом был, а вол – носильщиком был, когда я белобородым старцем был»: турки, Аллем-каллем.

Рог: хвастливый охотник рубит зверю рога, хотя ему уже кто-то отрубил голову: абхазы, Хвастливый охотник;

– герой привязал кобылу не к боярышнику, а к ветвистым рогам гурана: буряты, 70 неб., 1, 2;

– ворона села на рог овцы и стала закусывать быком: грузины, Сказка-загадка;

– звери попадались в капкан «то ресницей, то усом, то рогом, то ухом, а многие ногами и просто копытами»: казахи, Охотник Бухарбай;

– герой находит потерянные удила на роге у сайгака: калмыки, 72 неб., 1978;

– теленок, родившийся от бугая, поранил грудь героя рогами: калмыки, 72 неб., 1978;

– жеребенок въехал на рог черного жука: калмыки, 72 неб., 2003;

– мальчик превращается в оленя, рога у него из золота, копыта из алмазов: турки, Аллем-каллем;

– «орел увидал большого козла, опустил быка на его рога и стал есть»: чеченцы, Кто больше;

– шум: у хана украли рога мулов: монголы.

Родник: – «Добежал по воздуху до степного ключа-родника, бывшего фонтаном. Подбежал и вижу: замерз фонтан от жары и зноя, как кочан капусты»: калмыки, 72 неб., 2003.

Рот: – «Испугаться-то я особенно не испугался, а все же вылезло сердце наружу, норовя забраться в ухо какой-нибудь лошади, да я вовремя успел увидеть это своим ртом, всунул в ноздрю и уж оттуда затолкал в живот»: башкиры;

– «положил я шестьдесят батманов мяса себе в рот и проглотил разом»: туркмены, 40 неб. 1, 2;

– герой хочет открыть рот и понимает, что забыл голову: буряты, 70 неб., казахи, 40 неб. 1, 2;

– птица несет яйца в рот голове героя: казахи, Сын Томая;

– герой хочет взять в рот трубку – головы нет: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой хочет скрыться от дождя во рту лошади: эвены,

– герой сунул в рот 60 батманов мяса: туркмены, 40 неб. 1, 2;

– рыбина выскочила у деда изо рта: Байкал.

Ружье: – герой пристрелил несуществующим ружьем неродившегося зайца: карачаевцы;

– «у пенька невыросшего орехового дерева сидит неродившийся заяц. Я выхватил незаряженное ружье и застрелил зайца»: абхазы, Табун;

– герой с ружьем ищет зайца: абхазы, Заяц в тыкве;

– герой повел ружьем во время выстрела и убил несколько десятков уток: калмыки, 72 неб., 1978.

Рыжий: – шах наказывает сыновьям не дружить с рыжими, безбородыми и карликами: турки, 40 неб.

Рябчик: – герой собирал рябчиков вместо кизяка: буряты, 70 неб. 1, 2.

Садовник: «В один из дней я добрал до садовника, который, вырастив дыню на затылке вола, сидел и варил эту дыню»: казахи, 40 неб. 1.

Сазан: от метания икры сазана взрывается лед: калмыки, 72 неб., 1978; пауки ловящие рыбу сетью, дают герою сазана: калмыки, 72 неб., 2003.

Сапог, гутул; чабыр: – смазанный и несмазанный сапоги: алтайские тувинцы, буряты, башкиры, казахи, калмыки, марийцы, ногайцы, татары, туркмены, узбеки, хакасы;

– «У меня было две пары чабыров. Три чабыра я помазал тремя ведрами жира, а четвертый — жиром из половины ведра. Тогда четвертый чабыр обиделся»: карачаевцы.

Сварить: – «Сварил я зайца в котле без дна»: буряты, 70 неб. 2;

– «я сварил своих уток в котле без воды, на тагане без огня, поел и лег отдохнуть»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Сварили песчарика без огня. Жара не пожалела – кости разварились, а мясо сырое осталось»: узбеки;

– «Я зарезал петуха, ошпарил его в котле без краев, сварил в котле с дырой, поел из котла без дна...»: турки, 40 неб.;

– «Дай-ка нам, бабуся, три горшка – зайцев сварить. Она им подает три горшка – два разбитые, а у третьего дна нет. Разрезали братья свою добычу, поставили зайцев вариться»: далматинцы;

– «Не убив муху – снял ее шкуру, не снявши шкуру – сварил, не сварив – вынул из котла, не вынув – съел»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Поскольку еды никакой не было, решил я сварить медный котелок»: казахи, Сын Томая;

– «хотели было ужин сварить, да огня не оказалось»: татары, Как три брата;

– «Плешак сказал своей бабушке: – Свари мне немного похлебки. Я поем и пойду к царю. Сварила она ему похлебки»: туркмены, Систана.

Свинья: – «в пшеницу забралась свинья. Пасечник бросил в нее серпом, серп попал ей в заднюю ногу и застрял. Свинья стала бегать с серпом по полю; убежать ей было некуда, и она жала пшеницу»: абхазы, Три брата и князь;

– умерший отец падишаха пасет стадо свиней: татары, Таз.

Село: – «Причём, двух сёл не видно, а в третьем и вовсе домов нет»: армяне, Сказка охотника;

Сено: герой с тарбаганами взбивает сено: алтайские тувинцы;

Сердце: «Испугаться-то я особенно не испугался, а все же вылезло сердце наружу, норовя забраться в ухо какой-нибудь лошади, да я вовремя успел увидеть это своим ртом, всунул в ноздрю и уж оттуда затолкал в живот»: башкиры;

– «воткнул в рукоять ножа иголку, которую носил у сердца»: буряты, 70 неб. 1, 2;

– «Мне стало не по себе, взял я сердце крепко в руки и прыг со страшной высоты. Бац! Упал в живую изгородь и завяз по самую шею»: далматинцы.

Серп: свинья жнет застрявшим в ноге серпом: абхазы, Три брата и князь; лиса жнет серпом, застрявшим в боку: македонцы.

Сеять: «Я только что женился, обзавелся хозяйством и стал сеять кукурузу»: абхазы, Заяц в тыкве;

– персонаж сказки сеет на дороге чеснок и горох: грузины, Истинная небылица;

– «на другом конце земли мой сапог сеет»: туркмены, 40 неб. 2;

– «А на небе жизнь такая же, как на земле. Люди там на нас похожи: одни хлеб сеют, другие со скотом по небу кочуют»: хакасы.

Силач: силачи состязаются: таджики.

Сирота: рассказчик небылиц-сирота: казахи, 40 неб. 1;

– рассказчик – бедный неимущий сирота: узбеки.

Сладкий: – «Тёрн»: – «Иду, по пути сладкий тёрн зеленый срываю и кушаю»: калмыки, 72 неб., 2003.

След: «Небо в то время было не больше потника из-под седла твоего иноходца, бескрайняя наша земля – не больше верблюжьего следа»: буряты, 70 неб. 1, 2;

– «То, о чем хочу тебе рассказать, было еще тогда, когда небо было не больше потника, а земля – не крупнее следа, и меня еще не было вовсе на свете»: казахи, 40 неб. 1.

Слепой: – братья: глухой, слепой, хромой, безрукий и голый: марицы, 41 неб.;

– слепой, безрукий и голый: туркмены, 40 неб. 1, 2.

Смола: герой видит, что змеи сидят и жуют смолу: помогает им жевать смолу: алтайские тувинцы.

Снег: – в разгар лета, «по снегу, только что выпавшему, проходит свежий след лисицы»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой «из снега распалил костер, изо льда вертел сделал и муху поджарил»: хакасы.

Собака: – не может учуять зайца: абхазы, Заяц в тыкве;

– «А вот, говорят, комариную ляжку не смогли съесть восемь собак. Чёрт: Вероятно, это были махонькие собаки»: абхазы, Коблук и черт;

– у героя 70-летняя собака: буряты, 70 неб. 1, 2;

– герой отозвал свою собаку, которая еще в прошлом году издохла: калмыки, 72 неб., 1978;

– к герою пристала издохшая собака: калмыки, 72 неб., 2003;

– зайчонок лягает собаку и она улетает: калмыки, 72 неб., 2003;

– собака подъехала на коне, усмирила теленка дзерена: монголы;

– собака глотает железную палку: калмыки, 72 неб., 1978.

Солнце: – «кобыла, что наливалась выменем от ветра, жеребилась от солнца»: башкиры;

– «двенадцать девушек, одна щека которых напоминала солнце, а другая – луну»: башкиры;

– «когда закуривал мой хан-отец свою трубку во дворе, то зажигал ее прямо от солнца»: буряты, Тархас;

– «Я взял в руки кусок мяса и, дождавшись, когда он поджарится на солнце, потянул его ко рту»: казахи, 40. неб. 1,

– «Вовсю сияло солнце и было так жарко, что у птиц дымились крылья и пылали хвосты. Поэтому я нисколько не удивился, когда увидел, что вода в озере замёрзла до самого дна»: казахи, 40 неб. 2;

– «Стою, смотрю на этот взлетевший лед и думаю: дойдет он до неба или растает, когда приблизится к солнцу? Ан нет, лед долетел до неба, ... и, отскочив назад, стал падать вниз, на землю»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «я взял камень и бросил в колодец. Солнце только что всходило, когда я бросил, а когда этот камень долетел до воды, солнце уже садилось. Значит, колодец не мелкий»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Развесили кусты на ботинках и стали солнце на них сушить»: Байкал.

Соломинки: старик крестьянин советует герою наставить соломинки одну на другую и по ним добраться вниз в средний мир: якуты.

Соль: – герои едут покупать соль: грузины, Три брата и плеши-вый плут.

Сорокапегая кобыла: сорок братьев садятся каждый на свою пегину: русские.

Сорок обхватов: – дерево в сорок обхватов: ногайцы.

Сосать: – «Посмотри-ка, видишь, теленок матку-рыбу сосет? – Да, да, вижу, сосет! Даже на мое лицо молоко брызнуло, – отвечает сын»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «подъехал, смотрю – уж лягушку сосет»: Калмыки, 72 неб., 2003.

Соха: «человек с двумя кобылами и с двумя лошадьми деревянной сохой на дереве землю пахал.» ингуши, Небылица.

Сошник: – «Проторчал в земле три года. Как ни старался, не мог выбраться. Думал, думал и догадался: сбегал домой, взял сошник и выкопал себя»: хакасы.

Спина: – осел натер спину, старшина каравана советует поправить потник «Только хотел положить потник, смотрю – из раны растет зеленая орешина. В два счета разрослась, Зацвела»: узбеки.

Старуха: – старуха говорит, что ее отец привез орехи из Индии: армяне, Чепуха;

– «Мы побродили по этому безлюдному селу и отыскивали там трёх живых старух. Две из них были мёртвые, а третья и вовсе не дышала. – Старушки, – сказали мы. – Давайте приготовим эту утку с рисом. Старуха, та, что не дышала, покрутилась здесь и там да около, и принесла полмешка риса и три горшка»: армяне, Сказка охотника;

– старуха едет верхом на лошади и прядет: таджики, Три неправды;

– у героя дома оставались старуха мать и петух; узбеки;

– после смерти старика и старухи – осталось три сына: якуты.

Стог: герой прыгает с неба в стог сена: аварцы, Как сын мельника.

Стража: у дворца: буряты, 70 неб., калмыки, 72 неб., 2003.

Стражники (персонажи): башкиры, буряты, 70 неб. 2, казахи, 40 неб. 2, узбеки.

Стрекоза: герой летает на паре стрекоз: абхазы, Свадьба отца;

Стрела: – стрела убила гуся и щуку: башкиры;

– стрела поразила зайца оперением вперед: буряты, 70 неб. 1, 2; казахи, 40 неб. 1;

– Попала стрела остриём прямо зайцу в нос, да отскочила и вернулась мне в руки. Тогда я пустил её тупым концом вперёд. Через день она настигла серого и пригвоздила его к камню: казахи, 40 неб. 2;

– «стрела моя вошла в правую ноздрю кулана, выскочила из его левого уха, оторвала щиколотку правой передней ноги, сшибла копыто задней левой ноги, прошла через ляжку, вонзилась в хвост и вышла из спины»: казахи, охотник Бухарбай;

Стремена: герой – младший брат идет продавать стремяна: турки, 40 неб;

Стрижка: – герой видит, как зайцы проводят осеннюю стрижку: калмыки, 72 неб., 1978.

Сурьма: – из сурьмы и палочки для бровей вырастают пальмы: туркмены, Систана.

Суслик: – герой «Видел молебствие сусликов, они ставили богу свечи из сухой степной травы»; калмыки, 72 неб., 1978,

– «Просо, посеянное твоим прадедом, теперь уже созрело. Иди скорей убирать, а то суслики все растащут»: калмыки, 72 неб., 1978.

Сухарь: «Однажды вымокли, как сухари»: Байкал.

Сушить: – «Развесили кусты на ботинках и стали солнце на них сушить»: Байкал;

– «Вышло из зайчонка шесть пудов сала, шесть пудов мяса. Мясо мы не варили, не сушили, а взяли и все сразу съели, но не наелись, остались голодными»: узбеки.

Сыр: мать героя делает сыр: абхазы, Коза пастуха.

Тайлак (верблюд): «берцовая кость его перекрытием для твоего дворца может послужить. – Да не для дворца, а для юрты?! – Может и для юрты. Только ту юрту сорок атаиов должны были тащить. – Ты, верно, хотел сказать «сорок тайлаков»?! – Может и сорок тайлаков, только они верхушки сосен в сорок обхватов глотать могли»: ногайцы.

Таймень: – герой поймал бородой семиметрового тайменя: буряты, 70 неб. 1, 2;

– дед проглотил огромного тайменя, таймень потащил его по реке: Байкал.

Танец (задача) – ингуши, Небылица.

Таракан: – «в одной роще столько зайцев водится, что тараканов на березе»: Байкал.

Тарантул: – бежит тарантул, пыль – герой думает, что нойон едет: калмыки, 72 неб., 1978;

– тарантул с женой и детьми приехал на тройке хорьков, впряженных в тарантас, погулять на свадьбе: калмыки, 72 неб., 1978.

Тарбаган: – взбивает подушку из сена: алтайские тувинцы;

– семь тарбаганов привязались хвостами друг к другу: монголы;

– герой провел зиму в норе у тарбаганов: монголы.

Теленок: – «телка, с которой бугай встретился рано утром, к вечеру уже принесла теленка. Значит, день не короткий»: калмыки, 72 неб., 1978;

– теленок, родившийся у бугая, «внезапно боднул меня и насквозь пронзил мою грудь своими острыми рогами Я скорее снялся с его рогов да бежать, а он за мной»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Только утром трехгодовалая телка в долине телилась, а вечером ее теленок трехгодовалым волом становился. Его в арбу запрягали да в лес за дровами ездили»: ногайцы.

Телка: «телка, с которой бугай встретился рано утром, к вечеру уже принесла теленка. Значит, день не короткий»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «утром трехгодовалая телка в долине телилась, а вечером ее теленок трехгодовалым волом становился. Его в арбу запрягали да в лес за дровами ездили»: ногайцы;

– «муха мне на лоб села. Большая муха, с двухголовую телку будет. Хлопнул я себя по лбу, поймал муху. Распорол ей брюхо, потом снял шкуру и удивился: наружного сала на ней было в четверть аршина, внутреннего – на четыре пальца»: хакасы.

Тень: – из хлопкового семечка выросло дерево, от него тень падала на расстояние одного дня езды: казахи, Старик и его дочка;

– «ноги привели меня к бурьяну, который еще не рос. Подошел я к бурьяну и хотел присесть в его тени отдохнуть»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Бегу и спотыкаюсь о свою тень»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Воткнул я плетку в землю, лег под ее летней тенью да так крепко уснул, что проснулся осенью»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «В тени бороды козла спал чабан»: чеченцы, Кто больше.

Терн: – «Иду, по пути сладкий терн зеленый срываю и кушаю»: калмыки, 72 неб., 2003.

Той (пир): – не той, а поминки по байскому сыну: казахи, 40 неб. 2.

Тополь: – «Взяли мы неотрубленную ветку непосаженного тополя; вырезали дубинку и ударили зайчонка. Он три раза перекувырнулся и упал. Мы поймали его и зарезали»: узбеки;

– «Присыпали рану землей, смотрим – на спине цыпленка тополь вырос»: горные таджики.

Топор: – герой разбивает лед топором: аварцы, Как сын мельника;

– лед не поддается топору: буряты, 70 неб. 1, 2;

– топор проваливается в льдину: ингуши, Небылица;

– герой, не слезая с коня, рубит лед топором: казахи, 40 неб. 1;

– герой рубит лед – топор разлетается вдребезги: казахи, 40 неб. 2;

– герой не может прорубить лед топором: ногойцы;

– герой просит топор обрубить верблюду брюхо: грузины, Три брата;

– герой хочет топором убить волка: абхазы, Свадьба отца;

– герой с топором бросается за зайцем: чеченцы, Спор о небылице.

Топорище: – «Смотрю, сгорело все, кроме топорища и черепа»: герой топорищем срубает деревья, делает арбу, бросает топорище и убивает двух оленей: аварцы, Как сын мельника;

– герой, потеряв топор, топорищем ломает лапы медведю и ломает ноги семерым косякам: ингуши, Небылица.

Тростник: – на льду под старым невыросшим тростником лежал неродившийся жирный заяц: казахи, 40 неб. 1.

Трость: Снял я дэгэл из козьих шкур, воткнул в него свою камышовую трость, забрался на нее, гляжу, а кобылы нет. В трость воткнул нож с костяной рукояткой, взобрался туда, смотрю, но ничего не вижу. Запечалился я и воткнул в нож иголку, которую носил у сердца. Опять с трудом влез на иголку, посмотрел через ее ушко и увидел мою любимую пегую кобылу, стоящую на скале среди Черного моря... Я быстро продолбил трость, получилась лодка, сделал из ножа весла и поплыл в сторону острова: буряты, 70 неб.;

– у хана резная трость с десятигранным алмазным набалдашником: буряты, 70 неб. 1, 2;

Трубка: хан-отец зажигал свою трубку прямо от солнца: буряты, Тархас;

– «Сел я на верблюда, который не родился, и поехал. По дороге достал свою трубку величиною с добрую верблюжью голову, набил в нее несколько пучков табаку, хотел взять в рот сурул (чубук), а рта не оказалось»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «вырвал изо льда бедную голову и поставил на плечи. Взял в рот трубку. Чем ее разжечь? Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек изо льда искру, вода и загорелась. Прикурил я и поехал»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Поехал дальше, убил я, не догнав, зайца, которого не видел. Сошел с коня, закурил трубку без табака, посидел на траве, вернулся, на коня сел, вижу – свою бритую голову оставил там, где сидел»: калмыки, 72 неб., 2003;

– «Куриль мне опять захотелось; достал кисет, наложил в табак трубку, сделал из него кремь, из воды – трут, ударил о кремь – искры летят, горит трут – славно покурил я!»: калмыки, 72 неб. 2003.

Трут: «Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек изо льда искру, вода и загорелась»: калмыки, 72 неб., 1978;

– «Куриль мне опять захотелось; достал кисет, наложил в табак трубку, сделал из него кремь, из воды – трут, ударил о кремь – искры летят, горит трут – славно покурил я!»: калмыки, 72 неб., 2003.

Тушканчик: – «Прискакал ко мне тушканчик и сообщил: – Просо, посеянное твоим прадедом, теперь уже созрело. Иди скорей убирать, а то суслики все растащут. Я скорее поймал тушканчика, сел на него верхом и помчался на просяное поле»: калмыки, 72 неб., 1978;

– лиса, еж и тушканчик в карты играют: калмыки, 72 неб., 2003.

Тыква: – запеченный заяц выскакивает из тыквы: абхазы, Заяц в тыкве;

– Тыква из огорода сорвалась в Куру, тыква весом в сорок публов лежит в Куре: грузины, Истинная небылица;

– тыква со стеблем протянулась на другой берег моря: грузины, Пастух Бичи.

Ударить: – герой ударил отставшую пчелу палкой, палка подбросила героя в небеса: аварцы, Как сын мельника;

– «Пошел дальше – у другого корня невзошедшей полыни лежит нерожденный зайчик. Не видя того зайчонка, ударил я его, а потом, не держа руками, привязал к седлу»; калмыки, 72 неб., 2003;

– «Хвастунишка только и ждал этого – пошел плести небылицы: – Сначала догнал его, ударил по задку, так что он сразу присел. Потом ударил по голове, и мозги его разлетелись в стороны»: киргизы;

«Видим – в траве лежит детеныш неродившегося зайца. Взяли мы неотрубленную ветку непосаженного тополя; вырезали дубинку и ударили зайчонка. Он три раза перекувыркнулся и упал. Мы поймали его и зарезали»: узбеки;

– старик ударил медным прутом похитителя огня: якуты.

Удила: герой находит удила, потерянные три года назад: калмыки, 72 неб., 1978.

Уж: «уж лягушку сосет. Попросил я у него лягушку, закусил сытно кусочком, вернул уж лягушку»: калмыки, 72 неб., 2003;

– гости съезжаются на пир «съезжаются: кто на быке, кто на жуке, кто на ежике, кто на угре, кто на горном козле, а кто на журавле»: казахи, 40 неб. 2.

Улица: – герой советует выкопать под главной улицей Сеула укрытие от жары и продать его: корейцы;

– «Я стал свой нож в дыне искать, смотрю – а там улица, а рядом базар. Поискал я, а ножа нигде нет. Прошел еще одну улицу, еще один базар, вижу: идет караван»: туркмены, Систана;

– «брюхо себе наели. Хотели выйти, а в дверь никак не можем пролезть. Нашли в стене щелку, вышли на улицу и пустились в путь»: узбеки.

Умереть: – у героя умерла жена (вымысел): боснийцы;

– умер шах, братья ничего не дали младшему: горные таджики;

– умер шах-отец братьев, они не выполнили заветы: турки, 40 неб.;

– хан (отец) умер, сыновья потратили наследство: карачаевцы;

– «От тоски по убежавшему сапогу умерла оставшаяся дома жена»: казахи, 40 неб. 1;

– «хана так и не смогли оторвать от мешка с золотом. Он умер через три дня»: казахи, 40 неб. 1, 2;

– князь-самодур умер: абхазы, Три брата и князь.

Унты: «семь тарбаганов привязались хвостами друг к другу и идут. Натянул на ноги козы унты, подполз тихонечко, да как пнул их»: монголы.

Упасть: – «стоаршинная палка упала на тот берег озера. Куда это, думаю, я упал?»: башкиры;

– герой упал в живую изгородь: далматинцы;

– герой упал на скачущего сайгака: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой упал на спящего волка: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой упал с неба на спину медведю: якуты;

– герой соскользнул с обрыва и упал в ущелье; сел на спину грифа: монголы;

– герой «упал вниз головой и в землю по самые пятки ушел»: хакасы;

– «Сыновья Торума рассердились. Они схватили меня и на небо понесли. Когда я упал, то по пояс в земле оказался»: ханты, Маньт-ку;

– герой «схватил себя за уши обеими руками и перебросил на другой берег. ... Перелетел я на другой берег реки и упал так, что мои ноги вошли в землю»: якуты;

– «Когда я поднял голову, чтобы посмотреть на его (дерева) верхушку, то шапка не удержалась на моей голове и упала. Что за оказия! Может быть, я сам стал маленький?»: калмыки, 72 неб., 1978;

– огурец упал поперек канавы и остался вместо моста: македонцы;

– конь героя упал, не вынеся тяжести тарбаганов: монголы;

«Когда время во времени стало, когда решето да в котел упало, когда верблюд бирючом был, а вол – носильщиком был, когда я белобородым старцем был»: турки, Аллем-каллем;

– из арбуза потекла река, куда герой упал вместе с ножом: туркмены, 40 неб.;

– нож упал внутрь арбуза, герой хотел его достать и упал туда же: узбеки;

– нож упал в арбуз: армяне, Чепуха;

– рассказчик пугает менква, что сейчас мешок упадет прямо на него: ханты, Сенгепов;

«Я выстрелил в ногу, и все лоси упали. ... Опять поры нечем делать. Пошел я на охоту, вижу: пять коров на одной ноге стоят. Я в одну ногу выстрелил, все коровы упали»: ханты, Маньт-ку.

Утка: – утки летают у замерзшей реки: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой убивает одним выстрелом несколько десятков уток, варит уток в котле без воды: калмыки, 72 неб., 1978;

– к усам героя примерзло шестьдесят диких уток и семьдесят селезней: казахи, 40 неб. 1, 2;

– в озере три утки: «две из них – мёртвые, а третья вообще не живая»: армяне, Сказка охотника;

– старик отдает с огнем котел и жирную утку: марийцы, 41 неб.;

– утка несет яйца на голове героя: русские;

– утка была флейтистом: узбеки;

– утка в урядниках: башкиры.

Ухо: – «дрались два муравья. Взял я одного за ухо, привел и запряг в арбу»: ингушская, Небылица.

Уши: – «Спрыгнул я с лошади, ухватился за уши, потянул изо всех сил, но голову вытащить не смог: она примерзла ко льду»: абхазы, Табун;

– герой «схватил себя за уши обеими руками и перебросил на другой берег. Во время полета в ушах моих свистело, как свистят крылья утки»: якуты;

– «а кобылу схватил с хвостом за уши, притянул, взвалил на плечи и, взнуздав жеребенка той самой стоаршинной палкой, накинув на него поводьями свои ноги, решил переплыть озеро»: башкиры;

– «Когда табун лежал, я по ушам считал; когда стоял, я по ногам пересчитывал. Однажды встал я рано утром, смотрю: табун лежит. Сосчитал по ушам – одной жеребой кобылицы не хватает»: ногойцы;

– у гнедой лошади – кобылицы, водительницы табуна, брюхо величиной с земной шар, а уши как крыша кибитки: калмыки, 72 неб., 2003;

– «одна из икринок пожадничала и хотела целиком проглотить моего зайца, но не могла и давилась. Из ее пасти торчали только кончики ушей зайчонка. Вытащив за уши своего зайца, я положил его около себя»: калмыки, 72 неб., 1978,

– «это подрались мои сапоги, смазанный и сухой. Я дал пощечину смазанному, оттащил за уши сухой и снова уснул»: туркмены, 40 неб.

Ушко иголки: «воткнул в рукоять ножа иголку, которую носил у сердца. Вскрабкался на ее вершину, глянул через игольное ушко и только тогда увидел свою любимую пегую кобылу»: буряты, 70 неб. 1, 2;

– «Может, сутки карабкался, может, месяц, а как заглянул в иголье ушко, так сразу и увидел пропавшего жеребца»: казахи, 40 неб. 2;

– «Моя бедная бабушка дала мне иголку без ушка, я воткнул ее в землю, влез на перекадину и увидел – на другом конце земли мой сапог сеет»: туркмены, 40 неб. 2.

Фасоль: кабаны едят кукурузу, герой стреляет в кабана, на нем вырастает фасоль: абхазы, три брата и князь.

Халат: – дочка старика говорит, что видит на плуте халат своего среднего брата: казахи, Старик и его дочка;

– герой собирает кизяк в полы халата – это перепелки: казахи, 40 неб. 1;

– «у одного из нас на халате нет ворота, у другого – рукава, у третьего – полы»: узбеки;

– «голый завернул в полу своего халата»: туркмены, 40 неб.

Хан (персонаж): аварцы, алтайские тувинцы, башкиры, буряты, 3, казахи, Лжец, 40 неб. 2, калмыки, карачаевцы, монголы, ногойцы;

– приезжали сыновья шахов и ханов сватать дочь падишаха: узбеки.

Хвастаться: хвастливый охотник, абхазы, Хвастливый охотник;

– хвастливый заяц: киргизы.

Хвост: герой хватает кобылу за хвост и бьет по голове, чтобы она повернулась: башкиры;

– герой привязал жеребца к хвосту жеребенка, а жеребенка – к хвосту жеребца: казахи, 40 неб. 1;

– герой метает скот через море за хвосты: русские;

– на хвосте коня выросло дерево: буряты, Знающий 70 небылиц;

– у дохлого быка туловище лежит на царском поле, ноги же, хвост и голова – на соседском: грузины, Сказка-загадка;

– голова и хвост волка тащатся по земле: калмыки, 72 неб., 1978;
герой повесил своего волка за хвост на столбе, вниз головой: калмыки, 72 неб., 1978;

– семь тарбаганов привязались хвостами друг к другу и идут: монголы;

– герой ловил лисиц за хвост: казахи, Охотник Бухарбай;

– «Икры в нем (сазанчике) оказалось так много, что когда я хотел поднять его за хвост, то едва мог сдвинуть с места»: калмыки, 72 неб., 1978;

– было так жарко, что у птиц дымились крылья и пылали хвосты: казахи, 40 неб., 2;

– герой видел, как люди несли с холма больших рыб с обжаренными головами и обугленными хвостами: казахи, Удобнее лгать;

– герой хватает лисицу за хвост и выбирается из земли, на хвосте лисицы письмо о долге рассказывающему: буряты, Знающий 70 неб.;

«Подкрался я однажды к лисе – и хватить ее за хвост! Побежала лиса и меня за собой потащила. У выхода я застрял, а лиса рванулась – и хвост оторвался. Принес я домой лисий хвост, распорол его, а внутри лежит бумажка. Развернул я бумажку, а там написано: «Старик, который варит сейчас жирную утку и слушает небылицы, должен твоему отцу десять пудов ржи»: марийцы, 41 неб.;

– «лиса бежит. Я ее за хвост схватил. Лиса увернулась, а у меня в руке комок оказался. Развернул я комок, а там бумага. Стал я эту бумагу читать. Там было написано, что ты моему отцу сто рублей должен»: Ханты, Маньт-ку;

– герой схватился за хвост волка, волк вытащил героя из земли, у волка оторвался хвост и превратился в драгоценную шкатулку: эвены;

– у зайца из-под хвоста выпал клочок бумаги, на нем было написано: «Гирду кукурузы выиграл бедняк»: чеченцы, Спор о небылице;

– «я за хвост и поймался; волк скакал, скакал, меня выдернул, у волка хвост оторвался»: русские;

– «мимо пролетал серый дятел, я схватил его за хвост, и он вытащил меня из земли. Я пролетел вместе с ним по воздуху,

и он сел на дерево. Я провалился по полому стволу дерева вниз»: якуты.

Холм: – «позади был большой холм. Поднялся я на его вершину, посмотрел по сторонам, но ничего не увидел. Взял я тогда свой курук, оперся на его толстый конец и хотел взобраться на его тонкий конец, да не сумел. Тогда я оперся на тонкий конец и на толстый взобрался. Приставил ладонь к глазам, но опять ничего не увидел»: ногайцы;

– «Влез я на один холм, влез на другой холм – ничего не увидел. Моя бедная бабушка дала мне иголку без ушка, я воткнул ее в землю, влез на перекадину и увидел – на другом конце земли мой сапог сеет»: туркмены, 40 неб. 2;

– «Поднялся на холм, посмотрел – не видно. Вернулся в долину. Воткнул в землю иглу, влез на нее, посмотрел, вижу, – моя старушка мать стирает белье на берегу Сырдарьи. Взял я иглу и пошел. Сколько гор, сколько холмов я прошел, пока добрался до моей старухи»: узбеки;

– вершина холма выгорела и люди несли с холма больших рыб с обжаренными головами и обугленными хвостами: казахи, Удобнее лгать;

– герой слышал шум за холмом – это тарбаган взбивает подушку из сена: алтайские тувинцы;

– герой слышит шум за холмом – это тарбаганы взбивают шерсть: монголы.

Хорек: тарантул с женой и детьми приехал на тройке хорьков, впряженных в тарантас, погулять на свадьбе: калмыки, 72 неб., 1978;

Худук: герой снимает голову и пьет из худука при помощи журавля: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой оставил голову в худуке, она вылезла и посмеивается: калмыки, 72 неб., 1978;

– верблюд кинул дерево в худук глубиной в 65 саженой, так дерево еще на 15 саженой торчало: калмыки, 72 неб., 1978.

Царь (персонаж): армяне, грузины 2, туркмены Систана;

Цветок: «Когда въехал я на одну горку, гора от тяжести проваливалась, когда же въехал на верх цветка, что на откосе балки рос, цветок покачнулся, но выдержал»: калмыки, 72 неб., 2003;

Цыпленок: «в открытую дверь его дома вошел цыпленок. Юноша навалил на него двенадцать манов пшеницы, сверху уселся сам и поехал. Как внутри мельницы вошли, седло со спины цыпленка сняли, смотрим – на спине у него рана открылась. Присыпали рану землей, смотрим – на спине цыпленка тополь вырос»: горные таджики;

Чан: – герой прикатил к царскому дворцу огромный чан и сказал, что два таких чана, полных драгоценных камней и жемчугов, задолжал отец царя его отцу: Грузины, Пастух Бичиа;

Чинара: «Верблюды были такого роста, что срывали листья с верхушек чинар. Чёрт: Значит, чинары были низкорослые»: абхазы, Коблук и черт;

Чуб: герой выдерживает из чуба волосы, чтобы спуститься с неба, (после отрубей и пряжи): далматинцы;

Чугунок: «все зайцы из чугунка выкипели и в лес убежали»: Байкал.

Шакал: – зерно превращается в шакала (превращения героя) и разрывает дэва, обернувшегося петухом, чтобы съесть зерно: турки, Аллем.

Шест: – герой говорит, что у его отца был такой длинный шест, что он мог им перемешивать звезды на небе: буряты, Крастьянин Тархас;

– «Вырубил в соснячке сухой шест и лаптями привязал всех зайцев к нему»: Байкал;

– «схватил длинный шест и разогнал по двору всех кур и петухов»: чеченцы, Спор о небылице;

Шестьдесят и семьдесят объектов: – из льда вылетели шестьдесят пестрых и семьдесят пегих уток: башкиры;

– к усам примерзло шестьдесят диких уток и семьдесят селезней: казахи, 40 неб. 1, 2;

– в зайце (зайчонке) было шестьдесят батманов мяса и семьдесят батманов сала: туркмены, 40 неб. 1, 2;

Шило: – «Тогда я воткнул в черенок ножа шило, взобрался на него, и только теперь увидел своих лошадей далеко на берегу моря»: абхазы, Табун;

– «среди бурного моря торчит скала, острая, как шило, на той скале на одном копыте стоит жеребец, а вокруг скалы на волнах резвится его жеребёнок»: казахи, 40 неб. 2;

Шкатулка: – хвост волка превратился в драгоценную шкатулку: эвены;

– герой говорит, что у него есть шкатулка с небылицами: японцы;

Шкура: – герой снимает шкуру с чудовища: абхазы, три брата и князь;

– герой убил двух оленей, наполнил шкуры медом: аварцы, Как сын мельника;

– герой содрал шкуры с семи косуль и сделал из них мешки с медом: ингуши, Небылица;

– «Не убив муху – снял ее шкуру, не снявши шкуру – сварил»: калмыки, 72 неб., 1978;

– герой снял шкуру с мухи: хакасы;

– герой сплел веревку из шкур коров: буряты, Знающий 70 неб.;

– герой обдирает шкуру с коровы – корова побежала: ханты, Нарты;

– герой берет себе половину лисьей шкуры, другой половиной одевается весь город: грузины, Сказка-загадка;

– половины шкуры лисы хватило на шубы всем, второй половины не хватило на трехлетнего ребенка: чеченцы, Кто больше;

– заяц хвастается сделать подстилку из шкуры лисы: киргизы;

– по ремню из коровьих шкур отец и мать героя спустились на землю: ханты, Сенгепов;

– герой сделал веревку из лосиной шкуры, нагревая ее, дотащил лосей до дома: ханты, Манть-ку.

Шум: – шум от драки сапог: башкиры, буряты, 70 неб. 1, 2; казахи, 40 неб. 1, 2; казахи, Сын Томая, калмыки. 72 неб., 1978 ногайцы, татары, Таз, туркмены, 40 неб. 1, 2; узбеки;

– отец героя проснулся от шума падающих с моста верблюдов: македонцы;

– шум: у хана украли рога мулов: монголы;

– «услышал шум тихий, подъехал, смотрю – уж лягушку совет»: калмыки, 72 неб., 2003;

– шум роста травы: калмыки, 72 неб. 1978.

Щель, щелка: «Хотели выйти, а в дверь никак не можем пролезть. Нашли в стене щелку, вышли на улицу и пустились в путь»: узбеки.

Сказки о небылицах. Антология.

Ерянсе-сэсэн⁵

Башкирская сказка

В стародавние времена, когда коза состояла в командах, утка – в урядниках, индюк – в десятниках, волки – в надзирателях, а вороны – в стражниках; когда от сорок был прок, а от воробья – ни копыя; когда петухи исправно совершали грехи, а курицы не покидали улицы: когда львы не знали любви, змеи были кнута злее, а лисы были большие подлизы, жил да был, сказывают, некий хан.

Однажды этот хан объявил на всю страну: «Тому, кто сможет небылицу поведать как было и в том меня убедить, я отдам свою красавицу дочь и еще в придачу – половину своих богатств. Тому же, кто не сможет этого сделать, я снесу голову!»

Желающих жениться на дочери хана оказалось немало, но никто на них не мог убедить хана в своей небылице. Одна за другой слетали головы с плеч удалых джигитов. А последним пришел на царский двор сам Ерянсе-сэсэн. Пришел он и сказал так:

– Мой хан, я тоже пришел для того, чтобы остаться без головы. Как тебе удобно: отвечать на твое требование до того, как слетит с плеч голова, или после того, как она слетит?

– Ладно, ладно, не очень-то молоти языком, лучше попробуй что-нибудь рассказать! А я уж сам решу, когда снести тебе голову.

И стал Ерянсе-сэсэн рассказывать:

– То ли во сне, то ли наяву, в середине недели, пас я твоих лошадей возле озера величиной с добрую чашу. Среди тех лошадей была кобыла, что наливалась выменем от ветра, жеребилась от солнца: жеребенок ее ростом с кобылу, а сама кобыла – с жеребенка. И вот однажды исчезла с глаз долой эта самая жеребая кобылица. Что теперь делать? Испугаться-то я особенно не испугался,

Язык: лис лизал нож, ему отрезало язык: башкиры;

– «А деда хлебом не корми, дай поговорить. Как начал он языком молотить, что твоя мельница. За какой-то час целый короб пирогов намолотил»: Байкал;

– герой не может найти своего коня, понимающего человеческий язык: монголы.

Яйцо: – курицу закрыли в кладовке, она нанесла полную кладовку яиц: армяне, Чепуха;

– курица заполнила яйцами комнату: чеченцы, Спор о небылице;

– из яйца курицы выскочил гусь: армяне, Чепуха;

– чайка отложила яйца в ухе героя, лиса пришла красть яйца: буряты, Знающий 70 небылиц;

– «(цесарка) уйдет утром в лес, снесет яйцо, а вечером, гляжу, вдвоем возвращаются, и оба – цесарка и яйцо – кудахчут»: грузины, Три брата и плешитвый плут;

– герой «схватил с снежных сугробов шесть львиных яиц и запустил этими яйцами в бежавших из кустарника лисиц»: казахи, Охотник Бухарбай;

– птица сидит на забытой голове героя и прямо в рот ей несет яйца, герой собирает яйца и возвращается в аул: казахи, Сын Томая;

– на голове героя птицы выют гнезда и несут яйца: волк приходит есть яйца: эвены.

⁵ Ерянсе-сэсэн // История и Культура Башкортостана [Электронный ресурс], 2012. URL: <http://www.bashculture.ru/archives/410>

а все же вылезло сердце наружу, норовя забраться в ухо какой-нибудь лошади, да я вовремя успел увидеть это своим ртом, всунул в ноздрю и уж оттуда затолкал в живот.

Ну, думаю, за то, что не уберег жеребую кобылицу, хан меня извалает разочек да выпорот хорошенько, и на том дело с концом. Но вот как спастись от жеребцов?

Ведь они житья мне не дадут, угрожать станут, насмех поднимут за то, что я не уберег кобылицу, чудную, как озерная пиявка. Потом думаю: конечно, от жеребцов некуда деваться, уж как-нибудь перенесу их угрозы да насмешки! А что, если от их бешеного ржания дрогнет и обвалится ханский дворец? Что мы станем тогда делать без драгоценного нашего владыки и благодетеля?

Бросился я туда-сюда, а затем воткнул в землю палку в сто аршин длиной, забрался на ее макушку и зорко огляделся по сторонам. Нет, не видно моей кобылы! В кармане моем лежал ножичек, который я вытребовал у тебя в тот благословенный день, когда ты женился на нашей енгеи и я состоял при тебе главным сватом.

Вонзил я тот ножичек на верхушку той палки, встал на нем во весь рост, а кобылы моей все нет как нет! А была еще в моем кармане игла, длиной в аршин и толщиной с руку. Не долго думая, я вонзил ее на кончик ножичка, забрался на ту иглу и опять стал озирать бескрайние дали. И что ты думаешь? – кобыла моя мирно паслась себе по ту сторону озера величиной с чашу!

От великой радости я не заметил, как моя стоаршинная палка упала на тот берег озера. Куда это, думаю, я упал? Оказалось, сижу на спине той самой кобылы, чье вымя наливалось от ветра, а жеребенок рождался от солнца. Схватил я ее за хвост и ударил по голове, заставив тем самым повернуться ее передом к озеру, а задом – к заозерью. После этого я спрыгнул на жеребенка, а кобылу схватил с хвостом за уши, притянул, взвалил на плечи и, взнуздав жеребенка той самой стоаршинной палкой, накинув на него поводьями свои ноги, решил переплыть озеро. Стоило мне добраться до середины озера, как поднялась злая буря и я пошел ко дну вместе, с кобылой на плечах. Все же неимоверными усилиями мне удалось-таки выбраться на противоположный берег. Тогда я переложил кобылу на жеребенка, сам расположился между его ушами и,

упершись ногами о палку, служащую уздечкой, отправился к жеребцам. Те звонко заржали от радости, а кобыла моя вдруг захромала, сама себе наступив на ногу. На мне был пояс, оставшийся от деда, который носил правнук зятя моей родной бабушки. И я, не задумываясь, перевязал задние ноги кобылы тем поясом.

После этого я забрался на кобылу и обскакал вокруг озера, надеясь подстрелить хотя бы несчастную утку.

Когда вокруг озера пустился я скакать.

Узрел гуся, летевшего куда-то вспять.

Настроил я тотчас стрелу и – жжить! – в гуся!

И рухнул он с небес, истошно голоса.

Не мешкая, по шейке я провел ножом:

Сам виноват, о гусь! – зачем лез на рожон?

А где ж стрела?..

Пошел искать я на мысок. Что вижу я?

Там шука бьется о песок.

Алла! – торчит из тела щучьего стрела –

Обоих вылетом одним она взяла!

Вернулся вновь к гусю со шукой я, а там

Лежит воришка-лис, хитрец не по летам.

Хотел гуся украсть, по, увидав кровавый нож,

Он стал лизать его – нож больше был пригож.

Лизал, лизал и не заметил он, как вмиг

Отрезало воришке лезвием язык.

Что оставалось мне? – поймал я третью дичь.

Одной стрелой таких чудес я смог достичь!

Я отвязал поводья лошади... И что ж? –

Столб двинулся за нею вслед – и то не ложь!

Внимательнее приглядевшись, вижу я:

Не столб то вовсе – просто шея журавля.

Ее за дерево приняв, я завязал

Свою к ней лошадь и теперь с собой забрал.

Сказал себе я: прочь отсюда, будь здоров:

Гусь и журавль, лиса и шука – твой улов!

Пустился я обратно напрямую, не разбирая дороги, и вижу

вдруг – из-под мятлика выскакивает серый заяц и опрометью кидается от меня прочь. Припустил я вслед за ним. Что есть мочи мчался я за стремительным зверьком, а затем настроил стрелу и пустил ее вслед за беглецом – мимо! Взмахнул камчой – напрасно! Тогда в досаде прыгнул я с лошади и плюнул на проклятого зайца – и он тут же покатился по земле и испустил дух. Я живо освеживал малыша, мясо его не уместилось в два котла, но на один казан его не хватило. А жира достало ровно на два ведра – на одно бездонное и одно со дном. Стал я тем жиром смазывать свои сапоги: смазал один, а на другой не хватило. Остатком жира я густо смазал свои ичиги; ичиги потом смазали сапоги, а сапоги, в свою очередь, ичиги. Устав, я прилег и тут же задремал. Проснулся я от страшного шума и вижу: это дерутся меж собой два моих сапога – оказывается, все из-за того же жира, которого им обоим не хватило. Тут я со всего размаха треснул в ухо смазанному и по лбу несмазанному сапогу и уложил их спать. Проснулся утром: смазанный сапог со мною рядом, а несмазанного и след простыл. Взял я в руки смазанный сапог и отправился искать его несмазанную пару.

Пути человеческие неисповедимы: оказался я на свадьбе какого-то бая. Глянул я в окно и что вижу: мой несмазанный сапог носит мясо на стол, портянка пляшет под музыку, а подкладка дрыхнет без задних ног. Стоило мне переступить порог байского дома, как мне тут же поднесли пять тустакв вареного, дымящегося мяса.

Наелся того мяса до отвала, напился медовухи до умопомрачения, подложил подкладку под подошву, закрутил портянку вокруг икр, натянул сапоги и отправился домой.

Иду я и вот вижу: на дороге в жаркий, нестерпимо знойный день лежит огромный кусок льда. Желая напиться от того льда студеной воды, ударил я по нему короком – петлей своего аркана, да не мог его проткнуть; хлестнул кнутом – не смог разбить; вырвал голову из туловища и хрястнул по проклятому комку – не смог разможжить. Пришлось удалиться ни с чем.

Вдруг слышу чей-то голос, полный удивления: «У этого человека нет головы!»

Пощупал я – и впрямь головы на плечах не оказалось. Осталась у того самого льда. Пришлось возвращаться обратно. Вставил я

голову на место, взялся за оба уха и приложился лбом к ледяной глыбе – и она тут же раскрошилась на мелкие кусочки, и оттуда вылетели шестьдесят пестрых и семьдесят пегих уток. Но ни одной из них я не дал улететь – перехватил на лету всех одну за другой. Потом я их обменял на одного верблюда. Он оказался животным, которое могло пить воду, не наклоняя головы и не пригибая колен.

– Видно, колодец твой был наверху, – вставил хан.

– Может быть, и наверху, – тут же согласился с ним Ерянсе. – Во всяком случае, утром брошенный в него камень долетел до дна только к вечеру.

– Видно, дни твои были слишком короткими, – сказал хан.

– Может быть, и короткие, – согласился Ерянсе, – но только кобыла, что с утра сама была жеребенком, к вечеру жеребилась.

Тогда хан решил повернуть разговор в другое русло.

– Ну и что ты сделал с тем верблюдом, что пьет воду, не клоня голову и не сгибая колени?

– Хэй, с ним было столько мороки, что до сих пор голова кругом идет! – живо воскликнул Ерянсе-сэсэн. – Я его подарил умершему брату и неродившемуся братишке, памятуя пословицу О том, что и верблюд – подарок, и пуговица – подарок. А вышли утром втроем – три родных брата, а верблюда-то и нет. Туда-сюда кинулись – как в воду канул, окаянный! И устроили мы меж собой совет. Младший брат сказал:

– Ограда у нас высокая. Наверное, тот, кто выкрал у нас верблюда, очень высокого роста.

– Если высок, значит, кусэ – предположил я.

– Если кусэ, значит – Муса, – уверенно заявил старший брат. Пошли искать Мусу.

Пошли по улице, немного прошли, видим, идет навстречу какой-то человек. Видим, тот человек высок и без бороды. Остановили мы его, спрашиваем:

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Муса, – отвечает человек.

– Если ты Муса, значит, именно ты прошлой ночью похитил нашего верблюда, немедленно верни! – сказал старший брат.

Человек разозлился не на шутку:

– Никакого верблюда у вас я не крал! Чего пристали?

– В таком случае, пойдем к старику с белой бородой и золотым умом, – сказали мы ему и поволокли его на другой конец аула.

– Откуда вам стало известно, что вашего верблюда украли именно Муса? – спрашивает нас белобородый старик с золотым умом.

– Нагадали, – ответили мы.

– Как это вы нагадали?

– Ограда у нас высокая, и чтобы увести через нее верблюда, нужно обладать высоченным ростом, – ответил младший брат.

– Если он высок ростом, значит, безбородый, – добавил я.

– А если кусэ, значит, Муса, – заключил наш ответ старший брат.

Вот и пошли искать этого самого Мусу, а он сам идет нам навстречу, длинный и безбородый. Спросили, как звать, а он отвечает: «Муса». Кто же, кроме него, может украсть верблюда?

– В таком случае, выйдите и подождите за дверью, – сказал старик. – Когда нужно будет, я вас позову.

Вышли мы. А потом он нас пригласил и спрашивает:

– А ну-ка ответьте, что у меня в руке?

– Что-то круглое, – произнес, не задумываясь, неродившийся брат.

– Если круглое, значит, желтое, – добавил я.

– А если желтое, значит, пшено, – заключил наш ответ старший брат. Когда старик разжал ладонь, то в ней действительно оказалось круглое желтое пшено. И тогда белобородый старик с золотым умом сказал, обращаясь к Мусе:

– Ты действительно украли у них верблюда, немедленно возврати назад!

– Эх, черт! Лишь на рассвете я ввел вашего верблюда в свой двор, а уже приходится возвращать! – сокрушенно проговорил Муса. – Идемте уж, заберете обратно. – Почему ты у этих троих стащил именно верблюда, а не что-нибудь другое? – спросил старик у Мусы.

– Говорят, и стащивший пуговицу – вор, и стащивший верблюда – вор. Вот я и решил: чем пуговицу похищать, умыкну верблюда, – отвечает Муса.

Я уже говорил вам о том, что перед тем оказался на пиру у некого бая. и только теперь почувствовал, что пьянею от выпитого там

хмельного. Хорошо еще, вместе с моими сапогами меня уложили спать в вашем дворце вместе с дочерью вашей Айбики.

Проснулся я в полночь и вижу. что сплю в объятьях Айбики. А снова проснулся на рассвете – нет Айбики! Оказывается, это джиги-пиги забрались к нам ночью и выкрали через окно эту чудную девушку. Тогда я быстренько натянул сапоги, взлетел на кобылу, чье вымя наливается молоком от ветра, которая жеребится от солнца, и пустился вдогонку за ворами.

Эх, скачу я, скачу! Оглянулся назад: оказывается, одолел расстояние с иглу. Горы одолел высокие, леса густые, реки и озера миновал, и вот оказался у одинокой избушки. Заглянул вовнутрь, а там сидит семиглавый аждаха. Одна из его голов яростно рычит, другая глотает людей, третья – зверей и животных, четвертая напевает мелодию, пятая придумывает частушки, шестая выдувает ветер или обрушивает ливни, а седьмая голова дышит так, что ее вздохи и выдоха помогают всем остальным головам в их злодейских делах.

«Или я, или головы злодея!» – воскликнул я и бросился на аждаху, обнажив саблю.

Я сражался так яростно, что с ходу отсек пять голов аждахи, а те две головы, что напевает мелодию и придумывает частушки, пожалел.

Я прошел в глубь избушки. Там встретила меня с улыбкой очень красивая девушка.

– Где тут моя Айбика? – воскликнул я с порога. – Я пришел сюда за ней!

– Я не знаю, – ответила мне девушка, – моя хозяйка увела ее куда-то. Потерпи, как только она вернется, мы все узнаем. – А потом добавила: – Знай: сила ее – в вилах.

Стоило ей произнести эти слова, как на дворе поднялась, забушевала лютая буря-вьюга, и две головы дракона дружно стали напевать мелодии и придумывать частушки.

Девушка шепнула, что это вернулась хозяйка дома и велела, мне спрятаться под печкой. Я тут же забрался в подпечье и стал ждать, что произойдет дальше.

Вот отворилась дверь и в дом вошло какое-то уродливое существо, которое оказалось дэвом: голова – что чугунный котел,

глаза – дыры от сучьев, борода висит, подобно половой тряпке, туловище напоминает бочку, в которой заваривают бражку; в одной руке держит вилы, другая трижды обвита вокруг пояса и засунута в карман.

Едва вступив в дом, он воскликнул:

– Фу, фу, человечинной пахнет!

Но девушка стала уверять, что никаких людей тут нет, и начала готовить ему на стол. – Я только что пообедал, – сказал дэв и стал своими вилами драить зубы. От взмахов его рук поднялась такая пыль, что я чуть не задохнулся. Не выдержал я и чихнул что есть мочи.

– Ага! Кто тут под печкой? Вылезай! – закричал дэв, А я продолжаю лежать, дышу сквозь уши. Тогда дэв подsunул руку под печку и стал там шарить. А я, не будь дурак, быстренько закрутил ту руку вокруг своей сабли – дэв и остался без одной руки. Дэв взвизгнул от боли, схватил свои вилы, но девушка взвизгнула еще громче:

– Брось вилы! – и закрыла своим телом отверстие под печкой. Тогда дэв отбросил свои вилы и стал душить девушку. А я того только и ждал; выскользнув из своего укрытия, я схватил вилы и пронзил ими волосатое тело чудовища, да так, что оно тут же испустило дух. Вот так я и не смог узнать, где находится моя Айбика. Что было делать?

– Где моя Айбика, говори скорее! – крикнул я, обращаясь к смелой девушке.

– Чем я хуже Айбики? – спросила она. – Женись на мне!

Если подумать, так оно и было: эта девушка не только не уступала Айбике, но даже превосходила ее. К тому же, спасла меня от смерти, закрыв своим хрупким телом от вил дэва. И еще потом: допустим, одолев тысячу бед и горя, отыщешь ту самую Айбику и вернешь ее в отчий дом, а отец возьми да и не отдай ее за тебя замуж!

Разве можно верить на слово хану?..

Тут-то и закричал хан, почти теряя рассудок:

– Да как я не выдам замуж! Обеими руками... Только отыщи ее во что бы то ни стало!

А Ерянсе-сэсэну только того и было надо! Он продолжает свое повествование, а хан слушает его, затаив дыхание:

– ...Нет, думаю, все равно надо отыскать Айбику. Что ни говори, она не кобыла, чье вымя наливается молоком от ветра, которая жеребится от солнца, а ханская дочь! А я – тот человек, который хоть одну ночь да с ней переспал. И потому я сказал той красавице: «Ну, сестренка, будь здорова!» и, взвалив вилы дэва на плечо, отправился, куда глаза глядят. И осталась девушка-красавица, проливая горячие слезы. Очень мне было ее жаль, и потому через какое-то время мелькнула у меня мысль: «А может быть, мне возвратиться к ней обратно?..»

Хан и на этот раз не утерпел.

– Ни в коем случае не возвращайся обратно! Поскорее находи мою Айбику! – закричал он истошным голосом.

– Зная, что ты, мой хан, произнесешь именно такие слова, я пересилил свое желание и двинулся дальше на поиски твоей дочери. Иду я, иду, и вот добрался до высокой и крутой горы. И вижу я на ее вершине чудесный дом, выстроенный из драгоценных камней. И я полез на ту гору, обдирая руки и ноги. Забрался я на ее вершину, и передо мной открылась прямая-прямая дорога. Но пройти по ней невозможно: вся она кишит ядовитыми змеями. Тогда я вспомнил о своих вилах, стал подхватывать ими тех змей и раскидывать по сторонам. Раскидываю я тех змей, а сам продвигаюсь вперед по очищенной дороге. Добрался до дома, хотел войти, но меня не пускают туда стоящие у входа стражники. Оказывается, у хозяина отдыхали в это время первая и девятая голова, и потому доступа в дом не было.

– Пустите меня или нет? – спросил я стражников. – Иначе я сдую ваш дом с вершины горы!

А те на меня ноль внимания. Тогда я подхватил вилами огромный камень и смахнул его с вершины горы. Задрожала гора, затряслась, и дом тоже затрясся, но устоял на месте. Стражники пришли в ужас и так и оцепенели на месте.

Я спокойно прошел мимо них, вошел в дом, и только было хотел открыть дверь в комнату, где обитал хозяин, как пришедшие в себя стражники набросились на меня сзади. Я отшвырнул их прочь теми же вилами дэва, а кое-кому из них дал почувствовать острие

того ножа, который ты мне подарил, когда выходил замуж за нашу енгей.

Вошел я в светелку хозяина, а им оказался теперь уже девяти-головый аждаха. Первая и девятая голова, бессильно повиснув на плечах, спали. При виде меня и моих вил глаза остальных голов аждахи вылупились, как гусиные яйца; лицо сморщилось, как вот это голенище моего сапога.

– Ты кто такой будешь? – спросил меня дэв. – Как у тебя оказались вилы, оставшиеся от моего отца? Ведь они принадлежали моему младшему брату!

– Я – тот человек, который явился, чтобы забрать Айбику. – отвечаю я ему. – А твоего младшего брата я убил вот этими же вилами. А будешь сопротивляться – я и тебе снесу головы одну за другой! Куда спрятал ханскую дочь? Отдай ее немедленно!

Аждаха в бессильной злобе скрежетнул зубами:

– Если бы не эти вилы в твоих руках, я разорвал бы тебя на мелкие куски! – И он вывел из другой комнаты двенадцать девушек, одна щека которых напоминала солнце, а другая – луну. Но только среди них не было твоей дочери, о, мой хан!

– Среди этих прекрасных девушек выбери себе по нраву, – сказал аждаха. – А Айбику я тебе не отдам.

– Нет уж! – отвечаю я ему. – Мне, кроме Айбики, никого не надо. Или ты отдашь мне именно ее, или я прикончу тебя этими вилами, как прикончил твоего младшего брата!

– Ты поступил, как истинный джигит-удалец! – воскликнул на этом месте хан.

– ...что оставалось делать аждахе? Вывел он и Айбику, и она с плачем бросилась мне на грудь. «Кабы не ты, пропала бы я, – причитала она, – отныне я твоя, а ты – мой!»

И пока мы стояли так, сжав друг друга в объятиях и шепча нежные слова, аждаха воспользовался этим и выкрал у меня волшебные вилы. Что было делать? Пускаться вдогонку за злодеем? И оставить Айбику одну в этом страшном доме?.. А твоя дочь хотела именно этого: чтобы я настиг и убил аждаху...

– Истинный джигит не станет слушать бабьих советов! – в нетерпении воскликнул взволнованный хан.

– Вот и я так подумал: подумаешь важность – вилы... Взял я Айбику за руку и повел домой... Вот так. Она теперь – в своей комнате, а я рассказываю ее отцу о наших злоключениях.

Даже после того, как Ерянсе-сэсэн кончил рассказывать, хан еще долго не мог прийти в себя, все блуждал мыслями далеко от дома. И лишь по прошествии какого-то времени встал он и обратился к Ерянсе-сэсэну с такими словами:

– Бог не дал тебе богатства, но не обделил богатством языка. За твой золотой ум и нужный дар речи я отдам тебе замуж свою дочь и вместе с ней – половину своих сокровищ!

Как братья огонь добывали⁶

Татарская сказка

Жили три брата: старший – Юхаби, средний – Юскаби и младший – Юркаби. Двое старших были умные, как отец, а младшего, Юркабй, все дурачком считали. Так и звали его – ухмах Юркаби. Это значит – дурачок Юркабй.

Однажды поехали братья в дальний лес рубить дрова на зиму. Мать положила им в лыковую суму хлеба да соли да разных припасов.

Вот братья приехали в лес и принялись за работу: дуб за дубом срубают, раскалывают да в кучу кладут.

День прошёл – не заметили. Уже и вечер наступает. Бросили братья работу, принялись готовить еду. Приготовили для похлёбки что надо, хватились – а огня-то и нет: позабыли взять с собой! И туда и сюда смотрят, и там и сям ищут – нигде нет огня. Не могут найти! Думали они, думали и говорят:

– Надо пойти поискать огонь где-нибудь поблизости!

Первым пошёл старший брат, Юхаби. Долго он шёл. Увидел высокий-превысокий дуб. Влез Юхаби на вершину дуба, стал озиаться кругом. Видит: далеко-далеко впереди, там, где заря пробуждается да с солнцем целуется, маленький огонёк светится.

⁶ Татарские народные сказки : пер. с тат. / сост. Х. Ярмухаметов ; худож. С. Забалуев. – переиздание. – М. : Дет.лит., 1976. – 191 с.

Спустился Юхаби с дуба и пошёл в ту сторону. Долго он шёл. Наконец пришёл на лесную полянку. На полянке огонёк горит, а у огня старик сидит: сам с кулачок, борода – с целую сажень. Юхаби просит:

– Дед, дай огня! – Старик на него взглянул и говорит:

– Сказку Расскажи, песенку спой да попляши, тогда и огня дам.

Юхаби отвечает:

– Ни сказки сказывать, ни песенки петь, ни пляски-игры вести я не умею.

– Коли так, нет для тебя огня! – сказал старик и скрылся из глаз.

Опустил голову Юхаби и вернулся ни с чем.

– Ты теперь ступай! – говорит он среднему брату.

Встал Юскаби и пошёл. Дошёл до высокого дуба, влез на вершину и увидел, как впереди, где заря пробуждается да с солнцем целуется, огонёк горит.

Спустился Юскаби с дерева, пошёл. Пришёл на полянку, а там старик сидит: сам с кулачок, борода – с целую сажень. Стал он просить у старика огня.

Старик говорит:

– Расскажи сказку, спой песенку да попляши, тогда и дам.

Юскаби ему в ответ:

– Ни сказывать, ни петь, ни плясать я не умею. Не учили меня.

– Коли так, нет для тебя огня! – промолвил старик и скрылся из глаз.

Опустил голову Юскаби и вернулся ни с чем.

– Пусть младший идёт!

Пришлось идти дурачку Юркаби.

– Ну, братцы, прощайте! Родные мои, будьте здоровы!

Сердечные мои, будьте живы! – сказал он и пошёл по тропке.

Шёл-шёл, пришёл к высокому-превысокому дубу. Поднялся Юркаби на вершину дуба и увидел вдали, там, где заря пробуждается да с солнцем целуется, – огонёк блестит.

Обрадовался Юркаби, пошёл он скорее на огонёк. Шёл он, шёл – и вышел на лесную полянку. На полянке перед костром старик сидит: сам с кулачок, а борода – с целую сажень.

Юркаби с ним здоровается, сладкие речи ему говорит:

– Как живёшь-можешь, дедушка? Будь ты жив да здоров ещё сто годов!

Говорит ему в ответ старик:

– Живу, дитяtko моё, пока можетcя! Куда, скажи, путь держишь, чего ищешь, голубь мой ясный?

– Чего ищу? Да вот какое моё дело, дедушка. Мы, три брата, в лесу работали, целый день трудились, гору дров нарубили. Вечер наступил – хотели было ужин сварить, да огня не оказалось – дома позабыли. Вот и пришёл к тебе за огоньком.

Выслушал старик и говорит:

– А ну, покажи, как ты плясешь, как поёшь и как сказки сказываешь, тогда с огоньком уйдёшь.

– Плясать и петь я не умею, – говорит Юркаби, – а сказку Расскажу хорошую. Только уговор такой: когда я буду говорить, ты – молчок, не перебивай меня. Если хоть одно слово против молвишь, дашь мне полную шапку денег и огня-пламени! Старик кивнул головой, бороду погладил – согласился.

Стал Юркаби сказывать сказку:

– Сел я однажды верхом на пегашку-кобылу, за пояс заткнул топорик и поехал в лес. Много ли, мало ли проехал, обернулся, смотрю – нет у моей кобылы задних ног, отрубил их топорик, и еду я только на передних.

Слышишь, дедушка, так ли это было?

– Слышу, сынок, слышу! Так было, дитяtko, так! – отвечает старик.

– Повернул я лошаdку, – продолжал Юркаби, – и поскакал искать её задние ноги. Скачу-скачу и вдруг вижу – задние ноги моей кобылки гуляют в каком-то табуне. Поймал я их и прибил дубовыми гвоздями к тому месту, где им быть положено. Потом снова сел верхом и поехал. Много ли, мало ли проехал – оглянулся назад и вижу: от дубового гвоздя в лошаdке росток пророс да как начал расти, как начал расти! До самых небес поднялся! Не долго думая полез я на этот дуб, добрался до вершины. Смотрю – как раз дверь в небо настeжь раскрыта. Сердце у меня забилось, застучало! Вхожу я на небо. Вижу – идёт дорога, гладкая, как река. Пошёл я по этой дороге.

Смотрю и вижу – посреди неба растёт красное дерево. А на дереве сидит золотая птичка. На груди у неё ожерелье сверкает, в ушах серьги горят, на руках – браслеты, на ногах – башмаки, кораллами расшитые, хвост у птички сияет и блещет, открытые губки улыбаются, глазки искрятся. «Ну, – думаю, – больно хороша эта птичка! Вот бы её поймать!» Протянул я к ней руки, а птичка вспорхнула и пропала. Темно стало, как под землёй.

Пошёл я обратно, а дороги-то не видно, и следов нет. «Где же, – думаю, – та дверь в небо, через которую я вошёл? Как мне её найти?»

Тут как раз вылетела золотая птичка и своими крыльями осветила всё небо. Вижу – стою я прямо у двери, через которую на небо попал. Глянул вниз – а моей кобылы нет, ушла она. «Эх, – думаю, – что же мне делать? Как на землю спуститься?»

В это время поднялась сильная буря, взвился вихрь к небесам, и подбросило к моим ногам целую охапку соломы. Из той соломы я свил себе верёвку. Один конец привязал к краю неба, а другой бросил вниз и стал по верёвке спускаться на землю.

Долго я спускался. Наконец добрался до конца верёвки и вижу: не достаёт верёвка до земли. Если броситься вниз – разобьёшься до смерти. Повис я на ней. Ветром-бурей меня и качало, и бросало, и повёртывало туда и сюда! Наконец веревка моя порвалась. А меня подхватил ветер и бросил в огромное море. Там в море водяные навоз возят. Там, дедушка, гляжу, запрягли тебя и послали меня навоз на тебе возить.

Не стерпел старик и крикнул:

– Что ты выдумываешь? Да я там никогда и не был!

А Юркаби и говорит ему:

– А если не был, дедушка, то следует получить с тебя шапку денег да огонь-пламя! Ведь таков наш уговор!

Нечего делать, отдал дед Юркаби сто рублей и огонёк дал, чтобы костёр развести.

Принёс Юркаби братьям и деньги и огонь.

Развели они костёр, стали кашу варить.

Как Таз рассказывал падишаху небылицы⁷

Татарская сказка

Был в давние времена один падишах. Каждый год созывал он рассказчиков из всех своих владений, ставил перед ними большую меру с золотом и объявлял:

Кто расскажет мне такую небылицу, что, послушав её, я крикну «не может быть», тот пусть возьмёт себе золото. А если я скажу «может быть», тогда рассказчик получит сотню ударов кнутом!

Каждый раз съезжались рассказчики небылиц и состязались в своём мастерстве перед падишахом, а он всё твердил: «Это может быть, это может быть!» – и жестоко наказывал рассказчиков, а золото оставлял себе.

Однажды падишах опять собрал жителей на площадь, поставил большую меру с золотом и стал вызывать рассказчиков небылиц. Но все боялись, никто не выходил рассказывать. Падишах рассердился, приказал жителей разогнать, а сам ушёл во дворец.

На второй день повторилось то же самое.

Вот собрал падишах жителей третий раз. Все сидят и молчат. Вдруг на середину площади выходит хитрый джигит – Таз. Подошёл Таз ближе к падишаху и стал рассказывать:

– О великий падишах! Мы с бабаем переселились в эти края тогда, когда ещё мой отец не родился. Поставили мы несколько ульев и развели пчёл. Мы знали, сколько пчёл живёт в каждом нашем улье.

– Это может быть! – сказал падишах.

– Каждый день мы пересчитывали своих пчёл, – продолжал Таз рассказ, боялись, как бы не потерялась какая-нибудь пчела. Однажды вечером стали мы считать и недосчитались двух пчёл. Бабай очень рассердился и послал меня искать их. Вот я и пошёл. Долго я ходил, а пчёл найти не мог. Устал я очень, снял сапоги и лёг спать под кустом. Вдруг около меня поднялся какой-то шум. Я проснулся и вижу – мои сапоги дерутся.

⁷ Татарские народные сказки : пер. с тат. / сост. Х. Ярмухаметов ; худож. С. Забалуев. – переиздание. – М. : Дет.лит., 1976. – 191 с.

На этом месте падишах остановил Таза и сказал:

– Это может быть!

А Таз будто не слышит – рассказывает дальше:

– Я разнял сапоги, надел их на ноги и пошёл по полю. Шёл я, шёл и дошёл до леса. А в лесу что-то сильно шумит. Я сразу понял, что это жужжит одна из наших пчёл. Вошёл я в лес и вижу – идёт драка: два волка напали на нашу пчелу. Как увидели меня волки, испугались и убежали. Я осмотрел пчелу, вижу – у неё сломана одна лапа. Чтобы она могла ходить, я привязал ей вместо лапы палку и приказал лететь к бабаю.

– И это может быть! – сказал падишах.

– погоди, – сказал Таз, – послушай, что дальше было! Пошёл я искать вторую пчелу – ведь если не найдёшь, то бабай будет ругать и накажет. Вот шёл я, шёл и наконец встретил стадо свиней. Стадо пас страшный, горбатый старик: глаза у него слезятся, волосы сбились, одет он в старые лохмотья. Подошёл я ближе и узнал в нём твоего отца, падишах! Да, это был покойный твой отец, наш старый падишах.

Тут падишах вскочил со своего места и закричал:

– Не может этого быть! Не может этого быть!

Тогда люди зашумели, заволновались, а Таз взял скорее меру с золотом и ушёл с площади.

Прим. Таз – плешивый хитрец; здесь – хитрый, веселый джигит.

Сорок одна небылица⁸

Марийская сказка

Три брата рубили в лесу дрова. Пришло время обедать. Стали братья обед варить: набрали воды в котелок, разложили костер, а разжечь его нечем. Как на грех, ни один не взял из дому ни кремня, ни спичек. Посмотрели вокруг и видят: горит за деревьями костер, и сидит возле огня старик. Старший брат пошел к старику и попросил:

– Дедушка, дай огоньку!

– Расскажи сорок одну небылицу – дам, – ответил старик.

Постоял-постоял старший брат, ни одной небылицы не придумал. Так и вернулся ни с чем. Подошел к старику средний брат.

– Дай огоньку, дедушка!

– Дам, если расскажешь сорок одну небылицу, – ответил старик. Средний брат почесал в затылке – ни одной небылицы не придумал и тоже вернулся к братьям без огня. Подошел к старику младший брат.

– Дедушка, – говорит младший брат старику, – собрались мы с братьями обед варить, да огня нет. Дай нам огня.

– Если расскажешь сорок одну небылицу, – говорит старик, – дам тебе огня и еще вдобавок котел и жирную утку, что варится в котле.

– Ладно, – согласился младший брат, – расскажу я тебе сорок одну небылицу. Только, чур, не сердись.

– Да кто же на небылицы сердится!

– Ну ладно, слушай. Родилось нас у отца-матери трое братьев. Умирали мы один за другим, и осталось нас семь человек. Из семерых братьев один был глухой, другой – слепой, третий – хромой, четвертый – безрукий, а пятый – голый, ни клочка одежды на нем. Однажды мы собрались ловить зайцев. Опутали мы одну рошу нитками, а глухой брат уже зайца услышал. «Вон-вон, там шуршит!» – закричал он. А тут слепой зайца увидел: «Ловите, он в овраг побежал!» Побежал хромой вдогонку за зайцем – вот-вот поймает... Только безрукий уже схватил зайца. Положил голый зайца в подол и принес домой.

Зарезали мы зайца и натопили из него пуд сала. Была у нас на всех одна пара отцовских сапог. И стал я тем салом отцовские сапоги смазывать. Мазал-мазал – хватило сала только на один сапог. Рассердился несмазанный сапог и убежал от меня. Сапог бежит, я – за ним. Прыгнул сапог в какую-то дыру под землю. Свил я веревку из мякины и за сапогом спустился. Тут и поймал его. Стал я назад вылезать, да веревка оборвалась, и свалился я опять под землю. Сижу я, сижу в дыре, а тут весна наступила. Свил себе журавль гнездо, вывел журавлят. Повандилась за журавлями лиса лазить:

⁸ Марийские народные сказки / сост. В. А. Акцорин. – Йошкар-Ола, 1984. – 286 с.

сегодня одного утащит, завтра – другого, послезавтра за третьим приходит. Подкрался я однажды к лисе – и хватить ее за хвост!

Побежала лиса и меня за собой потащила. У выхода я застрял, а лиса рванулась – и хвост оторвался.

Принес я домой лисий хвост, распорол его, а внутри лежит бумажка. Развернул я бумажку, а там написано: «Старик, который варит сейчас жирную утку и слушает небылицы, должен твоему отцу десять пудов ржи». – Вранье! – рассердился старик. – Небылица!

– А ты и спрашивал небылицы, – ответил младший брат. Нечего делать старику, пришлось отдать огонь, котел и утку.

Пчелиный сторож⁹

Марийская сказка

Когда-то у моего отца была пасека. Всем своим пчёлам отец давал имена: одну звал Анной, другую – Майрой, третью – Тайрой. Всем дал он какое-нибудь имя. Однажды послал меня отец караулить пчел. А пасека, надо сказать, была за речкой Вяткой. Подошёл я к речке и вижу: на том берегу Вятки огромный медведь поймал пчелу Тайру и раздирает её на части. Что делать? Я туда, сюда. Бегал-бегал, искал лодку – не нашёл. Схватил я себя за волосы и перебросил на другой берег. А медведь совсем уж Тайру разодрал, только валяются на земле её крылья. Собрал я пчелиные кости и стал складывать из них поленицу. Складывал-складывал – выросла моя поленица до самого неба, упёрся я головой в облако. Тут подул ветер, и я рухнул вниз, на землю. Упал я вниз, угодил в болото и увяз в нём по пояс.

Барахтался-барахтался – никак не могу выбраться. Что делать, думаю? Сбежал домой за железной лопатой, еле-еле откопал себя. А если бы не откопал, наверно, там и погиб бы я. А медведь к этому времени съел Тайру, объелся – пошевелиться не может. Развалился он на лужайке да греет своё толстое брюхо на солнышке. – А-а-а! – закричал я. – Попался! Медведь вскочил – и бежать! Медведь бежит, я – за ним, медведь – бегом, я – скоком, медведь – скоком,

я – бегом. Вот-вот догоню его. Да тут оказался на пути дуб, а в том дубу – дупло. Медведь – туда! Подошёл я к дубу, смотрю: дупло-то маленькое, даже мой палец – и тот не лезет. Что делать? Тогда разбежался я и прыгнул в дупло с разбега – прямо к медведю. Схватил его за бороду и говорю: – Вот теперь попался! Хотел его оттуда вытащить, да дыра в дупле мала: и самому не выйти, и медведя не вывести. Что делать? Подумал, подумал я, сбежал домой, принёс пилу с топором, свалил дуб и вышел из дупла. Вышел сам и медведя вытащил. Стал медведь со мной бороться. Я тогда ещё маленьким был, силёнки было мало. Разодрал меня медведь и проглотил. Вот сижу я в животе у медведя и задыхаюсь. Что же делать? Сбежал домой, принёс острый нож и распорол медвежье брюхо. Распорол его, снял шкуру, внутренности вытащил, разрезал кишки. Еле-еле отыскал себя в медвежьем желудке. Если бы не нашёл, наверно, там бы и сдох. Спас себя от медведя и пошёл на пасеку пчёл сторожить. Пришёл и вижу: летает Тайра вместе с другими пчелами, как ни в чём не бывало. Наверное, и сегодня летает. Сказка туда, а я сюда.

В трех неправдах по сорок небылиц¹⁰

Узбекская сказка

Было то или не было, сытно ли голодно, волк был бакаулом, лиса – ясаулом, гусь – горнистом, утка – флейтистом, ворон – знахарем, воробей – сплетником.

В древние времена жил падишах. У него была дочь на выданье. Из многих стран приезжали сыновья шахов и ханов сватать ее, но царевна была очень разборчивая и не соглашалась выходить замуж.

Вызвал падишах дочь и сказал:

– О свет моих очей! Всех падишахов я известию, что ищут тебе мужа, сколько храбрых джигитов приезжает. Ты всем отказываешь. Что за причина?

⁹ Марийские народные сказки / сост. В. А. Аккорин. – Йошкар-Ола, 1984. – 286 с.

¹⁰ Узбекские народные сказки / Перевод С. Паластрова, М. Салье, Л. Сацердотова, И. Швердиной, А. Мордвилко, Н. Ивашева. – М., 1955.

Отец мой! – отвечает дочь. – Кто придумает три неправды и в каждой до сорока небылиц да сумеет складно рассказать.

Послал падишах повсюду глашатаев и приказал им объявить:

– Кто придумает в трех неправдах по сорока небылиц, за того я выдам дочь.

Со всех сторон стали приезжать женихи и сочинять небылицы. Падишах собрал всех мудрецов государства и объявил:

– Если кто расскажет в трех неправдах по сорока небылиц, и это доподлинно будет ложь – скажете, что ложь, а если правда – скажете, что правда. Если же вы правду назовете ложью, отрублю вам головы и имущество отдам на разграбление.

Каждый жених рассказывал придуманные им небылицы. Всякий раз, когда падишах спрашивал у мудрецов: «Ложь это или правда»? – они отвечали: «Так бывает».

Много падишахов и сыновей шахов приехало и уехало ни с чем.

В городе жил бедный юноша. Однажды пошел он собирать в горы хворост и слышит – шахские глашатаи кричат:

– Кто сочинит в трех неправдах сорок небылиц, тот получит в жены царскую дочь!

– Ой! – воскликнул бедняк. – Да тут есть о чем поговорить.

И бедняк отправился во дворец.

– Эй, вонючий нищий, горький нищий, зачем пришел? – накинулись на него стражники и не пустили его через порог.

– У меня есть просьба к падишаху, – сказал юноша.

– Какая может быть просьба у нищего? Ступай, ступай, не задерживайся.

– Да я пришел сказать, что у моего хозяина двести баранов, которых он должен отдать за налог падишаху, – почтительно сложив руки, сказал юноша.

Тотчас же один из стражников побежал к падишаху и доложил:

– Великий шах, пришел какой-то нищий и говорит, что у его хозяина есть двести баранов для падишаха.

Шах обрадовался: – Зови-ка его сюда.

Позвали юношу. Потирая руки, падишах закричал:

– Эй ты, раб, где твои бараны? Бедняк стал рассказывать:

– О могущественный из шахов – дозвоьте слово сказать.

Я бедный неимущий сирота. Был я у отца один, братья мои умирали, умирали, а выжило нас трое. Мы все три брата друг друга не видели, не знали. Вдруг нашли друг друга, поздоровались. Смотрю – у одного из нас на халате нет ворота, у другого – рукава, у третьего – полы. «Слепой слепого впотьмах найдет», – вот и мы трое сошлись, подружились и пошли, не ступая по дороге и не выходя на обочину.

Смотрим – лежат на земле три денежки: две совсем-совсем стертые, а одна без надписи. Мы подняли денежку, ту, что без надписи, и пошли дальше. Шли дорогой, шли, много прошли. Шли-шли, спустились в лощину. Видим – в речке лежат три пескаррика. Два подохшие, а один мертвый. Взяли мы мертвого пескаря, положили в полу халата тому брату, у которого халат был без полы. Пошли по дороге. Шли-шли, увидели перед собой три дома: два без кровли, а один совсем без крыши. Вошли мы в тот, у которого не было крыши, увидели там три котла, два – все в дырах, а один без дна. Взяли мы мертвого пескаррика, положили в котел без дна, налили воды и начали варить. Поискали хворост, ни одного прутика не смогли найти. Сварили пескаррика без огня. Жара не пожалела – кости разварились, а мясо сырое осталось. Мы все трое ели-ели, наелись, брюхо себе наели. Хотели выйти, а в дверь никак не можем пролезть. Нашли в стене щелку, вышли на улицу и пустились в путь. Шли дорогой, шли, много прошли, пришли в степь. Видим – в траве лежит детеныш неродившегося зайца. Взяли мы неотрубленную ветку непосажениого тополя; вырезали дубинку и ударили зайчонка. Он три раза перекувыркнулся и упал. Мы поймали его и зарезали. Вышло из зайчонка шесть пудов сала, шесть пудов мяса.

Мясо мы не варили, не сушили, а взяли и все сразу съели, но не наелись, остались голодными. Оба моих старших брата рассердились, поссорились со мной и ушли.

«Сало осталось мне», – обрадовался я. Снял я свои сапоги, стал мазать салом. Все шесть пудов сала извел только на один сапог, а на другой не хватило. Устал я здорово и уснул. Вдруг слышу: шум, гвалт, возня. Вскочил я с постели, смотрю, а это мой смазанный сапог дерется с несмазанным. Я стукнул оба сапога кулаком по

скулам и опять лег, уснул. Просыпаюсь продрогший среди ночи, а мой смазанный сапог стянул с меня халат, которым я укрылся, разложил подол в ширину, укрылся и спит, а несмазанный сапог разозлился и ушел. Разбудил я смазанный сапог и надел на ногу. Подоткнул назад за пояс полу халата, у которого не было полы, и пришел домой. Когда я уходил, дома оставались старуха мать и петух. А теперь, когда вернулся, нет ни старухи, ни петуха. Глянул – и второго сапога нет. «Что за горе? Где я их найду?» – сокрушался я и пришел к вашим чертогам. Хотел вам пожаловаться. А у ворот стояли ваши слуги и меня никак не пускали. Опустил бедняк голову и замолчал.

Удивился падишах словам бедняка, посмотрел на мудрецов.

Те поднялись и низко поклонились падишаху:

– О падишах, все, что рассказал этот собачий сын, – вранье. Так он и про тех хозяйских баранов скажет, что потерял их.

Падишах закричал: – Где бараны? Тебе говорят!

– Дозвольте, великий шах, слово сказать. Когда твои стражники меня не пустили в ворота, я совсем расстроился и пошел искать свою старуху мать, петуха и второй сапог. Шел я дорогой, шел, много прошел, добрался до одного кишлака. Поискал, порасспрашивал, нашел своего петуха. Он баю землю пахал. Обнялись, поздоровались. За шесть месяцев петух заработал одну мешочную иглу, да и ту хозяин дома держал у себя. Поругался я, поскандалил с хозяином и заставил его отдать иглу. «Идем со мной», – говорю петуху. – «Нет, – говорит, – я нанялся на шесть месяцев; три месяца уже прошло; кончится срок, получу деньги и приду сам». Взял я иглу, попрощался с петухом, пришел домой, а дом пропал, точно провалился. Совсем тяжело стало у меня на душе, пошел искать свою старушку мать и второй сапог. Поднялся на бугор, посмотрел – не видно. Поднялся на холм, посмотрел – не видно. Вернулся в долину. Воткнул в землю иглу, влез на нее, посмотрел, вижу, – моя старушка мать стирает белье на берегу Сырдарьи. Взял я иглу и пошел. Сколько гор, сколько холмов я прошел, пока добрался до моей старухи. Оказывается, когда она меня потеряла, то стала служить в чужом доме. «Идем», – говорю я.

– Не уйду, пока не получу заработанных денег, – говорит она. – За три года работы я заработала на три месяца пропитания. Ты

иди, мне осталось три месяца поработать, я приду сама».

Я подоткнул полу халата, у которого не было подола, хлопнул себя по лбу, повернулся и пошел. Прошел немного, а река разлилась и снесла мост. Стояли жаркие дни, я томился жаждой. Захотел напиться воды, а река-то замерзла. Хотел разбить лед, не мог найти на каменистой почве ни одного камня и пробил лед своей головой. Всунув в прорубь голову, напился воды и отправился дальше. По дороге вспомнил про иглу. Вернулся на берег. Смотрю – нет моей иглы. «Даже и этого я лишился», – погоревал я и пошел к матери. У нее уже закончились три месяца срока найма. Но когда она попросила плату, хозяин закричал на нее: «А, и тебе плату? – да как стукнул ее, так и убил. «Что за горькая жизнь? – сокрушался я и пришел к вашим чертогам, великий шах, вам жаловаться. Но меня не пустили в ворота.

Кончил бедняк говорить и опустил голову.

Еще больше удивился шах и посмотрел на своих мудрецов.

Самый мудрый из мудрецов поднялся, низко поклонился падишаху и сказал:

– Великий падишах, не верьте этому сыну собаки, а потребуйте баранов. Этот босьяк врет. Скажет еще, что баранов украли.

Бедняк заговорил в третий раз:

– О великий шах, дозвольте слово сказать. Когда меня не пустили во дворец, я решил сам пойти поскандальить и пришел к хозяину, который убил мою старуху мать.

«Отдай плату старухи, уплати за кровь убитой!» – закричал я. Схватил хозяина за шиворот, вытащил его на улицу. Собрался народ, решил спор в мою пользу. Дал хозяин мне одного осла. Я сел на осла и поехал домой. Еду-еду, вижу – по дороге идут сорок караванов. Старшина каравана мне крикнул: «Эй, ты, твой осел стер спину! Сойди да поправь потник!» Я сошел, вижу – у осла рана на спине. «Эй, а какое лекарство от этого?» – спросил я. Старшина каравана ответил: «Сожги вот этот орех, приложи пепел к ране – поправится». Сжег я орех, посыпал пеплом рану осла. Только хотел положить потник, смотрю – из раны растет зеленая орешина. В два счета разрослась, зацвела. Глядь, уже орехи спели. «Как быть? – думаю. – Если я полезу на дерево и потрясу – покалечу спину осла. Лучше буду сбивать орехи камнями». Отвел осла в поле, где камней нет. Засучил рукава и начал бросать камни в орешину. Ни один камень не падает назад, ни один орех не падает на землю.

Я все бросаю камни, бросаю без устали. Смотрю – камней не осталось. «Делать нечего, теперь полезу сам!» – решил я. Влез на орешину, вижу – там целое бахчевое поле, и с края участка журчит в арыке вода. «Вот где хорошо посеять арбузы», – подумал я и посадил арбузные семена. Ну и арбузы же выросли. Руками не обхватишь. Сел я на берегу арыка и только тронул кончиком ножа арбуз, как арбуз раскололся и нож упал внутрь арбуза. Я нагнулся, хотел его достать и сам упал туда же. Хожу ищу там нож. Встречаю человека, спрашиваю: «Уважаемый, вы не видели на дороге нож?» – «Вы только ножик разыскиваете? – спрашивает старик. – Нас было сорок караванов, в каждом по сорок верблюдов. Мы все растерялись, я никого не могу найти». Я пришел, о падишах, в ваши чертоги рассказать об этом несчастье.

Кончил говорить бедняк и опустил скромно голову.

Падишах задумался. Один из мудрецов поднялся и низко поклонился.

– Великий шах, – заговорил он. – Дайте из казны этому сыну собаки пару монет и выпроводите его отсюда.

А дочь падишаха стояла за дверью и все слышала. Выбежала она к отцу и сказала: – Он выполнил мои три условия. Ничего, что он бедняк, я за него пойду.

Тут бедняк поклонился падишаху.

– О великий шах, в горах я немало лет пасу стадо своего хозяина. Мне должен хозяин уже двести барашков. Он не отдал мне этих барашков и прогнал. Взыщите с моего хозяина этих барашков, я дарю их на свадьбу.

Падишах устроил пир-веселье, выдал дочь за бедняка.

Мы там были, плов ели, усы, бороду салом измазали.

Лжец Кутайба¹¹

Казахская сказка

В давние времена в городе Багдаде жил богач по имени Пирмалик. Торговал он золотом, серебром и другими товарами. Все у

него было хорошо, одно только огорчало: жена до сих пор не родила ему ни сына, ни дочери.

Однажды Пирмалик купил на невольничьем рынке раба, который вскоре стал доверенным. Бай настолько привык к нему, что даже считал его своим сыном. Прошло несколько лет, как вдруг доверенный заболел и неожиданно для всех умер.

После его смерти Пирмалику показалось, что все теперь пропало и добро пойдет по ветру. Бай предался печали. Неделью горевал, ничего не ел и не пил и был уже близок к тому, чтобы потерять сознание. Обеспокоенные соседи, друзья и приятели, близкие и родные собрались у постели больного, чтобы утешить его и дать совет:

– Баеке, хорошего работника дал вам сам аллах, сам и забрал его, потому не следует так убиваться. Лучше поискать другого раба, может быть, вам повезет и вы встретите человека не хуже прежнего.

Бай в тот же день отправился на невольничий рынок. Долго бродил по базару, однако ни один раб не пришелся ему по нраву.

Богач в отчаянии направился дальше. Во многих городах побывал он, пока не очутился в Муллатии, где встретил огромную толпу рабов, выведенных на продажу.

Пирмалику опять же ни один из них не понравился. Тогда подошел к нему работороговец и сказал, что у него есть раб, но стоит он тысячу дильда. Богач пожелал немедленно купить его и обратился к рабу с такими словами:

– Светоч мой, стоишь ты очень дорого, но я куплю тебя и сделаю своим сыном, если сможешь угодить мне. Недавно я лишился управляющего, человека умелого и понимающего в торговле. Именно такого мне хочется купить.

Тогда раб сказал баю:

– Господин, меня продавали восемь раз, и всегда возвращали за мои проделки и ложь. Создатель наградил меня неизлечимой лживостью, которая въелась в самые кости, но не указал пути к исправлению. Я способен справиться с любым делом. В счете я быстр и ловок. Знаю достоинства и изъяны драгоценных камней. Все подвластно моим рукам, но ложь всегда мешала мне.

¹¹ Казахские народные сказки. Кн. 2 / ред. И. Хасенова ; худ. Х. Ахметжанов. – Алматы: Балауса, 1994.

Не поверил бай словам раба и решил проверить его умение: показал множество драгоценных камней, дабы тот определил их ценность, чистоту воды и стоимость, расспросил о местах, где добываются те или иные самоцветы, и остался доволен ответами. Человек этот, казалось, знал то, чего никто не мог знать.

Бай готов был заплатить за раба и десять тысяч, если бы с него потребовали такую немыслимую цену. Вида он не показал, но беспокоился тем, как бы кто-нибудь другой не опередил его и тут же позвал работоторговца, чтобы немедленно заключить сделку.

Работоторговец решил еще раз предупредить богача:

– Господин, видно большая вина тяготит душу этого раба, какой-то грех гложет.

Прежде чем покупать его, подумайте хорошенько. Как бы не пришлось завтра же жалеть об этом.

– Каждый, кому приходилось покупать меня, клялся не верить моему вранью, но моя ложь настолько красноречива и убедительна, что все они тут же забывали о своей клятве, – добавил раб.

– Но как, же быть, если не верить?! Ведь я собираюсь поручить тебе свои торговые дела, весь скот, все хозяйство, сделать главным над рабами. Так зачем же я буду покупать тебя, если ты неисправимый лжец, безудержный бахвал, – сказал бай.

– Баеке, я вру так складно, что все верят мне. К тому же мое вранье отличается от лжи обычных людей. Я лгу для собственного удовольствия и поэтому вам нечего опасаться – Так что заплатите требуемую сумму и используйте меня с выгодой.

Может, я принесу вам дохода в сто тысяч дильда, – заявил раб.

– Светоч мой, слова твои тронули мое сердце. Поклянись, что ты бросишь лгать.

Ведь я могу и вовсе дать тебе свободу, это в моих руках. Слава аллаху, в преславном городе Багдаде из всех богачей я самый богатый. А зовут меня Пирмалик, – сказал богач.

– Господин, я не в силах отказаться от лжи, – молвил раб, – таким меня создал сам аллах. Я заболею от скуки и лопну от досады, если не совру.

– Душа моя, так и быть, я куплю тебя, но ты обещаю не лгать десять лет, – сказал ему бай.

Раб ответил на это:

– Баеке, вы мне тоже понравились и я не хочу вас обижать, но вряд ли я смогу воздержаться от лжи.

Таким образом, торгуясь и споря, они решили, что раб в течение пяти лет не будет лгать, а по прошествии этого срока бай не станет ему во всем безоговорочно верить. Клятву свою они закрепили в мечети в присутствии имама.

Заплатив за раба тысячу золотых дильда, бай вернулся домой и устроил его помощником к одному из своих торговцев. Кутайба оказался опытным и удачливым. Все поручения выполнял умело и безупречно. Он сумел продать даже те товары, которые залежались на складах. Все спорилось в его руках.

Очень понравилась баю сметливость раба, и снабдив его драгоценными камнями, золотом и серебром, отправил в дальние земли.

Через месяц вернулся раб, продав все товары с большой выгодой, а то что привез с собой, население города Багдада раскупило за десять дней да, притом, по очень дорогой цене.

Таким образом, с появлением Кутайбы казна бая в самый короткий срок увеличилась, дохода стало так много, что Пирмалик потерял счет своему богатству. Все стали называть Кутайбу господином, да и сам Пирмалик не предпринимал важных шагов без совета с Кутайбой.

Через год знатность раба сравнялась с авторитетом самого бая. Все стали считать прекрасно одетого и образованного Кутайбу сыном бая Пирмалика. Так и жил Кутайба. О давнем его пороке бай и вовсе забыл.

В один из дней Кутайба тяжело заболел, дошел до крайнего истощения и не смог уже заниматься повседневными делами. Навестив его, бай спросил с тревогой: – Светоч мой, у тебя где-нибудь болит?

– Нет, ничего особенного, я просто так прилег, – отвечал Кутайба, широко зевнул, застонал, завздыхал, с трудом поднялся на ноги и отправился на работу.

Однако после этого Кутайба изменился: стал допускать ошибки в счете, говорить какие-то необдуманные слова.

В один из дней бая Пирмалика пригласил в гости сам халиф. Он обещал принять его в саду, который находился в семи верстах от города.

На следующее утро празднично одетые Пирмалик и Кутайба выехали из ворот города, направляясь в сад. Вскоре они были на месте.

Бай поздоровался с халифом, с визирями и почтенными баями и сел с ними на почетное место. Кутайба смешался с ханскими и байскими сыновьями, стал шутить и веселиться, петь песни. После обеда гости стали благодарить хозяина и просить разрешения разъехаться, халиф взмолился:

– О дорогие гости! Я прошу вас переночевать сегодня здесь, а завтра после обеда можете ехать по своим домам.

Гости вняли просьбам хозяина и решили остаться у халифа. Бай Пирмалик вызвал к себе Кутайбу и сказал:

– Если хочешь вернуться, светоч мой, то уезжай. А коли желаешь остаться с нами, отведи домой моего коня, а к вечеру возвращайся сюда.

Кутайба помялся и сказал:

– Слушаюсь, господин, – вышел во двор, взял в повод байского коня и двинулся в сторону города.

Приблизившись к байскому двору, Кутайба стал отчаянно причитать и вопить. Едва слуги открыли ворота, Кутайба спрыгнул с коня, и зарыдал:

– Ойбай, что же мне делать, лишился я своего милосердного хозяина Пирмалика. О мрачные тучи, черные, как закопченный казан!

Услышав вопль Кутайбы, заплакала и жена бая Пирмалика. Зарыдали, заголосили слуги. Все были в горе, растерянности. Стали расспрашивать Кутайбу, а тот только причитал:

– Лишился бая, потерял хозяина! О черные тучи! – и плакал, не переставая.

На крики сбежались испуганные соседи, и вскоре двор наполнился людьми:

– Скажи, родной, что случилось? – спрашивали они, а тот лишь кричал, что потерял хозяина. Некоторые люди подходили к нему, утешали и призывали к терпению:

– Родной, возьми себя в руки, успокойся и расскажи нам подробно, что же случилось?

– Ой, люди! Когда мы с баем возвращались из гостей, в небе показалось что-то черное, как свинцовая туча, потом раздался треск и грохот, сверкнуло пламя. То ли звезда пронеслась, то ли выстрел прогрохотал, но над головами будто взорвалось что-то и вырвало бая из седла, швырнув наземь. Когда все утихло, я спешился и побежал туда, где был хозяин, но бая нигде не было, и только кругом валялась его одежда. Я чуть не обезумел от страха, бросился к коню и прискакал сразу к вам. О, что нам теперь делать? О бедный бай, заменивший мне родного отца! – Еще пуще завопил Кутайба и стал рвать на себе одежду и бить себя кулаками по темени.

Все собравшиеся громко заплакали. Байбише расцарапала себе в кровь лицо и бегом бросилась туда, где нашел кончину ее почтенный супруг. Соседи, слуги, рабы тоже кинулись за ней.

Один старец подошел к Кутайбе и сказал:

– Веди нас туда, где погиб твой отец, иначе байбише может уйти в другую сторону.

Кутайба подавил рыдания, всхлипывая, взобрался на коня, обогнал вопящую и стонающую толпу и крикнул:

– Люди, идите прямо по этой дороге! – а сам погнал своего коня вперед, направляясь к саду, где отдыхали важные гости. Приблизившись к саду, он снова стал рвать на себе одежду и завопил:

– О наш бедный двор! О наш родной дом! Бедная байбише, всех вас я лишился!

Продолжая стонать, он слетел с коня, повалился на землю и принялся плакать еще горше.

Все гости халифа всполошились и перепугались, не зная, какая беда ворвалась в их жизнь, что за напасть приключилась, и были изумлены до немоты. Иные осмелились приблизиться к рыдающему Кутайбе и спросили с робостью, какое несчастье свалилось на них. Но Кутайба, занятый плачем, ничего им не отвечал. Почтенные люди окружили Кутайбу:

– Прекрати плач, родной! Успокойся и расскажи, что случилось? – стали спрашивать они.

Кутайба с трудом сдержал рыдания и стал рассказывать:

– О-о-о, когда я выехал отсюда в неведении и беспечности и собрался въехать в ворота нашего дома, что-то сверкнуло, затрещало

и загремело с оглушительной силой. Я потерял сознание и упал на шею коня. Через какое-то время я словно пробудился от сна, сознание вернулось ко мне, и я обнаружил, что лежу у копыт коня. Тут же вскочил, взобрался на него и помчался к дому, хотел уже было въехать в ворота, но ни дома, ни ворот не оказалось, все сгорело дотла. Чуланы, магазины, хозяйские палаты – все было уничтожено небесным огнем. Только пепелище и осталось.

Сам я очень испугался, задрожал от ужаса и горя, но нашел силы повернуть коня и вот примчался к своему хозяину, – снова горько зарыдал Кутайба. Люди от изумления схватились за отвороты халатов:

– О Аллах, что за наказание!

Все стали высказывать соболезнование баю Пирмалику, утешать его в беде.

Великий халиф сам подошел к баю, чтобы высказать слова утешения:

– Не гневайтесь на судьбу, не ропщите на провидение. Не только население Багдада, но и весь арабский народ придет вам на помощь в вашем несчастье. Я и сам помогу вам деньгами из своей казны и тут же сказал стоявшему рядом казначею:

– Завтра же выдай баю Пирмалику сто тысяч золотом.

Гости халифа тоже стали жертвовать по тысяче, десять и по пятнадцать тысяч, обещая еще большие средства. Пирмалик хоть и не заплакал, но на душе у него было пасмурно, печаль сжала сердце. В большом горе и отчаянии он направился пешком в сторону города, и все гости, переполненные сочувствием, последовали за ним.

Вскоре они приблизились к толпе рабов, соседей и близких бая Пирмалика. Впереди всех шла байбише, обезумевшая от горя.

Она прошла мимо Пирмалика, не узнав его, так как слезы текли из ее глаз непрерывным ручьем. Но Пирмалик узнал свою жену, схватил ее, крепко обнял и не выдержав зарыдал в голос.

Он увидел свою жену, так зачем же ему богатство, дом и скот?

– Ты жива, оказывается! Вот счастье!

Тут и байбише пришла в себя и поняла, что видит Пирмалика целым и невредимым.

– Ой-ой! Оказывается, ты жив! – вскричала байбише, не в силах произнести больше ни слова.

В это время обе толпы встретились и стали с беспокойством расспрашивать друг друга о том, что же в конце концов случилось. Наконец выяснилось, что всех обманул Кутайба.

Больше всех разгневался хан Абдулгази. Он повелел вызвать верховного судью и призвать к ответу лжеца Кутайбу и судить его по самым строгим законам.

На том месте, где открылась ложь раба, установили виселицу.

Верховный судья перед казнью решил выслушать Кутайбу и призвал его к себе.

Кутайба пробрался к судье и уселся в приготовленное кресло. Увидев его, бай Пирмалик не выдержал и плюнул ему под ноги:

– Ох дурак! Ох и дурак же ты! До чего довела тебя твоя глупость! Кутайба нимало не смутившись, отвечал:

– Не я дурак, а ты глупец! Ну и пес же этот Пирмалик, поверивший в одну-единственную ложь, – повысив голос, обратился он к народу, онемевшему от такой наглости.

– Молчи! – прикрикнул на него судья.

Начался разбор дела. Сначала высказался Пирмалик, затем велели говорить Кутайбе.

Ответ его был таков:

– Аллах наградил меня неизлечимой болезнью, когда создавал, поскольку сам был в лживом настроении. Я лгу без удержу и с вдохновением. Об этом пороке знал и Пирмалик, но купив меня, он просил и умолял не лгать пять лет. Я дал такую клятву перед имамом и был бы виновен, если бы в течение пяти лет не удержался и солгал или преступил клятву. Так вот судите сами, кто из нас двоих виноват. Это Пирмалик поверил лжи, забыл о нашей клятве и взбодоражил народ. Да к тому же я придумал самую безобидную ложь, маленькую, как пуговица. Если бы я помедлил еще один день, я бы умер, не выдержав этой пытки. Или сказал бы такую страшную ложь, которая оказалась бы бедой для всех. Но я не сделал этого, ибо почитаю вас всех.

С этими словами Кутайба достал из-за пазухи бумагу, свидетельствующую о правдивости его слов. Судья прочитал документ

и убедился, что все сказанное рабом – правда. С того дня, как он дал клятву, прошло, оказывается, пять лет и пять дней. Эту бумагу по очереди прочли все, и Кутайба был освобожден.

А бая Пирмалика заставили выплатить все, что тот задолжал своему рабу.

Обманщик обманщиков¹²

Казахская сказка

Сколько безбородый, безусый и безбровый Алдар-Косе ни скитался на своем Буланом, он неизменно возвращался в родные края и первым, кого он посещал, был всегда его сердечный друг Альти, столяр и плотник, живший у самого въезда в город, в деревянном домике с палисадником, заросшим сиренью. Здесь было много карагачей и пирамидальных тополей, и неустанно бормотала арычная вода.

Так было и на этот раз.

Буланый остановился у знакомого домика. Всадник оставил седло и по-своему постучал в окно. В доме вспыхнул свет, послышался голос:

– Это ты, Алдар-Косе?

– Я, Альти, я. Отворяй скорее ворота. Буланый устал, как я, а я устал, как Буланый.

Через минуту ворота бесшумно распахнулись. В комнате, при свете керосиновой лампы, Алдар-Косе внимательно осмотрел приятеля: пригож, как всегда. Густо загорел, насмешливые карие глаза широко раскрыты, усы подстрижены щеточкой на городской лад. Он непритворно обрадовался приезду друга, подал ему щетку, кусок мыла и полотенце.

Пока приезжий чистился от дорожной пыли и умывался из жестяного умывальника, Альти расседлал коня, дал ему свежего клевера и стал хлопотать у глиняной печки – нужно было приготовить плов из риса с бараниной и вскипятить чай.

Свежий, повеселевший Алдар-Косе вышел во двор, подсел к печке и начал, как водится, отвечать на вопросы: где был, что видел. Пришлось перечислить города, какие посетил. А о приключениях как расскажешь в двух словах? Много было приключений. Он начал было прикидывать: с чего бы начать, но Альти неожиданно заговорил о другом, чем немного смутил безбородого:

– Давно я хотел спросить тебя, дорогой Алдар-Косе, как ты сделался мастером обманов? Ведь не родился же ты обманщиком?

– На это трудно ответить. Конечно, в пеленках я обманщиком не был. Если хочешь знать, в мальчишескую пору я был очень доверчивым и даже не подозревал, что в мире так много обмана. Помню, меня удивила и даже ошеломила одна сказка. Ее мне рассказал отец. Если вдуматься – это страшная сказка. Слушай!

...Было это или не было? Пожалуй, все-таки было, Жил-поживал в семье пастуха мальчик Дюсен. Он говорил всегда только правду и верил, что и все вокруг тоже правдивы.

Послали Дюсена за чем-то в соседний аул. Идет он, напевая песенку, и видит: лежит в траве крошечный, только-только рожденный сайгаченок, а в двух шагах от него серая волчица. Говорит Дюсен волчице:

– Не напугай сайгачьего детеныша.

– Что ты, – отвечает волчица. – Сайга, его мать, побежала к речке напиться, а я, как видишь, стерегу малышку. Вернется сайга, я уберусь восвояси.

«Какая волчица добрая, заботливая!» – думает Дюсен и идет дальше. И надо же ему обернуться! Видит он терзает волчица сайгачонка, заглатывает куски мяса, хрящики, кости и копытца. Опечалился Дюсен. Глотает слезы Идет дальше и видит: ширококрылый беркут несет в когтях зайчишку, а тот, бедняга, трепыхается всеми четырьмя лапками.

– Что ты делаешь, беркут? – спрашивает Дюсен, а хищная птица спокойно отвечает:

– Разве ты не видишь? Повредил заяц лапку, а на трех лапах не доскакать ему до своей зайчихи. Вот я и несу его, а он, серый, от радости ногами дрыгает.

¹² Ресурсы Интернета: URL: www.Ertegi.ru 22 августа 2010 г.

«Ах, какой добрый беркут!» – думает Дюсен и шагает дальше.

И угораздило же его оглянуться! Сидит беркут на вершине кургана, а от серого зайца – только лапы да уши.

– Ложь, обман! – шепчет сквозь слезы Дюсен. Идет дальше своей дорогой и видит: в озере, у самого берега, пеликан захватывает, как сачком, огромным клювом мелкую рыбешку, набивая ею мешок, которым снабжена пеликанья нижняя челюсть. Сколько в этом мешке трепыхается рыбок двадцать, пятьдесят, сто?

– Что ты делаешь, пеликан?

А пеликан похохатывает в ответ:

– Разве ты, чудак, не догадываешься! В озере разбойничает щука. Напала она на карасиную мелюзгу и заглатывает ее. Вот я и спасаю карасиков. Отсилятся они в мешке моего клюва, пока щука безобразничает, а уплывет хищница, я их выпущу обратно в озеро.

«С виду пеликан безобразен, – думает Дюсен, – а какое у него благородное сердце!»

Шагает мальчик дальше, но на ходу оборачивается. Лучше бы ему этого не делать!

Пеликан, закидывая вверх голову, с наслаждением лакомится наловленной рыбешкой.

– И тут неправда! – сокрушается Дюсен и уже не плачет, а сжимает от возмущения кулаки. А ему открывается новая картина: перед суслицей норкой стоит неподвижно лисица.

– Что ты тут делаешь? – удивляется Дюсен.

– Видишь ли, – отвечает лисица. – Неподалеку, в овраге, я высмотрела родничок с чистой холодной водой. А суслик, я слышала, все жалуется, что ему нечем утолить жажду. Вот я и поджидую его. Как только он выглянет из норки, я сразу и покажу ему дорогу к роднику.

Слушает Дюсен, но уже не верит ни одному слову. Волчица его обманула; беркут, пеликан. Почему бы и лисице не слукавить?

– Ты, я вижу, давно ждешь суслика. И, наверное, проголодалась, а я знаю, где вкусная пища лежит.

– Покажи!

– Пожалуйста. Следуй за мной.

Шагает Дюсен, а лисица за ним. Видит лисица: лежит на траве

кусоч баранины, а от нее идет такой аппетитный запах, что у плутовки слюнки потекли.

– Ешь! – предлагает Дюсен.

Лисица бросается на мясо, но тут что-то звякает. Надо ли объяснять, что Дюсен перехитрил лисицу, привел ее к охотничьему капкану и железо защемило обе лисьи лапы?

– Поучительная сказка, – отозвался Альти. – Слышу ее впервые.

– Эта сказка открыла мне глаза на многое! – помолчав, продолжил Алдар-Косе. – Конечно, обманщиком я стал не сразу. Такие дела враз не делаются. Конь – краса табуна, вырастает из сосунка-жеребенка, дуб – из желудя, а поднебесный беркут пищал когда-то желторотым птенцом. То, что я увидел, когда стал юношей, перевернуло во мне душу. Наш сосед бай Назир хвастался тем, что по доброте сердца приютил дальнюю родственницу, круглую сироту Багилу – скромную и добрую девушку. Люди удивлялись байской доброте. Однажды темной ночью я шел мимо жилья бая Назира и услышал женские рыдания. Я приостановился. До меня доносились два голоса: один жаловался, другой утешал. И тут я узнал, что несчастная Багила – рабыня; бай принуждает ее работать от зари до зари, а кормит объедками с байского стола. Дважды пыталась убежать, куда глаза глядят, но ее ловили и наказывали плетью. Девушка призналась своей утешительнице, что решила утопиться и теперь ждет удобного случая. Я ушел незамеченным, унося в сердце недоброе чувство к ханже Назиру.

Долго наблюдал я за ростовщиком Шаяхметом. Он часто возводит глаза к небу, на его губах блуждает лицемерная улыбка, но сердце у него каменное и он не знает, что такое жалость. Он пожертвовал двести рублей на украшение мечети, и муллы говорят о нем, как о добром человеке и благодетеле бедных. Но кто не знает, что этот толстогубый и пучеглазый человек выжимает соки из людей, давая неимущим займы под большие проценты? Люди проклинают ростовщика шепотом, потому что больше огня боятся его немилости и мести.

А бай Кабанбай! Ты ведь знаешь, Альти, что он оклеветал моего отца. А когда отца заковали в железные кандалы и угнали в холодную Сибирь, мать, оставив меня на попечение тетки Айши,

последовала за невинно осужденным отцом, и там они оба погибли. Вскоре умерла тетка Айша и остался я круглым сиротой. Жил впроголодь. Вот тогда и поклялся, что никогда не прощу баю Кабанбаю то, что он погубил моих родителей.

Муллы из всех сил стараются превозносить бая Кабанбая добрым праведником, но я-то хорошо знаю, кто он такой.

Друг Кабанбая – жестокий и коварный бай Айгожа. И его муллы выставляют заслуживающим уважения. Муллы лгут. Пусть лучше ужалит меня гадюка, разорвет в клочья волчья стая или занесет снегом буран, но уважать Айгожу и Кабанбая я никогда не стану. Если хочешь знать, с этого Айгожи и начались обманы.

У Айгожи было три жены и придурковатый губошлепый сын Абдикей. Третья, самая молодая жена Зейнеп, славилась как не-сусветная привередница. То ей хариусов подай, то липового меда, то перепелок.

Айгожа откуда-то узнал, что отец обучил меня, мальчишку, ловить перепелок волосяными силками. Встретив меня однажды в степи с перепелками в руках, Айгожа, похвалив мою охотничью сноровку, предложил:

– Приноси мне пойманных перепелок. За каждую будешь получать пятачок.

Я по своей наивности обрадовался. На другой день принес перепелку – получил пятак. Но этот медный пятак оказался единственным, хотя я таскал баю перепелок ежедневно. Да и не по одной, а по две и по три. А выдастся удачный денек, приволоку пять птиц.

– Я веду счет дичи, – успокоил он меня. – Перед началом ярмарки я отдам тебе сразу все, и ты купишь халат, тюбетейку, кожаный пояс – все, что необходимо джигиту.

Я согласился и в уме подсчитывал свои растущие доходы: Накануне ярмарки Айгожа пустил меня в свою белую юрту, усадил на ковер, а сам куда-то отлучился.

Вернувшись, он свирепо набросился на меня:

– Зачем ты, негодный мальчишка, разбил мою любимую пиалу? Посмотри на осколки – на них золотая каемка. Это очень дорогая пиала. Теперь тебе не расплатиться?

– Я не трогал вашей пиалы. Смирно сидел, не сходя с места.

– Ах, ты еще и лгун! Ну погоди, я возьму сейчас камчу и раскрашу твою спину.

Тут он, будто что-то вспомнив, взял меня за шиворот, вывел из юрты и дал такого пинка, что я летел кубарем и очнулся в бурьяне далеко от юрты. Не успел я подняться, как Айгожа натравил на меня волкодава. Я едва унес ноги. Глотая слезы, я подсчитал, сколько мне не доплатил жадный бай. Я принес ему шестьдесят восемь перепелок, а заплатил он только за одну. Значит, бай задолжал мне три рубля тридцать пять копеек.

«Хорошо! – подумал я. – Ты, Айгожа, меня обманул. Я тебя тоже обману и верну свои деньги».

Вскоре на базаре я повстречал русского мастера скрипок и смычков. Он хотел купить два-три лошадиных хвоста. Они ему нужны были для смычков. Но казахи, не хотели отрезать хвосты у своих лошадей, а хвосты от павших животных мастер покупать не желал. Я сказал русскому:

– Если вы заплатите мне три рубля тридцать пять копеек, я достану вам три хвоста от живых коней.

Мастер удивился:

– Почему ты просишь не трешницу, не пятерку, а три рубля тридцать пять копеек?

– Это моя тайна.

Мастер подумал-подумал и согласился. Когда я вел эти переговоры, я уже знал, что придурковатый сын Айгожи Абдикей днюет и ночует в байском табуне. Я взял ножницы, какими стригут овец, и пошел в табун.

– Вот, – сказал я Абдикейу, – твой отец прислал ножницы и велел тебе отрезать хвосты у трех лучших лошадей. Ты в конях знаешь толк, выбирай по своему усмотрению.

Это очень понравилось глупому парню, и он тут же, при мне, трех лучших скакунов оставил без хвостов. Хвосты я продал мастеру за условленную цену и был счастлив: ведь я поквитался с баем. Как это ни удивительно, обман сошел мне с рук.

Понемногу я стал обманывать, но ты, Альти, знаешь, что я никогда не обманываю бедных, зато богатым спуска не даю.

Я, если хочешь знать, обманщик обманщиков. И еще я насмешник! Но никогда не смеюсь над бедными, живущими трудом людьми.

Пока Алдар-Косе рассказывал о себе, плов поспел, и Альти пригласил друга ужинать.

Охотник Бухарбай¹³

Казахская сказка

Оказывается, человек по имени Шокпар Бухарбай никому не уступал в вранье. Он был весьма искусен в выдумывании небылиц. Заставляя людей смотреть ему в рот, он начинал изливать на слушателей свои небылицы:

– Как только наступала зима, я надевал свою корсачью шубу, садился на куцехвостого черного быка и уезжал в таволжник, пугая все живое. В можжевельнике я ловил за хвост лисиц и без труда сшибал волков. Попутно схватил с снежных сугробов шесть львиных яиц и запустил этими яйцами в бежавших из кустарника лисиц, которых было тридцать штук, и сбил всех, словно листья с ветки.

Когда я выстрелил в гордого кулана, стоявшего у самого окоема, то стрела моя вошла в правую ноздрю кулана, выскочила из его левого уха, оторвала щиколотку правой передней ноги, сшибла копыто задней левой ноги, прошла через ляжку, вонзилась в хвост и вышла из спины.

В мой капкан, поставленный у входа в широкое и глубокое ущелье, стали каждый день попадать по тридцать куланов и девяносто лисиц. Я стал приносить домой по одному тяжелому аркану-связке упитанных зверей. В капкан они попадались все время то ресницей, то усом, то рогом, то ухом, а многие ногами и просто копытами, и все ловятся и ловятся.

¹³ Ресурсы Интернета: www.Ertegi.kz 24 августа 2010 г.

Сказка-небылица¹⁴

Казахские сказки

Алдар-Косе и его друг Альти пили чай. Альти заметил давно, что за чаем его безволосый друг становится словоохотливым.

– Сознайся, Алдар-Косе, много ты баям небылиц рассказал?

– Скорее много, чем мало. Сердце у меня к баям жестокое, так и подмывает меня чем-нибудь заморочить байскую голову.

Вот послушай-ка. Голодал я как-то дня три кряду. Живот подтянуло. Еду мимо байской юрты на своем поджаром Буланке и бормочу себе под нос:

– Хороша в белой юрте баранина, только я ее давненько не пробовал; неплохое и масло, да вот беда, забыл я его вкус; ну, а бесподобный кумыс я пью разве что во сне...

Услышал мое бормотанье бай Мырзатай, и пришла ему в голову причуда угостить голодного краснобая.

– Эй ты, лишенный волос, – кричит он, – заходи ко мне, покушаем, что аллах послал.

Я не дал себя упрашивать, быстро соскочил с буланого и вошел в юрту. Мырзатай уселся на мягкий ковер, подложив под бока подушки, а меня посадил на жесткую подстилку из шкуры жеребенка. Как известно, приличия требуют, чтобы приезжий поделился новостью, а я, как на грех, ничего нового не слышал. Что делать?

Пришлось пойти на выдумки:

– Верст за шестьсот отсюда, – говорю, – живет одноглазый бай Шакен. Его прозвали молчальником. За неделю, а то и больше, свои люди от него слова не услышат, а с приезжими он и вовсе не разговаривает. А его сосед, бай Камза, славится, как несусветный спорщик. Часто бьется об заклад и почти всегда выигрывает. Пospорил со мной Камза: если я вытяну из бая Шакена хоть одно слово, то он, Камза, отдаст мне дойную кобылицу гнедой масти, а если одноглазый при всех моих ухищрениях отмолчится, оставлю

¹⁴ Ресурсы Интернета: Ertegi.kz 22 августа 2010 г.

я баю своего Буланко, а сам уйду подобиру-поздорову. Спор есть спор! Мырзатай торопит меня:

– Ну, а дальше что?

– А дальше, – говорю, – приступили к испытанию. Сидит молчальник сонный, осоловелый, словно его опоили маковым отваром. Единственный глаз его мутен, веки – слипаются. Молчит, будто языка лишился. Говорю ему:

– У твоего соседа ночью конокрады угнали косяк лошадей.

Молчит. Говорю:

– На небе появилась хвостатая комета. Молчит. Говорю:

– Старый баксы Иса видел вещий сон и предрекает в эту зиму джут.

Молчит. Разозлившись, говорю:

– Твоя жена полчаса тому назад разродилась двумя поросятами!

Шакен вскакивает, бросается в другую юрту, возвращается и, выпучив глаз, кричит:

– Врешь ты, безбородый обманщик!

Молчальник заговорил! Пришлось Камзе отдать мне дойную кобылу.

Пока я рассказывал, принесли на деревянном блюде вареную баранину с диким луком.

Мырзатай угощает, я не отказываюсь. Ем, что называется, до отвала.

– Много ли надаивает твоя кобылица? – спрашивает Мырзатай.

На секунду я замолкаю, а потом переспрашиваю:

– Какая кобыла? У меня отродясь, кроме Буланко, лошадей не водилось.

– Да ведь ты, плешивый и безбородый, только что хвастался, что выпорил у Камзы гнедую дойную кобылицу!

– Побойся аллаха, – говорю Мырзатаю. – Это тебе, наверное, послышалось. Не знаю я никакого Камзы, не спорил я и не выпаривал никаких, ни гнедых, ни соловых, кобылиц!

Смотрю – у Мырзатай от ярости лицо трясется. Вот-вот за камчу возьмется, и не сдобровать мне. Вышел я из юрты, вскочил в седло и говорю Буланко: «Но! Уноси меня от беды!» Буланко, конечно, сразу вскачь! Только меня Мырзатай и видел.

Сорок небылиц¹⁵

Казахская сказка

Было то или нет – суди сам. В давно прошедшие времена один хан народом повелевал, народ от этого хана беды претерпевал. Хан делал что хотел, народ, молча все терпел.

Играет кровь у бездельника-хана от выпитого вина; потеряв разум, объявил он своему народу:

– Если кто-нибудь – кто бы он ни был – без задержки расскажет мне сорок небылиц, такого человека я с головы до пят осыплю золотом. Я одарю его богатством, достаточным за всю жизнь. Если такому человеку будет угодно, я выдам за него свою дочь, посажу рядом с собою, сделаю визирем... Но если – кто бы он ни был – в рассказе его окажется хоть одно слово правды, такого рассказчика я тут же повешу!

Объявление хана дошло до всех. «Без надежды – один сатана», – говорит пословица; у многих зачесались языки, многим захотелось ханской награды. Голодные бедняки, безлошадники, те, кого нужда связала по рукам и ногам, захотев сразу разбогатеть, подумали: «Что тут трудного? Тот, кто уже разделся, не побоится нырнуть». Рассуждая так, они явились перед ханом. И немало невинных людей было повешено.

Другие же, в особенности приезжие, представ перед ханом грозным с готовой сказкой на устах, увидев повешенных, от испуга не могли ничего сказать, лишались рассудка и таким образом тоже напрасно погибали.

Однажды перед ханом предстал мальчик-сирота, задавленный нищетою, ни разу в жизни досыта не наедавшийся, весь в лохмотьях, с посиневшими губами, с израненными ступнями и растрескавшимися ладонями.

– Душа наша, – сказали мальчику люди, сидевшие у порога ханского дворца, – ты совсем юн, как бесперый гусенок, здесь побывали люди гораздо старше тебя и то погибли напрасно. Неужели с

¹⁵ Ресурсы Интернета: www.ertegi.ru, 22 августа 2010 г.

юных лет ты не находишь места в жизни? «Ко всему надо спешить, кроме смерти», – говорит пословица. Послушайся нас, вернись!

Мальчик, не слушая их, вошел в ханский дворец и приветствовал хана, согнув колени. Хан спросил:

– Ну, что хочешь сказать?

– Таксыр, я пришел рассказать вам сорок небылиц, – ответил мальчик.

Хан, насмехаясь над мальчиком, молвил:

– Как сможешь ты справиться с задачей, с которой и взрослые не справились?

– «Не тот много знает, кто долго жил, а тот, кто много видел», – говорит пословица, – ответил мальчик.

– На заре жизни ты напрасно погибнешь, – сказал хан.

– Таксыр! Моя жизнь не краше, чем у тех, кого ты повесил. Но уж «если падать, – говорит пословица, – так падать с хорошего верблюда».

– Если так, рассказывай, – разрешил хан.

– Таксыр! – начал сирота. – То, о чем хочу тебе рассказать, было еще тогда, когда небо было не больше потника, а земля – не крупнее седла, и меня еще не было вовсе на свете. В то время я еще был в семени отца, в утробе матери и кормился тем, что пас лошадей своего внука. За пятнадцать лет я заработал себе на калым, поскорей родился, сосватал себе невесту и женился. Самый младший из пятерых моих детей как раз вчера достиг двадцати пяти лет, сейчас он на десять лет старше меня самого.

Однажды в знойный летний день я погнал лошадей моего внука на водопой к разлившемуся по всей степи колодцу. О таксыр! Вы сами поймете, какой жаркий был день; вода в колодце замерзла, лед был толщиной в рост человека. Не слезая с коня, я стал рубить топором, чтоб добраться до воды, – да не вышло, только топор выщербил. Тогда я засунул топор за воротник, вынул из кармана лом, чтобы пробить лед, – да не вышло, только лом согнулся. Не зная, что делать, я стал теряться, но тут меня осенила счастливая мысль: я схватил себя за глотку, оторвал голову от туловища и один раз слегка ударил по льду своим виском. Ой, таксыр мой, тут ни одного словечка лжи, лед тотчас разломался, и столько воды вытекло,

что я спокойно напоил своих лошадей, поставив их в один ряд. К счастью, колодезная вода оказалась соленой, и лошади напились так, что животы их раздулись; потом лошади охотно стали пастись на льду, где росли густой ковыль и высокая полынь.

Я прикрыл глаза, чтобы заснуть, и увидел, что среди лошадей не оказалось семисаженного рыжего жеребенка, рожденного от пестрой двухвершковой кобылы. Что же, думаю, конокрад украл или волк съел? Стал озираться по сторонам – нигде не видать. Тогда я воткнул свой курук (посох) в лед, забрался на него и стал глядеть вокруг. Нет, не видать! Думая, что курук оказался слишком низким, я воткнул в его петлю нож – опять ничего не видно. Тогда я надел на нож ножны, забрался по ним еще выше – нигде не видать моего жеребенка! Воткнул я конец ножен в веревочную камчу, снова забрался на самую макушку – опять не видать нигде жеребенка! Что же, думаю, теперь делать? Тут меня еще раз осенила счастливая мысль: у меня была с собой иголка, которую я всегда носил под языком, о ней-то я и вспомнил.

Я воткнул ее в рукоять камчи, снова забрался на самую ее верхушку, но опять ничего не увидел. Тогда в отчаянии я вынул глаза, поднял их в руках над головой, осмотрел ими всю степь – ничего нет! Не зная, что делать, я обратился за советом к своему куруку. Курук – чтоб ему пусто было! – начал поносить меня.

– Что же, как бы ты думал, – сказал он мне, ругаясь вовсю. – Если ты не дохлая собака, то вместо того, чтобы глазеть на землю, закрыл бы ты глаза покрепче и взглянул бы на небо, – вот что сказал мне мой курук. Я возразил ему: «Ой, ой, разве ты не видишь, что все небо покрыто тучами?» Он еще пуще разозлился и закричал: «Эх ты, дурень, разве у тебя нет рук? Отодвинь часть туч в одну сторону, часть – в другую!» Подумал я над его словами и понял, что курук мой правду говорит. Я бросил вниз ненужные мне теперь глаза, протянул руку и раздвинул тучи, потом зажмурился и взглянул на небо. О чудо, что же нужно больше? Я увидел своего рыжего жеребенка: взобравшись на веточку высокого дерева и там же ожеребившись, он стоял себе преспокойно у самой Полярной звезды, кормя молоком сына, который находился у Венеры, у склона горы Кап. Я так обрадовался, будто жена родила мне сына,

и не мешкая тут же бросился в море, отделявшее меня от моего жеребца, где эта из своего курука лодку, а из ножа – весло. Но не тут-то было, почему-то я стал тонуть. Тогда я сделал из ножа лодку, из курука – весло и таким образом в одно мгновение пронесся через море.

Добравшись до жеребца и рожденного им жеребенка и боясь, что они опять убегут, я привязал жеребца к хвосту жеребенка, а жеребенка – к хвосту жеребца, переплыл море и пустил их пастись на лед. Тут я увидел на льду, что под не выросшим еще старым раскидистым тростником лежал не родившийся жирный заяц. Я тотчас же схватил свой лук и пустил в зайца стрелу, но она отскочила от меха. Тогда я сбегал за стрелой, принес ее обратно, перевернул тупым концом и вновь пустил ее.

Стрела прошла зайца насквозь.

Затем я привязал свою лошадь к торчавшему из льда столбику и начал собирать кизяк в полы халата, чтобы поджарить зайца. Вдруг гляжу: лошадь моя, закрыв от испуга глаза хвостом, бьется на привязи, как бешеная. Свалив в кучу собранный кизяк, я побежал к лошади, но кизяк вдруг сделал «фр-р»... и разлетелся в разные стороны: оказывается, я насобирав на льду перепелок, приняв их за кизяк!

Осмотрев лошадь, я понял, что по ошибке привязал лошадь к шее белого лебедя.

Испугавшись взмаха крыльев, лошадь бесилась и брыкалась. Я вытащил свою иголку и, не имея под рукой молотка, вбил иголку в лед своей головой, привязал коня к иголке и получил наконец возможность отдохнуть. Собрался было прирезать пойманного зайца, но в ножнах не оказалось ножа. Эх, думаю, куда же он запропал?

Думал, думал, три дня и три ночи думал, наконец вспомнил: ведь я же сам воткнул его в конец курука, он там и остался! Леня мне было съездить за ним, я вытащил один из передних зубов и стал резать зайца. Я всегда славился как хороший резник и, применив все свое искусство, закончил резку зайца за каких-нибудь пять дней.

Высушил мясо, засолил его песком, а одну ляжку зайца положил в котел, чтобы натопить себе сала. Но сало все время вытекало

из котла. Тогда я выкинул целый котел, взял дырявый. И что же получилось, таксыр? Когда-нибудь вы видели такую штуку? Ни одной капли сала не вытекало, и набралось его столько, что я наполнил им кишки верблюда, кишки вола и кишки самого зайца, и еще осталось пудов шесть.

Видя, что сала мне не хватит и на завтрак, я подумал: «Лучше я смажу им свои сапоги, все-таки польза». Но сала едва хватило на пятки одного сапога, голенище его осталось не смазанным. И другой сапог тоже остался без смазки.

«Храбрец своим трудом должен хоть раз насытиться», – говорит пословица. Я взял в руки кусок мяса и, дождавшись, когда он поджарится на солнце, потянул его ко рту. Вот так штука! Моего рта не оказалось почему-то на месте! От испуга сердце у меня похолодело: ойбай, где же мой рот? Я стал водить рукой по лицу, отыскивая его. Что же оказалось? Не доставало не только рта, всей головы не оказалось на моей шее. Ой, таксыр! До сих пор я трясусь, вспоминая свой тогдашний испуг.

«Эх эх, как же я буду жить без головы?» – задумался я, схватившись за затылок. В то же время кто-то дотронулся до моего плеча: «Маке! Не знаете ли вы, чья это голова?» Всмотревшись, я увидел, что голова моя и что принес мне ее мой собственный сын, тот самый, который родился ровно двадцать шесть лет спустя.

«Светик мой, где ты ее нашел?» – спросил я. Мой сын ответил: «Она лежала там, где ты разбивал лед, я сразу узнал, что она твоя, потому и принес сюда». Ой, таксыр!

До сих пор я смеюсь, вспоминая свою тогдашнюю радость.

Голова моя оказалась сильно утомленной от долгой бессонницы, и, пристроив ее на место, я улегся, расстелив себе постель из льда и укрывшись снегом. Согревшись, я заснул как убитый. Около середины ночи я проснулся от сильного шума и возни.

Испугавшись, я стал озираться – и что же оказалось? Мои сапоги дрались и были все в крови. «Эй, батыры, что с вами?» – спросил я. Оставшийся без смазки сапог слезливо ответил: «Этот жадюга выпил все сало, а я не попробовал его!» Второй возражает: «Разве ты достоин сала, ничтожный?» Я рассердился, щелкнул пальцами по лбу того и другого и, расставив их в разные стороны, опять улегся спать.

Проснувшись утром, я увидел, что оставшийся без смазки сапог, разобитый, удрал ночью – чтобы ему ослепнуть! «Ах ты, стервец!» – крикнул я и, всунув обе ноги в оставшийся сапог, пустился в погоню по следу убежавшего сапога. Месяц иду, другой иду... От тоски по убежавшему сапогу умерла оставшаяся дома жена.

В один из дней я добрался до садовника, который, вырастив дыню на затылке вола, сидел и варил эту дыню. Когда она сварилась, он протянул мне ее и сказал:

«Светик мой, у тебя есть нож, разрежь ее и кушай на здоровье!» Я вытащил свой нож и вонзил его в дыню. Но лезвие выпало из рукояти и провалилось внутрь дыни.

Эх, думаю, правду говорят, кому не повезет, того собака и на верблюде укусит!

Вот все время мне не везло, нож этот с малых лет всегда и везде был со мною, как же я мог оставить его внутри дыни? Раздевшись, я нырнул внутрь дыни и начал разыскивать свой нож – искал в горах, искал в песках, искал в долине, выбился совсем из сил. Наконец я повстречал такого же неудачника, как и я, который бродил, отыскивая свою потерю. Я стал было расспрашивать его, не видел ли он моего ножа, описав ему подробно его масть, вид, тавро, походку и кличку. Чтобы ему пусто было! Он ни с того ни с сего взял да плюнул мне в лицо. «Что с тобой, взбесился ты, что ли?» – напустился я на него. Но он тоже оказался горячим и грозно мне крикнул: «Я в течение нескольких месяцев, загнав несколько коней, ищу в этой дыне целый табун моих пропавших лошадей. Ты же ищешь какой-то четырехвершковый, ничего не стоящий нож, да еще расспрашиваешь!» Я был сильно разгневан его словами и вступил с ним в жестокую драку. Оба мы оказались в крови, ни одного волоска не осталось в бороде у обоих.

Наконец и я и он сильно утомились, выбились из сил и, прекратив драку, взяли один у другого по понюшке табаку, понюхали и разошлись восвояси.

В поисках ножа я набрел на большое собрание по случаю чьих-то поминок. Вот, думаю, хорошо угодил, тут-то я поспрашиваю народ и о своем пропавшем сапоге, и о пропавшем ноже. И что же?

Среди молодых джигитов, разносивших гостям мясо, я еще издали увидел свой собственный сапог – он так и бросился мне в глаза. Я обрадовался так, как будто моя жена родила мне сына. Сапог мой также заметил меня и весь покраснел от смущения. Он нес объемистую посудину, наполненную лошадиным мясом, казы, жалом и прочими яствами. «Вот это не то ли самое сало, которого ты когда-то пожалел дать мне полизать?» – сказал он, поставив передо мною полный казан. Ой, таксыр мой! До сих пор краснею, вспоминая мой тогдашний стыд.

Забрав с собой оба сапога, я вернулся к лошадям. От съеденного мяса и от сильного зноя одолела жажда. Я наклонился над прорубью и стал пить. Пока я пил воду, к моим усам примерзло шестьдесят диких уток и семьдесят селезней. Куда, думаю, мне столько дичи! Променял я их на одного журавля, который был ростом с верблюда и пил воду из глубокого колодца, даже не нагибаясь...

Тут-хан, видя, что рассказ близится к концу, а сирота не сказал еще ни одного слова правды, закричал в гнев:

– А может быть, не так уж глубок был твой колодец?

– Может быть, и не так глубок: камень, брошенный в него утром, лишь к вечеру падал на дно, – ответил мальчик.

– Ну, может быть, в те времена дни были короткие, – возразил хан.

– Дни, верно, были короткими: в те времена стадо баранов проходило всю степь от края до края за один день, – сказал мальчик. – Все, что я тебе рассказал, таксыр, произошло в один день. А если бы я стал рассказывать, что произошло в следующие, я бы состарился прежде, чем кончил рассказ.

Хан приказал выдать сироте обещанное золото, отдал за него свою дочь, а сам, не снеся досады, слег и умер через три дня.

Сорок небылиц¹⁶ (вариант 2)

Казахская сказка

Правил степью жадный и свирепый хан.

Наскучили ему воинские походы, пиры, охота, буйные игрища. И тогда разослал он во все концы степи вестников с неслышанным дотолем кличем:

¹⁶ Чудесный Сад. Казахские народные сказки. Л., 1970. – 270 с.

– Кто расскажет хану без запинки сорок небылиц, не проронив ни слова правды, – тот получит полный мешок золота! Но горе тому, кто запнётся в рассказе или вставит в него хоть одно правдивое слово! Хан бросит его в тёмный зиндан и уморит там голодной смертью.

Ради золота, говорят, и праведник свернёт с прямой дороги. Толпами потянулись сначала к ханской стоянке акыны, сказочники, острословы.

Однако никто из рассказчиков не мог угодить хану, и всех их постигла общая горькая участь: тысячи несчастных людей лишились света в тюремных ямах. И в конце концов перевелись охотники развлекать хана небылицами.

Темнее, чем осенняя ночь, лежал хан в своих покоях, развальный на изукрашенном ложе. Визири, окружавшие его, боялись пошевелиться. Слуги, что подносили ему золотые блюда с редкостными яствами и напитками, расстилались перед ним, как дым.

Хан движением руки отстранял лакомства и время от времени взглядывал по сторонам так, что у всех от ужаса холодела в жилах кровь.

Как раз в это время и появился перед разубранной ханской юртой весёлый мальчишка с нищенской сумой, босой, оборванный, худой, как обглоданная кость.

– Что шатаешься где не следует? – напустились на него стражники. – Что надо?

– Я пришёл рассказать хану сорок небылиц, – бойко отвечал мальчуган.

Много видели стражники на своём веку зла и крови, а и то пожалели малыша.

– Уходи, глупый, подальше от беды! Без тебя полны зинданы. Или жизнь надоела?

– Лучше день быть скакуном, чем шесть лет клячей, – подмигнул стражникам оборвыш.

– И ты несколько не боишься хана? – удивились воины.

– На смелого не посягнёт и албасты! – улыбнулся мальчик.

И его ввели в ханскую юрту.

Хан кинул взгляд на изорванную шапчонку, на чёрные, в дыпках ноги мальчишки, и губы его задрожали от гнева.

– Ты осмелился в своём отрепье показаться на глаза хану? Да я ногтем, как блоху, раздавлю тебя!

– Не горячись, тахсыр, – глядя прямо в лицо хану, сказал маленький нищий, – дело торопливого кончается позором. Будет куда лучше, если, выслушав мои небылицы, ты велишь выдать мне мешок золота.

Хан в ярости откинулся на подушки и зловеще прошипел:

– Коли так, говори. Я слушаю.

И мальчик начал:

– Лет за семь до того, как мне родиться на свет, пас я табун моего двенадцатого внука.

Как-то глубокой ночью погнал я лошадей на водопой. Вовсю сияло солнце и было так жарко, что у птиц дымились крылья и пылали хвосты. Поэтому я несколько не удивился, когда увидел, что вода в озере замёрзла до самого дна.

Принялся я было рубить лёд топором. Но топор мой с первого удара разлетелся вдребезги, а лёд не подался ни на волос. Что, думаю, делать? И тут меня осенило!

Скинул я с плеч голову, ухватился покрепче за шею и давай колотить лбом по льду. Через некоторое время продолбил-таки прорубь. Да такую большую, что в неё свободно можно было просунуть мизинец. Из этой-то проруби и напился сразу весь мой табун, а было в нём сто тысяч голов.

Напились кони, разбрелись по льду, ходят, пощипывают травку. А я сел к табуну спиной и стал пересчитывать лошадей, все ли целы. Замечаю – недостаёт одного жеребца. Куда бы ему подеваться?

Воткнул я в песок курык, взобрался на него, смотрю по сторонам, не видать ли где жеребца.

Нет, ничего не видно.

Всадил в курык нож и полез ещё выше. И опять ничего не увидел.

Тут мне вспомнилось, что с детства у меня была привычка вместо серы жевать иголки. Достал я из-за губы иголку, вонзил её в черенок ножа и – будь что будет – снова полез вверх.

Может, сутки карабкался, может, месяц, а как заглянул в иголье ушко, так сразу и увидел пропавшего жеребца: среди бурного моря

торчит скала, острая, как шило, на той скале на одном копыте стоит жеребец, а вокруг скалы на волнах резвится его жеребёнок.

Не стал я долго размышлять, сел верхом на курык, гребу ножом, как веслом, да и поплыл по морю. Плыву, плыву, а всё ни с места. Тогда пересел я на лезвие ножа, оттолкнулся от морского дна курыком и вмиг оказался возле скалы. А курык, будто железный, пошёл на дно.

Как же поймать жеребца без курыка? Свил я из песка аркан, накинул на коня, вскочил задом наперёд в седло, положил перед собой жеребёнка и поскакал по морю обратно.

Полпути уже проехал, как вдруг конь споткнулся о волну и стал тонуть.

Ох, думаю, сбывается пословица: «Если неудачнику и пощастливится попасть на пир, так у него, как назло, хлынет носом кровь». Ну да я не растерялся: быстро-быстро перебрался на жеребёнка, подхватил на закорки жеребца и помчался дальше.

Только я успел на берегу привязать жеребца к дереву, как внезапно мне под ноги с ветки прыгнул заяц. Я погнался за ним. Заяц побежал влево, а я направо, заяц бежит быстро, я – ещё быстрее.

На бегу выхватываю стрелу и пускаю в зайца. Попала стрела остриём прямо зайцу в нос, да отскочила и вернулась мне в руки.

Тогда я пустил её тупым концом вперёд. Через день она настигла серого и пригвоздила его к камню.

Снял я с зайца шкурку, ободрал с него сало и стал собирать в подол кизяк, чтобы развести костёр.

В это время – что такое? – жеребец мой заржал, забился, захрипел и начал подниматься в воздух.

Я опешил сначала, но тут же сообразил, что привязал коня не к дереву, а к шее лебедя.

Бросаю на землю кизяки и лечу со всех ног отвязывать бедолагу-коня. А кизяки как запищат, как захлопают крыльями, как взвывают под самые облака – только я их и видел. Оказывается, это перепёлок да жаворонков насобирал я полный подол!

Всё же, хоть и не было у меня топлива, разжёл я, наконец, костёр. Положил заячье сало в новенький медный казан и поставил на огонь. Гляжу – протекает мой новый казан, потоками хлещет сквозь его стенки сало, скоро, пожалуй, и на дне ничего не останется.

Пришлось переложить сало в дырявый казан. И, конечно же, из этого казана не вытекло ни капельки жира. Помнится, десять бычьих желудков наполнил я топлёным салом.

Пришло мне в голову этим салом смазать свои сапоги. На один сапог сала хватило, а на другой уже не осталось.

Забрался я на ночь под казан, да и задремал. Спросонок слышу – шум, гам, потасовка! Вскочил в страхе, – а это мои сапоги затеяли драку. Несмазанный сапог навалился на братца и тузит его без пощады:

– Вот тебе, жадина, получай! Будешь знать, как загребать и своё и чужое! Неужели не мог оставить и на меня немного жиру?

Стал я драчунов разнимать.

– Да уймись вы, злоки! Ишь разбушевались! Не зря говорят: сойдутся два умных – будут с прибылью, а сойдутся два дурака – останутся без глаз.

Еле их утихомирил. Положил рядом с собой – один сапог по правую руку, другой по левую – и снова заснул.

Наутро просыпаюсь – нет на месте несмазанного сапога, убежал, неслух, разобидевшись. Надел я оставшийся сапог на обе ноги и пустился в погоню за беглецом.

Бегу день, бегу год – никак не попадается второй сапог. Прибегаю в какой-то аул. А там людей наехало видимо-невидимо. И ещё съезжаются: кто на быке, кто на жуке, кто на еже, кто на уже, кто на горном козле, а кто на журавле.

Начинается пир. Спрашиваю:

– По какому случаю той? – Это, – отвечают, – не той, а поминки.

– По ком поминки? – По байскому сынку. Погнал он тому лет семь стадо козлов на пастбище, да и пропал без вести.

Вот стали слуги обносить гостей блюдами с мясом, и тут я вижу среди них – кого же? – свой сбежавший сапог.

Я вскрикнул от радости, а он обернулся на мой голос – и оторопел, чуть блюдо не выронил.

Видно побаиваясь, как бы ему не влетело за побег, стал он мне подставлять блюдо за блюдом и всё приговаривал:

– Ты пожалел для меня заячьего жира, а мне так ничего для тебя не жалко!

С юрту снеди навалил передо мной.

Радуюсь: вот уж когда наемся за себя и за всех своих родичей! Набрал в обе руки мяса и только приготовился пошире разинуть рот, да и растерялся: ведь у меня не то что рта, так и головы не было, – я забыл её на озере, у проруби...

Прошу сапоги:

– Голубчики мои, сбегайте за моей головой, не откажите в услуге... Я с вами сочтусь.

Кинулись сапоги исполнять моё поручение, а я сижу да жду. Пока ждал, гости зубам отдыха не давали: всё мясо съели и блюдами закусили. Мне и крошки не осталось. Уж кому не повезёт, тот вымокнет до нитки и в погожий день!

Едва я приладил голову, набежали тучи и стали с неба валиться дыни. Хотел я одну разрезать, уже проткнул ножом, да, видать, не рассчитал силы: провалился нож внутрь дыни.

– Разыщу нож, пусть для этого пришлось бы мне забраться даже в собственный желудок! – поклялся я.

Распоясался, ухватился за конец кушака и нырнул вниз головой в дыню.

Много дней провёл я в неусыпных поисках. Сапоги истоптал, износил шубу, а нож всё не находится.

Неожиданно наткнулся я на какого-то человека.

– Что делаешь? – спрашивает. – Нож ищу.

– Вот дурень, так дурень! – раскричался встречный. – Он, деревянная башка, нож ищет! Да я уже семь лет ищу здесь стадо козлов и то найти не могу...

Я враз смекнул, что передо мной тот самый байский сын, на чьих поминках я недавно побывал.

Говорю ему:

– Чем браниться да заводить ненужные ссоры, плюнул бы ты на козлов да поспешил к несчастным родителям.

– А, так тебе мои родители милее, чем козлы! – окрылся сын бая да хватить меня пятернёй за бороду.

Тут я не стерпел. Сцепились мы, и началась битва.

От нашей драки раскаталась дыня и покатила по миру. Катилась, катилась, вкатилась на высоченную гору да здесь, на самой её макушке, и раскололась пополам.

Куда полетел с горы байский сынок, не приметил, а я брякнулся как раз у озера, где оставил свой табун. Да так, что земля прогнулась! А мне хоть бы что. Только пить вдруг почему-то захотелось. Наверно, от того жирного мяса, которого не случилось мне отведать на поминках.

Опустил я голову в прорубь и стал тянуть воду. Всё озеро выпил, а жажды не утолил. Попробовал подняться – да никак не могу. Не сразу я догадался, в чём тут дело, а оказалось всё совсем просто: пока я хлебал воду, к моим усам примёрзло шестьдесят диких уток и семьдесят селезней.

«Зачем, – подумал я, – мне столько дичи?»

Сунул всех птиц за пазуху, а после променял их на журавля. И нужно тебе знать, великий хан, что хоть и был тот журавль куда выше нара, но пил из колодца воду, даже не наклоняя шеи...

– Так, верно, тот колодец был совсем мелок! – внезапно вскричал хан, надеясь сбить мальчишку хоть в самом конце рассказа.

– Возможно, колодец был неглубок, однако камень, брошенный в него на утренней заре, лишь к ночи достигал воды, – не моргнув глазом, отвечал мальчуган.

– Ну, значит, дни в ту пору были короткие! – задёргался на месте хан.

– Да, пожалуй, дни были короткие, если за один такой день отара баранов проходила всю степь из края в край, – без малейшей заминки последовал ответ.

Хан побледнел и прикусил губу. А оборвыш так закончил свою речь:

– Тахсыр, вот я и рассказал тебе по твоему желанию сорок небылиц. Расплатись со мной по совести! А если тебе не жалко казны, я готов рассказать ещё сорок раз по сорока небылиц. Ведь слова рождаются из слов, как добрые дела – из добрых дел!

Корчась от злости, хан кивнул визирям, и те начали насыпать мешок золотом. И чем больше раздувался мешок, тем сильнее корёжила хана жадность.

Мешок был уже почти совсем полон, как вдруг босоногий поднял грязную ручонку и снова заговорил.

– Хан, – сказал он, – я отказываюсь от золота! Пусть оно остаётся тебе. Исполни за это лишь одну мою просьбу: дай свободу узникам, что томятся в твоих зинданах.

Хан словно обезумел от слов оборвыша. Он взвизгнул и кинулся к мешку, как стервятник кидается на падаль, обхватил мешок и прижался к нему всем телом.

Визири сразу поняли: хан сделал выбор. И, гремя ключами, они поспешно стали отмыкать тюремные запоры.

Вскоре все зинданы опустели. Пропал куда-то и нищий мальчишка, рассказчик небылиц.

А хана так и не смогли оторвать от мешка с золотом. Он умер через три дня.

Старик и его дочка¹⁷

Казахская сказка

Жил на свете старик с двенадцатилетней дочкой. Имел он верблюда, лошадь и ишака; пропитание добывал себе продажей дров. Однажды навьючил он дрова на верблюда и приехал на базар. Подошел к нему неизвестный человек и спрашивает:

– Почему дрова? – Три таньга. – Возьми за все десять таньга!

Старик с радостью согласился. Привез дрова на двор покупателя. Когда старик свалил дрова и получил десять таньга, покупатель велел ему привязать во дворе и верблюда.

– Я купил дрова с верблюдом вместе. Иначе зачем бы я тебе заплатил вместо трех таньга десять?

Поспорили они и отправились к бию, чтобы разрешить спор.

Бий спрашивает старика:

– Правду ли сказал покупатель, что он заплатил десять таньга за все?

– Правда.

– Тогда он прав. Отдай ему верблюда. Заплакал старик от обиды и пошел домой. На другой день навьючил он дрова на лошадь и

опять поехал на базар. На этот раз случилась с ним такая же беда. Тот же человек обманул его теми же хитрыми словами. И опять бий сказал, что покупатель прав, – вместе с дровами он купил и лошадь.

На третий день старик навьючил ишака и собрался на базар. Подошла к нему дочка и сказала:

– Дрова повезу продавать я. Верблюда и лошадь у тебя отобрали обманом. Пусть попробуют отнять у меня ишака.

И девочка поехала на базар. Подходит к ней тот же покупатель и говорит:

– Продашь дрова как есть со всем за пять таньга?

Ответила ему девочка:

– Продам, если дадите деньги со всем. – Дам.

Привезла она дрова, свалила и спрашивает: – Дядя, где привязать вашего ишака? Указал покупатель место.

Стал он рассчитывать с девочкой, протянул ей деньги. А девочка схватила его за кисть руки и говорит:

– Вы обещали отдать деньги со всем, в чем они находятся, то есть с рукой вместе.

Поспорили они и пошли судиться к бию. Бий взамен руки приговорил покупателя отдать девочке пятьсот дилла.

Отдал покупатель деньги и говорит при судье девочке:

– Многих я людей обманул, а ты меня провела. Хочешь еще получить пятьсот дилла? Давай устроим состязание: кто больше небылиц наговорит, тот выиграет пятьсот дилла. Положили они деньги перед бием. Покупатель, как старший по возрасту и мужчине, первым начал:

– Однажды посеяли пшеницу. Такая она хорошая уродилась, что человека на верблюде скрывала. Один раз сорок козлов забрались в нее и выйти не смогли. Убрали осенью пшеницу, а козлов так и не нашли. Обмолотили зерно, намолотили муки, стала жена печь лепешки. Вынула из печи, подала на стол. Отломил я кусочек, начал есть. В это время закричал у меня во рту козел и выскочил. А за ним еще тридцать девять. Козлы эти, пропавшие в пшенице, так разжирили, что каждый из них был больше четырехгодовалого быка. Девушка выслушала и говорит:

¹⁷ Ресурсы Интернета: www.ertegi.ru/ «Казахские сказки», 1959.

– Вы сказали сущую правду. Такие случаи бывали в наших краях часто. Теперь послушайте, что я вам расскажу.

Посредине своего аула я посеяла хлопковое семечко. Выросло из него громадное дерево. Тень падала на расстояние одного дня езды. Когда созрел хлопок, я наняла пятьсот рабочих, чтобы его собрать. Потом хлопок продала и на вырученные деньги купила сорок наров. Навьючила их дорогими тканями и отправила с двумя старшими братьями в Бухару. Три года от них не было ни слуху ни духу, а вчера меня известили, что они убиты. Я думаю, что это правда, потому что вижу халат своего среднего брата на вас. Я сама его сшила, и в нем он уехал в Бухару. Значит, вы убили моих братьев, завладели их товарами и нарами.

Покупатель дров позеленел от злости. Он понял, что девочка его победила. Если признать рассказ ее правильным, то придется уплатить девочке кун за ее двух убитых братьев и кроме того возвратить сорок наров, навьюченных товарами. А если признать рассказ ложным, за небылицу, то уплатить по договору пятьсот дилла. Мужчина предпочел отдать пятьсот дилла.

– Ты перехитрила меня, – сказал он девочке.

Умная дочка принесла в этот день отцу тысячу дилла.

Сын Томай¹⁸ *Казахская сказка*

Моего отца зовут Томай. Однажды пас я в степи его лошадей. Убежала от меня саврасая кобыла, которой пришло время ожеребиться. Кинулся я искать ее.

Спустился к реке, посмотрел на другой берег – ничего не видно. Тогда взял я курук, воткнул его толстым концом в землю, а по тонкому залез наверх. Не выдержал курук тяжести и рухнул. Перевернул я его, воткнул тонким концом в землю, а по толстому вскарабкался на самую верхушку. Гляжу, а на том берегу, саврасая кобыла топчет копытами только что появившегося на свет жеребенка. Решил я поймать кобылу. Приспособил ножны под лодку,

нож – под весло, спустился на воду – чуть не утонул. Вылез снова на берег, соорудил из ножа лодку, а из ножен – весло и в одно мгновение переплыл реку.

Сел верхом на кобылу, поднял на руки жеребенка и опять спустился на воду. Едва не пошел ко дну. Тогда уселся я на жеребенка, взвалил ему на спину кобылу и в два счета переправился через реку.

Вернулся, наконец домой. Привязал строптивую кобылку к колышку и надумал подкрепиться. Поскольку еды никакой не было, решил я сварить медный котелок.

Отправился за хворостом. Вдруг из-под самого носа вылетела перепелка. Обрадовался я, прикончил ее и снял с тушки два ведра сала. Одно ведро было с донышком, а другое – без. Подвесил над очагом целое – оно стало протекать. Приладил дырявое – полный порядок.

Тот высохший колышек, к которому я привязал лошадь, оказался шеей лебедя. Пока я возился с ведрами, птица утащила мою кобылу в воду. Делать нечего, занялся я снова своим обедом. Собрал травы, развел в очаге огонь, сварил два ведра сала и с удовольствием поел. Смазал остатками жира один сапог и лег отдохнуть. Сплю и вдруг слышу сквозь сон какой-то шум. Открыл я глаза, а рядом два сапога моих дерутся. Один кричит другому: «Тебя-то он смазал, а меня нет! Получай!» Рассердился я, задал сапогам порку и раскидал по разные стороны от себя.

Снова уснул. Пробудился и обнаружил: один сапог, смазанный, лежит, а высохший сбежал. Встал я, попробовал идти босиком – споткнулся и чуть не упал. Надел оставшийся сапог, пошел – охромел на одну ногу. Тогда сунул я в голенище сразу обе ноги и кое-как, точно малый ребенок, заковылял по дороге.

Добрался до какой-то речки, скованной льдом. Захотелось мне попить воды. Стукнул кулаком по льду – никакого толку. Тогда снял я с плеч своих голову, хватил ее об лед и выдолбил прорубь. Утолил жажду и огляделся. Смотрю, а на той стороне реки празднуют в ауле той. Поспешил я к аулу, а по дороге вдруг вспомнил, что голову свою оставил на берегу. Вернулся назад, нашел голову. Сидит на ней птица и прямо в рот ей несет яйца. Собрал я их,

¹⁸ Ресурсы Интернета: Ertegi.kz 24 августа 2010 г.

возвратился снова в аул. А там хозяйничает вовсю мой высохший сапог – снует возле дастархана, подносит гостям всякие вкусные вещи. Узнал он меня, полил на руки воды из кувшина и поставил передо мной огромное блюдо жирного мяса. Тут я вспомнил, что опять забыл свою голову у реки. Захотелось мне кушать, а есть не могу. Так и остался ни с чем.

Удобнее лгать, когда кто-то поддакивает¹⁹

Казахская сказка

Решили два лжеца обманывать народ. А чтобы люди не сомневались в правдивости их слов, один должен был врать, а другой поддерживать его. В этот же день один из них отправился в путь, намереваясь обмануть первого встречного. Второй лжец должен был последовать за ним через день и всюду подтверждать, что сказанное первым – истинная, правда.

К вечеру первый лжец добрался до одного аула. Жители приняли гостя с почетом, а когда он отдохнул немного, стали расспрашивать:

– Уважаемый, что хорошего и плохого происходит на свете? На это лжец отвечал:

– Все спокойно, вот только пришлось мне видеть людей, кочующих по небу в поисках лазурных пастбищ.

Люди не поверили ему.

А на следующий вечер в тот же аул пришел второй враль, и снова жители аула спросили:

– Что нового в мире слышно, уважаемый? Не скрывай от нас ни плохого, ни хорошего. А то вчера останавливался в нашем ауле один гость, так он сказал, что видел кочевье целого народа, ищущего в небе синие луга.

Тогда вскричал второй лжец:

– И вы, конечно, ему не поверили? А ведь такое вполне могло быть, потому что сам я видел, как с неба порой спускается остов юрты.

Эта ложь с тех пор стала как будто правдой и распространилась в народе.

На другой день тот, кто должен был начинать обман, добрался до следующего аула и, когда люди спросили его о новостях плохих и хороших, сказал:

– Я могу вам сказать, что видел своими глазами, как горело объятное огнем озеро на узкой тропинке.

Люди не поверили ему. А на следующий вечер в тот аул пришел второй лжец и остался ночевать. И к нему приступили с расспросами:

– Мы хотим знать новости о большом мире, а то вчера пришел человек и сказал, что видел охваченное пожаром озеро на небольшой тропе, что ты знаешь об этом?

Тогда тот, кто должен был поддержать ложь приятеля, ответил:

– Что ж, я сам видел, что вершина того холма, где проходит тропинка, вся выгорела, и видел, как люди несли с холма больших рыб с обжаренными головами и обугленными хвостами.

После этого их ложь стала правдой и получила широкую известность в народе.

Хвастливый заяц²⁰

Киргизская сказка

В предгорьях высокого Ала-Тао, на берегу большой реки, в норе среди густого кустарника, жил хвастливый заяц.

– Я волка не боюсь, – кричал он, а лисы и подавно. Однажды, когда заяц; особенно расхвастался, внезапно появился волк и зарычал.

Хвастунишка задрожал от страха, скакнул и нечаянно ударился о голову волка. От неожиданности волк тоже испугался и побежал прочь. А заяц спрятался в кустарнике и просидел там до темноты. Вечером он вернулся к себе в нору и гордо спросил у зайцев:

– Ну, как, друзья мои, вы живы? Не испугались ли волка?

¹⁹ Ресурсы Интернета: Ertegi.kz 23 августа 2010 г.

²⁰ Киргизские народные сказки. Фрунзе, 1962. С. 38-39.

– А сам как себя чувствуешь? Цел и невредим ли? Да, ты оказался настоящим храбрецом! Смело напал не волка и так ударил его по голове, что он взвыл от боли. А ты как будто еще погнался за ним. Расскажи, что ты сделал ему?

Хвастунишка только и ждал этого – пошел плести небылицы:

– Сначала догнал его, ударил по заду, так что он сразу присел. Потом ударил по голове, и мозги его разлетелись в стороны. Зайцы не переставали удивляться его храбрости.

– Ты спас всех нас. Этого мы не забудем никогда. Теперь, если ты еще уничтожишь лису, мы будем жить в полной безопасности.

– Лису тоже уничтожу. Заяц-хвастун оглянулся по сторонам: нет ли кого. – Я ее загрызу, где ни встречу. Шкура ее будет моей подстилкой. Верьте моему слову! И глупые зайцы поверили ему. А хвастунишка все бахвалился – не было ему удержу. До поры, до времени.

Шестьдесят небылиц²¹

Хакасская сказка

Пошли три брата в тайгу на охоту. Наступила ночь, а костер нечем развести: кресало дома забыли. Видят, неподалеку огонек светится.

– Пойду огня принесу, – сказал старший брат и ушел.

Ждали, ждали его, на дождались. Пошел средний брат и тоже пропал.

Тогда младший отправился посмотреть, что с братьями случилось. Подошел он к костру. Возле него старик лежит, спину греет. К двум большим лиственницам братья привязаны.

– Ты зачем их, как воров, к лиственницам привязал? – спросил младший брат у старика.

– Такой уговор был, – ответил старик. – Условились мы небылицы друг другу рассказывать. Кто удивится, того к дереву привязать. Давай стобой попробуем?

– Давай, – согласился младший брат и начал: – Помню, родился я утром от отца и матери, к вечеру на охоту пошел. Зашел в тайгу, муха мне на лоб села. Большая муха, с двухголовую телку будет. Хлопнул я себя по лбу, поймал муху. Распорол ей брюхо, потом снял шкуру и удивился: наружного сала на ней было в четверть аршина, внутреннего – на четыре пальца. Снял я с коня седло, привязал повод за пенек, потом из снега распалил костер, изо льда вертел сделал и муху поджарил. Жиром ее один чигир смазал, а другой смазать забыл.

Лег спать. Утром проснулся, один чигир есть, а другой найти не могу.

Пошел к своему коню, и того не видно. Повернулся к озеру – конь мой в воде плавает. Оказывается, я его не к пеньку привязал, а к шее лебедя.

Плавает лебедь и коня за узду водит. Взял я широкий камень и сделал лодку. Взял плоский камень и сделал весло. Сел в лодку, гребу веслом, за лебедем гонюсь. Гонялся, гонялся по всему озеру, насилу поймал. Отвязал я коня, а лебедя не отпустил: решил с собой взять. Как только отвязал я коня, лебедь взлетел и меня поднял. Летел, летел лебедь и на небо залетел. А на небе жизнь такая же, как на земле. Люди там на нас похожи: одни хлеб сеют, другие со скотом по небу кочуют.

Отпустил я лебедя и начал пешком ходить в одном чигире. Хожу по небу, второй чигир ищу, нет его нигде. Три года проходил в одном чигире – надоело. Решил домой на землю спуститься. Сплел из соломы веревку, нашел в небе дырку и вылез через нее. Веревки моей до земли не хватило, и я повис в воздухе.

Десять лет висел, качался между небом и землей. Потом решил: будь что будет, выпустил аркан, упал вниз головой и в землю по самые пятки ушел.

Проторчал в земле три года. Как ни старался, не мог выбраться. Думал, думал и догадался: сбегал домой, взял сошник и выкопал себя...

Младший брат рассказывает, на старика поглядывает, а тот лежит себе, спину греет, бороду гладит, ухмыляется. «Ну ладно, – думает младший брат, – я тебя все равно дойму», – и дальше говорит:

²¹ Сказание о просторе. Л., 1988. С.214-216.

– Пришел я в улус. В одной юрте пир идет. Я туда. Народу в юрте полно. Все пьют, веселятся. Смотрю, мой пропавший чигир меж гостей ходит, вино каждому подает, а меня мимо обносит. Я ему подмигиваю, а он вроде не замечает. Раз я стерпел, два, а потом как хлопну его по шее, размял руками и надел на ногу... А за тобой, старик, долгу моему отцу шестьсот рублей осталось и матери пятьсот. Когда отдашь эти деньги?

– Какие деньги?..

Старик спохватился, да было поздно. Сгреб его младший брат да привязал к дереву. Старших братьев освободил, захватил огня, и пошли они на свою стоянку.

Прим. Чигир – сапог на мягкой подошве.

Сказка-загадка²²

Тувинская сказка

На большом горном хребте жил в старину большой старик, имел он большого козла и козла малого. И ничего, кроме двух козлов, не было у старика. В какой-то год малый козел отошал, пал; старик поволок его в степь и оставил. Прибежала лиса, стала глотать лопатку козла. В это время с южной стороны прибыла тысяча воинов и, приняв лопатку за поле, на ночлег стала. Когда ночевали, появилась Хан-Херети-птица, лопатку вместе с войском схватила, на рога большого козла большого старика села. и, когда лопатку малого козла глода, тысяча воинов, прибывших с юга, в глаз большого старика, сидевшего под козлом, попала. Большой старик принял войско, попавшее в глаз, за соринку, и ее удаляя, зафыркал старик:

Старик ли больше?

Козел ли больше?

Лиса ли больше?

Лопатка ли больше?

Хан-Херети птица ли больше – Вопросы задает.

Кто скажет, что больше старик, –

– тот вдумчивый и серьезный.

Кто скажет, что больше козел, –

тот нерадивый и несерьезный.

Кто скажет, что больше лиса, –

тот хитрый-лукавый.

Кто скажет, что больше лопатка, –

тот гадающий-обманщик.

Кто скажет, что больше Хан-Херети птица, –

тот хваткий-удалый.

Небылица²³

Сказка алтайских тувинцев.

Так вот! Давным-давно, в те времена, когда еще не было на свете моего отца, я пас лошадей моего деда. Ну, отправился я однажды отдохнуть куда глаза глядят. Отвязал ничто от своего седельного ремешка. Принес три больших сизых камня, чтобы очаг сложить, и только разжег огонь, как закурылкал мой дорожный котелок: зильдир-зальдир, да возьми и опрокинься. Оказывается, вместо камней я принес трех заснувших голубей.

Ну, отправился я дальше, пришел в другой аил, а там как раз в полном разгаре большой праздник, и на угощение закололи муху-четырёхлетку, пировали уже целых четыре дня, и все были сыты и довольны. А тут появился и я, да присоединился к пировавшим, наелся до отвала, а вечером, когда улегся спать, смазал жиром один из своих сапог по самый носок, а вот на головку другого сапога жира не достало.

Проснулся я ночью оттого, что раздалось: зилир-задир, зилир-залир.

Прислушался, а это спорят мои сапоги:

– Ты сожрал жира больше, а я меньше жира сожрал, – и давай драться. Отвесил я две оплеухи виноватому, да и невинному столько же, засунул один под подушку, другой – под ноги и улегся.

²² Тувинские народные сказки. Новосибирск, 1994. С. 399-401.

²³ Сказки и предания алтайских тувинцев / Собр. Эрикой Таубе. М., 1994. С. 277-278.

А утром, только я встал и отправился за лошадьми, как послышалось из леса: тиш-таш. Пошел я поглядеть, кто там, и увидел змей. Они сидели и жевали смолу! Помог я немножко змеям жевать смолу и пошел дальше и тут услышал за холмом: пид-пад, пид-пад!

«Наверно, в аиле у какого-нибудь хана теребят шерсть, чтобы свалить из нее войлок», – подумал я, ведь была осень. А оказалось, это тарбаган взбивает подушку из сена. Он хочет, чтобы в норке у него было тепло и уютно. Повзбивал я сено вместе с тарбаганом да отправился к своим лошадям. А тут как раз ожеребилась одна из моих кобыл, она была жеребой уже пятнадцать месяцев.

Принесла она зеленого жеребенка с белым пятном на носу. Сел я на кобылу, поместил на седло перед собой жеребенка и хотел было ехать, но кобыле было не выдержать меня. Тогда я сел на жеребенка, перекинул через седло перед собой кобылу и поскакал.

Поскакал, доехал до аила, там переночевал. Утром проснулся, вышел из юрты – а коней нет как нет. Воткнул я в лед на озере свой укрюк, взобрался на него, огляделся, но ничего не увидел.

Воткнул я в верхний конец укрюка свой нож, залез на него – и опять ничего не увидел. Нашлась у меня еще только штопальная игла, всадил я ее сверху в нож, забрался на нее и тогда увидел своих лошадей. Хотел поскакать за ними, а коня-то у меня не было. Поскакал я тогда на мухе и пригнал своих лошадей, но, когда я решил напоить их, оказалось, что мне нечем сделать лунку во льду озера. Тогда я оторвал себе голову, выбил своей нижней челюстью дыры во льду и напоил хорошенько лошадей.

Потом поехал дальше. Но когда я захотел крикнуть, не раздалось никакого крика; когда захотел свистнуть, не раздалось свиста – вот что со мной случилось! Захотел я провести рукой по голове, да ведь я забыл ее там, где делал ею лунки. Тогда я поскакал туда и нашел свою голову. Собрал я кое-как свой ум-разум, ой-ой-ой!

Значит, и так бывает, что человек сам теряет свою голову! Но конечно, тот, кого при этом не было, примет мою историю за ложь!

Правда и выдумка²⁴

Якутская сказка

В старину после смерти бедняков-старика и старухи – осталось три сына. Эти парни жили охотой.

Однажды они втроем поехали в лес, заблудились там и блуждали несколько дней. Ни спичек, ни кремня у них не было. Они не могли развести огонь и очень изголодались. Вдруг однажды вечером они увидели, что на опушке леса в сумерках пылает огонь величиной с юрту. Увидев огонь, они очень обрадовались и послали туда старшего брата. Подошел он ближе и увидел: возле костра величиной с юрту сидит старик с белыми волосами и белой бородой и медным прутом мешает в костре. Парень сказал:

– Эй, дедушка, поделись с нами огнем. Мы заблудились и оказались в большом затруднении. Старик ответил:

– Расскажи-ка мне сначала историю-полуправду-полувымысел. Тогда дам тебе огня.

Парень подумал, что бы ему рассказать, но ничего не придумал и тогда просто выхватил из костра одно горящее полено и побежал. Но старик не дал ему бежать долго, напал на него, ударил его медным прутом и отнял полено. Парень рассказал об этом своим братьям. Тогда средний брат сказал:

– Да, нечем тебе похвастаться, если ты не мог взять огонь у девяностолетнего старика.

Так, упрекнув брата, он сам пошел к старику. Как и прежде, старик попросил его рассказать историю-полуправду-полувымысел. Парень молча схватил одно горящее полено и побежал. Старик не дал ему бежать долго – нагнал его, ударил прутом и отнял полено. Парень с поникшей головой вернулся к братьям. Тогда младший брат сказал:

– Как же так, ребята, вы считаете себя людьми, а не можете рассказать старику полуправду-полувымысел? И он пошел к старику. Сказал ему:

– Эй, дедушка, дай огня!

²⁴ Правда и выдумка // Якутские сказки. Якутск, 1990. С. 102-104. Названия в других изданиях – «Полуправда», «Заблудившиеся парни».

Старик попросил его сначала рассказать полуправду-полувымысел.

Парень начал бойко рассказывать без запинки:

– В старые времена, еще до рождения моих родителей, я пошел за ягодами и в течение нескольких суток бродил по лесу, потом остановился возле реки. Я захотел переплыть реку, поэтому схватил себя за уши обеими руками и перебросил на другой берег. Во время полета в ушах моих свистело, как свистят крылья утки. Перелетел я на другой берег реки и упал так, что мои ноги вошли в землю. Когда я так лежал, мимо пролетал серый дятел, я схватил его за хвост, и он вытащил меня из земли. Я пролетел вместе с ним по воздуху, и он сел на дерево. Я провалился по полому стволу дерева вниз. Тут ворон подхватил меня и потащил с собой. Я оказался в стране, где кругом все было красивее, чем у меня на родине. Я блуждал там, но не знал, как вернуться к себе в родные края. В это время ко мне подошел старик-крестьянин и посоветовал:

– Ты наставь соломинки одну на другую и по соломинкам доберешься вниз в средний мир.

Соломы не хватило до земли, и я повис в воздухе. Я не мог лететь, так как у меня не было крыльев. Я упал в тундру, возле реки, и угодил прямо на спину медведя. Медведь перепугался от неожиданности и с ревом убежал в лес. Таким образом, карабкаясь по соломинкам, я добрался до своей страны и остался человеком.

Все это рассказал младший брат старику и тот, очень довольный, дал ему огня.

Бэлэнсэнгэ или семьдесят небылиц²⁵

Монгольская сказка из записей Л. Скородумовой

Дело было зимой в год курицы. Я потуже подпоясал овчинный дэли, взвел курок и лежу, подстерегая стадо антилоп. Мимо меня пробежали дээрэн и самка с детенышем. Но я лежу, жду зверя покрупнее. Наконец, повезло – совсем близко подошел на редкость крупный дээрэн. Хорошенько прицелился, выстрелил, в глазах

блеснуло что-то, и он упал. Подбежал, схватил теленка, а он вдруг как вскочит. Я из всех сил вцепился ему в бок, но задние ноги зверя брыкаются, рога трещат, чувствую, из сил выбивается. Пока переводил дыхание, собака подъехала на коне, усмирила его. Ко-е-как раненого дээрэна dokonчил, посмотрел кругом – что такое? Какие-то белые комья. Прикрепил тушу к седлу в торока, еду, а все что-то не по себе. Дрожь берет, холодно. Только хотел пуговицу на вороте застегнуть, хват, а дэли-то на мне нет! Ну и удивился я! Думаю, наверно, снял на том месте, где дээрэна подбил. Вернулся туда. Оказывается, зверь растрепал мой дэли на куски.

БЭЛЭНСЭНГЭ В РАЮ

В тот год прекрасная осень установилась. Поехал я с товарищами на охоту в тайгу. Вокруг громоздятся снежные вершины Хэнтэя. Едем на верблюжьих упряжках. Решили остановиться на берегу Керулена, кумысу попить. Вольно дышится на благословенных берегах Керулена. Шумят леса на сопках Хэнтэя. Мы отпустили лошадей, распрягли верблюдов. Стали бродить по юртам, пить кумыс, архи²⁶, угощаться жирным мясом. Едва опомнились через три дня. Пора на охоту. А я своего Вороного, что язык человеческий понимает, найти не могу.

На другой день пошел по следу. Дошел до великого Хэнтэя. Нет. Что делать? Испугался, что останусь пешим. Наконец, попался один след. Тут полил сильный дождь, туманом заволокло все кругом. Я даже себя не видел в темноте, потерял направление. Иду, не знаю куда. Соскользнул с обрыва и упал в ущелье. Чувствую, опустился на что-то мягкое. Оказывается, сел на спине грифа.

Опомнися, только хотел подняться, но тут огромный гриф схватил меня и понес. Не можете представить, как я испугался! В голове помутилось от мысли, что живьем попаду на корм птицам. Но человеку не так легко с жизнью расстаться. Вытащил я из-за пояса уздечку и привязался к птице. Гриф поднимался все выше и выше. Может, хочет разбить меня о скалы и съесть? Или бросить в ущелье? Я обуздал грифа и стал направлять по своему

²⁵ Электронные ресурсы из собрания Т.Г.Басанговой (см. [Басангова, Бурыкин 2103]).

²⁶ Архи – монгольская водка.

усмотрению. Надо мной проплывали облака, земли почти не видать, а мы все поднимались. Присмотрелся, вижу среди облаков ворота в рай. Как это мы в рай прилетели? – удивился я, однако решил зайти в гости к Владыке рая, чайку попить. Направил грифа в ту сторону. Вот и ворота: «Собака кусается?» – спросил. Вышел привратник, на лице засохшие струпья. Иду во дворец хана. Правитель лежит, кашляет, у ханши зубы болят, слуги забрали овец хана, смешали со своими и ушли на пастбище. Во дворце ни слуг, ни воды, ни пищи никакой нет. А я-то думал, рай – это страна счастья. Не тут-то было! Самая что ни на есть страна запустения и лени. Так и сказал привратнику. А тот мне отвечает:

– И то правда. Мы уже семь лет ведем войну с мангасом²⁷, он истребил у нас весь скот, всех аратов увел. Здесь, кроме нас троих – меня, хана и ханши никого не осталось. Шесть богатырей наших давным-давно ушли к людям за помощью, но до сих пор не вернулись. Помоги хоть ты нам. Воды принеси.

– Еще чего! Я не то, что хану райской обители, а и матери-то воды не приносил, – сказал я, опасаясь, что они заставят меня им прислуживать. Сел на грифа и полетел. Посмотрел вниз – в богатом айле пир идет. Может, родина моя близко, – подумал я и полетел туда. Но никакого намека на землю. Это среди облаков хан лусов²⁸ устроил свадьбу – сына женил на дочери Тэнгри. Вот куда я прилетел! Они обрадовались, стали приглашать меня:

– Дальний гость прибыл. Посланец птицы Хангарид, Сэнгэ гуай! Проходите, проходите, садитесь!

Поднесли мне чай, кубок архи, потом попросили сказать ёрол²⁹ – благопожелание в честь хана, ханской дочери, вручили хадаг³⁰ и кубок с архи мне, Семидесяти небылицам.

Я и начал перебирать, прославляя все подряд – от ханского дворца до сияющей башни, от причесок, украшений на голове до живота, от очага до кувшинов чайных и печных щипцов. Потом вмиг опорожнил бокал, поставил его и затянул песню «Мой се-

рый сокол». Пир был в самом разгаре, арз³¹ разливали по пиалам, кумыс разливали по чашам. Гости веселились, как могли. Восемь тушимэлов закачались, тамада разошелся. Тут принесли заморское вино. Появилась даже хорз³² двадцатилетней выдержки. Хан и ханша, нойоны и подданные, все опьянели. Вдруг послышался страшный шум, рев, крики, драка.

– Что случилось? Что случилось?

Выяснилось, что кто-то из подданных хана украл драгоценные, чудесные рога девяти свирепых белых мулов, которых привела в подарок невеста, дочь Тэнгри. Мулы рассвирепели и подняли шум, в пыль рассыпали ханский дворец, предали огню все вокруг. Здесь больше нельзя оставаться. Пока жив, думаю, надо убираться. А гриф такого скандала испугался и улетел, оторвавшись от привязи. Что делать? Совсем было отчаялся, но потом сообразил. Вскочил на белого свирепого мула верхом. Другие мулы тем временем всех ханских прислужников растрепали в клочья и поднялись в небо, поехали к тэнгриям домой. Я немного опомнился, посмотрел – богиня Тэнгри сидит у меня за спиной, видно, решила вернуться к родителям. За нами бегут ханские слуги с дубинами, луками, стрелами и кричат:

– Семьдесят небылиц похитил невесту. Эй, сейчас мы тебе голову разобьем!

Но они нас не догнали. Мы с богиней благополучно добрались до тэнгриев. А я так устал, да и во хмелю был, тут же крепко уснул. Проснулся. Лежу на берегу Керулена, возле своего Вороного. Неужели все мне приснилось? Нет, это был не сон. Богиня тэнгриев сидела рядом и смотрела на меня.

– Семьдесят небылиц, уважаемый! Счастливого пути! Пусть я умру, но за сына хана лусов не выйду! Вы меня спасли, увезли оттуда. Пусть все ваши желания исполнятся! – пожелала она мне и отправилась на небо, – только радуга протянулась.

А я сел на коня и поехал вверх по Керулену. Много мест повидал – и рай-диваажин, и владения хана лусов, однако, нет прекраснее родной земли и реки Керулен!

²⁷ Мангас – чудовище, олицетворение злой силы.

²⁸ Лусы – духи земли, гор и вод, чаще относятся к водной стихии.

²⁹ Ёрол – благопожелание.

³⁰ Хадаг – платок или кусок дорогой ткани, вручаемый как подарок или приносимый божествам.

³¹ Арз – молочная водка после вторичной перегонки.

³² Хорз – водка тройной перегонки.

Как-то раз Бэлэнсэнгэ встретил человека, который нес на голове котел.

– Эй, Семьдесят небылиц, обмани меня, – просит человек.

– До того ли? Смотри, что делается – небо загорелось, беда! – говорит Бэлэнсэнгэ.

– Правда? – человек поднял голову, котел упал и разбился.

ШЕРСТЬ МУХИ

Однажды слышали мы, как за западной горой застучало. Справа, слева бьют что есть мочи. Оказывается, это муха свою шерсть выбивает. Решил помочь тетушке мухе. Она рада, хочет меня отблагодарить – забила муху-корову, дает мне грудинку. Я ел, ел и никак съесть не мог.

ОСЕДЛАЛ ВЕРБЛЮЖОНКА

Еще мой отец не родился, когда я пас дедушкиных верблюдов. Одна верблюдица принесла верблюжонка. Оседлал ее, хотел взять в седло детеныша, но ей было тяжело. Я сел на верблюжонка, за тащил туда и мать. Так весело было ехать, легко – листочек не шевельнется, травинка не колыхнется.

НАДЕЛ КОЗЬИ УНТЫ

В гобийской степи Мэнэн легла дымка, вдали громоздятся что-то темное. Я поскакал на Рыжем со звездочкой, гляжу – семь тарбаганов привязались хвостами друг к другу и идут. Натянул на ноги козьи унты, подполз тихонечко, да как пну их, и убил всех. Хотел взвалить добычу в седло, да конь упал, не вынес такой тяжести.

В ПЕЩЕРЕ У ТАРБАГАНОВ

Как-то осенью отправился я в отроги Тэргэл и Хоргол поохотиться. В этих местах всегда много водилось архаров, антилоп. К тому же хотелось мне пострелять тарбаганов, пока те не спрятались на зимовку. Много в горах дичи настрелял. Собрался домой. Хотел на коня добычу погрузить, но никак не мог его найти. Бродил по степи целые сутки без воды и пищи, измучился и упал на

траву. Лежу и вдруг слышу за холмом: «Гуп-цап, гуп-цап». Какое счастье! Значит, жилье поблизости: шерсть бьют, чтобы войлок получился. Наверняка это богатый айл. Пойду туда, хоть чаю выпью. Быстро перескочил через холм. Какое там богатый айл! Это тарбаганы взбивают шерсть. Едва меня увидели, обрадовались:

– Как хорошо! Сэнгэ гуай пришел!

Дали мне длинную белую палку, вроде укрюка, и принялся я бить войлок, в этом деле я мастер. Скоро войлок скатался.

Тарбаганы поднесли мне кувшин чая и жирный рубец. Я устал, прямо и не сказать как. Пот прошиб от горячего чая, от сытной еды в сон потянуло. Не заметил, как крепко уснул. Тарбаганы внесли меня в нору, укрыли, да там и оставили. А я в тепле, темноте все спал и спал. Вдруг тарбаганы принялись меня щипать:

– Сэнгэ гуай! Вставать пора, – слышалось со всех сторон.

Что такое? Встал, смотрю, весна пришла, трава зеленая. Только сейчас догадался, что всю зиму проспал в тарбаганьей норе.

Дархан нойон зевнул:

– Послушаешь про вашу спячку, тоже спать захочется. Завтра остальное доскажешь, Бэлэсэнгэ.

Семьдесят две небылицы³³

Калмыцкая сказка

Давным-давно у одного хана была красавица дочь. Многие сыновья ханов, нойонов, зайсангов хотели засватать эту красавицу, но хан никому не давал согласия.

Однажды хан объявил: кто ему расскажет красиво и интересно семьдесят одну небылицу, тому он отдаст свою красавицу дочь и полцарства.

Услышал об этом один бедняк и решил послать к хану своего старшего сына. А прежде чем послать сына, надо его проверить. Вот идет старик со своим сыном по берегу озера и говорит ему

– Посмотри-ка, видишь, теленок матку-рыбу сосет?

– Да, да, вижу, сосет! Даже на мое лицо молоко брызнуло, – отвечает сын.

³³ Калмыцкие народные сказки. Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1982.

Отец остался доволен сыном, его быстрым и находчивым ответом и отправил его к хану.

Явился сын к хану и доложил, что приехал рассказать ему семьдесят одну небылицу.

Сел он перед ханом на колени и начал свой рассказ.

– Родившись раньше своего отца, я пас табун прадеда. Сел я на верблюда, еще не родившегося, взял плетку из ветвей дерева, которое еще не росло, сделал аркан из веревки, еще не свитой, и в жаркую погоду отправился в далекий путь – при дожде, который не шел, при шургане, которого не было. Во время странствия мне захотелось есть и пить. А жара была несносная. Вдруг на самой вершине горы блеснула лужа.

Подъехал я к луже и увидел: по краям ее черви завелись, а середина не вытерпела жары и покрылась льдом толщиной в четверть и еще четыре пальца. Походил вокруг лужи да подумал: «Что делать? Как бы напиться? Чем пробить лед?»

И сделал я так: снял голову, ударил ею об лед, пробил дыру и спустил в нее голову – напиться.

Надо продолжать путь. Сел я на верблюда, который не родился, и поехал. По дороге достал свою трубку величиною с добрую верблюжью голову, набил в нее несколько пучков табаку, хотел взять в рот сурул (чубук), а рта не оказалось. Ах, да, голова-то моя подо льдом! Пришлось вернуться.

Подъезжаю к луже. А голова уже вылезла из проруби, смеется и говорит:

– Хо-хо-хо! Хозяин-то сам за мной приехал.

Когда я к ней подошел, то с ужасом увидел, что снизу она примерзла, середина гниет, а сверху уже черви завелись, и множество мух вьется вокруг. Скорее отогнал я мух, стряхнул червей, вырвал изо льда бедную голову и поставил на плечи.

Взял в рот трубку. Чем ее разжечь? Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек изо льда искру, вода и загорелась. Прикурил я и поехал.

Ехал-ехал, приехал в какую-то долину. А в этой долине тьма мух. Вижу, чем-то они встревожены. Подъезжаю. Оказывается, у них идет семейный дележ имущества, и никак они не могут

сговориться: ругаются, а толку нет. Увидев меня, они обратились с просьбой:

– Милый человек, сделай одолжение, раздели нас.

Я, конечно, разделил. Кто прав – дал пощечину, кто неправ – тому две. Навел порядок и поехал дальше.

Тем временем мухи, проникнутые благодарностью к благодетелю, обсуждали, чем мне отплатить за услугу. И решили подарить самую жирную черную трехгодовалую муху, которая от рода была яловой. Они догнали меня и передали подарок. Муха оказалась очень жирной: на задке жир толщиной в четыре пальца, а под мышками – в три пальца.

Подарок я принял и продолжал путь. К вечеру остановился на отдых. Не убив муху – снял ее шкуру, не снявши шкуру – сварил, не сварив – вынул из котла, не вынув – съел. Муха была такая жирная, что сало с рук текло. По обыкновению, вытер руки о сапог.

Разделся и лег спать, а сапоги положил рядом с собою. Крепко уснул. Среди ночи проснулся от страшного шума. Что бы вы думали, – что дрались мои сапоги. Один кричал:

– Хозяин тебя любит, а меня нет. За что он тебя намазал жиром? Мы одинаково тащили в себе этих двух великанов – хозяйские ноги. Почему тебе преимущество, почему он тебя ближе к сердцу держит?

Пришлось вмешаться в это дело, чтобы прекратить раздор. Кто прав – тому дал пощечину, кто неправ – тому две.

– Перестаньте, – сказал я им, – шуметь и спорить. И опять лег спать.

Немного погодя опять проснулся от страшного шума. На этот раз разругались и дрались нож и ножны. Я лежу и прислушиваюсь к их спору. Ножны говорят:

– Ты думаешь, приятно мне тебя таскать? Твое лезвие тоньше волоска и острее сабли, из-за него я вечно изранен. Вдобавок, левая рука хозяина меня постоянно колотит. А гляди-ка, с тобой хозяин мясо ел, а мне так ничего и не дал. Что же это такое? Я же ему пользы приношу не меньше, чем ты. Почему он меня обошел?

– Да перестаньте же спорить, – закричал я и прекратил раздор. Кто прав – тому дал пощечину, кто не прав – тому две. Успокоил. Лег снова спать.

Наутро, проснувшись, обнаружил, что нет одного сапога и ножа. Куда они могли запропасть? Вспомнил, что в эту пору у хана была свадьба. Наверное эти черти отправились бражничать. Старый череп и тот катится на свадьбу.

Надел я один сапог на обе ноги и отправился прыжками искать их. Попробовал вперед идти, не удастся, попробовал назад идти – удастся. Я и пошел задним ходом.

Иду и вдруг слышу, – где-то сбоку раздается молитвенный мотив. Прихожу туда, а там собрались на свою молитву все крылатые. Председателем – дудак, руководителем – журавль, барабанщиком – цапля, тенором – ворона, трубачом – беркут, а остальные мелкие птицы вопят, как манджики. Только я подошел к ним, они и улетели.

Пришел я к хану и, представьте себе, вижу там нож и сапог. Нож делит между гостями угощения, а сапог подносит араку. Я уж хотел их взгреть и забрать с собою. В это время сапог мне подмигнул.

«Заходи, мол, присаживайся. Водка – рекой, махану – гора. Угощу».

Вот пройдоха! Я, конечно, воспользовался случаем. Тихонечко присел у входа кибитки.

Уж сапог мой постарался! Как только кто-нибудь приподнимается, сапог под его рукой сует мне махану, а как садится – между его ног протягивает мне чашку с аракой.

Наелся, напился до отвала. Потихоньку отозвал своих в сторону, взял их и пошел к стоянке.

Иду по степи, вижу – быстро мчится тройка-тачанка, запряженная одной бурой лошадей. Пыль от них над дорогой высоко-высоко поднимается. Я думал, что едет великий нойон на великую свадьбу. Встречаю. А это оказалось тарантул бежит и на своей спине личинки тащит.

Ехал по долине. Видел молебствие сусликов, они ставили богу свечи из сухой степной травы. Видел, как зайцы осеннюю стрижку делали. Зашел к зайцам, попросил у них клочок шерсти на пару чулок и отправился дальше.

Встречаю муравья, который два связанных зерна перевалил через плечи и тащит.

– Муравей, а муравей, куда ты бредешь? – На ярмарку.

– Ах, ярмарка! Надо заехать, поглядеть!

Поехал на ярмарку. Все осмотрел, везде побывал.

Собрался в путь. И вот вижу: муравей, положив зерно под голову, прикорнул на земле. Может быть, его обидели, обокрали?

– Муравей, а муравей, что с тобой?

– Гуляю, братец. Не от отца-матери добро мне досталось, своим трудом нажито. Продал зерно по хорошей цене да покутил с приятелями. Вот и благодумствую.

Посмеялся я над парнем и поехал.

Ехал-ехал, подходит ночь. Привязал я своего верблюда, который не родился, за сухой куст и лег спать. А куст-то за ночь и увел моего верблюда.

Пришлось с утра пойти на поиски. Долго искал, а жара несносная. Встретилось мне множество дудаков, и у всех крылья облетели. Лежат они и не движутся. Неплохо полакомиться жирными дудаками. Я пяток дудаков взял и заткнул за пояс.

Не успел я сделать и десятка шагов, как почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Дудаки, оказывается, ожили, полетели и понесли меня под облака. На грех, пояс лопнул, и я стремглав полетел вниз.

Сейчас конец!.. По счастливой случайности я упал на скачущего сайгака и так удачно, что оказался на нем верхом. Стиснул я ему крепче бока коленями, чтобы он не выскочил из-под меня, и помчался. Сайгак несется, как стрела.

Когда я опомнился, то увидел, что на рогу у сайгака болтается что-то.

Присмотрелся, – оказалось, это те самые удила, которые я потерял три года тому назад и уж искать перестал. Я их не глядя снял и, не касаясь руками, положил за пазуху.

В бешеной скачке я почувствовал, как что-то задело за мизинец ноги. Глянул, а это плетка, которую я потерял в прошлом году. Наклонился, чтобы ее поднять, да и свалился с сайгака. Сайгак ускакал, а я остался.

Стою один в степи и сам не знаю, где я и куда мне идти. Кругом – ни травинки, ни деревца, а живой души и в помине нет. Только вокруг спит и похрапывает земля.

Постоял я немного, послушал этот храп земли, сравнил его с человеческим храпом и узнал, что они ничем не отличаются один от другого.

Послушал я и пошел, куда меня ноги ведут. Через некоторое время ноги привели меня к бурьяну, который еще не рос. Подошел я к бурьяну и хотел присесть в его тени отдохнуть, как вдруг слышу, кто-то грозно зарычал из-под бурьяна. С испугу одним прыжком я отпрыгнул на десять верст назад и стал искать врага, притаившегося под бурьяном.

Искать долго не пришлось: в бурьяне оказался зайчонок, который еще не родился. Он сидел в тени бурьяна, который вовсе не рос и шил себе шубку на зиму. Увидел я зайчонка и мне стало стыдно и смешно, думаю: «Чего же я так испугался?»

– Эх ты! Ужин тебе сам в рот шел, а ты еды боишься и бежишь от нее, – пошутил я сам над собою и решил поймать зайчонка. Думаю: поймаю зайчонка, немного поласкаю, понежу, а потом устрою себе славный ужин. Только бы скорее поймать его, а то как бы он не убежал, зайцы ведь не понимают ласкового отношения. Я подозвал свою собаку, которая еще в прошлом году издохла, и пустил ее на зайчонка. Собака моя на брюхе, ползком, как змея подползла к бурьяну и бросилась на зайчонка, готовая вцепиться в него зубами. Но, что за чудо: собака моя, словно камень, полетела в небо. Я стою, смотрю на нее и не пойму: в чем дело? Думаю: неужели зайчонок сделал такой бешеный прыжок вверх и моей собаке пришлось сделать то же самое, чтобы поймать его?

Я все небо обыскал, чтобы увидеть, где бежит зайчонок, но, не смотря на все свои усилия, все же не мог разглядеть его, только вижу, как моя собака все стремительнее летит вверх. Через минуту она совсем скрылась за облаками.

Убедившись, что мне теперь не увидеть больше своей собаки, я решил отдохнуть в тени бурьяна, где лежал зайчонок. Подошел к бурьяну и к своему удивлению увидел, что зайчонок, совершенно невредимый, заснул крепким сладким сном, а его задние ножки хвалятся перед передними:

– Вы настоящие трусы! Чуть что – вы сейчас же бежать. И в бегстве вы всегда хотите быть впереди, в безопасности. А мы не

такие, как вы, мы всегда готовы вступить в бой с любым врагом. Вы же видели, как мы эту собаку отправили на тот свет, к богу. Мы всегда такие.

Теперь мне стало ясно, почему моя собака летела вверх. Оказалось, что зайчонок так сильно лягнул собаку по морде, что она, бедная, как камень полетела вверх и отдала свою душу богу.

Правда, мне очень жаль моей собаки, но зато я впервые в своей жизни узнал, что зайцы могут лягаться так сильно и смертельно.

Я все-таки решил поужинать зайчонком. Надо было его поймать, пока он спит. С этой целью я потихоньку подкрался к нему и, не ударив, убил его. С этой ношей в кармане я поплелся дальше. Кругом все так же пусто: никого и ничего. Надоела мне однообразная картина степи, и я повернул к реке.

Подхожу к реке. Смотрю – пауки своей паутиной рыбу ловят. Постоял, посмотрел я немного на это любопытное зрелище, выпросил у паука несколько рыбешек себе на ужин и продолжил свой путь по берегу реки.

Иду себе и смотрю на реку. Река, закованная льдом, извиваясь серебристой лентой, стремилась куда-то вдаль. Кругом шумели зеленые камыши и слышны были всплески рыб; в воздухе стаями пролетали дикие гуси, утки и много других птиц. Солнце палило нестерпимо, был самый разгар лета...

Ах! Как хороша была в эту минуту река, она была величава и спокойна. Но стоило только даже самому легкому ветерку прогуляться по поверхности реки, как водная гладь сейчас же покрывалась рябью мелких волн, и тогда река превращалась в огромную рыбу с бесчисленным множеством серебристых чешуек.

Не успел я насладиться этой прелестью природы, как вдруг недалеко от меня с сильным гулом взорвался на реке лед и большой, величиной с гору, кусок льда взвился вверх, к облакам, к небу. Стою, смотрю на этот взлетевший лед и думаю: дойдет он до неба или растает, когда приблизится к солнцу? Ан нет, лед долетел до неба, ударился об него, но не сумел пробить его толщу и, отскочив назад, стал падать вниз, на землю.

Подбежал я к тому месту, где упал и раскрошился лед, и стал рассматривать его, чтобы узнать причины его взлета вверх. Когда

я тщательно осмотрел разлетевшиеся кусочки льда, то к своему удивлению обнаружил живого, но маленького-маленького, ну так всего с вершок длины, сазанчика. Но для меня и этого было достаточно, чтобы догадаться, почему с гулом взорвался лед и взлетел вверх. Увидев сазанчика, я сразу вспомнил, что сазаны в минуту родовых схваток бывают страшно беспокойны и от боли не находят себе места. То они бросаются в глубь воды, то кидаются вверх. И вот в этом случае, видимо, сазанчик был готов метать икру и потому с такой силой бросился вверх, что пробил лед толщиной в аршин и сам вместе с куском льда взлетел на воздух.

Я оказался прав: сазанчик был с икрой. Икры в нем оказалось так много, что когда я хотел поднять его за хвост, то едва мог сдвинуть с места. Желая узнать, много ли в нем икры, я стал сдавливать руками бока сазана. Особенно больших усилий не потребовалось для этого: созревшая икра от малейшего нажима пальцев сама легко сыпалась из сазана.

Три дня подряд выдавливаю я икру, а она все вылезает и вылезает. Уже пятый день выдавливаю икру, а икра все сыплется и сыплется без конца. А между тем выдавленная икра уже образовала целую гору. Если бы я захотел увезти эту икру домой, то мне самое меньшее потребовалось бы сто, а может быть и больше верблюжьих подвод.

Убедившись, что в сазанчике икры очень много и мне ее не выдавить за всю свою жизнь, я взял в карман несколько горстей свежей икры для своего ужина и направился через степь домой.

Только прошел долину и взобрался на ергень, смотрю – дерутся между собой два кургана-соседи, не сумев доказать друг другу, кто из них старше. От их сильных ударов зашаталась земля, и отлетавшие куски земли образовали десятки новых курганов.

Полюбовался я на это чудовищное зрелище и, боясь страшного колебания земли, скорей отошел обратно к реке.

Подхожу к реке... Что за новое чудо! Река вся охвачена пламенем. Она горит. Все живые существа в ней мечутся в предсмертной муке.

Борьба между огнем и рекой продолжалась недолго. Пали оба. Потух огонь, но истребил всю жизнь в реке и всю ее воду испарил.

Посмотрев на эту жуткую картину, я было собрался идти домой, как вдруг заметил на берегу реки сидящего на камне старика с человеческой головой и рыбьим хвостом. Он сидел понурился голову, и плакал. Подошел я к нему и спросил:

– Кто ты и зачем плачешь?

– Как же мне не плакать, когда я потерял все свое царство; пожар уничтожил все мое богатство, всю мою реку и всех моих рабов рыб. Какой я теперь жалец без них! Ведь они мне давали жизнь. Я ведь был у них Усн-хада (Хан реки), а теперь я ничто и скоро, наверно, совсем погибну, – ответил мне старик, заливаясь горькими слезами.

Жалко мне стало старика. Думаю, как бы мне помочь ему? Я знал: что облака или тучи иногда превращаются в воду и падают дождем на землю. Поэтому я стал осматривать небо, нет ли где облаков или туч. Смотрю, у самого горизонта плывут белые облака и понемногу закрывают собою небо, а затем почернел горизонт и стало ясно, что идет большая грозовая туча.

Ну, думаю, теперь я помогу старику. Только бы не пропустить ни одного облачка. Я встал во весь свой гигантский рост (сами вы, хан, видите, каков я) и стал ожидать момента, когда облака будут проходить как раз над самой рекой. Ждать пришлось недолго. Ветер быстро пригнал их к реке. И началась у меня жаркая работа: я стал руками хватать облака и выжимать их над рекой. Ну, ясно, река постепенно стала наполняться водой и, наконец, разбушевалась весенним половодьем, когда я схватил и выжал над ней большую грозовую тучу. Восстановив реку, я подсел к старику и спросил:

– Ну как, старик, доволен ли ты новой рекой?

– Река-то получилась славная, слов нет. Но что же я там буду делать один, без своих подданных, которые работали и кормили меня? Ведь я же без них пропаду с голоду, – ответил мне старик. Я тут же вспомнил о тех икринках, которые выдавил из сазана, и сказал старику: Ничего, старик, не беспокойся, и рыбы будут у тебя в реке. – С этими словами я повел старика к тому месту, где оставил целую гору свежей икры.

Только стали подходить к этой груде, как я заметил, что из нее выпрыгивают и падают в реку какие-то маленькие существа. Когда я присмотрелся хорошенько к ним, то оказалось, что это были

настоящие рыбки, которые уже успели, под влиянием пожара и солнца, выйти из икринок.

Постоял, посмотрел я на эту занятную картину, как на моих глазах икринки превращаются в рыбешек и, отдав всех их старику, пошел домой.

Придя домой, захотел я приготовить себе ужин и стал шарить в кармане зайчонка да рыб, которых я выпросил у паучков. Но в кармане, кроме икринок, ничего больше не оказалось. Заяц и рыбы исчезли. Высыпал я из кармана икру, вывернул карман, — нигде их нет. Огорченный пропажей, я с пустым желудком лег спать.

Только стал я засыпать, как вдруг из кучки высыпанной икры стали доноситься до меня звуки, будто кто давится. Я заинтересовался этим, скорее поднялся, взял на ладонь икру и стал ее рассматривать одно зернышко за другим. И что же вы думаете я увидел? К своему удивлению, я обнаружил, что одна из икринок пожадничала и хотела целиком проглотить моего зайца, но не могла и давилась. Из ее пасти торчали только кончики ушей зайчонка.

Вытащив за уши своего зайца, я положил его около себя и стал искать, какая из икринок проглотила моих рыбешек.

Найти мне не удалось, так как икринки тут же стали превращаться в рыбешек, а рыбешки стали метать икру, и я совсем запутался, где начало и где конец, и где мои, а где новые рыбы.

Ну, думаю, пусть себе размножаются: мне же будет больше, а пока, думаю, надо поужинать зайчонком. С этими мыслями я повернулся, чтобы взять убитого зайчонка, а его уже нет. По следам ясно было видно, что он убежал в степь. Что же делать? Не гнаться же мне за ним! Да и где искать? Думаю, хватит с меня и жареной рыбы.

Повернулся с таким намерением к корыту, где размножались мои рыбы, хотел достать себе на ужин несколько рыб, но там не оказалось ни рыб, ни икринок: пока я искал зайца, они успели пожрать друг друга. Что же делать, пришлось спать не поужинавши.

Утром встал я с постели очень рано. Желудок бурчит, требует пищи. Чем бы, думаю, напичкать его неугомонного? Тут я вспомнил, что от мухи, которую я получил в подарок от стаи мух

в долине, осталась голова. Скорей достал я эту голову, проткнул ее толстой железной палкой и стал жарить на огне. Пожарил, поел, а засаленную железную палку бросил в угол к дверям кибитки.

После сытного завтрака лежу себе на кровати и курю табак. Вдруг вбежала в кибитку здоровая собака и схватила зубами засаленную железную палку. Не успел я крикнуть на нее, как она в три приема проглотила мою железную палку и убежала.

Жаль палки, но что же делать, сам виноват. Не бросай к открытым дверям.

Потужив немного о своей палке, я, по обыкновению, пошел охотиться, побродить по всем местам, куда только ноги поведут.

Решил сперва сходить на реку, посмотреть, какая она стала. Река, как река. Даже лучше, чем раньше. Больше стало воды, гуще стали камыши. А птиц — тьма. Ну, думаю, теперь я поохочусь здесь. Осмотрелся вокруг и заметил на берегу реки большое количество уток. Подкрался к ним, снял ружье и прицелился. Уже хотел выстрелить, как вспомнил, что у меня только один заряд. Если выстрелю, то убью только одну утку, а надо убить больше. Ну что ж, сразу нашел выход: я повел ружье слева направо и выстрелил. Когда дым рассеялся, то я увидел на земле несколько десятков убитых уток. Забрав убитых уток, я пошел дальше.

Придя домой, я сварил своих уток в котле без воды, на тагане без огня, поел и лег отдохнуть. Лежу и слышу, где-то что-то тикает: тик-тик-тик. Что бы это значило?

Встал с кровати, вышел из кибитки и прислушиваюсь. Тиканье продолжается. Отошел от кибитки на несколько шагов, тиканье стало доноситься до меня со всех сторон и даже из-под ног; нагнулся, приложил ухо к земле, тиканье стало еще яснее слышно.

Ну, теперь я понял в чем дело: оказалось, что это шум роста травы. Постоял я, послушал еще немного эти звуки и направился к табуну своего прадеда.

Подъехав к табуну, увидел ожеребившегося пегого жеребца. Только что родившийся жеребенок, еще мокрый, едва стоял на своих растопыренных слабых ножках. Я подумал: оставлять их в степи нельзя, волки съедят жеребенка. Надо взять ближе к своей кибитке. Подошел к ним, взял жеребенка, взвалил на жеребца-мать,

чтобы увезти, но жеребец никак не может поднять своего жеребенка. Что же делать?

Тогда я взял жеребца и взвалил на жеребенка. Жеребенок очень легко поднял свою мать и я пригнал его к своей кибитке. Подложив им немного сенца, я зашел в кибитку и взял посуду, чтобы доить жеребца. Но только вошел я в кибитку, как вдруг услышал храп и фырканье жеребца. Мигом выбежал я из кибитки, смотрю, дерутся жеребец и волк. Волк, видимо, хотел полакомиться жеребенком.

Я сейчас же отвязал верблюжонка, который еще не родился, сел на него верхом и ринулся на волка. Волк от меня. Я очень быстро, не гнавшись за ним, догнал его, не ударив, убил его, не дотрагиваясь руками, взвалил его через горб верблюжонка и поехал домой.

Еду и чувствую, что-то волочится по земле с двух сторон. Оглянувшись, посмотрел, – оказалось, что это тащатся по земле голова и хвост волка. Что же это такое? Неужели, думаю, это волк такой здоровый? Не может быть, волк как волк, такой же, как и все остальные. Может быть мой верблюжонок ростом маленький? Но нет, он оказался очень большим, потому что, когда я подъехал к самому высокому дереву, он стал щипать листья с самой верхушки. А может быть дерево низкое? Но нет. Когда я поднял голову, чтобы посмотреть на его верхушку, то шапка не удержалась на моей голове и упала. Что за оказия! Может быть, я сам стал маленький? А ведь был я не из маленьких, слава богу, пятнадцать сажений ростом был. Каждое утро из колодца рукой воду доставал и умывался. А наши колодцы, как известно, очень глубокие!

Я подошел к колодцу и по-прежнему очень легко достал рукой воды. А может быть, колодец стал мелким? Чтобы проверить это, я взял камень и бросил в колодец.

Солнце только что всходило, когда я бросил, а когда этот камень долетел до воды, солнце уже садилось. Значит, колодец не мелкий. А может быть, думаю, день короткий стал? Чтобы проверить это, я стал наблюдать все, что творилось вокруг меня, и заметил, что телка, с которой бугай встретился рано утром, к вечеру уже принесла теленка. Значит, день не короткий. Так и не поняв, в чем тут дело, я привез волка домой.

По приезду домой, для устрашения других волков, я взял и повесил своего волка за хвост на столбе, вниз головой. В этот момент прискакал ко мне тушканчик и сообщил:

– Просо, посеянное твоим прадедом, теперь уже созрело. Иди скорей убирать, а то суслики все растащут. Я скорее поймал тушканчика, сел на него верхом и помчался на просяное поле.

Приехал на поле. Действительно, просо уже созрело, пора убирать. Помчался я обратно домой, собрал всех телят-бычков, которых у меня не было, запряг их в телеги без оглоблей и ярем и отправился на поле. Еще не доехав до поля, я уже скошил просо, не скосив, убрал его, не убрав, нагрузил на подводы, не двигаясь с места, привез домой.

Приехав домой, пошел к столбу, посмотреть на волка. Что за чудо! На столбе висит волчья шкура, а самого-то волка нет. По кровавому следу видно, что он вылез из шкуры и убежал в степь. Ну, думаю, теперь волк будет вредить моему стаду.

Пошел проверить своих коров. Подхожу к стаду и вижу – отелился наш бугай.

Обрадовался я, скорее снял с себя свое платье, сапоги, шапку, чтобы не вымараться об мокрое, слизистое тело теленка, и подошел к нему, чтобы взять его и на руках унести домой.

Только я подошел и протянул руки к теленку, как он внезапно боднул меня и насквозь пронзил мою грудь своими острыми рогами. Я скорее снялся с его рогов да бежать, а он за мной. Добежал я до своего платья, наспех вдел обе ноги в один сапог, а штаны, рубашку да сапоги взял под мышку и во весь дух пустился бежать. Оставив теленка далеко позади себя, прибежал домой.

На другой день, взяв свое ружье, я пошел, по обыкновению, бродить в окрестности. День выдался очень жаркий. (Разгар лета). Подхожу к реке. Смотрю, по снегу, только что выпавшему, проходит свежий след лисицы. Я – по следам. Через несколько шагов следы лисицы повернули прямо в воду. Присмотрелся я хорошенько к поверхности воды и увидел на ней едва заметные отпечатки следов лисицы. Это от меня, как от опытного охотника и следопыта, никак не могло ускользнуть. Ну, что ж, раз след виден, так я по следам иду дальше. Следы привели меня к другому берегу, а там

затерялись в густой траве. Я стал руками раздвигать траву и ползком продолжаю преследование лисицы. Ползая так в густой траве в поисках следов лисицы, я случайно наткнулся в тени бурьяна, который не рос, на лисицу.

Она сидела в компании ежа и змеи. Все трое азартно играли в карты. Я, не показав виду, что преследую лисицу, подсел к ним и попросил себе карту. Играю и наблюдаю за ними. Мошенничают ребята один чище другого. Ну, меня, конечно, провести трудно, я в два счета очистил их.

Ёж и змея, проигравшись, пошли искать займы деньги, а лисица предложила мне:

– Сейчас лето, тепло, могу и без шубы жить, закладываю свою шубу, давай сыграем. – Предложение я принял и, конечно, выиграл шубу. Сняв шубу с плеч лисицы, я пошел дальше.

Забрел в глухую степь. Жара нестерпимая, жажда замучила. Пошел искать воду. Скоро набрел на худук. Худук оказался слишком глубоким. Пришлось снять свою голову и при помощи журавля опустить в худук, воды напиться.

Сижу у худука, жду, пока моя голова воды напьется. Покуриваю себе и смотрю по сторонам. Вдруг я заметил, что недалеко от худука находится хотон. Около кибиток много народу и коней. Подумал: не иначе, как свадьба. Дай пойду, жажду ведь лучше утолять аракой, нежели водой.

Встал и пошел. Прихожу. Вхожу в кибитку, где шел пир, и сел у дверей. Стали разносить водку и махан. В это время хозяин кибитки говорит: – Кто без головы, тому ничего не давать.

– Я подумал: «Кто же тут без головы?» Озираюсь вокруг, у всех головы целы и на плечах... На кого же это, думаю, хозяин намекает?

Тут я вспомнил, что я свою голову оставил в худуке, и понял, что хозяин про меня говорит. Скорей вышел из кибитки и побежал к худуку. А голова-то моя вылезла из худука и, посмеиваясь, говорит:

– Ты что же, брат, меня оставил здесь?

Взял я свою голову, надел ее и пошел обратно в хотон, где была

свадьба. Вошел в кибитку и сел у дверей. Хозяин увидел меня и приказал своим:

– Новому гостю подать водку и махан. – Мне подали. Наелся, напился до отвала и вышел на двор просвежиться в тени кибитки.

Сижу и смотрю по сторонам. Гляжу, с юга подъезжает тройка хорьков, впряженных в тарантас. Думаю: «Должно быть, какой-нибудь знатный гость приехал на свадьбу».

Когда приехавшие вылезли из тарантаса, то оказалось, что это явился тарантул со своей женой и детьми погулять на свадьбе.

Посидел, посмотрел я на этих необычайных и забавных гостей и пошел дальше. Иду и слышу, кто-то разговаривает и кажется совсем возле меня. Огляделся по сторонам, посмотрел и вверх, и вниз, под собой никого и ничего, а разговор все продолжается. Думаю, что же это такое, где они спрятались? Стал искать. Везде искал, но нигде никого не обнаружил, а разговор все идет и все около меня.

Я хорошенько прислушался к разговору и понял, что голоса раздаются из-под моей рубашки. Скорее снял я рубашку и начал искать беседующих. И что же вы думаете, оказалось, что разговаривали между собой вошь и блоха. Блоха приехала сватать за своего сына дочь вши. Ну, а вошь отказывалась от родства блохи и говорила:

– За вашего сына я свою дочь не отдам, так как ваш сын, как и все ваше отродье, будет скакать то там, то здесь... И бог весть, куда он завезет мою дочь, а я хочу, чтобы моя дочь находилась недалеко от меня, чтобы можно было чаще видаться... Нет, не обижайтесь и не старайтесь, все равно ничего не выйдет... Идите с богом домой.

Удовлетворив свое любопытство, надев рубашку, пошел дальше. Иду и думаю обо всем, чтобы не скучно было. Но что-то ничего не думается, мысли мои куда-то задевались.

Стал искать, а они, оказалось, устроили с ветром скачки на быстроту и далеко убежали вперед.

Намазав свои пятки жиром, чтобы они не скрипели, я побежал вдогонку. Бегу и спотыкаюсь о свою тень. Наконец, я догнал их, когда они сидели с ветром на краю земли и спорили, кто из них скорее пришел на край земли.

Быстренько собрав свои мысли, я пошел обратно домой. По пути встретил много журавлей. Они лежали на дороге, точно мертвые. Заткнул я себе за пояс несколько журавлей и продолжал путь.

Не успел я сделать и пяти-десяти шагов, как вдруг журавли полетели и потащили меня с собой. Лечу и думаю: почему же это журавли лежали на дороге, если они не были мертвыми?... Объяснить этого я не мог.

Тем временем журавли стали освобождаться от меня. Улетел последний журавль, и я полетел вниз. Лечу вниз и думаю: ну, теперь крышка. Скоро я почувствовал, что ударился об землю... Но что за чудо! Я на чем-то несусь с бешеной быстротой. Когда опомнился и осмотрелся, то оказалось, что я скачу на волке.

После я узнал, что дело с журавлями и с волком обстояло очень просто. Журавли в тот момент, когда я их брал, оказываются, были пьяные. Они напились свадебного вина, которое везли в бочках. Бочки от жары потрескались и рассыпались; вино вытекло и образовало большую лужу на дороге. Ну, а потом, когда хмель прошел, они полетели, но так как они были просто заткнуты за пояс, то стали легко освобождаться и улетать от меня. Ну, ясно, я полетел вниз и упал на спящего волка. Волк с испугу пустился бежать, пока я успел опомниться и слезть с него.

Несусь я на волке. Смотрю, скачем мимо какого-то большого хотона. Почуввав волка, выскочили собаки и погнались за нами. Волк прибавил ходу, пустился в степь, к оврагам. Думаю, как же мне теперь быть, как мне слезть с волка? Спрыгнуть – боюсь ушибиться. Не успел я прийти к определенному решению, как вдруг волк, добежав до своей норы, со всего разбегу ушел в нору, а я оказался около норы. Так я спасся от волка.

Когда я пришел домой, то встретил у себя вашего посла, которого вы не посылали, и получил, ваше приглашение, которое вы не делали. Вот я и явился к вам.

Все, что я рассказал, – истинная правда. Если тут есть хоть одно слово лжи, то пусть я утону на вершине горы в воде, которая утекла, пусть я сгорю в огне, который потух и пусть выключает мне глаза сдохшая ворона.

А теперь, хан, вы отдадите мне свою дочь... в жены.

Так закончил рассказчик и встал перед ханом на колени.

– Нет, – ответил хан, – я не отдам тебе свою дочь, – ты, ведь, сукин сын, лгун, рассказал не семьдесят одну небылицу, а семьдесят две. Семьдесят вторая та, что я за тебя отдам дочь, а дочери ханов никогда не бывают женами черной кости.

Так и не отдал хан ему свою дочь.

Семьдесят две небылицы³⁴

Калмыцкая сказка

(вариант Т.Г. Басанговой из сборника «Сандаловый ларец»)

Давно было дело. Жил один хан. От безделья и скуки у него что ни день – новая прихоть и причуда. Совсем извел окружающих. Житья от него не стало. Для каприза и забавы не жалел хан и родной своей дочери.

Все уже, казалось, перепробовал хан, чтобы развлечь себя, а все скучно ему. Все выдумывает что-нибудь. Вконец замучил подданных.

Однажды надумал хан новую затею. Объявил, что выдаст замуж дочь свою за того человека, который в один присест расскажет ему без единой запинки 72 небылицы и ни одного слова правды. А кто начнет да собьется, тому не то что дочери ханской, а и света белого не увидеть. Жестокий был хан.

Из придворных ханских многие рады были бы получить ханскую дочь в жены. Приданое у нее несметное: золота, серебра, жемчуга, шелка и бархата не счесть. Глаза у придворных от жадности разгораются, да ума и смелости, чтобы 72 неправды рассказать, не хватает.

Прошел день, другой. Третий наступил. Нет смельчаков. Приказал хан по всем владениям своим объявить о желании выдать дочь замуж за рассказчика 72 небылиц.

Стали съезжаться к хану сыновья нойонов. Ни один не рассказывал хану 72 небылицы: то собьется рассказчик, то нечаянно правду скажет, то мало небылиц сочинил. Гонит их от себя хан.

³⁴ Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / Сост. Т.Г.Басангова. Элиста, 2003. <http://kalmyk-skazki.narod.ru/skazki-68.htm>

Пришел к ханской стоянке один молодой человек. Одет плохо, на вид невзрачный. Сын бедняка и сам батрак.

– Могу, – говорит, посмеиваясь, – рассказать хану 72 небылицы, неправды.

Гонит стража бедняка – куда ему! Однако, подумав, доложили хану. Удивился хан, разгневался:

– Бедняк, черная кость, а тоже лезет, с сыновьями нойонов тягаться хочет.

Но все же любопытство овладело ханом. Велел он впустить молодого человека.

– Расскажешь – спрашивает хан, – 72 небылицы?

– Конечно, – отвечает батрак, – это дело нетрудное. И начал батрак:

– Родился я раньше отца.

Взял неродившегося верблюжонка, привязал его за шею к невыросшему дереву. Сделал ручку-плетку из нескрученной веревки, пошел пасти табун своего пра-пра-прадеда.

Жара была страшная, земля льдом покрылась, идешь и скользишь. От жары табун в разные стороны разбегается.

Воткнул я плетку в землю, лег под ее летней тенью да так крепко уснул, что проснулся осенью. Посмотрел на табун – нет гнедой лошади – кобылицы, водительницы табуна, у которой брюхо величиной с земной шар, а уши как крыша кибитки. Пошел искать гнедую лошадь-кобылицу; гляжу – она на лугу ожеребилась.

Сел я верхом на лошадь, жеребенка малого взял с собою, за седло перекинул, – да не поднимет мать-матка, везти не может.

Сел я на жеребенка, мать-матку за седло перекинул, повез нас жеребенок.

Когда въехал я на одну горку, гора от тяжести проваливалась, когда же въехал на верх цветка, что на откосе балки рос, цветок покачнулся, но выдержал.

На другую гору въехал, гора опять провалилась, спасибо, жеребенок на рог черного жука въехал; жук покачнулся, но выдержал.

Поехал дальше, убил я, не догнав, зайца, которого не видел.

Сошел с коня, закурил трубку без табака, посидел на траве, вернулся, на коня сел, вижу – свою бритую голову оставил там, где сидел. Поехал за своей бритой головой.

Еду, обливаюсь потом, приехал, вижу – нижняя часть головы ко льду примерзла.

Взял я бритую голову, подбросил ее за волосы раза три, надел голову на свое место.

Поехал в разные стороны, приехал к кибитке, сошел с коня.

В кибитке той убили муху и готовили угощение. Жирная была черная муха.

Наелись все досыта, а остаток мухи в семидневный запас припрятали, а остаток от запаса все родственники и знакомые хозяина кибитки ели и сыты остались.

Жиром мушиным намазал я один свой сапог, а другой забыл смазать.

Встал я наутро – с левой ноги смазанный жиром сапог здесь, а несмазанный, с правой, убежал.

Воткнул я в один сапог обе ноги, побежал искать второй сапог. Бежал-бежал, до ставки хана добежал. Смотрю, а сбежавший сапог у того хана служит, подносчиком водки сделался.

Взял я убежавший сапог, обеими руками отхлестал его по щекам, надел тот сапог с правой ноги на левую ногу, ушел.

Иду дальше. За три версты услышал шум тихий, подъехал, смотрю – уж лягушку сосет.

Попросил я у него лягушку, закусил сытно кусочком, вернул ужю лягушку.

Когда по берегу реки шел, видел, как пауки своей паутиной рыбу ловили.

Добрые пауки-рыболовы и мне пару мелких рыбешек да одного сазана большого подарили. Дальше пошел.

Вижу у корня невзошедшей травы-полыни лиса, еж и тушканчик в карты играют.

Присел и я играть. Выиграл все деньги, что у лисы, ежа и тушканчика в карманах и за пазухой были.

Пошел дальше – у другого корня невзошедшей полыни лежит нерожденный зайчик.

Не видя того зайчонка, ударил я его, а потом, не держа руками, привязал к седлу.

Пошел дальше. Шел-шел, а потом – надоело; стал я и заснул стоя.

Сплю крепко, да во сне чувствую – дерется кто-то в ногах у меня. Вздрыгнул от страха, открыл глаза, гляжу: сапоги мои друг с другом дерутся.

– Из-за чего деретесь? – спрашиваю. Отвечает правый сапог: – Почему ты смазал левый сапог мушиным жиром, а меня обидел? Вот мы и деремся.

Затейнику драки, правому сапогу, дал я по справедливости две пощечины, а левому три пощечины.

Обиделись сапоги, пошептались, с ног моих снялись и убежали. Только я заснул, снова чувствую – опять драка идет.

Проснулся: мой нож дерется со своими ножнами. Спрашиваю: – Что за драка идет? Отвечают ножны: – Ты, хозяин, дал ножу мясо, а нам нет. Вот мы и деремся.

Дал я ножнам мяса, одел ножны в нож, чтобы не ссорились, положил их спать, а они от обиды вслед за сапогами пустились.

Проспал я суток пять. Проснувшись наутро, почувствовал жажду, зной стоит, жара жгучая.

Добежал по воздуху до степного ключа-родника, бывшего фонтаном.

Подбежал и вижу: замерз фонтан от жары и зноя, как кочан капусты. Лед толстый, крепкий, пробить его нечем.

Думал я, думал, догадался: сорвал свою голову с шеи, размахнулся, ударил об лед – молния сверкнула, распался лед, тут я водой хлынувшей напился.

Когда надевал голову, посмотрел на нее, а голова подмигивает мне, зубы скалит, посмеивается, дал ей щелчок и снова надел.

По дороге собака издохшая ко мне пристала.

Сел отдохнуть я, отвязал от седла зайца, что нерожденным мне в руки попался, пустил его под кустиком полежать.

Не дошел до куста заяц, как на него собака бросилась. Не успел я с места двинуться, как собака уже быстрее стрелы к нему летела. Смотрел-смотрел я на небо, пока собака с глаз не скрылась. Вот чудо, думаю!

Поглядел я на землю: лежит мой зайчонок цел-целехонек и спит под кустиком, похрапывает.

Лег и я рядом с ним и слышу, как задние ноги зайчика перед передними похваляются: – Трусые вы несчастные! То ли дело мы! Вы

чуть что, сейчас же удрать норовите, да все впереди нас бежите. А вот мы не такие! Никакой враг нам не страшен. Сами видели, как мы сейчас собаку на тот свет спровадили!

Оказалось, что зайчонок задними ногами так собаку лягнул, что она без остановки на тот свет отправилась. Ну и ну! Отпустил я зайца, без него пошел.

Куриль мне опять захотелось; достал кисет, наложил в табак трубку, сделал из него кремень, из воды – трут, ударил о кремень – искры летят, горит трут – славно покурив я!

Отдохнуть хотел, да не пришлось. Два больших кургана затеяли спор, кто из них старше. Спорили-спорили да в драку пустились. Пыль кругом стоит, земля трясется, от ударов по степи малые курганчики, что шишки выскакивают. Ушел я от драчунов, опять по дороге путь свой держу.

Только прошел немного и вижу – стоит вверх ногами кибитка.

Зашел в нее – глазам не поверил: пир горой идет, один сапог мой разносит гостям водку, нож мой мясо режет и пирующим раздает. Увидели меня сапог и нож, обрадовались: – Хозяин, хозяин наш пришел.

Угощать меня стали: сапог водку подливает, нож мясо подносит. Наелся, напился, выспался сладко, пошел наутро дальше.

Иду, по пути сладкий тёрн зеленый срываю и кушаю.

По дороге мимо меня одной лошадейю запряженная тройка промчалась.

Дошел к вечеру домой, верст пятьсот отмахал за день.

Смотрю – табун прирост дал: ожеребились кобылы верблюдами. Верблюдов тех желтых стало уже восемьдесят.

Выбрал я могучего великана-верблюда, сел на него, не выдерживает меня верблюд, валится. Не вытерпел хан: Да, может, верблюдов твой, – кричит, – слабый да маломощный был!

Отвечает батрак: – Нет, хан, верблюд мой сгрызал на корню дерево сосновое, так что дерево и покачнуться не успевало.

– Да может, – не унимался хан, – дерево-то низкое да тонкое было! – Нет, дерево то в 150 обхватов было, а как кинул его верблюд в худук глубиной в 65 саженой, так дерево еще на 15 саженой над колодцем торчало.

Насутился хан. Дочь его – ни жива ни мертва. Придворные в ужасе. За простого батрака ханскую дочь выдавать придется. Делать нечего. Повздыхал хан и отдал дочь свою батраку. Дочь та красавицей была, да в красоте и батрак ей не уступал. Взял батрак себе в жены дочь ханскую и зажил с ней счастливо.

Крестьянин Тархас³⁵

Бурятская сказка

Давно это было, как-то узкоглазый хан Олзой от нечего делать издал указ: «Кто сумеет обмануть меня так, чтобы я поверил, тому отдам полную чашу золота».

Узнал об этом указе пастух Малаасгай пришел к узкоглазому хану Олзой и говорит:

– Хан-батюшка, у моего отца был такой длинный шест, что он мог им перемешивать звезды на небе.

– Да это ерунда. Вот когда закуривал мой хан-отец свою трубку во дворе, то зажигал ее прямо от солнца. Вот какая была у него длинная трубка.

Услышал это пастух Малаасгай и молча вышел.

Услышал об этом указе портной Олёодой, пришел к узкоглазому хану Олзой и сказал:

– Хан-батюшка, вчера загремел гром так, что разорвал небесный шов – Млечный путь. Мне пришлось до позднего вечера зашивать эти швы.

– Да, мой портной Олёодой, хорошим делом ты занимался. Но вот плохо ты зашивал, недавно утром прошел дождь, – говорит Олзой-хан, посмеиваясь над Олёодоем.

Замолчал портной Олёодой и тоже молча вышел.

Услышал об указе крестьянин Тархас, который заседал просо на вершине оврага Таряата. Он прискакал на телеге с пустой бочкой. Узкоглазый хан Олзой очень удивился этому и спрашивает:

– О! Крестьянин Тархас, что за пустую бочку с грохотом привез?

– Приехал за долгами, – отвечает тот.

³⁵ Бурятские народные сказки. Бытовые. / Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1981. – С. 87-88.

– А что за долг? Когда это было? Когда я тебе задолжал? Я об этом не помню, – говорит хан.

– Ты забыл, как у меня взял вот эту бочку, наполненную золотом, – говорит Тархас.

– Не ври.

– Если я вру, отдай мне полную чашку золота!

– Нет, не врешь, это правда!

– Если правда, то дай бочку золота!

Так узкоглазый хан Олзой проиграл находчивому крестьянину Тархасу чашку золота, которым дорожил.

Знающий семьдесят небылиц³⁶

Бурятская сказка

Шел как-то по дороге Далан худалшан – Семьдесят небылиц с двумя друзьями. Оказались они без огня. Недалеко показалась юрта, из трубы ее шел дым. Далан худалшан отправил одного из друзей за огнем. Зашел он в юрту и говорит хозяину дома:

– Я пришел попросить у вас огня.

– Если дашь вырезать со спины ремни, тогда дам, – отвечает старик.

Парень согласился вырезать ремни (со спины) и помер. Отправил Далан худалшан второго товарища в ту же юрту, а он, как и тот (прежний), тоже помер. Наконец пошел сам Далан худалшан.

– Где мои товарищи, которых отправлял за огнем? – спросил он у хозяина юрты.

– Я сказал им, что они получат огонь после того, как позволят вырезать ремни со своей спины. Я вырезал, а они померли, – отвечает.

Далан худалшан просит:

– Дайте огня! – Вырежу ремни с твоей спины, тогда получишь огонь.

– Я расскажу тебе семьдесят небылиц, но ты не должен (прерывать меня), говорить мне что я вру. Если скажешь, то я у тебя самого вырежу ремни, – говорит парень.

³⁶ Бурятские народные сказки. Бытовые. / Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-ство, 1981. – С. 88-89.

Остановились на этом. Начал рассказывать Далан худалшан:

– Я родился раньше своего отца. Пас я верблюдов своего деда. Один из верблюдов ушел на другой берег моря. Не смог я перебраться туда и вернуть верблюда. Собрался я переплыть на щепке, но она не смогла поднять меня. Нарвал я травы и положил на море, трава подняла меня. Пришел я к верблюдице, а у нее верблюжонок родился. Стал я верблюжонок на верблюдицу навьючивать, а она не смогла поднять его. Тогда я попробовал навьючить верблюдицу на верблюжонок. Оказалось, он запросто ее поднял и двинулся. Гнал я верблюда, ко мне подъехал один человек на белом коце и предложил мне поменаться. Поменялись. Еду я на коне, а конь идет и шатается. Обернулся назад, а из хвоста моего коня выросло высокое, красивое дерево, оно скребет по небу и мучает моего коня. Попробовал я подняться на небо по растущему дереву. Карабкался, карабкался и поднялся на небо. Там полным-полно откормленных коров. Я начал есть их, но не смог наесться. Потом съел еще правое стегно коровы и тогда наелся. Стал искать способ, как бы спуститься мне оттуда. Из шкур коров я сплел веревку. Привязал его за небо и спускаюсь вниз. Моя веревка оказалась короткой. На мое счастье в этот день один высоченный человек зерно развеивал, зацепился я за мякину и спустился. Спустился и завяз в глине. Не мог я вылезти из глины. В это время прилетела чайка и отложила яйца в моем ухе. Пришла рыжая лисица, хотела выкрасть яйца из моего уха. Только она вспрыгнула, как я схватил ее за хвост, сам выкарабкался из глины, а хвост лисицы оторвался. В ее хвосте оказалось интересное письмо. Взял я это письмо и начал читать. Мой отец должен получить от твоего отца деньги. Вот я и пришел получить долги.

– Не ври, мой отец ни копейки не должен твоему отцу, – говорит тот человек.

Так обманутый богач проиграл спор, разрешил вырезать ремни со своей спины и помер.

Далан худалшан обманул очень богатого человека, взял все его добро и огонь и вернулся к себе домой.

Семьдесят небылиц³⁷

Бурятская сказка

Давным-давно жил один жестокий хан. Как-то все хану надоело: и развлекательные увеселения, и игры, и танцы, и даже облавная охота. Судьбы его подданных не интересовали хана. Ничего и никого не хочет он знать и видеть. И тогда был издан указ, о котором знали в каждом аиле и в каждой долине. В нем говорилось:

«Кто сумеет рассказать хану семьдесят небылиц, не останавливаясь, не сказав при этом правдивого слова, тот человек получит столько золота, сколько можно навьючить на одного верблюда. Кто не сумеет рассказать так, как надо, запнется во время рассказа, или рассказ будет правдивым, того человека ожидает смерть. Закопают его живьем в землю и на следующий день казнят, а тело станет добычей бродячих собак».

После издания указа разные лгуны повалили ко дворцу хана: одни из жадности, другие, чтобы прославиться, а остальные – просто из-за бедности. Но среди них никто не смог рассказать такие небылицы, в которые бы мог поверить сам хан. Из-за обещанного золота многие потеряли свои головы. Постепенно не осталось ни одного человека, кто пожелал бы рассказать семьдесят небылиц.

Однажды к ханским серебряным воротам постучался босой парень, с худым белым лицом, в рваной рубахе, в дырявых штанах. Собаки хана, которые сидели на железных цепях залаяли на него, а стража остановила. Парня до этого никогда здесь не видели. Подумали, что он пришел из других мест, а он оказался сыном подметальщицы и старого пастуха, который пас бычков и телят богачей.

– Парень, что тебе здесь надо? – надменно спрашивают его караульные.

– Я пришел рассказать, хану семьдесят небылиц, – отвечает он, ковыряясь в носу.

Караульный хана смерил его взглядом с ног до головы, притопнул ногой и высокомерно пробасил:

³⁷ Бурятские народные сказки. Бытовые. / Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1981. – С. 89-92.

– Пока твоя голова не слетела с плеч, пока цел и невредим, убирайся отсюда!

– Я хочу получить обещанное золото. Проводи меня к хану! – смело и твердо потребовал тот парень.

Заметив это, удивился караульный и провел его к хану.

Невзрачный парень перешагнул порог дворца и увидел хана, развалившегося на восьми разноцветных тюфяках. В тот день он был очень сердитым и молчаливым. Хану принесли на золотых блюдах вкусную еду, в серебряных сосудах сладкие напитки и поставили перед ним на стол. Хан не дотронулся ни до одного блюда. Не попробовал ни капли арзы и хорзы, велел убрать. У старшего из слуг на лице ни кровинки, стоит он, дрожит от страха.

– Что тебе нужно? – крикнул, трясаясь от злобы, хан с ложа.

– Великий хан, соблюдающий законы (древние) Тибета, я хотел бы рассказать вам семьдесят небылиц, – говорит парень.

Хан был удивлен смелостью парня, сердито глянул на него, и, замахнувшись своей тростью с украшением из алмаза с десятью гранями, прикрикнул:

– Ах ты, паршивец, хочешь, чтобы голову с тебя снесли!

– Великий хан, соблюдающий тибетские законы, издавна говорится: «Когда забивают скот, берут у него кровь, перед казнью человека, ему дают слово». Слушайте меня, прежде чем отрубить мне голову. А потом прикажете выдать мне столько золота, сколько можно нагрузить на одного верблюда.

Хан, удивленный спокойной и мудрой речью парня, на миг потерял дар речи. Когда же пришел в себя, то, сдерживая свой гнев, сказал:

– Ну, говори! Я слушаю!

И неказистый парень, стоя перед ханом, начал рассказывать семьдесят небылиц:

– О великий хан, соблюдающий законы Тибета! То, что я хочу рассказать, произошло давным-давно, вчера. Небо в то время было не больше потника из-под седла. Обширная наша земля была не больше верблюжьего следа. Я в то время, хотя еще не родился на белый свет, но, достигнув десяти лет, пас табуны своего внука, тем и кормился.

В то время, в один прекрасный день, в жару, когда дышать было трудно, я погнал табун с жеребцом на водопой. Когда пригнал, то увидел, что река замерзла. Решил продолбить лунку на льду, взял в руки топор и начал долбить. Долбил, долбил, только притупил лезвие топора, ни на палец не прорубил. «Как же мне продолбить прорубь?» – думал я день и ночь и придумал один интересный способ: я сорвал голову с плеч, схватился крепко за шею, размахнулся и со всей силой ударил (по льду).

Великий хан, соблюдающий законы Тибета! Как думаете, что было? Как только я ударил, получилась на льду большая прорубь. Из нее сто моих лошадей сразу напились воды, а за ними сто других. После этого они пошли пастись по льду. Присмотрелся я к табуну и увидел, что там нет моей любимой пегой кобылы. Снял я дэгэл из козьих шкур, воткнул в него свою камышовую трость, забрался на нее, гляжу, а кобылы нет. В трость воткнул нож с костяной рукояткой, взобрался туда, смотрю, но ничего не вижу. Запечалился я и воткнул в нож иголку, которую носил у сердца. Опять с трудом влез на иголку, посмотрел через ее ушко и увидел мою любимую пегую кобылу, стоящую на скале среди Черного моря. Сивый жеребенок скачет вокруг по волнам, поднимая пену морскую.

Я быстро продолбил трость, получилась лодка, сделал из ножа весла и поплыл в сторону острова. Хорошо плыл, но вдруг лодка наткнулась на пену и начала тонуть. Тогда я вынужден был сесть на нож с костяной рукояткой, а из трости сделал весла и за какой-то миг благополучно добрался до острова.

Еле-еле поймал пегую кобылу, сделал из веревки уздечку и сел на неё. Взял на руки жеребенка и пустился рысью по морю так, что море взволновалось.

Сиюю я на пегой кобыле и пою от радости. Вдруг она споткнулась о волну и начала тонуть. «Что же мне делать», – подумал я и вмиг сел на жеребенка, взял на руки пегую кобылу и быстро домчался до другого берега.

Ехал, ехал и добрался до своих пасущихся коней. Кони мои паслись среди боярышника. Когда я привязывал свою кобылу за

только что распутившийся боярышник, из-под моих ног выскочил десятиногий заяц. Я помчался за ним. Никак не мог догнать: так быстро бежал. Натянул тетиву и пустил стрелу. Стрела оперением ударила прямо в грудь зайцу и вернулась обратно. Тогда я стрелу направил оперением вперед, а наконечником назад. И что вы думаете? Тогда моя стрела насквозь пронзила зайца.

Снял шкуру с зайца, отделил жир от мяса и начал собирать в подол кизяк. Смотрю – моя пегая кобыла вроде испугалась чего-то и, копытами ударяя о землю, фыркает. Вдруг ее кто-то потащил на гору. Оказывается, я привязал кобылу не за боярышник, а за гурана с тридцатью ветвистыми рогами. Об этом я узнал позже. Еле догнал я кобылу и отвязал ее. Вернулся, а собранный мною сухой кизяк вдруг разлетелся в рассыпную, чуть ниже облаков. Оказывается, рябчиков я принял за кизяк.

Опять мне пришлось собирать сухой кизяк. Я нагрузил его на свою семидесятилетнюю собаку и еле приволок. Наконец-то я разжег костер. Поставил новый котел и стал растапливать заячий жир. Вдруг вижу – жир весь вытекает. Что делать? Я быстро перелил жир в котел без доньшка и так растопил. Ни капли жира, все растопилось. Весь жир влил в кишки бычка. Потом принялся за мясо, хотел наесться досыта, открываю рот, а рта нет. Оказывается, я забыл свою голову там, где выдолбил прорубь. От досады я чуть не заплакал. Долго не думая, начал толкать мясо руками прямо в горло, а оттуда в желудок. Я наелся так, что не мог встать, вытер руки о голенище одного гутула, а о другом забыл.

Лег отдыхать. Ночью проснулся я, потому что замерзли ноги. Слышу шум, крики, идет драка. Вижу – два моих гутула дерутся. Один гутул говорит другому: «Ешь, вот это ешь! Отведай! Вот на за то, что ел жир с рук хозяина, а это от меня, про которого забыли!» – и кулаками бьет того, которому достался жир. Встал я и еле разнял свои гутулы. «Перестань сердиться, сейчас ты ничего не сделаешь. Видимо, ты родился на этот свет несчастным», – сказал я обиженному, лег между ними и заснул в тепле.

Я проснулся оттого, что начало холодать. Нет гутула, которого я нечаянно обидел. Обиделся он на меня и убежал. Натянул я

один гутул на обе ноги и помчался за беглецом. Бегу, бегу за ним. Бежал целый день без отдыха. А гутула-беглеца не могу догнать. Целый месяц бежал за ним. Никто не видел его. Целый год бежал без отдыха, а его так и нет.

В поисках гутула я зашел в один дом. А там большой праздник, люди веселятся. Много людей прислуживает гостям. Я неожиданно оказался в самой середине пирующих. Перед гостями полные блюда мяса и архи. Присмотрелся внимательно... Пускай вытекут мои глаза! О великий хан, соблюдающий законы Тибета! Кто, вы думаете, попался мне на глаза? Мой гутул – весь в жиру и в поту. Я от удивления сказал: «Попадись мне!» Гутул повернулся в мою сторону и от страха чуть не выронил поднос с мясом. Испугался он, что я начну его бить, и, стараясь мне угодить, подносит мясо. «Ты пожалел для меня жир на руках. Ешь же, мой жадный хозяин, ешь все, что на подносе!» – приговаривает он.

Расставил он вокруг меня мяса целую гору, ел я мясо до отвала, а потом отправил гутул за своей головой. Принес он мою голову, поставил на место. Зубы от длительного отдыха стали очень острыми, поэтому я перемолол ими всю гору мяса.

Одел я свои гутулы и вернулся к коням. От мяса и от сильной жары захотелось пить, и я отправился на речку. Спустился вниз по берегу, просунул голову в прорубь и начал пить воду так, что мой лоб распух и плечи распрямились. Хотел встать, но не смог. «Почему же мое тело стало таким тяжелым, как камень?» – подумал я. Оказалось, когда я пил воду, моя длинная и густая борода зацепилась за зубы семиметрового тайменя. Еле вытащил бороду вместе с тайменем.

Семиметрового тайменя выменял на дрофу. О великий хан, соблюдающий законы Тибета! Вам надо сказать! Та дрофа была очень большая: больше двугорбого верблюда, и пила она воду из самого глубокого колодца, не наклоняясь. Вот такая была дрофа.

Хан подумал, что парень закончил свой рассказ о семидесяти небылицах без запинки и придется ему отдать проигранное золото, ударил тростью о пол и громко крикнул:

– А может неглубоким было дно колодца?

– Может, было неглубоким. Почему думаю так? Когда бросишь камень утром в колодец, то только вечером достигает он дна, – говорит парень, не растерявшись.

– В это время, наверное, дни были короткими? – спрашивает хан.

– Может, и короткими были. Когда твой отец украл овцу у моего отца и был пойман, мой отец начал выдергивать по одной волосинке его волосы. Только к вечеру твой отец вернулся домой совсем лысым и с красной головой.

– Врешь! – закричал хан и сразу замолчал.

– О великий хан, соблюдающий законы Тибета! Все, что видел своими глазами, я поведал вам. Если бы все, что слышал от людей, рассказывал бы до глубокой старости, – сказал и закончил свой рассказ.

– Выдайте этому парню обещанное золото из моих сокровищ! – крикнул хан громким голосом, больше не сказал ни одного слова и через два дня помер.

Семьдесят небылиц³⁸ (вариант 2)

Бурятская сказка

В далекие прежние времена, когда океан-море было с лужицу, а птица-ворон – с воробушка, жил на свете один жестокий хан. Судьбы подданных давно перестали волновать его. Хан только тем и занимался, что устраивал шумные пиры, веселые игрища да ездил на облавную охоту. Но вскоре и это ему надоело. Заперся хан в своем дворце. Никого не хочет видеть, ничего не хочет слышать. И тогда был издан указ, о котором знали в каждой долине, в каждом аиле.

«Слушайте, слушайте, люди добрые! – кричали глашатаи. – Кто сумеет рассказать хану-батюшке семьдесят небылиц и сделает это без остановки, без запинки, не обронив при этом ни единого правдивого слова, тот получит столько золота, сколько можно

навяючить на одного верблюда. Кто собьется во время рассказа или произнесет слово правды, того живьем закопают в землю».

И повалили ко дворцу завзятые говоруны, записные лгуны, любители небывальщины: одни – из жадности, другие – из бедности, а кто и прославиться захотел.

Вот тут-то хан и поставил перед ними главное условие: – Кто выведет меня из терпения своей ложью, кому я скажу: «Такого не бывает», – тот и победит.

Принялись говоруны за опасное дело. Но один запнулся на середине рассказа, другой правдивое слово обронил ненароком, третий все складно поведал, но хан презрительно усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Со мною и похлеще случалось.

Казнили всех троих говорунов, записных лгунов, и желающих рассказать хану семьдесят небылиц сначала поубавилось, а потом и вовсе не стало.

Стали люди забывать о ханском указе. Да и кому захочется из-за золота свою голову сложить.

Но однажды подошел ко дворцовым воротам босой паренек в рваной рубахе и дырявых штанах. Залаяли ханские собаки, сидевшие на железных цепях; всполошились стражники, схватили паренька.

– Чей ты будешь? – спрашивают. – И чего тебе здесь надо?

– Я пастуший сын, пришел рассказать хану семьдесят небылиц, – отвечает он, шмыгая носом.

Смерил главный стражник невзрачного паренька презрительным взглядом и пробасил:

– Убирайся отсюда, пока цел!

– Послушай, почтеннейший, я пришел за обещанным золотом, и ничто не заставит меня отступить от своего намерения. Веди-те к хану! – твердо потребовал паренек.

Удивились стражники такой решительности при таких малых летах и проводили паренька в ханские покои.

Перешагнул паренек серебряный порог и увидел хана. Лежит он, развалясь, на восьми разноцветных тюфяках. Лицо у него хмурое, взгляд потухший. Не смотрит хан на яства в золотой

³⁸ Бурятские народные сказки /Сост. Б.С.Дугаров. М., Современник, 1990. С.207-212. http://librebook.ru/buriatskie_skazki/vol1/32

посуде, на сладкие напитки в серебряных сосудах. Не хочет пригубить ни арзы, ни хорзы. Взмахнет он левой рукой, чтобы убрали столы, и дрожат сановники, сидящие слева; сделает отмашку правой рукой – и дрожат мелкой дрожью нойоны, сидящие справа.

– Что тебе нужно? – грозно спросил хан, увидев невзрачного паренька.

– Великий хан, почитающий древние законы Тибета, я пришел рассказать вам семьдесят небылиц, – не дрогнув, отвечает паренек.

Удивился хан такой дерзости, замахнулся на паренька резной тростью с десятигранным алмазным набалдашником.

– Ах ты, паршивец! – кричит. – Да как ты осмелился?! Да я же тебе голову несусу!

– Великий хан, почитающий древние законы Тибета, издавна говорится в народе: «После того как забивают скотину, берут у нее первую кровь; перед тем как казнить человека, ему дают последнее слово». Сначала выслушай меня, а потом прикажи выдать обещанное золото.

– Каков наглец! – побагровел хан. – Приступай к рассказу, если тебе не терпится расстаться с жизнью.

И неказистый парень начал рассказывать семьдесят небылиц, нимало не оробев от ханского гнева:

– О всемогущий хан, почитающий древние законы Тибета! Хочу начать с давнего, случившегося вчера. Небо в то время было не больше потника из-под седла твоего иноходца, бескрайняя наша земля – не больше верблюжьего следа. И хотя я тогда еще не родился, но уже пас табуны своего внука, тем и кормился.

В один прекрасный день, когда от жары дышать было нечем, я погнал табун лошадей на водопой. Подъезжаю к реке, а она замерзла. Схватился я за топор и давай прорубь долбить. Долбил, долбил, но лед такой крепкий попался – ни на волос не поддается, а топор уже весь в зазубринах. «Как же мне до воды добраться?» – стал я думать да гадать. Думал день, гадал ночь, наконец догадался: сорвал голову с плеч да как тресну ею об лед! – брызнуло в разные стороны ледяное крошево. И скажу я вам, великий хан, почитающий древние законы Тибета, получилась после такого

удара огромная прорубь. Сто моих лошадей напились разом, а потом сто остальных. Напились они и пошли пастись по льду. Присмотрелся я к табуну и увидел, что там нет моей любимой пегой кобылы.

Расстелил я дэгэл из козьих шкур, воткнул в него свой камышовый посошок, взобрался на самый его верх, гляжу, а кобылы нет как нет. Надставил я посошок ножом с костяной рукояткой, взобрался еще выше, глянул, но и тут не увидел своей кобылы. Очень я огорчился, воткнул в рукоять ножа иголку, которую носил у сердца. Вскарабкался на ее вершину, глянул через игольное ушко и только тогда увидел свою любимую пегую кобылу, одиноко стоящую на скале среди черного моря. Да не одну, а вместе с сильным жеребенком, скачущим вокруг скалы по волнам, поднимая пену морскую.

Слез я с верхотуры, выдолбил из посошка отменную лодку, сделал из ножа весла и поплыл в сторону острова. Все бы хорошо, но разбилась моя лодка о пену морскую и тонуть начала. Тут-то и пригодилась моя смекалка: пересел я на весла, сделанные из ножа с костяной рукояткой, а обломками лодки грести начал. Так и добрался до желанной цели.

Сделал я из ниток, которыми пришиты сто восемь пуговиц моего дэгэла, ладную уздечку, поймал пегую кобылу, взнуздal ее, сел верхом, жеребенка на руки взял и пустился рысью по волнам, да так, что море вспенилось.

Сижусь я на пегой кобыле, пою от радости. Вдруг она споткнулась на всем скаку и стала тонуть. Что делать? Другой бы растерялся, а я пересел на жеребенка, подхватил на руки пегую кобылу и быстро домчался до берега.

Разыскал я своих коней, пасущихся среди кустов боярышника, привязал свою норовистую кобылу к засохшей ветке и уже приготовился прилечь да отдохнуть, как вдруг выскочил из-под кустов десятиногий заяц. Решил я его поймать и бросился вдогонку. Однако сколь быстро ни бежал, но отставать стал. Тогда натянул я тетиву и пустил стрелу. Ударилась она в заячью грудь своим оперением и вернулась обратно. «Так вот в чем дело!» – думаю.

Пустил я стрелу оперением вперед, наконечником назад. И что вы думаете? Насквозь прошла моя стрела резвого зайца. Решил я зажарить добычу, начал собирать в подол дэгэла кизяк для костра. Но тут взбрыкнула моя пегая кобыла, фыркнула и метнулась в сторону, а потом перевернулась на бок и поехала в гору. Только тогда я догадался, что не к кусту боярышника привязал ее, а к ветвистым рогам гурана, который уносил теперь несчастную кобылу к вершине высокой сопки. Еле достал я беглеца, отвязал кобылу и вернулся на ней к месту стоянки. Гляжу, а собранный мною кизяк в поднебесье порхает. Оказывается, я вместо кизяка рябчиков насобираю.

А надо вам сказать, что со мною была еще и семидесятилетняя собака. Нагрузил я на нее вновь собранный кизяк, привез к месту привала и наконец-то разжег костер. Сварил я зайца в котле без дна. Вынул лучший кусок, поднес ко рту, а рта нет! Оказывается, я забыл свою голову там, где прорубь долбил. Чуть не заплакал я с досады, но и тут не сробел: стал кидать куски мяса прямо через горло и быстро насытился. А потом вытер руки о голенище одного гутула, да забыл вытереть о другой.

Прилег вздремнуть. Однако среди ночи просыпаюсь оттого, что ноги замерзли. Слышу шум, гам и чье-то сопение. Вижу – два моих гутула дерутся. «Вот тебе на закуску! – кричит гутул, о который я забыл руки вытереть. – А вот тебе на верхосытку! – и лупит гутул, лоснящийся от заячьего жира. – Будешь знать, как без меня обедать!» Соскочил я, разнял свои гутулы. «Перестань сердиться, сейчас поздно кулаками махать. Видно, таким уж несчастным ты на белый свет родился», – сказал я обиженному, лег между своими гутулами и уснул в тепле.

Чувствую – среди ночи с левой стороны холодом потянуло. Открываю глаза – нет левого гутула, которого я нечаянно обидел. С большого расстройства убежал он от меня куда глаза глядят. Натянул я правый гутул и кинулся за беглецом. Бежал день, бежал месяц, целый год бежал без отдыха, а его все нет и нет.

Забегаю в один дом, а там большое веселье, пир горой и полным-полно гостей. Я и сам не заметил, как оказался в самой гуще

пирующих. Сажусь перед полным блюдом мяса, гляжу искоса на слуг, разносящих тяжелые блюда. Присмотрелся повнимательней... «Пусть вытекут мои глаза, – думаю, – если это не мой гутул среди разносчиков!» А это и впрямь левый гутул весь в жиру и в поту с серебряным подносом бежит. «Попался!» – закричал я. Повернулся гутул в мою сторону и от страха поднос с мясом чуть не выронил из рук. Испугался он быстрой моей расправы, заюлил, как напроказивший пес, преподносит мне самые вкусные блюда: «Ты пожалел, – говорит, – для меня жиру со своих рук, а мне для тебя, ненасытного, никаких яств не жалко!»

Перекусил я на славу, а потом отправил левый гутул за своей головой. Мигом обернулся он, поставил голову на место. Захлопали мои глаза, открылся рот, и только тут я почувствовал, что зубы после долгого отдыха стали острее, чем прежде. Перемолол я ими гору мяса вместе с костями, обул гутулы и вернулся к своему табуну.

То ли от жирного мяса, то ли от сильной жары нестерпимо захотелось пить, и отправился я на речку. Просунув голову в прорубь, пил я до тех пор, пока голова моя не напухла так, что стала шире плеч. «Хватит пить!» – думаю, а подняться не могу. Открыл я под водой глаза, смотрю: моя длинная густая борода зацепилась за зубы семиметрового тайменя. Рванулся я и вытащил громадную рыбину на берег.

Парень я оборотистый, поэтому тут же выменял на семиметрового тайменя дрофу. О великий хан, почитающий древние законы Тибета! Надо вам сказать, что была эта дрофа больше двугорбого верблюда, и пила она из колодца, не наклоняясь и не сгибаясь, как другие, в три погибели. Вот такая была дрофа!

Хан подумал, что паренек рассказал все свои семьдесят небылиц, и готов уже был процедить сквозь зубы: «Со мной и похлеще бывало!» – но уж больно диковинной показалась ему дрофа, пившая из колодца, не нагибаясь. – А может быть, колодец был неглубоким? – любопытствовал хан.

– Может быть, и неглубоким, потому что камень, брошенный в него утром, только к вечеру достигал дна, – ответил парень, не растерявшись.

Тогда хан ударил об пол резной тростью с десятигранным алмазным набалдашником и грозно спрашивает:

– Наверное, дни тогда были короткими?

– Наверное, короткими были, – соглашается парень. – Ведь когда твой отец украл овцу у моего родителя и был пойман, у воришки стали выдергивать волосы с головы по одной волосинке. Только к вечеру твой отец вернулся домой совсем лысым и с красной головой.

– Брешешь, собака! – закричал хан и осекся. Но было поздно.

– О великий хан, почитающий древние законы Тибета! Вы утверждаете, что такого не могло быть? – поймал его на слове парень. – Но все это я видел своими глазами, а если я поведаю слышанное от людей, на мой рассказ жизни не хватит.

– Выдайте этому говоруну обещанное золото из моей сокровищницы! – приказал хан, а сам впал в такое расстройство, что и дня не прожил.

Сорок братьев ездили отца крестить³⁹

Небылица из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»

Бывало, поехали сорок братьев отца крестить; у их была сорокапегая кобыла, сорок братьев все на ней выселись, всяк на свою пегину. Они ехали, ехали, пришлось реку переезжать. Через эту реку у их кобыла скочила, да по середка сорвалась (перервалась пополам).

А у их брат был меньшей, а на сметках большой, он кольцо свил, да и кобылу сшил, да и опять поехали. Им привелось по дороге ночевать, а у их огнива не было, огня добыть: они увидели в лесу в избушке огонь, послали большого брата за огнём. Пришел брат к избушке, лежит старик из стены в стену ногами упёр, нос в потолок:

– Дедушко! Подай огню!

– Скажи небылицу дак и подам огню.

– Я, бывало, сорок сажень в день дров насеку.

– Это кака небылица, это я на старось насеку.

Взял из спины ремень выкроил, да и в погреб бросил.

Не могли дожидаться большого брата, послали сренньёго.

Приходит сренньёй и говорит:

– Дедушко, подай огню.

– Скажи небылицу, дак подам огню.

– Бывало я сорок возов сена в день поставил.

– Это кака небылица, это я на старось поставлю. Взял из спины ремень выкроил, в погреб бросил.

Пошел брат меньшей, который на смеках большой.

– Дедушко, подай огню.

– Скажи небылицу дак подам огню.

– Я, дедушко, услышел: за морем, што там скот дешов, быков меняют на оводов, мух на коров, телят на комаров. Я наклал три туеса, первой оводов, другой мух, третьей комаров и поехал за море и стал минеть этого скота. Наменял этого скота, променял все три туеса. Из-за моря вздумал их переправлять на свою сторону, а провозом станут дорого. Я стал их из-за моря за хвосты метать. Переметал всего скота, оставил себе семигодовалого быка. Розмахал этого быка, бросил; бросил да не отпустился, и сам с ним полетел. Выбил этого я скота и наделал кожи. Оттуда я отправился на небо и из кожи стал обутки шить: всем большим богам по сапогам, малым-то богам сошил всем по котам. А из семигодовалого быка выкроил себе ремень и стал по этому ремню с неба спускаться; ремень у меня не стал (ремня не хватило). Я штаны те поттыкал, дыму накликал, ужище свил и опеть спускался и опеть ужища не стало. Посмотрел испод, думал стоит печь, скочил и осел в болото до плеч. Стала утка летать, мне на голову еича садить. Волк узнал, стал ходить, еича ись; я добывал, добывал свою правую руку, пришел волк еича ись, я за хвост и поймался; волк скакал, скакал, меня выдернул, у волка хвост оторвался. Вот, дедушко, я оттуль и пришел. Ну, какова, дедушко, небылица?

– Хороша, молодец!

И дал дедушко огню и выпустил братьев из погреба. Оттуль поехали они дальше.

³⁹ Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / сост. В. И. Еремина. – СПб. : Мирь, 2008. – С. 125-126

Давно это было. Я тогда еще и отца с матерью не знал. А с дедом мы были одногодками. Дружно с ним жили. Да и что нам ссориться – делить-то нечего. Зато работы у нас по горло: то дурака валяем, то весь день баклуши бьем.

Бывало, пойдем с дедом на рыбалку, сядем на речку, забросим удочки на берег и только успеваем дергать. Наловим рыбы целый ворох, разложим песок на костре и давай его на рыбе жарить. Наедемся до отвала, даже отвалиться нельзя. А ведь сами знаете, рыба воду любит, вот и пьешь с утра до вечера.

Дед пил, пил и живую рыбину проглотил. Помнится, это таймень был. Большущий такой. А у деда в животе воды, что в море. Махнул таймень хвостом и потащил деда вниз да по речке. Только волны шипят да ветер у деда в ушах свистит – на берегу слышно.

Что бы с ним случилось, если б не дедова теща!

Она за водой на речку ходила. Зачерпнула в воде прорубь да и вытащила в ведре деда.

Пришла она домой, а в печке щи выкипают. Стала бабка воду доливать и выплеснула в котел моего деда. От жары он рот разинул, дух перевести не может. Тут и рыбине немоготу стало. Заметалась она в животе у деда да и выскочила в открытый рот. Чуть бабку не захлестнула.

А я думал: пропал мой дед, утопила его рыбина. Иду домой, а из глаз прямо речка соленая бежит, так деда жалко. (Кто знает, может, от этого в морях вода соленая.) Захожу в избу и глазам своим не верю: дед живехонький сидит и хлебает уху. И я на радостях на уху накинуся.

После обеда мы любили на полатах полежать. А деда хлебом не корми, дай поговорить.

Как начал он языком молоть, что твоя мельница. За какой-то час целый короб пирогов намолот, пришлось чай пить да водой закусывать.

Потом у нас опять работа: решетом воду черпать да из пустого в порожнее переливать.

Однажды вымокли, как сухари. Пришлось разуваться. Развесили кусты на ботинках и стали солнце на них сушить. Да так высушили – насилу потом обули.

Дед мой – такой непоседа! Чуть свободная минута выпадет, схватит грядку и бежит в огород лопату копать.

Насадил он луку. И такой лук высокий удался – что вдоль, что поперек.

Я тогда еще маленький был. Залез в эту грядку, а выйти не могу – заблудился.

Искал меня дед, искал, все ребра переломал. Насилу нашел. Обрадовался и говорит:

– Ешь, внук, лук, сколько хочешь, ешь!

Я совсем не хотел и съел всю грядку. Развалился на соломе кверху пузом, а в животе от лука петухи поют. Солнце печет, по животу течет. Слышу, что-то липкое. Попробовал – мед!

И вот налетели на меня пчелы, что твои воробьи. За один день бочку меда натаскали, эдак пудов на пять. Мы потом с дедом всю зиму мед пили и в бочку не заглядывали.

Зимой мы любили поохотиться.

Как-то дед пронюхал, что в одной роще столько зайцев водится, что тараканов на березе. Пошли мы в лес ставить зайцев на петли. Наловили так много, что и не унести. Но дед смекалистый был. Вырубил в соснячке сухой шест и лаптями привязал всех зайцев к нему. А переднему уздечку на голову накинуд. И повел их гуськом домой, словно лошадь на поводе. А я сзади иду и хворостиной его подгоняю, чтобы зайцы быстрее бежали.

Ну, пришли, значит, домой... Накрошили скорехонько зайцев в чугунок, да еще луку – и в печь.

По избе такой дух пошел, что нос набок воротит. Смотрю, у деда моего нос воротило-воротило и на затылок заворотило. Подкрался я сзади да щелчком его по этому самому носу. Дед не видит, кто его щелкает, только носом крутит. Пока он носом крутил, на место его воротил, все зайцы из чугунка выкипели и в лес убежали.

Пришлось не солоно хлебавши спать ложиться.

⁴⁰ Байкала-озера сказки. Том II, Раздел 2. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989.

Без огня⁴¹
Эвенская сказка

Давно это было. Пришли на север из теплой земли пять мужчин; пять братьев. Поселились на берегу моря. Стали жить. Жили очень бедно. Огня у них не было, не знали они, как добыть себе огонь. По соседству с ними жил богатый старик камчадал, в жилище которого всегда горел огонь.

Стали братья между собой советоваться, как достать им огонь. Без огня ведь жить невозможно.

Тогда младший брат сказал:

– У соседа-старика есть огниво, им он добывает себе огонь. Как бы нам взять у него эту вещь? Если попросить, старик не даст, он очень жадный.

– Обязательно нужно достать огонь, – согласились другие братья, – иначе мы погибнем.

Решили послать к старику самого старшего брата, чтобы он попросил огниво.

Отправился к старику старший брат, пришел и сказал:

– Дедушка, выручи нас, дай нам свое огниво развести огонь, иначе мы погибнем.

– Нет, не дам, – говорит старик. – Что же я без него делать буду? Без платы не дам.

– Где же взять нам плату? – спросил старший брат.

– Если нет у тебя платы, то Расскажи сказку, – говорит старик.

– Что же я Расскажу? Не знаю я никакой сказки, – говорит старший брат.

– Ну тогда чего же ты стоишь? Иди отсюда! – сердито закричал на него старик.

Вернулся домой старший брат без огнива. Рассказывает своим братьям:

– Старик огниво без платы не дает. Если нет платы, говорит, Расскажи что-нибудь. Я же не смог ему ничего рассказать. Он меня и выгнал.

Тогда отправился за огнем второй брат. Пришел к старику, а тот его спрашивает:

– Ну, а ты зачем пришел?

– Дедушка, спаси нас! – просит второй брат. – Почему ты не хочешь дать нам свое огниво? Ведь мы без огня погибнем, мы не знаем, как еще можно добыть огонь.

– Не дам, – сказал старик. – Я уже сказал, что без платы не дам. А если нет у вас платы, то Расскажи мне что-нибудь.

– Что же тебе рассказать? – спрашивает второй брат. – Нечего мне рассказывать.

Старик рассердился, схватил палку и закричал:

– Что же ты стоишь? Убирайся вон!

И второй брат вернулся домой без огнива. Рассказал все своим братьям. Стали братья между собой советоваться, что им делать.

Послали к старику третьего брата. Но и его старик так же выгнал, как и первых двух. Ничего ему не смог рассказать третий брат.

Послали четвертого брата, но и он вернулся ни с чем.

Опечалились братья, как же будут они жить без огня?

– Что же нам придумать? Как же добыть огонь? Пришла наша погибель.

Тогда самый младший брат сказал:

– Пойду-ка я, попытаюсь попросить у старика огниво.

– Дедушка, – сказал самый младший брат, – не выручишь ли нас, не дашь ли нам свое огниво? Уже много дней живем мы без огня. Ведь мы погибнем.

– Без платы я вам все равно ничего не дам, – сказал старик, – если у вас нет платы, Расскажи мне сказку.

– Ну и трудную же ты задал мне задачу! Что же тебе рассказать?

Старик рассердился, стал кричать, браниться:

– Что же ты стоишь? Если не хочешь рассказывать, уходи быстрее!

– Нет, я не могу уйти без огнива, – говорит младший брат. – Придется что-нибудь рассказать. Хорошо, я Расскажу тебе сказку, только предупреждаю: когда начну рассказывать, ты смотри на меня, слушай, но не удивляйся и не поддакивай. Если хоть раз поддакнешь, я отниму у тебя огниво. Так слушай же! И стал младший брат рассказывать:

⁴¹ Эвенские сказки, предания и легенды. / Сост. К.А. Новикова. Магадан. 1987. С.69-71.

– Жили-были мы, пять братьев. Юрты у нас не было, была только одна лошадь – кобыла. На теле у нее росли четыре огромные бородавки. И вот однажды разразился проливной дождь. Нам негде было укрыться. Братья мои спрятались под бородавками лошади, а я остался без укрытия. Хотел забраться в рот лошади и спрятаться там, но во рту лошади долго оставаться невозможно. Если она начнет есть, то может проглотить и меня вместе с пищей.

Когда прошел дождь, я заметил, что на спине у лошади стал расти большой тополь. Я, конечно, удивился. Но тополь увеличивался в размерах с каждым днем. А через несколько дней уже не стало видно вершины тополя. Я решил на него забраться. Не достиг я еще вершины дерева, а земля уже стала чуть заметной – такой высокий был тополь. Полез дальше. Вдруг тополь обломился у основания, я свалился и с такой силой стукнулся о землю, что ушел в нее по пояс. Торчит из земли половина моего туловища, и ничего нельзя сделать. Пытался встать – не смог, так и остался в земле.

Лежал я так несколько лет. Тело мое мхом обросло, а на голове моей птицы стали вить гнезда. Когда захочу есть, шевельну головой – яйца из гнезд прямо в рот катятся.

Вот однажды лежу и вижу – волк бежит. Смотрю – направляется прямо ко мне. Подошел и стал меня обнюхивать. А потом нашел на моей голове птичьи яйца и стал их есть. Я решил его поймать. Когда он ел, схватил я его за хвост. Волк дернулся, а я еще крепче за хвост ухватился, боюсь, как бы не упустить. Волк с силой дергается, – пытается освободиться из моих рук. Вдруг я почувствовал, что отрываюсь постепенно от земли. Так волк вытащил меня из земли. Но хвост его оторвался и остался у меня в руках. Волк убежал без хвоста.

Рассматриваю я хвост, а он на моих глазах превратился в драгоценную шкатулку. Со всех сторон были запоры. Я открыл ее и вижу, что внутри еще красивее, чем снаружи. В шкатулке – разные диковинные вещи, красивые украшения...

Старик вскрикнул:

– Ой, как интересно! Вот так волчий хвост!

Как только он это проговорил, младший брат кончил рассказывать. Взял у старика огниво и понес в свою юрту.

Когда младший брат вернулся с огнивом, все очень обрадовались, а старший брат сказал:

– Хорошо, что ты добыл огниво. Спасибо тебе. Теперь мы будем живы и не погибнем. Наши дети, внуки и правнуки отныне также будут пользоваться огнем. И каждый раз, разжигая огонь, они с благодарностью будут вспоминать нас.

Как юноша министра перехитрил⁴²

Корейская сказка

Жил на свете министр, уж очень любил разные небылицы. И говорит он однажды:

– Кто расскажет мне две самые интересные небылицы, получит в жены мою единственную дочь.

Из всех восьми провинций собрались к министру именитые лгуны. Каких только небылиц не рассказывали, ни одна не пришлась по душе министру. Так и ушли лгуны ни с чем.

И вдруг приходит к министру юноша и говорит:

– Лето жаркое будет, выкопайте под главной улицей Сеула укрытие, а наступит жара, продадите его и разбогатеете.

– Прекрасно! – вскричал министр. – А теперь вторую небылицу рассказывай.

Вытащил юноша из кармана какую-то бумагу и говорит:

– Это долговое обязательство на сто тысяч ян. ваш отец занял их у меня накануне кончины, и я требую их вернуть!

Услышал это министр, не знает, что делать. Сказать, что это выдумка, – придется дочь отдавать. Не сказать – значит долг признать. И решил министр дочь отдать. Так и женился бедный юноша на дочери министра.

Шкатулка с небылицами⁴³

Японская сказка

Жил на свете один бедняк, великий мастер небылицы сочинять. Как-то раз позвал его богач и говорит:

⁴² Феи с Алмазных гор: Корейские нар. сказки – М.: Худож. лит., 1991.

⁴³ Ресурсы Интернета: <http://miuki.info/2010/08/yaponskaya-skazka-shkatulka-s-nebylicami/>

– Слышал я, здорово ты всех надуваешь. Но бьюсь об заклад, меня тебе не обмануть. Ну а коль обманешь, получишь десять золотых.

– Премного благодарен, – обрадовался бедняк, – очень мне кста-ти эти десять золотых. Только вот незадача какая...

– Что такое?

– Да не знал я, зачем ты меня к себе зовешь... Не знал, вот и не взял шкатулку с небылицами, дома ее оставил.

– Что это за шкатулка такая? – удивился богач.

– Замечательная шкатулка! В ней столько всякой лжи. Без нее где мне с тобой тягаться! Пошли слуг ко мне домой, пусть они скорее шкатулку принесут, тогда и сразимся.

Послал богач слуг к бедняку домой. Прибежали слуги, весь дом обшарили, а шкатулки не нашли. Так и вернулись ни с чем.

– Недотепы вы эдакие, плохо искали! – рассердился богач. А бедняк молчал-молчал да как захохочет:

– Не так уж и трудно обмануть тебя!

Взял бедняк свои десять золотых и отправился домой.

Сказка о сорока небылицах⁴⁴

Турецкая сказка

Эй, харани, харани, съел я сорок котлов барани, слушайте, буду врать, и ни-ни!

Когда-то у одного падишаха было три сына. Еще при жизни падишах делает своим детям такое завещание.

– Не дружи с человеком, у которого рыжие волосы и голубые глаза, – наказывает он старшему и дает ему сундук с золотом да коня.

– Не знайся с человеком, у которого нет бороды и усов, – наказывает он среднему и дает недоуздок.

– Не води дружбы с карликом, – наказывает он младшему и дает ему пару стремян.

Несколько времени спустя приходит смертный час падишаха, он умирает.

Однажды во дворец приходит рыжеволосый человек и обращается к старшему сыну падишаха:

– О шахзаде, когда был жив твой отец, он всегда помогал мне. Теперь он умер, остался ты; разве подобает тебе оставлять меня без денег?

А шахзаде понимает, что этот человек – шутник. Забыв отцовский завет, он отправляет его во дворец.

– Ступай, живи во дворце, ешь, пей! Рыжий идет и располагается во дворце.

На следующий день к среднему сыну падишаха приходит безбородый.

– Смилуйся, шахзаде, я изголодался; мне не на что жить, – говорит он.

И этот, забыв отцовский завет, оставляет безбородого жить во дворце.

На третий день, когда младший сын падишаха прогуливался по базару, к нему подошел карлик.

– Помилуй, шахзаде, ведь я голодаю, у меня не хватает сил ни на какую работу, – жалуется он, и шахзаде тоже отправляет его во дворец.

И вот рыжий, безбородый и карлик, собравшись вместе, живут во дворце в свое удовольствие, продельывают перед тремя шахзаде разные штуки и потешают их. Братья проводят все свое время с ними и не думают ни о чем другом.

Вскоре золото в сундуке старшего сына падишаха иссякает. А другого ничего у них не было! Что делать? Он выводит коня, идет с ним на базар. Там ему попадается навстречу рыжий.

– Куда идешь, шахзаде? – спрашивает он.

– Куда иду? Мы проели целый сундук золота; иду продавать коня.

Рыжий и говорит ему:

– Шахзаде, вместо того чтобы продавать коня, скажи мне сорок небылиц, и я дам тебе двадцать тысяч курушей.

– Откуда я знаю, как надо придумывать небылицы? Меня этому в школе не учили, – отвечает шахзаде.

⁴⁴ Турецкие народные сказки / Пер. Н.Цветинович. – М., 1992. С. 200-203.

Едва он это сказал, рыжий хватается коня и убегает. А шахзаде только смотрит ему вслед. Что делать? Он поворачивается и идет домой.

Но так как есть братьям было нечего, то средний брат берет недоуздок и отправляется его продавать. На дороге перед ним выскакивает безбородый.

– Скажи мне сорок небылиц, и я дам тебе двадцать тысяч курушей, – говорит он.

Шахзаде отказывается. Тогда безбородый вырывает у него из рук недоуздок и убегает. И средний брат так же, как старший, возвращается во дворец с пустыми руками.

На этот раз дело за младшим сыном падишаха. Он берет стремяна и идет на базар. По дороге встречает карлика. Увидел его карлик и спрашивает:

– Куда идешь, шахзаде?

Когда тот рассказал, в чем дело, карлик говорит:

– Скажи мне сорок небылиц, и я дам тебе двадцать тысяч курушей да отдам коня, недоуздок и стремяна.

– Милый мой, откуда же мне это знать? Давай-ка лучше расскажу тебе, что со мной случилось.

Вышел я это вчера из дворца, иду по дороге, навстречу мне человек: «Шахзаде, давай мюждэ (*Мюждэ – подарок за радостную весть*), твоя мать родилась!» А я думал-гадал, может ли это быть, – не поверил. «Но, может быть, это и правда!» – сказал себе я, да со мной ничего не было. Я тут же засунул руку под мышку: выпал алмаз, я отдал его тому человеку, и он ушел. Еще немного прошел, опять передо мной человек: «О шахзаде, давай мюждэ, твой отец родился!» – и снова засунул руку под мышку: выпал бриллиант, и я отдал его тому человеку. Он ушел.

Потом я пошел на базар, вижу, какой-то торговец бузой купил мешок проса. «Бери этот мешок с просом, неси в лавку», – говорит он мне, а я посмотрел – мешок тяжелый, мне не снести, а взять повозку – денег нет; снова сунул руку под мышку: выскочил петух. Я взвалил просо петуху на спину, и мы вместе пришли в лавку торговца бузой. Смотрю – у петуха от мешка рана на спине; я смешал немного извести с персиковыми листьями и потер больное место.

Утром встаю, глядь! – а на спине у петуха бахча. Я вытащил нож, разрезал один арбуз. Нож мой провалился в середину, а я, чтобы найти нож, влез в арбуз, посмотрел – стоят три котла: у одного отбиты края, у другого посередине дыра, у третьего нет дна. Я зарезал петуха, ошпарил его в котле без краев, сварил в котле с дырой, поел из котла без дна...

– Вот это небылицы так уж небылицы! – приходит в восторг карлик и отдает шахзаде и коня, и недоуздок, и стремяна, и двадцать тысяч курушей.

Шахзаде возвращается во дворец к своим братьям.

После всего этого братья дают клятву никогда в своей жизни не знаться с рыжими, безбородыми и карликами. А младшего брата делают падишахом, посадив на престол вместо отца.

И вот они до самой смерти проводят время в наслаждениях.

Сказка про аллем-каллем⁴⁵

Турецкая сказка

Когда время во времени стало, когда решето да в котел упало, когда верблюд бирючом был, а вол – носильщиком был, когда я белобородым старцем был, добрые вестиносящий явился: твой, мол, отец да сегодня родился.

Руку я в карман совал, между ягодиц попал, вынул я три денежки: у одной нет краев, у другой – середины, у третьей – ни того, ни другого. Третью я вестнику тут же вручил, а сам на отца посмотреть поспешил. Смотрю: в колыбели отец мой лежит.

– Добро пожаловать, родимый!

А он встал да как даст мне по голове дубиной. Я разозлился и вскипел, пошел и дверью загремел: оттуда кади вылезалет:

– Чего ты хочешь? – вопрошает.

– Отец мой вздумал народиться, послушай сказку-небылицу...

Жил когда-то бедный человек, у него была жена да ребенок. И был один-единственный осел. Каждый день этот человек перевозил на нем тяжести и зарабатывал этим деньги на хлеб.

⁴⁵ Турецкие народные сказки / Пер. Н. Цветинович. 2-е изд., М., 1992. С. 129-135.

Однажды он захворал; ему дают всякие лекарства, но так как он был очень стар, то ничто не приносит пользы, и бедняга умирает.

Сын, схоронив отца, не перестает плакать. Проходит день, два – в доме нечего есть, а голодным сидеть ведь не будешь!

Тогда он утром берет осла и идет на базар; побегавши туда-сюда, к вечеру зарабатывает тридцать пара, покупает, что нужно для ужина, идет домой и отдает матери все, что принес.

Мать радуется:

– Сынок, сколько ты сегодня заработал?

– Матушка, – отвечает мальчик, – я старался и так и этак, а к вечеру, когда посмотрел, – тридцать пара заработал.

– Эй, сынок, будь только здоров – вперед ты еще больше заработаешь, – говорит мать; они садятся за стол и с удовольствием ужинают.

На другой день утром мальчик опять идет с ослом на базар. Опять бегают туда-сюда, к вечеру глядь! – заработал сорок пара. На десять пара он покупает еды и приносит домой.

Мать встречает его:

– Сынок, сколько ты сегодня заработал?

– Мать, – отвечает мальчик, – нынче я опять и так и этак старался – сорок пара заработал. – И опять они очень довольны.

Утром он снова идет на базар, зарабатывает в тот день пятьдесят пара.

– Вот я заработал пятьдесят пара, – говорит мальчик матери. – Завтра ступай и проси дочь падишаха мне в жены.

– Ах, сынок, разве можно, заработав пятьдесят пара, брать за себя дочь падишаха?

– Вот еще, а почему же нельзя? Со дня на день я буду зарабатывать все больше и больше. Ты иди сватать, не бойся!

А мать отказывается:

– Сынок, ну как я пойду туда, куда я никогда не ходила?

Как бы то ни было, проходит ночь, чуть только наступило утро, мальчик берет своего ослика и идет на базар. К вечеру он зарабатывает целых шестьдесят пара.

– Теперь уже непременно пошлю мать, чтобы она посватала за меня дочь падишаха.

Он приходит домой и говорит:

– Мать, я сегодня заработал шестьдесят пара. Завтра ты должна посватать за меня дочь падишаха; если ты не пойдешь, то я больше не стану зарабатывать деньги.

Что делать бедной женщине? Она надевает фередже и отправляется прямо во дворец падишаха. Привратники принимают ее за нищенку: достают несколько пара и подают ей. Женщина отказывается:

– Нет, я пришла не за деньгами: у меня есть дело к падишаху.

И они пропускают ее во дворец.

Не будем затягивать! Кого бы она во дворце ни встретила, все принимают ее за нищенку и подают милостыню, но женщина не берет.

– У меня дело к султан-ханым, я иду к ней, – твердит она и направляется к комнате султанши. Ее пропускают туда.

Лишь только султан-ханым спросила женщину, зачем она пришла, та отвечает:

– О султанша! У меня есть сын, а у него есть осел; с этим ослом он зарабатывает сорок-пятьдесят-шестьдесят пара в день; сейчас он меня послал, чтобы я посватала твою дочь ему в жены, – не отдашь ли?

А султан-ханым отвечает:

– Очень хорошо, отдам, но надо поговорить с ее отцом. – Она зовет падишаха и рассказывает ему обо всем.

– Ах, очень хорошо! – говорит тот. – Мы только тебя и ждали! Отдам! Вот только пусть он за сорок дней научится играть в аллем-каллем. А если за сорок дней не выучится этой игре – голову ему снесу! – И отсылает женщину домой.

Женщина приходит домой.

– Ах, не говорила ли я тебе, что не нам с тобой сватать падишахскую дочь? Вот падишах сказал – отдаст, только ты должен за сорок дней научиться игре в аллем-каллем; не научишься – снесет тебе голову. До сей поры не слыхала я ничего такого! Голову мою беспечальную ты обрек на печаль! – со слезами говорит она и рвет на себе волосы. А мальчик ей отвечает:

– Ну тебя, мать, замолчи! Покуда с нами наш осел, они нас не найдут. Айда, собирай весь домашний скарб, бежим.

– Ах, сынок, ты разрушил мой покой, мой уют, – жалуется мать и начинает собирать вещи.

А было у них две ветхих палатки, тюфяк да одеяло, блюдо, поднос да две ложки. Связав все это в узел, они нагрузили его на осла.

Потом они пускаются в путь, довольно долго едут, подъезжают к подножию горного хребта и там располагаются на ночлег. Сидят они там и вдруг видят – идет дэв. Как увидели мать с сыном дэва, перепугались до смерти.

– Вы что здесь ищете? – спрашивает он.

А они – что же им делать? – рассказывают дэву, как и что. Тогда он предлагает женщине:

– Отдай мне своего сына, я обучу его игре в аллем-каллем.

Когда пройдет сорок дней, приходи сюда и забирай его.

Женщина отдает сына дэву, а сама поворачивает осла и едет домой.

А дэв дает мальчику пощечину, превращает его в яблоко и кладет себе в карман. Когда он приходит во дворец, то достает яблоко, снова ударяет по нему – мальчик принимает свой прежний образ. Тогда дэв запирает его во дворце, а сам уходит.

Сидит мальчик во дворце, и ему становится скучно. Он выходит из комнаты, начинает обходить дворец и вдруг видит девушку, прекрасную, как четырнадцатидневная луна. Увидела она его и спрашивает:

– Помилуй, братец, как ты попал в руки этого злодея?

Мальчик рассказывает ей, что пришел учиться игре в аллем-каллем.

– Ах, до тебя приходило сюда столько молодцев, желающих научиться этой игре, но этот изверг всех перебил, а из черепов сделал вон ту башню, что стоит напротив. Кто попал в его руки, живым не уйдет.

Мальчик стал плакать, а девушка пожалела его и говорит:

– Я тебе помогу, но ты должен исполнить все, что я тебе скажу: может быть, тогда ты и спасешься. Слушай: завтра придет дэв и начнет с тобой бороться. Ты смотри не сопротивляйся, а то он тебя в тот же миг убьет. Как только дэв схватит тебя – ты сразу же падай на землю; он будет тебя поднимать – ты не вставай; он станет бить и ругать тебя – ты не обращай внимания. А игре в аллем-каллем я тебя научу.

Обрадованный мальчик уходит к себе в комнату.

Проходит ночь. Наутро приходит дэв, забирает мальчика, и они вступают в единоборство. Едва дэв до него дотронется, как он валится на землю и, как буйвол, катается с места на место. Дэв злится, начинает его поднимать, а он не встает; дэв бьет и ругает мальчика, а тот не обращает внимания. Таким образом борются они до самого вечера; вечером дэв опять запирает мальчика и уходит.

А мальчик тайком пробирается к девушке.

– Если бы ты оказал сопротивление дэву, он, конечно, сегодня убил бы тебя! – говорит она и начинает обучать его игре в аллем-каллем.

– Ну, а теперь ступай. Когда настанет утро, он опять придет и станет с тобой бороться, смотри же не сопротивляйся, – напоминает ему она и отпускает мальчика. Тот уходит и ложится спать.

Наступает утро. Приходит дэв, они опять начинают бороться, и мальчик делает так, как его научила девушка.

Не будем затягивать! Так продолжается сорок дней: дэв борется с мальчиком, но тот ему не сопротивляется.

За это время молодец превосходно изучил игру в аллем-каллем. А дэв, не зная этого, говорит ему:

– Дружок, тебе не научиться этой игре, – и отдает его матери, и та забирает сына.

Идут они, идут по дороге. Мальчик вдруг превращается в зайца, каждый волосок у него блестит, как солнце; посмотришь – глаза слепнут. Заяц начинает шмыгать под ногами у матери, а женщина не понимает, куда пропал сын, кричит и зовет его:

– Батюшки, да где же ты? Хватай этого зайца!

А мальчик, выйдя из обличья зайца, принимает свой прежний вид.

– Где ты был? Тут сейчас заяц бегал у меня под ногами; мы могли бы его поймать и продать.

Как бы то ни было – вот краткий вывод длинных слов: мать и сын приходят домой, и на следующий день мальчик превращается в оленя, рога у него из золота, копыта из алмазов.

Он говорит своей матери:

– Сведи меня на базар и продай.

Женщина ведет его на базар. Собирается народ, смотрит, никто

не может определить ему цену: если, мол, кто и может купить такого оленя, так только падишах!

Об этом необыкновенном олене рассказывают падишаху; он дает за него женщине ведро золота, и та, довольная, отправляется домой.

Конюхи падишаха, связав оленя, ведут его в стойло. Перед ним кладут немного зеленой травы; олень начинает есть, а сам становится все меньше и меньше и потом совсем пропадает, остаются одни веревки. Конюхи докладывают об этом падишаху. А тому что делать?

– Кто знает, что это было? – говорит он и снова берется за свои дела.

А мальчик принимает свой прежний вид, идет домой; на деньги, данные падишахом, он велит построить себе конак.

Несколько времени спустя он принимает образ чистокровного арабского коня; на каждом волоске у него блестит алмаз.

– Ступай, сведи меня на базар, продай, но только смотри не отдавай моей уздечки, – наказывает он своей матери.

Женщина берет коня и идет на базар. Все только диву даются: цена такая, что ни у кого не найдется столько денег.

Падишах узнает об этом и посылает человека купить коня. А дэв тем временем догадывается, что его игра стала известна мальчику. Он тотчасже превращается в ветер и мчится на базар.

Дэв старается схватить коня за повод, но мальчик тут же оборачивается голубем и улетает. Дэв превращается в сокола и летит за ним.

Голубь садится на окно комнаты дочери падишаха и превращается в букет роз.

Увидев этот букет, дочь падишаха открывает окно, берет его в руки и начинает нюхать.

– Ах, какие красивые розы! – говорит она.

В это время подлетает дэв, хватается за угол дворца и начинает его трясти.

– Брось скорее букет! – советуют ей.

Девушка бросает розы, они рассыпаются, превращаются в прося и рассеиваются по всей комнате. А дэв, обернувшись петухом,

начинает подбирать просяные зерна. Все зерна подобрал, осталось только одно – под ногой у девушки. Дэв не может найти его, а зерно превращается в шакала; он набрасывается на петуха и разрывая его на части.

Потом мальчик принимает свой прежний вид и идет к падишаху.

– Вот, эфенди, я научился игре в аллем-каллем, теперь и ты сдержи свое обещание – отдай за меня свою дочь.

Падишах не соглашается, но мальчик делает аллем, делает каллем и вынуждает падишаха согласиться.

Шейхульислам заключает брачный договор; сорок дней, сорок ночей справляют праздник свадьбы, и девушку отдают за мальчика. Желание мальчика сбывается. До самой смерти он проводит свою жизнь в радости и наслаждениях.

Три неправды⁴⁶

Таджикская сказка

В Гиссар на базар приехал гармский силач. Он вздумал помериться силой с местным силачом.

– Давай посмотрим, кто из нас сильнее? – сказал гармский силач. Стали они бороться. Собрался народ посмотреть на борьбу.

Боролись-боролись силачи, и ни один из них не мог побороть другого. Солнце клонилось к закату. Наступали сумерки.

Тогда гармский силач предложил гиссарскому:

– Пойдем в чайхану, попьем чаю, побьемся об заклад. Кто из нас расскажет самую большую небылицу, которой никто из слушателей не поверит, в том числе и ты сам, тот будет победителем.

– Хорошо, – сказал гиссарский силач, – ты это придумал, ты и начинай.

Пошли они в чайхану, и народ за ними, стали пить чай. Гармский силач начал рассказывать.

– Мой отец нагрузил арбу грецкими орехами и поехал продавать их на базар. В это время шел дождь. Орехи в мешках намокли,

⁴⁶ Таджикские народные сказки. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957.

проросли. Ростки превратились в кустики, а кустики – в большие деревья. Не успел отец оглянуться, орехи на деревьях созрели, ветер сбивал их, и, падая вниз, они били по головам прохожих. Рассерженные прохожие стали бросать в арбу комьями земли и камнями. Образовалась пашня в тысячу танапов земли.

Так отец мой стал хлеборобом. Посеял он хлеб, смотрит, а уж пора жать.

Собрал отец хлеб, стал его молотить, а вместо зерен из-под цепа побежали петухи, а из соломы – куры. Петухи и куры полетели на сенокос. Куры нанесли яиц, из них тут же вывелись цыплята, их было так много, что они целой тучей поднялись в небо и улетели. Вот что было с моим отцом. Скажешь – нет? – спросил гармский силач.

– Было так было, – сказал гиссарский силач. – Теперь послушай про моего отца.

– Раз в год ходил он в лес, наламывал вязанку дров высотой в сто деревьев, эту вязанку приносил в кишлак, целый год весь кишлак жег эти дрова, не сжигал их за год, половина дров еще оставалась. Оставшиеся дрова отец складывал и зажигал и велел жителям кишлака прыгать через костер. Никто не отваживался прыгать через пламя костра, уходящее в небо, только мой отец перепрыгивал и как ни в чем не бывало опять шел в лес за дровами на следующий год.

Твой отец прослышал про моего отца-силача, захотел помериться с ним силой и приехал в наш кишлак. Как раз в этот день мой отец пошел за дровами.

Твой отец не стал его дожидаться и пошел сам разыскивать его. Прошел он несколько фарсангов и увидел, что навстречу ему движется целая гора дров, а за зеленью веток не видно дровосека. Прошла эта гора мимо твоего отца. Он пошел сзади и стал выдерживать торчащие ветки. Дергал, дергал, а гора не останавливается. Вся дорога уже была усыпана дровами. Но вот он дернул посильнее, и лопнула веревка, связывавшая дрова. Тут гора дров остановилась, а из-под нее показался человек.

– Ты что воруюешь у меня дрова? Не стыдно тебе! – сказал мой отец.

– Не нужны мне твои дрова, – отвечал твой отец, – это ты мне нужен.

Вижу – ты тот силач, которого я ищу. Давай-ка померимся силой!

– Пойдем на базар и поборемся перед народом, чтобы все видели, кто из нас сильнее, – сказал мой отец.

– Никуда я не пойду, будем бороться здесь, – сказал твой отец.

– Но кто же будет нашим свидетелем? – воскликнул мой отец.

В это время верхом на лошади мимо силачей ехала старуха. На голове у нее стояла круглая большая корзина с шерстью, а в руках она держала пряжу и веретено. Едет старуха на лошади и не переставая прядет.

– Эй, бабка, будь нашим свидетелем! – сказал твой отец.

– Я очень спешу, – отвечала старуха. – Вы оба силачи, вдруг вы будете бороться долго? Мне нельзя задерживаться. Хотите – полезайте ко мне в корзину с шерстью и боритесь у меня на голове, а я буду продолжать свой путь.

Силачи влезли в корзину старухи и стали бороться, а она продолжала ехать и прясть пряжу.

Недалеко от дороги пастух пас верблюдов. Издали увидел он: едет гора, а на ней извиваются две горы. Испугался он, побежал к верблюдам, двадцать верблюдов зажал в один кулак, еще двадцать – в другой и побежал прочь.

Вдруг перед ним появился песчаный смерч, закружил пастуха с верблюдами и поднял их до самого неба. Потом понесся навстречу старухе с борющимися у нее в корзине силачами. Смерч ударил силачам в глаза. Терли, терли они свои глаза и нащупали в них песчинки, каждая весом в пятьсот пудов.

Силачи бросили эти песчинки на землю. И ветер унес их далеко. А силачи продолжали бороться.

– Я приехала и допряла свою пряжу, – вдруг сказала старуха и наклонила голову. Оба силача упали на землю, – так и не успели они побороть друг друга.

Все присутствующие громко смеялись и хвалили гиссарского рассказчика.

– Тише! Я еще не сдаюсь! – закричал гармский силач. – Слушайте мою неправду!

– Всем известно, что твой дед был рабом моего деда, – начал он. – Ты сам, наверно, помнишь, как твой дед убил моего деда и

завладел всем его имуществом. А раньше, когда твой дед был рабом моего деда, ты был подпаском у пастуха и пас наших телят. А жеребят тебе не давали пасты – такой ты был слабый да хилый...

– Врешь! – закричал гиссарский силач, – никогда я не пас ваших телят! И мой дед не был рабом твоего деда!

– Стой, стой! Раз ты сам признаешь, что я сочинил неправду, значит, я выиграл, значит, я победил! – сказал гармский силач.

И все подтвердили, что гармский силач победил гиссарского, рассказав самую большую небылицу.

Нелепица⁴⁷

Сказка горных таджиков

От были-небыли, от теленка безрогого, голубого, тонконового, кислое молоко прихлебывая, усы свои подкручивая, мы свою повесть начали. Он, подобно вате, бел, как дряхлый осел, на том месте сел. А мы – люди простые, мастера заправские, шьем рубашки узорчатые дарвазские. Наш осел как остановится, уши торчком, как копыта, становятся, а побежит – как ветер летит. Пока спокойно сердце-птица, как лев в засаде, ему не спится; как льва в прыжке не удержать, так птицу-сердце не поймать. Когда милость окажет великодушный, это обрадует, растрогает всех простодушных. А этот наш бурый осел, когда пшеницу поедает, ничего не слышал – ведь вон какая огромная мельница, а внутри колесики вертятся.

Был шах, а у него три сына. Перед смертью призвал он к себе сыновей и сказал: – Все мое имущество разделите между собой.

Когда он умер, старшие братья захватили все отцовское добро, младшему ничего не дали.

Случилось, что в открытую дверь его дома вошел цыпленок. Юноша навалил на него двенадцать манов пшеницы, сверху уселся сам и поехал. Едет он по степи, а сзади бежит старый лис. Мы взяли мельничный жернов, положили поверх двенадцать манов пшеницы. Проехали степь, у реки остановились, соорудили жилье. Как внутри мельницы вошли, седло со спины цыпленка сняли,

смотрим – на спине у него рана открылась. Присыпали рану землей, смотрим – на спине цыпленка тополь вырос. Камня не нашлось, чтобы кинуть и согнать аиста с верхушки тополя.

Дочь шаха жила в башне крепости. В те дни, когда она спускалась вниз, шах взвешивал ее на весах. Один юноша пробрался в крепость, поднялся в башню и провел ночь с шахской дочерью. Когда девушка спустилась на следующий день и с розой в руке стала на весы, шах оказался легче дочери.

– Везир, везир, – закричал шах, – что это с моей дочерью?

Везиры не знали тайну шахской дочери. Только один из них, самый старший, сказал: – Ваша дочь не безгрешна.

Тот юноша, шахский сын, снова проник в башню, спал с шахской дочерью. В свое время у нее родился сын.

Шах призвал везиров: – У моей дочери сын родился. Как быть?

Собрали семидесятилетних стариков, стали обсуждать дело и решили поговорить с царевичем.

Шах был в гневе: – Приведите его, допросим, а потом убьем.

Царевича привели, а он молит: – Не убивайте меня!

Его пощадили и отпустили. Схватил он свою жену и взлетел на седьмое небо. Потом спустились они и остановились в поле. Там устроились. Однажды царевич ушел на базар за хлебом.

А в тех краях был шах, который в это время отправился на охоту. Увидел он красавицу, жену этого царевича, схватил ее, посадил на коня и повез к себе. Три дня они ехали берегом реки, шах все охотился. Однажды увидели – газель пасется, траву ест. Шах схватил лук, пустил стрелу. Убил газель, взвалил ее на коня.

Они отправились дальше, наконец прибыли. Старуха-служанка приготовила еду, подала шаху. Он поел, потом наслаждался красавицей. А старуха опять здесь. Шах рассердился:

– Всякий раз ты появляешься здесь, все стараешься вывести что-нибудь про меня. Убирайся!

Обиженная старуха нашла того царевича, рассказала, где его жена. Царевич подпоясался, обнажил меч, прищипорил дракона, – скорее, мол. Дракон ему говорит:

– Выше, на следующем небе, живет другой дракон, он сильнее меня.

⁴⁷ Сказки и легенды горных таджиков. М., 1990. С. 168-170.

Царевич ударил его мечом по голове и убил. На следующий день верхом на льве он прибыл к тому шаху, засучил рукава и убил его. Взял свою жену, бросил в яму и закопал.

Сорок небылиц⁴⁸

Туркменская сказка

Один честолюбивый бай надумал женить своего сына на дочери падишаха и заслал сватов. Падишах ответил, что отдаст её только за того, кто научится хитростям у дэва. Бай повел сына к дэву.

– Салам алейкум, дэв-ага! – сказал он, войдя в пещеру.

– Если бы ты не поприветствовал меня, – ответило чудовище, – я бы тебя проглотил. За чем пожаловал?..

– Я привёл к тебе сына, чтобы он научился твоим хитростям.

– Хорошо! – ответил дэв.

У него был большой сундук. Он сказал, что запрячет в него юношу и продержит сорок дней.

– Если выживет, будет твой, если помрёт – мой.

Бай согласился и ушёл.

Сына положили в сундук и заперли. Юноша умер бы непременно, но дэв имел обыкновение каждый, день уходить на охоту, а у него была дочь, очень добрая и хитрая девушка. Когда отец охотился, она выпускала паренька из сундука, поила и кормила его. В первый день, когда юноша поел, она разожгла костёр и спросила:

– Ты понял? – Нет, ничего не понимаю, – ответил тот.

Девушка снова уложила его в сундук. На второй день повторилось то же самое. А на третий – юноша ответил, что он понял.

– Тогда лежи ещё, – сказала дочь дэва и заперла его.

Настал сороковой день. Девушка вместо обычного обеда дала юноше кисть винограда.

– Сегодня придёт твой отец, – сказала она. – Что же касается моего отца, то он уже точит зубы, так как уверен, что ты давно мертв. Когда он спросит тебя, чем ты питался, скажешь, что каждый день сверху к тебе падала вот такая кисть винограда.

Всё случилось так, как предсказывала девушка, Дэву ничего не оставалось, как вернуть сына отцу – ведь уговор дороже денег.

Пошли бай с сыном домой. Сорок дней, проведённых парнем у дэва не прошли для него даром. Об этом позаботилась добрая дочь чудовища. Сын решил показать отцу своё умение. Он слегка отстал и сразу же сделался откормленным бараном. Бай оглянулся, ища сына.

– Вах, какой баран! – вскричал он и принялся ловить его. Но – не поймал.

Юноша снова принял человеческий облик – пошёл рядом с отцом. Идут они, идут, и снова юноша отстал и превратился в великолепного скакуна. «Бай-бой!» – восхитился бай, увидев коня, и бросился ловить его, но конь не дался в руки. А сын уже снова оказался рядом.

В третий раз он сделался сильным и буйным верблюдом и погнался за отцом. Бай – бежать, но громадина вот-вот его настигнет. Бай, не помня себя от страха, бросился в колодец. В тот же миг верблюд снова стал юношей. Подойдя к колодцу, он спросил:

– Что вы там делаете, ата?

– Жду тебя, – глухо донеслось снизу.

– Разве для этого обязательно спускаться в колодец? – спросил сын.

Бай рассказал, что три раза ему являлось чудо: один раз – превосходный баран, второй – конь-красавец, а потом какой-то бешеный верблюд за ним погнался. И откуда они брались?

Юноша, усмехаясь, вытащил отца из колодца и сообщил, что всем этим чудесам он научился у дэва и сейчас проверил свои способности.

– Завтра я опять обращусь в откормленного барана, – сказал он отцу. – Сведи меня на базар и продай, но не дешевле, чем за сто тюменов. Только верёвку, на которой меня поведёшь, ни в коем случае не отдавай.

Бай так и сделал. Люди, купившие барана повели его на площадь, где устраивались бои животных. Байский сын победил всех, а потом забежал в толпу и обратился в человека. Искали, искали его, но так и не нашли.

⁴⁸ Туркменский юмор. Ашхабад, 1967. С. 108-112.

На следующий день юноша превратился в резвого скакуна. Отец снова продал его за сто тюменов, а уздечку, как велел сын, забрал с собой. Новый хозяин посадил на коня своего мальчишку. Проехали они немного, конь осторожно сбросил ребёнка, принял человеческий облик и удалился.

В третий раз парень сделался большим упитанным верблюдом и отец повёл его на базар. Там же оказался и дэв. Увидев его, верблюд сделался тощим и жалким, но дэв всё равно его купил. Впопыхах бай забыл снять верёвку, и сыну пришлось следовать за дэвом. Тот пригнал его к своему жилью и крикнул дочери:

– Неси сюда нож! Но та уже узнала юношу. Закинув нож дальше, она сказала отцу: – Никак не могу его найти.

– Тогда поддержи верблюда, я сам поищу, – сказал дэв.

Девушка немедленно отпустила пленника, шепнув ему: «Беги!» Когда тот был уже далеко, она закричала:

– Вай, этот верблюд оборвал верёвку и удрал!

Дэв помчался в погоню. Бежали они до самого дворца падишаха. Когда чудовище почти настигло верблюда и готовилось уже схватить его, тот обернулся птицей и сел на плечо гулявшему по саду падишаху.

– О, падишах, отдай мне эту птицу! – попросил дэв.

Но падишах сказал, что не даст в обиду птаху, посланную ему всевышним. Дэв удалился в великом гневе, а птица слетела с плеча падишаха и превратилась в прекрасного юношу.

– Повелитель, вы обещали отдать замуж свою дочь за того, кто научится хитростям у дэва, – сказал юноша. – Не я ли её достоин?

– Хитрости дэва – ещё не всё, сын мой, – ответил падишах. – Я отдам тебе дочь, если ты расскажешь мне сорок небылиц.

Юноша помолчал, собираясь с мыслями, и начал:

– В те времена, когда мой отец ещё не был женат на моей матери, а я ещё не родился, у моего дяди была кобыла. Я пас её, и однажды она ожеребилась. Взяв жеребёнка на руки, я сел на кобылу, но она не смогла нас везти. Тогда я взял на руки кобылу и сел на жеребенка, и он повёз нас. Я был единственный сын у матери, все дети умирали, остались только мы, трое братьев. Один из нас был слеп, другой – безрук, а третий – гол. Как-то мы пошли на охоту.

Под невыросшей полыньёю слепой увидел неродившегося зайчонка, безрукий убил его, а голый завернул в полу своего халата и понёс. В зайчонке было шестьдесят батманов мяса и семьдесят – сала. В одном месте мы нашли целый казан, а в другом половину. Положили мясо и сало в целый казан – не поместилось; положили в половинку – тоже осталось. Тогда я сунул в рот все шестьдесят батманов мяса и семьдесят батманов сала. На одну сторону хватило, а на другую – не осталось ничего. Семьюдесятью батманами сала я смазал сапоги, вернее, один сапог, потому что на второй не хватило. Я поставил сапоги у изголовья и лёг спать, но скоро проснулся от шума: это подрались мои сапоги, смазанный и сухой. Я дал пощёчину смазанному, оттащил за уши сухой и снова уснул. А утром увидел, что стоит только один сапог – смазанный. Сухой сапог обиделся на меня и ушёл. Что делать? Моя умершая мать дала мне иглу, я воткнул её в пол, залез на неё и обнаружил на другом конце земли свой сапог. Он что-то там ел. Подойдя, я увидел, что у него был большой арбуз. Сапог больше не сердился на меня и угостил арбузом. Когда мой нож вонзился в арбуз, из него потекла большая река, в которую я упал вместе с ножом. Сейчас там лежит один волос и седло...

Падишах не выдержал. – Всё до единого слова ложь! – крикнул он.

– Если так, то ваша дочь – моя! – сказал юноша.

Сорок небылиц⁴⁹ (вариант 2)

Туркменская сказка

Жил один богач, и был у него единственный сын. Захотел богач взять в жены своему сыну дочь падишаха.

– Я отдам свою дочь тому, – сказал падишах, – кто выучится у дэва его искусству.

Тогда повел богач своего сына к дэву учиться его искусству. Пришел он и сказал:

– Салам алейким, [«Салам алейким» (от араб. «ас-салам алайкум» – «мир вам») туркменская форма приветствия.] дэв-ага.

⁴⁹ Проданный сон. Туркменские народные сказки. М., 1969.

– Вaleyким эссалам [– «Вaleyким эссалам» (от араб. «ва алай-кум ас-салам» – «и вам мир») – ответ на приветствие.] отвечал дэв.

– Хорошо, что ты приветствовал меня, как велит бог, а иначе я бы тебя разорвал и съел. Как твоё здоровье? Расскажи, какие новости?

– Я привел своего сына учиться у тебя искусству, – сказал богач.

А у дэва был огромный сундук. Вот дэв и говорит богачу:

– Я посажу твоего сына в этот сундук, и пусть он просидит в нем сорок дней. Если умрет – будет мой, не умрет – твой.

– Ладно, – согласился богач, оставил сына в том сундуке и ушел.

А у дэва была дочь, и была она еще искуснее отца. Вот однажды, когда дэв ушел на охоту, его дочь выпустила юношу из сундука, разожгла огонь, накормила-напоила юношу, а потом спросила:

– Понял? – Нет, не понял, – отвечал он.

Тогда девушка снова запихнула его в сундук и сказала:

– Сиди там.

Назавтра, когда отец девушки снова ушел на охоту, она опять выпустила юношу. Потом разожгла огонь, накормила-напоила юношу и спросила: – Понял?

– Нет, не понял, – снова отвечал юноша.

Тогда девушка опять посадила юношу в сундук, сказав: – Сиди там.

На следующий день, когда отец ушел на охоту, она снова выпустила юношу из сундука, разожгла огонь, накормила-напоила юношу и спросила:

– Понял? Тут юноша ответил: – Понял.

– Ну раз понял, садись в сундук снова, – сказала девушка, запихнула его в сундук и заперла крышку.

Так до самого последнего дня девушка каждый день ненадолго выпускала юношу из сундука и кормила его, а на сороковой день, как обычно, выпустив и накормив юношу, она дала ему гроздь винограда и сказала:

– Завтра придет твой отец. И вот когда мой отец-дэв наострит зубы съесть тебя и спросит, как же это ты выжил, ты отдай ему виноград и скажи: «Каждый день ко мне сверху падал вот такой виноград, я его и ел».

Сорок дней истекли, пришли отец юноши и отец девушки – дэв. Открыл дэв сундук и хотел было съесть юношу, но пригляделся, а тот оказывается, жив.

– Чем же ты питался? – в гневе спросил дэв.

Тогда юноша отвечал:

– Каждый день ко мне сверху падала вот такая гроздь винограда, я его и ел. А этот сегодняшний виноград я сохранил, чтобы показать вам.

Юноша показал виноград дэву, и тот отпустил его с отцом.

Вот доехали они до одного места, и тут юноша отстал, будто бы облегчиться. А сам превратился в барана и догнал отца. Тот хотел было поймать барана, но не сумел. Тогда юноша снова превратился в человека и вернулся к отцу. Проехали они еще немного, юноша опять отстал и превратился в коня. Отец опять попытался поймать коня, но не смог. Тогда юноша снова превратился в человека. Проехали они степь, юноша опять отстал, превратился в ревущего верблюда-самца и погнался за отцом. Тот бросился бежать и прыгнул в яму. Тогда юноша снова превратился в человека, присел на корточках у отверстия ямы и спросил:

– Отец, что ты делаешь в этой яме?

– Я жду тебя.

– Если ты меня ждешь, то не лучше ли вылезть наружу? Зачем тебе эта яма, похоже, ты чего-то испугался?

И отец, ни о чем не догадываясь, рассказал:

– Сынок, когда ты отстал в первый раз, меня догнал баран. Это был не просто баран, а очень хороший баран, и как я ни старался его поймать, он не дался. Я очень сожалел о нем. Когда ты отстал во второй раз, меня догнал конь. Его я тоже пытался поймать, но и это мне не удалось. О коне я тоже очень сожалел. А когда ты отстал в последний раз, меня догнал ревущий верблюд-самец и чуть не убил. Вот я и спрятался сюда.

– Отец, ведь это все был я, – сказал юноша. – Этому искусству я обучился у дэва. Завтра я превращусь в барана, а ты отведи меня на базар и продай. Только меньше чем за сто рублей не отдавай, а веревку на моей шее развяжи сам и заberi с собой.

На следующий день отец отвел юношу на базар, продал за сто рублей, а веревку унес с собой. Вывели юношу-барана на базарную площадь для боя с другими баранами. После трех-четырех боев этот баран убежал, а человек, купивший его, в растерянности остался ни с чем. Возвратился сын к отцу и сказал:

– Завтра я стану прекрасным конем. Отведи меня на базар и продай не меньше чем за сто туманов. А мою узду и недоуздок заberi с собой.

Назавтра отец повел его на базар, продал за сто туманов, а узду и недоуздок забрал с собой. Посадили на этого коня какого-то юношу и пустили вскачь. Конь немного проскакал, а потом сбросил с себя всадника и снова превратился в человека. Пришел сын к отцу и сказал:

– Завтра я стану верблюдом-самцом. Ты отведи меня на базар и продай, только меньше чем за сто туманов не отдавай.

Когда отец повел юношу на базар продавать, навстречу им попался прежний дэв. Завидев его, верблюд-самец тотчас превратился в старого облезлого верблюда. Дэв привел этого верблюда домой и собрался его убить. А дочь дэва спрятала нож. Тогда дэв закричал:

– Эй, дочка, принеси нож!

Девушка заметалась, притворяясь, что ищет нож, и ответила:

– Отец, я не могу найти его.

– Ну, ладно, иди сюда, постереги верблюда, я поищу сам, – сказал дэв.

Дочь стала стеречь верблюда, и как только отец вошел в дом, она тотчас развязала веревку, продетую в ноздри верблюда, и отпустила его. Когда верблюд был уже далеко, она крикнула:

– Отец, верблюд отвязался.

Дэв выбежал глянуть, а вдали только черное пятнышко мелькает. Погнался дэв за верблюдом и стал его нагонять. Тогда юноша превратился в птицу, полетел и сел на голову падишаху. Дэв пришел к падишаху и сказал:

– Отдай мне эту птицу.

– Нет, – отвечал падишах, – эту птицу, которая по божьей воле села мне на голову, я тебе не отдам.

Так дэв и ушел ни с чем. А птица слетела с головы падишаха и превратилась в юношу. Тут юноша и говорит:

– Падишах, ты сказал: «Я отдам свою дочь тому, кто выучится у дэва его искусству». Отдавай теперь свою дочь мне, если ты вообще будешь отдавать ее замуж.

Тогда падишах ответил:

– Я отдам свою дочь тому, кто расскажет сорок небылиц.

– Ну что ж, попробуем, – проговорил юноша и стал рассказывать:

– В то время когда моих родителей еще не было, когда я у своей матери еще не родился, у моих дядьев была кобыла. Я ее пас. Однажды прихожу, а кобыла ожеребилась. Я поставил перед собой жеребенка, сел верхом на кобылу, но она меня не удержала. Поставил я перед собой кобылу, сел верхом на жеребенка и ускакал на нем. Когда я родился у моей матери, я был единственный. Мы постепенно умирали, и нас стало трое: один был слепой, другой безрукий, третий совершенно голый. Однажды мы втроем отправились на охоту. Под невыросшей полынью мы заметили неродившегося зайца. Слепой увидел его, безрукий убил, а тот, который был голым, положил его к себе в подол, и мы вернулись. Мяса получилось шестьдесят батманов, сала вышло семьдесят батманов. Нашли мы в одном месте котел, в другом месте – половину котла. Положили зайца в целый котел – не поместился, положили в половину котла – не поместился, тогда положил я шестьдесят батманов мяса себе в рот и проглотил разом, а остальным ничего не досталось. Семьдесят батманов сала я взял, чтобы смазать сапоги. Этого сала мне только на один сапог хватило, а на другой не хватило. Положил я сапоги у своего изголовья и лег спать. Среди ночи слышу шум и грохот. Встаю и вижу: два моих сапога дерутся. Дал я пощечину смазанному сапогу, дал оплеуху несмазанному сапогу и улегся спать. Наутро встал – а несмазанный сапог обиделся и убежал. Влез я на один холм, влез на другой холм – ничего не увидел. Моя бедная бабушка дала мне иголку без ушка, я воткнул ее в землю, влез на перекадину и увидел – на другом конце земли мой сапог сеет. Подошел я к нему, а он разрезал и дал мне огромный арбуз. Из него получилось море. По нему мой нож пошел и я сам пошел. А там лежит волосок, а внутри него – палан...

Тут падишах, прерывая юношу, воскликнул:
– Да ведь ты рассказываешь сплошные небылицы!
– Раз это небылицы, то отдавай свою дочь, падишах! – сказал юноша.

Взял он девушку и ушел.

Плешивый пастух⁵⁰

Туркменская сказка – Сказки и легенды Систана

Жил-был царь, у него была дочь. Однажды он объявил:

– Тому, кто расскажет мне три небылицы, да таких, чтобы в них не было ни капли правды, я отдам свою дочь в жены. А если в его небылицах я найду хоть крупицу правды, я его убью.

Много людей приходило к нему рассказывать небылицы, но он всегда находил в них какую-нибудь правду и велел этих людей казнить.

Жил в его царстве один плешивый пастух. Услышал он об этом и решил как-то: «Пойду-ка я к царю, расскажу ему три небылицы и возьму в жены его дочь».

Когда он объявил о своем намерении людям, те сказали ему:

– Эх ты, несчастный пастух! Пас бы ты лучше коров! Там царевичей и то убивают, а куда уж тебе!

– Не ваше дело, – сказал пастух. – С сегодняшнего дня я скот пасти не буду.

Взял пастух свой посох, бросил стадо и пошел домой. А у него была бабка, матери у него не было. Он говорит бабке:

– Бабушка, наготовь-ка мне припасов на дорогу, я пойду к царю, расскажу ему три небылицы и возьму себе в жены царскую дочь.

Бабушка ему говорит:

– Не ходи, внучек, не твое это дело. Там царевичей и то убивают, куда уж тебе!

Но пастух стал ее уговаривать и в конце концов уговорил. Наварила она ему припасов, пастух взял с собой эти припасы и пошел в царский дворец.

Поздоровился с царем; царь ему ответил, а потом сказал везиру.
– Спроси-ка у этого плешака, кто его обидел. Может, его кто-нибудь ударил? Он хочет на кого-нибудь пожаловаться?

А плешак отвечает:

– Нет, никто меня не обидел, никто меня не притеснял. А слышал я, что царь обещал отдать свою дочь в жены тому, кто, расскажет ему три небылицы, да таких, чтобы в них не было ни слова правды. Так это только царевичам можно или всем?

Царь отвечает:

– Нет, пусть каждый, кто захочет, приходит и рассказывает. Расскажет мне три небылицы, таких, чтобы в них не было ни слова правды, я отдам ему свою дочь, пусть он будет хоть нищий. Так я сказал, так и будет!

Пастух говорит:

– О ты, кому поклоняется мир! Я расскажу тебе три небылицы. Но в день я тебе буду рассказывать по одной небылице. Три небылицы я тебе расскажу за три дня.

– Хорошо. Приходи завтра и рассказывай.

Плешак ушел, очень довольный тем, что царь разрешил ему рассказывать небылицы.

Прошла ночь, настало утро. Плешак сказал своей бабушке:

– Свари мне немного похлебки. Я поем и пойду к царю.

Сварила она ему похлебки, он наелся так, что вспотел. Наелся и пошел к царю во дворец. Пришел, царь и говорит ему:

– Ну-ка, рассказывай свою небылицу.

Плешак начал рассказывать:

– О ты, кому поклоняется мир! Шел я как-то вместе со своим другом. У меня был мешочек для сурьмы, а у него палочка, чтобы сурьмить глаза. Пришли мы к источнику и зарыли их возле источника. Там сразу же выросли три финиковые пальмы до самого неба. А вокруг были поля, люди на полях работали. Я пошел, у одного попросил земли, пошел, у другого попросил земли – никто не дает ни клочка.

Смотрю я – а на каждой из пальм три-четыре джериба земли. Я и сказал своему другу: мол, давай пасти коров. Поднял я коров на деревья и стал их пасти на деревьях.

⁵⁰ Сказки и легенды Систана. М., 1981.

Царь спрашивает:

– Как из сурьмы и палочки для бровей выросли пальмы?

– А я соврал.

– А откуда земля на деревьях?

– А я соврал.

– А как ты коров на деревья поднял?

– Да я все наврал, о царь. Завтра пряду, еще одну небылицу расскажу.

Царь его отпустил. Плешак ушел очень довольный тем, что царь не нашел ни слова правды в его рассказе.

На следующий день утром плешак снова велел бабушке наварить себе похлебки – другого-то у них дома ничего не было, Наварила она ему похлебки, он поел, остался очень доволен. Пошел к царю.

Пришел и продолжает рассказывать небылицу:

– Вот пасем мы с другом коров на деревьях, я смотрю – а люди вокруг едят дыни и арбузы. Ну, я и говорю своему другу: мол, у нас же есть свой огород, пойдем к себе на огород. Пошли и видим: на нашем огороде на деревьях выросли такие дыни – величиной с дом, такие арбузы – в три мана, в четыре мана весом. Нашли мы одну хорошую дыню, принесли к себе. А у меня есть нож; я ножом ударил по дыне, дыня раскололась, а нож весь в дыню ушел. Я стал свой нож в дыне искать, смотрю – а там улица, а рядом базар. Поискал я, а ножа нигде нет. Прошел еще одну улицу, еще один базар, вижу: идет караван, а мой нож навьючен на одного из верблюдов.

Ну, я стащил нож, взял его и сюда пришел.

– Улицы и базар в дыне были? – спрашивает царь.

– Да.

– И весь город там был?

– Да, – говорит, – и весь город был.

– Ну и ну, – сказал царь. – Врешь ты, так быть не может.

– Конечно, вру, – говорит плешак. – Завтра приду, еще навру.

Отпустил его царь, плешак вернулся к себе домой. Настало утро, отыскал он нескольких простаков, велел им найти жернов и мельничный ящик для зерна, такой большой, чтобы в него пять-шесть манов зерна помещалось: дескать, я сегодня беру в жены

дочь царя, он у меня такой выкуп потребовал. Четыре человека катят жернов, двое тащат мельничный ящик, а плешак идет себе впереди.

А царь в этот день говорит везиру:

– Сейчас придет плешак, будет опять рассказывать свои небылицы. Ищи в них правду, а то тебе не поздоровится!

Пришел плешак в царский дворец, прикатили за ним жернов, притащили мельничный ящик.

– Ну, – говорит царь, – плешак, говори свою ложь.

– О ты, кому поклоняется мир! – сказал плешак. – Я скажу, но тебе она не понравится!

– Ну, как бы там ни было – говори.

– Однажды, когда еще был жив твой отец, – начал плешак, – враги осадили твой город. Вот видишь этот мельничный ящик?

– Вижу, – ответил царь.

– Твой отец взял в долг у моего отца вот такой ящик драгоценностей и все истратил на свое войско. Это раз. А этот жернов ты видишь?

– Вижу, – говорит царь.

– Вот, твой отец занял у моего отца столько шелка, сколько весит этот жернов, чтобы сделать себе завязки на охотничьей шапке. Отдай мне драгоценности и шелк, а потом можешь казнить, если это правда. А если это ложь, отдай мне дочь.

Царь спрашивает:

– А откуда у твоего отца столько драгоценностей?

– А я наврал, – говорит плешак.

– Мельничный жернов, – говорит царь, – весом с один-два ослиных выюка. Разве на завязки для шапки нужно столько шелка?

– А я вру, – говорит плешак.

Царь смотрит на везира, а тот говорит:

– Ты видишь, что все это ложь, и я вижу, что все это ложь, что я могу еще сказать?

И пришлось царю отдать свою дочь за плешака. Пусть господь так же, как он исполнил желание плешака, исполнит желания всех мусульман.

Жил когда-то хан. У него была дочь. Если скажем «луна», то лунолика, если скажем «солнце», то солнцу подобная, если на свете есть две красавицы, то она – одна из них, если есть только одна красавица, то вот она и есть. Так прекрасна была девушка.

Пришла пора выдавать девушку замуж.

– Кто расскажет сорок небылиц, тот и получит мою дочь в жены, – объявил хан. – Но чтоб небылицы были одна другой лучше и чтоб никто не мог в них поверить.

Прослышали об этом джигиты и устремились во дворец хана. Уж такие небылицы рассказывают, стараются перещеголять друг друга! А хан слушает и всем говорит:

– Какая же это небылица?! Вполне могло быть такое.

Недостойным женихам по приказу хана отрубали головы, и это отбило у джигитов охоту заполучить в жены ханскую дочь. А хан уж потерял надежду услышать сорок небылиц.

Однажды, когда хан в золотом дворце лежал на шелковых подушках, пришел к нему юноша. Увидев его, хан нахмурил брови и спрашивает:

– Чего тебе, несчастный, надо?

Я, хан-атай, табунщик. Пришел рассказать тебе сорок небылиц, – отвечает юноша.

– Окаменей на месте, и чтоб мои глаза тебя не видели! Джигиты знатнее тебя и старше не сумели рассказать мне сорок небылиц. Ты, верно, без головы хочешь остаться?! – накинулся на юношу хан.

– Нет, хан-атай. Голова останется при мне. А тебе, хочешь или нет, придется отдать за меня дочь.

Хан помолчал и сказал:

– Ну, раз уж ты сам лезешь под топор, говори. И юноша начал так:

«Родился я раньше отца и пас табун деда. Большой был табун.

Когда табун лежал, я по ушам считал; когда стоял, я по ногам пересчитывал. Однажды встал я рано утром, смотрю: табун лежит. Сосчитал по ушам – одной жеребой кобылицы не хватает. Поднял табун, по ногам пересчитал – жеребой кобылицы снова не хватает. Позади был большой холм. Поднялся я на его вершину, посмотрел по сторонам, но ничего не увидел. Взял я тогда свой курук, оперся на его толстый конец и хотел взобраться на его тонкий конец, да не сумел. Тогда я оперся на тонкий конец и на толстый взобрался. Приставил ладонь к глазам, но опять ничего не увидел.

Что делать?! Если кобылица ожеребилась и в степи осталась, то как бы жеребенка волк не съел. Опечалился я, глаза слезами наполнились, и пошел я от своего коса на север.

Прошел я по той дороге уже большой путь, смотрю: впереди половинка высохшего лошадиного навоза. И так и эдак, и потев и вздыхая, как будто день собаки настал, кое-как изловчившись, я на нее взобрался.

Посмотрел я на все четыре стороны, вижу, как моя кобылица на другом берегу Эдила по ветру бежит, на ходу жеребится.

Обрадовался я, спрыгнул с половинки сухого навоза и быстро к Эдилю побежал. Перебросил свой курук через Эдиль и, как по мосту, перешел на другой берег.

Поймал я кобылицу, оседлал ее, жеребенка на колени взял и в Эдиль ступил. Доплыли мы до середины реки, смотрю: кобылица тонуть стала, и я вместе с ней. Быстро сообразил я, что делать, оседлал жеребенка, взобрался па него, а кобылицу на колени взял и поплыл дальше.

Вышел на берег, иду, смотрю: из-под выросшего куста заяц юркнул в степь. Я стегнул курук жеребенком, догнал его и поймал...»

Хан видит, что табунщик действительно может рассказать сорок непохожих одна на Другую небылиц, и решил сбить его.

– Крольчонка, наверное, за зайца принял? – говорит хан.

– Может и крольчонок то был, только берцовая кость его перекрытием для твоего дворца может послужить.

– Да не для дворца, а для юрты?!

– Может и для юрты. Только ту юрту сорок атанов должны были тащить.

⁵¹ Ногайские народные сказки М., 1979. С. 169-172.

– Ты, верно, хотел сказать «сорок тайлаков»?!

– Может и сорок тайлаков, только они верхушки сосен в сорок обхватов глодать могли.

– Верно, сорок муравьиных обхватов?!

– Может и сорок муравьиных обхватов, только когда на вершины сосен старики смотрели, с их голов папахи падали!

– Верно, эти старики карлики?!

– Может и карлики, только они со дна колодца воду пили.

– Верно, те колодцы канавами были?

– Может и канавами, только ведро, брошенное туда утром, доставало дна к вечеру.

– Верно, дни тогда коротки были?!

– Может и коротки, только утром трехгодовалая телка в долине телилась, а вечером ее теленок трехгодовалым волом становился. Его в арбу запрягали да в лес за дровами ездили.

Хан замолчал, понял, что не собьет табунщика, и решил до конца его слушать и верить всем его рассказам.

А табунщик между тем продолжает:

«Ну вот, взял я того зайца, принес в кос, шкуру с него содрал, разделал, целый пуд жира вытопил. Мясо в казан бросил, а жиром решил сапоги смазать. Всего жира только на один сапог хватило, а другой остался несмазанным. Съел я мясо зайца и лег спать.

Через некоторое время проснулся я от шума. Смотрю: два сапога дерутся.

– Тебя жиром смазали, а меня – нет! – кричит один другому.

– Меня жиром смазали, а тебя – нет! – еще злее кричит второй.

Встал я и разбросал их в разные стороны: смазанный жиром под голову подложил, а несмазанный возле ног поставил.

Лег я снова спать. Утром просыпаюсь, смотрю: несмазанный сапог, обидевшись, что его не смазали да еще вдобавок разбранили и выставили у ног, а не положили под голову, убежал. Тогда я быстро обул обе ноги в один смазанный сапог и пустился за несмазанным сапогом.

Бежал-бежал, смотрю: мой сапог на большом тое у столов прислуживает, людям мясо разносит. Увидел он меня и в лице переменился. Бедный, верно, испугался, что я его побью за побег. Я ему

весело глазом моргнул, он повеселел и тоже моргнул мне в ответ, а потом стал мне подносами мясо носить. Пятнадцать подносов я съел, от жажды все бочки с бозой опустошил, но все равно не напился. Обув один сапог на обе ноги, побежал я на Эдиль. Был очень жаркий день. Прибежал – смотрю: Эдиль замерз. На поясе моем большой топор висел. Я стал рубить им лед, но он не разбивается. Отбросил я топор, снял с головы папаху и головой пробил прорубь.

Только утолил жажду, смотрю: на бесспицовой арбе, без мешков, просом наполненных, аульчане едут. Они на меня смотрят и кричат:

– Что видел, что видел?! Я им в ответ:

– На бесспицовой арбе, без мешков, просом наполненных, вас видел.

А потом сам спрашиваю: – А вы что видели? Они мне:

– С половиной головы на плечах тебя видели.

Схватился я за голову: оказывается, на самом деле, когда я головой лед разбивал, половину там оставил».

– Врешь! – закричал хан.

– Не спеши, хан-атай, я обещал тебе сорок небылиц, – ответил табунщик и продолжал: «Вернулся я к проруби, забрал свои полголовы, поставил обратно, и, услышав, что тому, кто расскажет сорок небылиц, хан свою дочь отдаст, пришел я н тебе, хан-атай».

– Врешь ты все! – сказал хан.

Так и пришлось хану отдать свою дочь за табунщика.

Сыновья хана⁵²

Карачаевская сказка

Давным-давно жил в одном селении хан. И было у него три сына. Случилось так, что хан заболел и скоро умер. Сыновья остались одни и не знали, как дальше им жить. Делать они ничего не умели. Наследство отца быстро прожили. И вскоре совсем обеднели.

⁵² Черный орел. Карачаевские народные сказки, М., Детская литература, 1981. С.91-96.

Тогда старший брат решил пойти на заработки. Он нанялся к хану, который был жесток и издевался над слугами. Хан поставил такое условие: «Работник должен всю ночь не спать и рассказывать всякие небылицы так, чтобы хану надоело его слушать и захотелось спать. Если работник выполнит это, хан даст ему сто ослов, нагруженных пшеницей. А если работник не сможет врать всю ночь или сам уснёт, то хан вырежет у него со спины три полоски кожи и выгонит вон».

Старший брат был голоден и согласился на это условие.

Слуги хана очень хорошо накормили нового работника и уложили спать в мягкую постель. Уставший с дороги парень как только лёг, сейчас же уснул и проспал до самого утра.

А утром хан снял с его спины три полоски кожи и выгнал вон. Так и вернулся домой старший брат ни с чем.

А средний брат, ничего не зная о судьбе старшего, тоже ушёл на заработки и попал к тому же хану. Хан заключил с ним такое же условие, как и с его старшим братом. Его тоже хорошо накормили и уложили спать в мягкую постель. Он сразу уснул и проспал всю ночь. А утром хан вырезал с его спины три полоски кожи, и парень вернулся домой ни с чем.

Последним отправился на заработки младший брат и на нялся к тому же хану. Хан заключил с ним такой же договор, как и со старшими братьями. И вот наступил вечер. Младшему брату слуги хана принесли разные вкусные кушанья. Но парень попросил:

– Дайте мне только кислого молока!

И больше ничего есть не стал. Слуги хана постелили для него мягкую постель и сказали:

– Теперь можешь спать...

Но младший брат не лёг в мягкую постель. Он прилёг на деревянный топчан.

Ему хотелось есть, топчан был жёсткий, и парень не уснул. Хан решил, что работник давно уже спит, подошёл к нему и прошептал:

– Работник, начинай врать!

Младший брат сейчас же услышал шёпот и сказал:

– Ну что ж, я начну, а ты слушай и врать не мешай!.. Вот как-то я нанялся в одном селе пасти ослов. Пас их я хорошо, и люди хва-

лили меня. Однажды в жаркий день я пристрелил несуществующим ружьём неродившегося зайца. Тут же зарезал зайца и натопил из его внутренностей три с половиной ведра жира. У меня было две пары чабыров. Три чабыра я помазал тремя ведрами жира, а четвёртый – жиром из половины ведра. Тогда четвёртый чабыр обиделся. «Почему дал мне меньше жира!» – заорал он и убежал от меня. Я пустился за чабыром. Я кричал ему вдогонку, что в следующий раз ему достанется жира больше, чем трём чабырам. Еле уговорил его вернуться.

– Хватит! – сказал хан. – Глаза слипаются от твоего вранья!

Но младший брат продолжал рассказывать:

– Когда я пришёл домой, ослов моих не было. Искал, искал, так и не мог найти. Страшно устал и присел отдохнуть, но тут пришла моя мать и принесла обед. Я взял из платка матери иголку, встал на неё и посмотрел вокруг. И что же я увидел? Мои ослы лизали лёд с вершины Эльбруса!

– Довольно! – воскликнул хан. – Хочу спать! Но работник продолжал врать:

– Я бросился к ослам. Головой обломал лёд и напоил ослов. Потом вернулся с ними к матери. Мой чёрный осёл как только увидел пристреленного мною неродившегося зайца, тотчас превратился в чёрного коня и стал кричать: «Не хочу быть конём, хочу быть орлом!» Я хотел ответить ослу, но тут вспомнил, что свою голову оставил на вершине Эльбруса. «Ну так и быть, – решил я, – возьму свою голову и уговорю осла остаться чёрным конём...»

В это время послышался храп хана.

– Хан, а хан! – громко крикнул работник. Хан испугался и вскочил.

– Что случилось? – закричал он и принялся бранить работника.

– Я выполняю условия нашего договора, – отвечал работник, – а ты почему-то сердисься! Что же ты за хан?

Тут хан начал просить работника:

– Умоляю тебя, спи! Мне давно надоело твоё враньё. Как только наступит утро, я отдам тебе и ослов и пшеницу. Только замолчи!

И они уснули.

И вот настало утро. Хан отдал работнику сто ослов, нагруженных пшеницей, и парень погнал их домой.

Тяжело нагруженные, ослы скоро устали. Среди них был один очень хитрый осёл. Он нащёптывал остальным:

– Этот человек ничего не сможет сделать с нами. Давайте освободимся от своих грузов, а то ведь недолго и умереть от такой тяжести!

И ослы сбросили мешки со спин. Увидев это, парень не рассердился, ни слова не говоря, он остановил ослов. В это время мимо проходил человек.

– Доброго вам пути! – пожелал он.

– Спасибо, добрый человек, – ответил парень.

Узнав о том, что человек идёт в то самое селение, где живёт парень, он обратился к нему с просьбой:

– Зайди, пожалуйста, ко мне домой. Там у меня беременная жена. Если мне повезёт, она родит сына. Если и он женится и его жена родит сына, а потом у этого сына тоже родится сын... Когда их станет сто, пусть все придут ко мне сюда, а то я один и не могу справиться со ста ослами.

Услышав это, хитрый осёл шепнул другим ослам: – Пока он будет ожидать подмоги, мы все сгниём, и костей наших не останется. Давайте уж лучше потащим груз!.. Ослы согласились и подошли к парню. Он быстро взвалил на них мешки с пшеницей, и ослы снова двинулись в путь.

Вот так и удалось парню пригнать домой сто ослов, нагруженных пшеницей. Недаром говорят: лучше много знать, чем много иметь!

Свадьба отца⁵³

Абхазская сказка

Отец мой долго был вдовцом и, наконец, собрался жениться. Нужно было все заготовить для свадебного пира. Вот он послал меня на мельницу отвезти сорок пудов кукурузы и смолоть её.

Выбрал я самого большого гуся из нашего птичника, взвалил на него кукурузу и погнал. Когда дошел до мельницы, разгрузил его и пустил пастись на полянку, хорошенько спутав ноги. Всю ночь я провозился с помолом.

⁵³ Абхазские сказки / Составил, обработал и перевёл Х. С. Бгажба. Сухуми, 1983.

Утром вышел на поляну и вижу, что мой гусь валяется на спине, а волк выгрызает у него бок. Я схватил топор и бросился к волку, но тот успел убежать. Что делать? Нарубил я веток, оплел ими бок гуся, чтобы не вываливались внутренности, нагрузил его мукой, и мы вернулись домой.

Отцовская свадьба была пышная, всего было вдоволь, но под утро отец сказал мне, что не хватает вина и надо его достать во что бы то ни стало.

В сарае мы держали двух стрекоз. Вывел я их, оседлал и помчался в Гваду. Там я купил тридцать ведер вина, разлил в бурдюки и нагрузил на стрекоз. Я их связал шлейей, примостился посередине, хлопнул в ладоши – стрекозы понеслись, и скоро мы были дома. Вино кончалось, я поспел вовремя. Уж и хвалили все меня!

Хвастливый охотник⁵⁴

Абхазская сказка

Жил-был какой-то охотник. Был он большим хвастуном, часто рассказывал небылицы.

Однажды он пошел на охоту, но ему не повезло, дичь долго не попадалась, а когда попала, он выстрелил, но промахнулся.

Охотник возвращается в свое село, соседи встречают его. Он им говорит:

– На свете бывают всякие чудеса, но я увидел такое чудо, которое и не снилось никому. Я взобрался на крутую каменистую скалу, а внизу снежные обвалы, большие ручьи. Вдруг вижу: по снежному полю движется какой-то огромный-преогромный зверь. Роги у него длинные-предлинные, острые, как кинжал. Если боднет, то рассечет тебя, как травинку. И что же вы думаете? Подкрадываюсь к зверю, незаметно острым ножом начисто срезаю его роги.

Все удивились храбрости охотника. А один из крестьян сострил:

– Разве надо было начинать с рога, надо было сначала голову отрубить зверю. Видно, ты неопытный охотник.

– Нет, я не согласен с тобой, – возразил хвастун. – Я настоящий

⁵⁴ Абхазские сказки / Составил, обработал и перевёл Х. С. Бгажба. Сухуми, 1983.

охотник и опытный, но чем виноват, если другой своим метким выстрелом до меня уже сумел уложить зверя и отрубить ему голову.

Все засмеялись, и врун покраснел.

Табун⁵⁵

Абхазская сказка

Был у меня большой табун. Раз в жаркий день я выгнал лошадей на водопой, а сам спокойно вернулся домой. Так, бывало, делал я каждый день летом, лошади сами возвращались домой. А на этот раз они не вернулись. Долго я ждал, когда появится табун, но не дождался. Кинулся к берегу – нет лошадей. Посмотрел туда, сюда, поискал кругом – не видать. Что тут делать?

Воткнул я свой посох-алабашу в землю, влез на него, осмотрел берег – нет табуна. Спрыгнул на землю, выхватил кинжал, воткнул в алабашу и взобрался на его рукоятку. Смотрел, смотрел, опять ничего не видать. Тогда я воткнул в рукоятку кинжала нож, встал на его черенок, смотрю вдаль – все напрасно, пропал мой табун! Тогда я воткнул в черенок ножа шило, взобрался на него, и только теперь увидел своих лошадей далеко на берегу моря.

Выдернул я шило из ножа, нож из кинжала, кинжал из алабаши, алабашу из земли и побежал к табуна. Вижу: мои лошади топчутся у берега на самом солнцепеке и, умирая от жажды, лизут лед. Попробовал я разбить лед ударами алабаши, но не мог. Тогда я сделал из своей головы деревянное било-аклакут, размахнулся им изо всех сил и пробил лед. В прорубь хлынула морская вода.

Напились лошади вдоволь, я погнал их домой. По дороге одна кобылица ожеребилась.

Я сел на неё верхом, а жеребенка положил на шею матери, но она не смогла нас везти. Тогда я сел на жеребенка, взвалил на его шею кобылицу, и мы двинулись в путь.

Проезжаю мимо одного дома. На балконе сидят три сестры. Одна из них играет на ачамгуре, а другие поют. Увидев меня, они засуетились. Старшая говорит: – Унан, какой красивый парень едет!

⁵⁵ Абхазские сказки / Составил, обработал и перевёл Х. С. Бгажба. Сухуми, 1983.

– Но ведь он без головы, – возразила средняя. – Если бы у него была голова, я бы вышла за него замуж, – насмешливо сказала младшая.

– Как так – без головы?! – крикнул я, провел рукой по плечам и только тогда заметил, что головы-то у меня нет.

Повернул я обратно к морю. Подъехал к тому месту, где поил лошадей, смотрю: лежит моя голова по уши в проруби. Спрыгнул я с лошади, ухватился за уши, потянул изо всех сил, но голову вытащить не смог: она примерзла ко льду. Тогда я обмотал голову цепью, впряг несколько пар буйволов и стал их понукать.

Буйволы рванулись раз, другой, но голова не сдвинулась с места.

Вижу: над берегом летают два комара. Я поймал их, запряг вместо буйволов и погнал хворостиной. Комары взвились и так ловко потянули цепь, что затрещал лед, а моя голова очутилась на берегу. Я приладил голову куда следует, вскочил на жеребенка, подхватил кобылицу и помчался за табуном.

Вдруг я заметил, что у пенёка невыросшего орехового дерева сидит неродившийся заяц. Я выхватил незаряженное ружье и застрелил зайца. Подняв его, я поехал дальше. По дороге повстречался с человеком, а тот спрашивает:

– Что подаришь мне, если сообщу тебе приятную новость?

– Подарю тебе зайца, – ответил я.

– Сегодня родился твой отец! – сказал незнакомец.

Я отдал зайца и поспешил домой. Дома я увидел пицавшего в люльке отца и подарил ему ту кобылицу, которую привез на жеребенке.

Заяц в тыкве⁵⁶

Абхазская сказка

Это случилось недавно. Я только что женился, обзавелся хозяйством и стал сеять кукурузу. Вздумалось мне однажды посадить тыкву на кукурузном поле. Я считал, что моей хозяйке будет очень приятно, когда она увидит среди кукурузных стеблей тыкву.

⁵⁶ Абхазские сказки / Составил, обработал и перевёл Х. С. Бгажба / Сухуми, 1983.

Решено – сделано. Выросла огромная тыква, но ей не повезло: осел забрел на поле и прогрыз ее. Я не догадался заделать дыру, а ведь туда могла заползти змея. Таков уже человек – о простых вещах не всегда догадывается.

Осенью я убрал тыкву и отнес ее на чердак. Вот захотелось мне как-то полакомиться печеной тыквой. Моя хозяйка полезла за ней на чердак, и вдруг раздался крик:

– Где ты? Скорее бери ружьё и беги сюда. Заяц, заяц!

Я немедленно схватил ружье и взобрался на чердак.

Там я увидел громадного зайца, который проскочил у меня между ног.

Долго искал я его по всем углам, но нигде не мог найти. Кликнул собаку – даже она не смогла учуять этого зайца.

Моя хозяйка испекла тыкву. Сели мы за стол и начали ее резать. На мою долю попала как раз та сторона, где осел прогрыз дырку. Тут-то и нашелся заяц – он был запечен, и я смекнул, что он нашел себе здесь приют.

Коблук и Чёрт⁵⁷

Абхазская сказка

Как-то на дороге встретились Коблук и Чёрт.

– Что нового на свете, Коблук-краснобай?

– А вот, говорят, комариную ляжку не смогли съесть восемь собак.

Чёрт: Вероятно, это были махонькие собаки.

Коблук: Ничего сказать – махонькие! Они съедали орлов, сдившихся на вышку княжеского дворца.

Чёрт: Ну так, видно, орлы были крохотные...

Коблук: Что ты, какие крохотные? Когда они садились на верхушку дворца, то крыльями касались земли.

Чёрт: Что-то ты врешь! Или, может быть, дворец был низенький.

Коблук: Ничуть! Разве скажешь, что дом низенький, если в его кладовой можно уместить восемь верблюдов с кладью.

Чёрт: Тогда, выходит, верблюды были карликовые.

Коблук: Ничего подобного! Верблюды были такого роста, что срывали листья с верхушек чинар.

Чёрт: Значит, чинары были низкорослые.

Коблук: Как низкорослые? Когда мой брат глядел на их вершины, с его головы спадала папаха.

Чёрт: Ну так брат твой был с ноготок.

Коблук: Что ты, он был такой рослый, что, запустив руку в колодец, доставал со дна камни.

Чёрт: Что ж такого, если колодец был совсем неглубокий.

Коблук: Он был очень глубокий. Если рано утром бросали в него камень, то он лишь вечером достигал дна.

Чёрт: А может быть, день был короткий?

Коблук: Ничуть! Корова, погулявшая с быком утром, возвращалась вечером домой с теленком.

Чёрт: Ну, Коблук, признаюсь, мне тебя не перемудрить, ты меня за пояс заткнул.

Коза пастуха⁵⁸

Абхазская сказка

Я пас в горах стадо коз и овец. В тот год погода стояла плохая: все время ручьем лил дождь. Дикие звери осмелели. Всю ночь напролет в короткой бурке, с алабащей в руках я вынужден был ходить вокруг моего стада. Стоило мне хоть немного вздремнуть, как тотчас медведь или волк набрасывались на стадо. Не раз бывало волк хватал козу, но я заставлял его бросить.

Каждый день приходилось выгонять скот на пастбище, пригонять обратно, доить коз, делать из молока сыр. Одному человеку это не под силу, но помощи ждать было неоткуда. Я решил срубить самое высокое дерево, выдолбить его, чтобы получился большой желоб, и продолжить этот желоб от места стоянки скота до моего домика в деревне.

Задумано – сделано. Подоив коз, я выливал в желоб все молоко, и оно, как горный ручей, с шумом текло в село, в большой котел моей матери. Она клала в него сычужок и делала сыр.

⁵⁷ Абхазские сказки / Составил, обработал и перевёл Х. С. Бгажба / Сухуми, 1983.

⁵⁸ Абхазские сказки / Составил, обработал и перевёл Х. С. Бгажба / Сухуми, 1983.

Однажды, когда я доил коз, волк схватил одну козу и поволок. Я стал кричать, но волк, не бросая козы, бежал с ней в сторону желоба. Я подумал: «Куда он денется, если не перепрыгнет через желоб?» Схватил медный большой котел с молоком и вылил все, что в нем было, в желоб. Молоко с шумом потекло вниз, а волк как раз перескакивал через желоб. Но потом волк и коза исчезли.

Кончилось лето. Я со своим стадом отправился домой, но очень горевал о пропавшей козе.

Мать сварила мамалыгу, достала из плетеной корзины, висевшей над очагом, кружок сыра и стала резать его. Вдруг из сыра выскочил волк вместе с козой и прыгнул во двор. Я схватил свою кремневку и выстрелил. Волк упал, сраженный моей пулей, а коза была цела и невредима. Теперь мне стало ясно, что когда волк хотел перепрыгнуть через желоб, он упал в молоко вместе с козой и молочная струя его повлекла к котлу моей матери.

Коза, которую я спас от волка, дала большой приплод, и я разбогател.

Три брата и князь⁵⁹

Абхазская сказка

Жили три брата. Имущества у них никакого не было, имели братья всего три осла, и сильно нуждались.

И вот старший брат решил продать своего осла. А там – будь что будет! Взял он осла за поводок и пошел с ним. Шел он, шел и пришел к усадьбе какого-то князя. Увидел князь человека с ослом и послал своих слуг спросить, что ему нужно здесь.

– Хочу продать осла, – ответил старший брат, Вернулись слуги, доложили князю;

– Этот человек продает осла.

Тогда князь позвал к себе бедняка и сказал ему:

– Если ты можешь рассказать о том, чего я не видел, о том, что я не слышал, – получишь золота столько, сколько поднимет твой осел и ты сам; а если ты не сможешь – отберу твоего осла.

Бедняк не сумел ничего выдумать, и князь отобрал у него осла. Горько заплакал бедняк от обиды и вернулся домой.

Тут средний брат решил, что он-то не растеряется и сумеет продать своего осла и отправился в путь.

Он попал к тому же князю, но не сумел ответить на вопросы князя и тоже потерял осла. Заплакал он и вернулся домой с пустыми руками.

Младший – звали его Джир – пожалел братьев, взял своего осла и отправился его продавать.

И Джир попал к тому же самому князю, который ограбил его братьев. Усадил его князь, закрутил усы и сказал:

– Двух дураков я уже проучил, а вот пожаловал и третий! Ну, отвечай мне: ты хочешь продать своего осла?

– Хочу, – ответил Джир. – Затем я и пришел сюда.

– Ладно, – сказал князь. – Я дам тебе за осла столько золота, сколько подымеешь ты и твой осел, да еще в придачу подарю двух ослов, которых оставили такие же умники, как ты. Но знай: если ты не сможешь рассказать мне о том, чего я не видел, и о том, чего я не слышал, пойдешь обратно и без осла и без денег!

Джир сразу догадался, что перед ним тот самый злодей, который отобрал ослов у его братьев.

– Ты, видно, думаешь, что я не сумею это сделать? – сказал он князю. – Ну так слушай!

Как-то раз весной я погнал стадо в горы, но не особенно утруждал себя. Я не столько присматривал за скотом, сколько проводил время на охоте.

Однажды я встал перед рассветом, взял ружье, запас пуль и пороха и пошел на охоту. Долго я карабкался по скалам, но дичь мне все не попадалась.

Наконец я устал и решил отдохнуть. Сел, прислонившись к утесу, поставил ружье меж колен и незаметно задремал. Проснулся я от какого-то свиста.

Оглянулся, посмотрел на небо и вижу – прямо на меня летит какое-то чудовище. Не успел я опомниться, как чудовище подлетело, схватило меня с ружьем и буркой, подняло так быстро, что я даже пикнуть не успел.

⁵⁹ Абхазские сказки / Составил, обработал и перевёл Х. С. Бгажба / Сухуми, 1983.

Долго мы летели над горным хребтом, пока, наконец, чудовище не опустилось на высокую скалу. На вершине этой скалы была небольшая площадка. Чудовище бросило меня на голый камень, а само уселось чуть поодаль на выступ скалы, взъерошило перья и уставилось на меня. Напуганный, я лежал и не смел даже шевельнуться. Но вот я незаметно скосил глаза и увидел, что всюду валяются кости людей, которых чудовище, видно, сожрало до меня.

«Ах я несчастный! И мои кости прибавятся к этим», – подумал я, но я все же взял себя в руки и стал посматривать на чудовище. Я решил стрелять в него, когда оно повернет голову в сторону.

Как раз в эту минуту чудовище встряхнулось и поглядело назад. Я прицелился из ружья ему в грудь и выстрелил. Пуля попала, куда я метил. Чудовище вскрикнуло, упало и околело.

Я поднялся и стал осматривать вершину скалы. Обрывы были такие крутые, что по ним невозможно было спуститься... Что же случилось дальше? Не знаешь?

Ладно! Далеко внизу сверкала горная речка и отражала солнечные лучи. Кругом камни, утесы и ни одной живой души. Я стал думать, как мне выбраться отсюда. И наконец решил: «Сниму с убитого чудовища его шкуру с крыльями, обернусь ею и брошусь вниз». Взял я ноя, снял с чудовища шкуру и растянул ее на солнце, чтобы она просохла. Затем я надел шкуру и стал подпрыгивать, чтобы научиться летать. Это не сразу мне далось. Когда я научился летать, я распрямил крылья и бросился вниз. От страха душа моя чуть не вылетела из тела – хорошо, что застряла в горле...

Я летел сколько хватило сил и наконец опустился на землю. Снял я с себя шкуру чудовища и поплелся домой. Пришел я как раз в то время, когда моя семья оделась в черное и начала меня оплакивать. Когда я стал рассказывать о том, что я пережил, никто не хотел мне верить, все принимали мои рассказы за пустые выдумки. Тогда я показал перо чудовища, которое захватил вместо палки. Тут уж всем оставалось только удивляться...

Вот какое пережил я приключение! Всего этого ты и во сне не видел!

– Да, я признаю это, – согласился князь.

– Теперь слушай дальше, – продолжал Джир. У одного крестьянина была большая пасека, но никогда не случалось, чтобы хоть одна пчела у него погибала или терялась. Как-то раз одна из пчел улетела за взятком и не вернулась. Пасечник подумал: «Что с ней случилось? Почему она не вернулась?» Оседлал он коня и поехал на поиски.

Ехал он, ехал, целую неделю ехал и вдруг видит: какие-то люди пашут поле на его пчеле. С одной стороны дышла запрягли пчелу, и с нее пот градом катится, а с другой стороны дышла – пять пар буйволов. Пасечник выругал этих людей за такую жестокость и бессердечие и отпряг свою пчелу. Затем он достал орехового масла и смазал ей натертую дышлом шею.

На другой день он опять проходил мимо того места и увидел ореховое дерево, осыпанное множеством спелых орехов. Оказывается, когда он смазывал ореховым маслом шею пчелы, несколько капель упало на землю, и за ночь выросло это большое дерево. Наш пасечник поднял ком земли и кинул его в верхушку дерева, чтобы сбить несколько орехов, но ком застрял среди густых ветвей; так он и не полакомился орехами... Если ты обо всем этом слышал, то продолжай дальше, – сказал князю Джир.

Но князь вынужден был сознаться, что он не может продолжать рассказ.

– А дальше произошло вот что, – сказал Джир. – Пошел мелкий дождь, и комок земли, брошенный пасечником, разбух, превратился в целое поле и пластом лег на вершину дерева. Пасечник, не раздумывая, посеял на нем пшеницу. Когда пшеница созрела, он взял серп и пошел жать хлеб. Но в пшеницу забралась свинья. Пасечник бросил в нее серпом, серп попал ей в заднюю ногу и застрял. Свинья стала бегать с серпом по полю; убежать ей было некуда, и она жала пшеницу, а пасечник, еле поспевая за нею, вязал снопы.

Так он и убрал все поле... Теперь, князь, скажи: пришлось ли тебе обо всем этом слышать?

– Нет, не слышал, – ответил князь в бессильной досаде.

– Тогда слушай дальше, – сказал Джир. – Посеял я в позапрошлом году кукурузу у подошвы горы, и выросла такая кукуруза, что стебель мог выдержать тяжесть человека, если бы он влез на

него. На стеблях были такие початки, что ими можно было оглушить медведя.

Но со мной случилось несчастье. Каждый год кабаны ели мою кукурузу и вытаптывали ее копытами. Поэтому я сторожил кукурузное поле. У одного поля я развел костер, а у другого выбрал местечко для дозора.

Сию раз, смотрю... вдруг послышались шум и треск. Вижут выскочил большой кабан. Срезал он своими клыками стебель кукурузы и начал есть початок. Я прицелился в него из дробовика и выстрелил. Подбежал туда, смотрю – кабана нет. Тут я вспомнил, что когда заряжал дома дробовик, забыл насыпать картечь и зарядил его фасолью. Вдруг смотрю – опять лезет кабан. Я прицелился в него и выстрелил. Да разве фасолью можно убить огромного кабана? Захрюкал он и убежал в лес.

На следующий год продолжалось то же самое – снова кабан приходил пожирать мою кукурузу. Как-то ночью я отправился стеречь кукурузное поле. В этот раз мне удалось подстрелить кабана, хотя было совсем темно. Когда я подбежал к кабану, он был уже мертв. Но тут я увидел что-то совсем небывалое... Скажи, что я увидел? Не знаешь? Ну, ладно! Я сам тебе скажу: кабан был весь обвит стеблями фасоли.

Утром ко мне подошел сосед. Он покачал головой и сказал: «Оказывается, в этого кабана кто-то пальнул из дробовика не картечью, а фасолью».

И тогда я вспомнил, что ведь это я сам стрелял в кабана фасолью! Собрали мы с соседом фасоль, которая выросла на теле кабана, взвесили, и оказалось ровно полпуда... Слышал ли ты когда-нибудь о таких делах, князь? – спросил Джир.

– Не слышал, никогда не слышал! – с досадой воскликнул князь, – Ты выиграл, чтоб молния ударила тебя!

Весь красный от злости и от натуги, князь нагрузил золотом Джира и его осла и дал в придачу еще двух ослов, которых отобрал у его старших братьев. Веселый и довольный юноша отправился домой.

Но двум ослам, которые отъелись у князя и сильно обленились, вовсе не хотелось возвращаться к своим прежним хозяевам, чтобы

работать до потери сил и жить впроголодь. И вот на стоянке они уговорили третьего осла вместе с ними лечь на землю и отказаться идти дальше. Как их ни понукал Джир, ничего не получилось: ослы и не думали вставать.

«Неужели ослы меня переупрямят, после того как я справился с самим князем? – подумал Джир.

И он пустился на такую хитрость. Забежал за кусты и стал кричать:

– Кузнец, кузнец! Положи железный прут в огонь. Пусть полежит до завтра, а там я его пушу в ход: надо подбодрить моих ослов.

Услышали это ослы, испугались и решили: «Не стоит валяться еще целую ночь и дожидаться, когда нас отхлещут раскаленным прутком. Уж лучше уступить! Пусть будет, что будет!..» Встали они и пошли.

Вернулся Джир к братьям, привел им их ослов, да еще дал много золота. С того времени все они стали жить дружно, хорошо и не знали больше нужды и горя. А князь-самодур от досады потерял рассудок и вскоре умер.

О пользе сказки, или как сын мельника обманул аждаху⁶⁰

Аварская сказка

Жил-был старый мельник с длинной седой бородой. Говорят, что он не был уж очень старым – просто мучная пыль въелась в его бороду и посеребрила ее. Так было или иначе – не знаю, но дни его были сочтены, и, когда аллах призвал его к себе, мельник оставил на земле трех сыновей.

– Давайте, братья, работать сообща, – предложил младший брат, – мельница у нас исправная, и дела пойдут хорошо.

Но старшие братья не согласились и потребовали разделить все наследство, в том числе и мельницу, поровну. Воля старших – закон, и начался дележ.

– Не хочу ходить, как отец, с запыленной бородой, – возгордился самый старший и выбрал себе мельничную канаву.

⁶⁰ Аварские народные сказки. М., 1972. С. 70-72.

– Мне тоже надоело дышать мучной пылью, – сказал средний брат и потребовал, чтобы ему отдали крышу мельницы.

А младшему достался жернов.

Старший брат чинил канаву, средний катал на крыше каток, младший следил за жерновом и исправно собирал сах муки с каждого помолотого мешка.

Так прошло некоторое время. Понял старший брат, что прогадал: он следит за канавой, а муку получает младший брат. Не захотел гордец признаться в своей оплошности и молча ушел из дому. Шел он долго, пока не дошел до ущелья у Верхнего Гвалда, где жил аждаха.

– Салам алейкум, аждаха!

– Не уважай я салам, ободрал бы тебя, как козу, да съел, – проворчал аждаха и спросил: Знаешь ты сказки или песни?

– Нет, – ответил старший сын мельника и покачал головой.

– Такие незнайки – лакомое блюдо, – обрадовался аждаха и мигом проглотил его.

Вскоре и средний сын мельника понял, что совершил глупость: не согласился жить сообща. Не долго думая, он тоже тайно покинул мельницу.

Он дошел до ущелья, где жил аждаха, и разделил судьбу старшего брата.

– Куда исчезли мои братья? – забеспокоился младший и отправился на поиски.

Шел он, шел и наконец тоже попал к аждахе.

– Салам алейкум, аждаха! – закричал младший брат.

– Не уважай я твой салам, давно бы проглотил тебя, – ответил аждаха. – А знаешь ли ты сказки или песни?

– Как не знать, ведь я мельник, а они, брат, знают все: и песни, и сказки, и разные небылицы.

– А ну-ка, расскажи мне сказку! – потребовал аждаха.

– Хорошо, – сказал сын мельника. – Только ты не прерывай меня и слушай молча. Если промолвишь хоть слово, я вырежу ремень из твоей спины. А если до конца промолчишь, то можешь меня проглотить.

Аждаха согласился, и сын мельника начал рассказывать.

– Пас я как-то кобылиц. Было так жарко, что повсюду испарилась вода. Погнал я кобылиц на водопой, а река успела уже замерзнуть. Не идут никак кобылицы к реке. Схватил я тогда топор, разбил лед и сделал прорубь. Опять кобылицы не идут. Оторвал я свою голову да черепом напоил всех кобылиц. Подумал я: если река так сильно замерзла, то какой холод должен быть в ее истоках. Пошел я вверх по реке и разложил небольшой костер. Вдруг вспыхнул пожар – это начала гореть река. Испугался я, как бы огонь не добрался до моего черепа и топора, и побежал обратно. Смотрю, сгорело все, кроме топорщица и черепа.

Аждаха заерзал и хотел было сказать что-то, но вспомнил об условии и промолчал.

– Положил я череп на свое место и пошел дальше. В Заибе топорщиком срубил деревья и сделал арбу. Пошел на охоту, вижу: олени. Швырнул топорщице и двоих убил. Мясо их съел, а шкуры повесил на ветки.

Аждаха хотел было открыть рот, но удержался.

– Однажды увидел я двух дерущихся пчел. «Чего вы не поделили?» – спросил я их. «Эта нахалка утверждает, что несет больше меда, чем я», – ответила одна из пчел и начала бить другую. Я их разнял и предложил носить мед для меня. Кто больше принесет, тот и окажется прав. Через несколько дней обе олени шкуры были доверху наполнены медом. Впряг я пчел в арбу, нагрузил на них шкуры с медом и поехал домой. Одна пчела стала отставать, и я ударил ее палкой. Одним концом палка задела землю, а другим подбросила меня в небеса. Схватился я руками за край неба и повис над землей. Долго я так висел, болтая ногами, наконец увидел стог сена да прыгнул в него.

Не выдержал аждаха и крикнул:

– Ну и болтун же ты!

– Ах так! – воскликнул сын мельника. – Подставляй-ка спину.

Стал он сдирать ремень со спины аждахи и, как только дошел до шеи, пырнул его ножом. Тут выскочили оба его брата. Все трое братьев пошли домой и стали жить вместе и дружно работать на отцовской мельнице.

Как бедняк женился на ханской дочери⁶¹

Аварская сказка

Жил не жил хан, и была у него красавица дочь. Решил он выдать ее замуж. И вот глашатаи объявили:

– Хан выдаст свою дочь за того, кто придумает самую невероятную небылицу.

Уже многие богатые и знатные женихи получили от хана отказ, когда пришел какой-то бедняк и говорит: – Хочу я, о хан, быть твоим зятем.

– Начинай же свой рассказ, – приказал хан.

– Мой отец говорил перед смертью, что ты должен ему сто мерок золота, – сказал бедняк.

– Это неправда! – закричал хан в гневе.

– Тогда выполни свое обещание и отдай за меня дочь, – сказал бедняк.

И пришлось хану выдать дочь за бедняка, потому что не хотел он опустошать свою казну.

Небылица⁶²

Ингушская сказка

Жили-были три брата. У них был дом без окон и дверей, двор зарос бурьяном. И не было к нему ни тропы, ни дороги. Ничего у них не было, кроме кхизг (корзинки) без дна, изъеденного молью. Дунет в окно ветер – они трое станут вокруг кхизг и перенесут ее к дверям, дунет ветер в двери – перенесут к окну.

– Мы затрачиваем много труда. Если подсчитать наши усилия, то за эту кхизг дадут большую сумму денег. Надо ее срочно продать, – предложил старший брат.

Младший брат согласился. И продавать кхизг отправил старшего брата.

Взял старший брат кхизг и отправился в дорогу. Шел он, шел и очутился в далеком краю. Около одного селения встретил он гарбаш.

– Умеешь ли ты танцевать? Умеешь ли петь песни? Умеешь ли рассказывать небылицы? – спросила она.

На все вопросы он ответил «нет». Тогда гарбаш решила: «От тебя живого пользы мало» – и проглотила его.

С большой выручкой ждали его братья день, ждали второй, ждали неделю. И решили они отправить вслед второго брата. Отправился второй брат и повстречался с гарбаш. Она задала ему те же вопросы, и он так же ответил на них. Его постигла участь старшего брата.

Долгое время ждал их младший брат, которого они считали глупцом.

«Пожалуй, они хотят лишить меня доли от большой выручки и поэтому, быть может, стили жить где-нибудь в другом месте», – подумал младший брат.

Во дворе он нашел кусок косы, отточил ее, сделал из войлока ножны, вложил в них косу, подвесил на пояс и отправился вслед за братьями.

По дороге ему повстречалась гарбаш. Она задала младшему брату те же вопросы. На все ее вопросы он ответил: «Умею».

Станцевал младший брат, спел песню, а затем должен был рассказать небылицу.

– У меня одно условие, – сказал он гарбаш, – если во время моего рассказа ты перебежишь меня – я вырежу с твоей спины полосу шириной с эту косу. Если во время твоего рассказа я заикнусь о чем-либо – ты вырежешь ее у меня.

Гарбаш согласилась, и младший брат стал рассказывать небылицу:

«Еще до моего рождения, до рождения моего отца и матери и их предков до седьмого колена я пас в знойный летний день шестьдесят три кобылицы и одного жеребца. Солнце стояло в зените. Мои лошади изнывали от жажды, да и самого меня мучила жажда, и я отправился на поиски воды. Пересек я небольшое поле и увидел: над зеленой травкой висит на лучах солнца огромный кусок синей

⁶¹ Аварские народные сказки. М., 1972. С. 37.

⁶² Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост., пер., предисл. и примеч. А. О. Мальсагова. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – С. 185-187.

льдины. Пригнал я туда своих кобылиц. Вместе со всеми кобылицами взобрался на льдину, а она и не шелохнулась. Вытащил я из-за пояса топор и стал рубить льдину. Вырыл лунку, в которую топор провалился, а топорище осталось у меня в руках.

«— Что пользы от топорища?» — подумал я и со злостью швырнул его в лунку.

Не зная, что делать, я стоял в оцепенении. Тогда мне внезапно пришла в голову мысль, что будет, если я помою изнутри черепную коробку. До бровей снял я свою черепную коробку и стал ее мыть, появилась вода, которой хватило напиться шестидесяти трем кобылицам, жеребцу и мне. После того как мы напились, я со злости поджег эту льдину с краю. В этом огне сгорела льдина, сгорела вода, сгорел топор — только топорище осталось. Взял я топорище, сунул его за пояс и погнал своих кобылиц и жеребца. Проезжая по лесным чащам, я увидел, как один человек с двумя кобылами и с двумя лошадьми деревянной сохой на дереве землю пахал.

— Вот чудеса, — сказал я ему, — разве тебе не хватает земли, что ты пахешь на дереве?

— Если ты такой умный, — ответил он мне, — пойди и забери свою черепную коробку в том месте, где ты рубил лед.

Поскакал я туда, взял черепную коробку, очистил ее от паутины и насадил опять на прежнее место.

Через некоторое время в мою папаху влетела пчела.

— Что ты делаешь? Убирайся из моей папахи! — крикнул я ей.

— Оставь меня ради бога, я дам тебе меду. Я убегая от медведя, который требует от меня мед, — сказала пчела.

— Ну сиди тогда, — сказал я, отправился далее и повстречался с медведем.

— Не видел ли ты здесь пчелы? — спросил он меня.

— Не видел, — ответил я, выхватил из-за пояса топорище и переломал медведю лапы.

Иду я дальше и вижу — сидят семь косуль. Выхватил я из-за пояса топорище и одним ударом переломал им всем ноги. Содрал я с семерых косуль шкуры, сделал из них семь мешков и заставил пчелу наполнить эти мешки медом. Запряг я в арбу двух волов,

загрузил арбу семью кожаными мешками с медом и тронулся в сторону дома.

День был жарким, путь далеким, быки, устали, и возле одного села я остановился отдохнуть. У этого села, в зарослях, мне показалось, что дерутся два барана. Я помчался туда, думая, что бараны помогут мне дотянуть арбу до дому. Когда я подбежал, то оказалось, что дрались два муравья. Взял я одного за ухо, привел и запряг в арбу. Он потащил арбу и двух быков вместе. Я подумал: «Если бы привести и второго муравья, то мы доехали бы куда быстрее».

Привел я второго муравья и запряг.

Умчали два муравья мою арбу, двух быков и семь мешков меду. А я оказался верхом на хворостине, которой погонял быков. Думал я, думал, как бы мне спрыгнуть с этой хворостины, и надумал: сойду, подложу на землю что-нибудь, снова взберусь на хворостину, а затем снова спрыгну».

— Ой, если ты слез, зачем тебе было вновь взбираться? — вмешалась, не удержавшись, гарбаш.

— Так-так, поди-ка сюда — сказал младший брат и вырезал всю длину спины гарбаш три полосы кожи шириной с косу.

Вытащил он из нее двух братьев, а также кхизг и возвратился домой.

Спор о небылице⁶³

Чеченская сказка.

Один мельник любил спорить о том, кто расскажет лучшую небылицу. Мельник ставил гирду кукурузы, и бедняки всегда проигрывали.

Однажды на мельницу пришел бедный чеченец. Он принес гирду кукурузы, чтобы смолоть ее.

Говорит мельник чеченцу:

⁶³ Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост., пер., предисл. и примеч. А. О. Мальсагова. — М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. — С.187-188.

– Давай биться об заклад. Кто из нас расскажет лучшую небылицу, тот и получит гирду кукурузы.

– Давай побьемся, – согласился чеченец.

Первым начал небылицу мельник:

«Была у меня курица. Я ее хорошо кормил. Однажды запер я курицу в комнате и пошел по своим делам. На второй день открываю комнату и вижу: курица снесла столько яиц, что они заполнили всю комнату до потолка. Сама же курица вылезла через дымоход и уселась на верху трубы. Нанял я людей и вынес яйца во двор. Из этих яиц тотчас же вылупился полный двор кур и петухов. Я разозлился, схватил длинный шест и разогнал по двору всех кур и петухов. После этого все курицы и петухи превратились в одну курицу и в одного петуха».

Мельник закончил рассказ словами:

– Вот такова моя небылица.

– Хорошо, – сказал чеченец, – теперь я расскажу свою небылицу, а ты послушай.

«У меня было много ульев. На всех пчел была одна матка, которая следила за пчелами и их работой. Как-то раз матка исчезла.

Я поклялся во что бы то ни стало найти пчелиную матку и отправился на поиски. С тех пор прошло много времени, и я услышал, что матка находится далеко-далеко. Пошел я в то место. Ходил я, ходил и пришел туда, где находилась матка, и что же я вижу: вместе с шестью волами матка запряжена в плуг и пашет землю. Видно, на матке так много пахали, что дышлом перетерли ей всю шею. Распряг я матку, пришел домой и спросил у людей:

– Как мне залечить раны на шее пчелиной матки?

Умные люди посоветовали:

– Смешай сало с орехами и положи эту смесь на шею матки. Это самое хорошее лекарство.

Смешал я сало с орехами и смазал шею матки. После этого лег спать.

Проснувшись утром, пошел я осмотреть шею матки. Захожу в комнату и вижу: на ее шее выросло огромное ореховое дерево со спелыми орехами на ветвях.

Думал я сбить несколько орехов и бросил в дерево ком земли. Ком застрял на дереве. Из этого кома земли получился большой участок земли на три пахоты.

Шестью волами вспахал я этот участок за три дня. Потом засеял его арбузами и дынями. В страду осмотрел я участок. Там было много арбузов и одна огромная-преогромная дыня. Не смог я привести дыню домой и шашкой рассек ее на две части.

Только я рассек шашкой дыню, как из нее выскочили заяц и охотники. Схватил я топор и бросился вдогонку зайцу. У испуганного зайца из-под хвоста выпал клочок бумаги. На нем было написано: «Гирду кукурузы выиграл бедняк».

Так закончил свой рассказ чеченец. Мельник согласился с тем, что он победил его.

Бедняк-чеченец получил две гирды кукурузы.

Кто больше?⁶⁴

Чеченская сказка

Один бык протягивал голову за семь верст и щипал траву на лугу. Потом он протягивал голову за семь верст и пил воду из озера.

Вдруг из-за облаков налетел на быка огромный орел. Он схватил его когтями и скрылся в облаках. Долго летел орел, выискивая место, куда можно было бы опуститься с быком.

Наконец орел увидел большого козла, опустил быка на его рога и стал есть.

В тени бороды козла спал чабан. Орел съел быка, очистил свой клюв о лопатку быка и бросил ее. Она попала в глаз чабана, но он не проснулся.

Орел улетел.

Вечером, когда чабан гнал домой овец, он почувствовал, что в глазу щиплет. Потер глаз, но лопатка оставалась в глазу. Чабан пришел домой и рассказал матери:

– Нани, мне в глаз что-то попало. Вытащи.

Мать потянула за лопатку быка – она не поддавалась.

– Так это бычья лопатка, – сказала мать и пошла звать соседа.

⁶⁴ Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост., пер., предисл. и примеч. А. О. Мальсагова. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – С.188-189.

Потянули вместе с соседом – лопатка не поддалась. Потом пришли еще люди и потянули вместе. Лопатка снова не поддалась.

В большом селении, где жил чабан, было девять тысяч домов. Собрали всех жителей, даже стариков и детей, привязали к лопатке цепи, потянули и вытащили лопатку из глаза чабана.

Жители села решили поставить на этой лопатке девять тысяч домов. Быстро построили на лопатке село и поселились в нем.

Жители села стали замечать, что по ночам их село вертится, словцо мельничный жернов.

Молодежь села решила узнать, что по ночам происходит с их селом. Они заметили лису, которая каждую ночь приходила к лопатке быка и глодала остатки мяса на ней.

На вторую ночь все, кто имел оружие, – сто двадцать пять кантов – подкараулили лису и застрелили ее. Утром жители села сняли шкуру с одного бока лисы. Из этой шкуры всем жителям сшили шубы.

Но перевернуть ее на другой бок, чтобы снять с нее остаток шкуры, они не смогли.

Утром за водой шла старая Жера-Баба.

– Так, значит, это и есть та самая лисичка, которую целое село не смогло перевернуть на другой бок? – сказала Жера-Баба и ковшом перевернула лису на другой бок.

– Из этой шкуры можно сшить моему трехлетнему внуку шубу, – сказала Жера-Баба и сняла с лисы оставшуюся шкуру.

Жера-Баба сшила своему трехлетнему внуку шубу, но на рукава и воротник шкуры не хватило.

Узнайте, кто из них больше: бык, орел, козел, чабан, лиса, Жера-Баба или ее трехлетний внук?

Пастух Бичиа⁶⁵

Грузинская сказка

Жил один великий и могущественный царь. У него была дочь, прекрасная, невиданной под солнцем красоты девушка. Решил

царь отдать свою дочь тому, кто расскажет три самые невероятные небылицы. Многие желали получить в жены ту красавицу, но никто не мог угодить царю. А неудачников царь тотчас обезглавливал и головы их вывешивал на башнях своего замка.

В том царстве жил один пастух Бичиа. Однажды, пригнав вечером стадо в деревню, Бичиа сказал матери:

– Мать, царь отдает свою дочь тому, кто сумеет рассказать ему три небылицы. Давай пойду, что будет – будет, попытаюсь, авось, выиграю и ту царскую дочь приведу тебе в невестки.

– Сын мой, что ты? Кто тебе отдаст царевну?

– А что, разве я не человек? Что, мне ума не хватает?

– Оставь, сынок. Все равно не отдадут тебе ее.

– Отчего же?

– Знаешь ведь, сынок, скольким прекрасным людям отрубил царь головы за то, что они не сумели угодить ему. Ну где тебе выдумать такую небылицу, что никто из этих знатных и ученых людей выдумать не мог?

– Смогу или нет – посмотрим. Разве те, кто будут меня спрашивать, не такие же люди, как и я? Помнишь, что говорил отец: человек должен все испытать. Вот я и хочу испытать свою судьбу – посмотрим, кто победит.

Мать долго отговаривала Бичиа, но он не послушался. Отправился к царю, пришел во дворец и стал у дверей. Оглядел вывешенные на башнях высохшие человеческие головы, но не дрогнуло у него сердце.

Вышли царедворцы и спросили:

– Кто ты и чего ты хочешь?

– Я крестьянин и пастух, хочу царю небылицу рассказать.

Царедворцы доложили царю и по его приказу пригласили Бичиа во дворец, подали ему кресло, усадили.

Вышел царь, вызвал палачей и говорит:

– Рассказывай свою небылицу.

– Вернулся я вечером с пастбища домой. У матери ничего к ужину не оказалось. Я тотчас вышел из дому, перепрыгнул в наш огород, чтобы сорвать давно мною намеченную тыкву. Пришел, смотрю – нет тыквы. Направился я по стеблю, что-то далеко он

⁶⁵ Грузинские народные сказки. Сто сказок. Тбилиси, 1971.

протянулся – не видать конца. Иду за ним, а он до моря дотянулся. Смотрю, он и по морю тянется. Стал я на стебель, иду, вышел на другой берег моря. Вижу – вот она, моя тыква! Сорвал ее, повернулся и снова по стеблю вышел на эту сторону моря. Принес тыкву домой, отдал матери. Приготовила она ужин, и поужинали мы вкусно.

Эта небылица понравилась как царю, так и его царедворцам.

– Хорошо. Иди теперь домой, придешь завтра – расскажешь вторую небылицу.

Настало утро. Бичиа помылся, надел шапку и отправился во дворец.

Пригласили его к царю, а там уже и царь, и все придворные, и палачи собрались. Подали пастуху кресло, усадили и велели рассказывать.

– Вчера приготовила мать ужин, – начал Бичиа, – но для приправы не оказалось у нее соли. Побежал я за солью в Гумбры. Пошел к соляной скале и вспомнил, что ни тесака, ни кирки не взял с собой. Что было делать? Стал я биться головой о скалу. Отбил так один большой кусок соли, взвалил на спину и понес домой. Приправили еду и вкусно поужинали.

Это небылица тоже понравилась, и сказали пастуху:

– Иди теперь домой, а третью небылицу завтра расскажешь.

Очень доволен Бичиа, а царь впал в думу – не знает, к какой прибегнуть уловке, как отправить проклятого пастуха на тот свет? Созвал царь всех своих советников. Много ли говорили или мало, но решили – завтра, что бы ни рассказал пастух, всем в один голос кричать: «Правда, правда».

Все весело разошлись, уверенные, что никакая сила не спасет завтра пастуха от смерти. Но судьба готовила иное.

Настало утро. Бичиа-пастух отыскал где-то огромный чан и докатил его с помощью нескольких товарищей до царского дворца.

Как только увидели царедворцы этот чан, тотчас закричали пастуху:

– Что это такое, что ты приволок?

– А это вот что: два таких чана, полных драгоценных камней и жемчугов, задолжал отец нашего царя моему отцу.

– Правда, правда! – закричали царедворцы. Вышел на этот шум царь, набросился на советников:

– Что вы меня губите? Когда задолжал мой отец его отцу столько драгоценностей? И где у меня столько имущества?

– Ложь, ложь! – стали кричать царедворцы.

– А ложь – так отдавайте царевну.

Пришлось царю выбирать: или отдать пастуху два чана драгоценностей, или выдать за него свою дочь. Так как царство было не очень богатое, то и решили отдать Бичиа прекрасную царевну. Обвенчали их, справили свадьбу и отдали полцарства. Победил пастух и взял жену домой к матери, где они весело и счастливо зажили.

Три брата и плешивый плут⁶⁶

Грузинская сказка

Жили на свете, а может, и нет три брата. Старшие были простаки, а младший смекалистый. Отец оставил им много золота и всякого добра. Перед смертью он наказал сыновьям никогда не иметь дела с плешивыми людьми, ничего у них не покупать. В город они не ездили и плешивых в глаза не видели. Но вот однажды кончилась у них соль.

Собрался старший брат в город за солью. Навьючил на осла хурджин с золотом – не знает простак, почём соль – и отправился в путь.

Повстречался ему плешивый плут. – Здорово! – Здорово!

– Куда едешь, братец? – В город, золото на соль менять.

– Давай со мной меняться, у меня сколько хочешь.

– Нет, не хочу. Отец наказал не иметь дела с плешивцами.

– Не хочешь – не надо, – говорит плешивый. – Неволить не буду!

Поехал простак дальше. А плут обогнал его по другой дороге и опять очутился перед ним. Поздоровался.

– Куда путь держишь? – спрашивает он простака.

– Иду в город за солью.

⁶⁶ Хуткунчула. Грузинские народные сказки. Ростов-на-Дону, 1991.

– Купи соль у меня.
– Нет, не могу, отец не велел у плешивцев покупать.
– У кого же ты купишь соль? – удивляется плут. – Здесь одни плешивые живут!

Всё равно не хочет простак покупать соль у него.

– Будь по-твоему, не хочешь – не покупай. Давай я тебе загадку загадаю, – говорит плешивый. – Отгадаешь – дам тебе соли и верблюда в придачу. А не отгадаешь – отдашь мне осла и хурджин с золотом.

Согласился простак.

– Есть у меня цесарка. Уйдёт утром в лес, снесёт яйцо, а вечером, гляжу, вдвоём возвращаются, и оба – цесарка и яйцо – кудахчут. Что бы это значило?

Долго ломал голову простак – не смог отгадать загадку. И остался ни с чем. Правда, пожалел его плешивый, дал ему фунт соли.

Вернулся домой старший брат опечаленный, ничего не рассказывал братьям.

Поехал в город за солью средний брат. Взял на осла хурджин с золотом и отправился в путь. По дороге повстречался ему тот же плешивый плут.

– Здорово, братец! Куда путь держишь?

– В город, золото на соль менять.

– Зачем в город ехать, я тебе обменяю.

– Нет, – говорит средний брат, – не могу нарушить наказ отца. Не велел он иметь дело с плешивцами.

– Не хочешь – не надо. Неволить не буду!

Отошёл от него плут, пробежал коротким путём и снова оказался перед средним братом. Поздоровался.

– Куда едешь, братец? – В город за солью. – Купи у меня.

– Не могу, не велел отец у плешивцев покупать.

– У кого же купишь? Здесь кругом одни плешивые живут.

Всё равно не хочет простак покупать у плешивого соль.

– Будь по-твоему, не хочешь – не покупай. Давай я тебе загадку загадаю, – говорит плешивый. – Отгадаешь – дам тебе соли и верблюда в придачу. Не отгадаешь – твой осёл и хурджин с золотом достанутся мне.

Согласился простак. И загадал ему плешивый ту же загадку.

Не отгадал простак загадку. Пришлось отдать плешивому плуту и осла и золото. Правда, пожалел его плут, дал ему фунт соли.

Вернулся средний брат домой, ничего братьям не рассказал.

Удивился младший брат, почему старшие так мало соли привозили.

Навьючил он на осла хурджин с драгоценными камнями и отправился в город.

По пути и ему повстречался тот же плешивый плут. Поздоровался.

– Куда путь держишь?

Младший брат ответил ему так же, как старшие. Не захотел меняться с плешивым.

Отстал от него плут, побежал другой дорогой и опять очутился перед путником. Поздоровался.

– Куда путь держишь? – В город за солью.

– Зачем тебе так далеко ехать? Давай я тебе загадку загадаю. Отгадаешь – дам тебе соли целый пуд и верблюда в придачу. Не отгадаешь – заберу у тебя осла и хурджин с камнями.

Согласился парень.

– Есть у меня цесарка. Уйдёт утром в лес, снесёт там яйцо, а вечером, гляжу, вдвоём возвращаются – цесарка и яйцо, – и оба кудахчут. Что бы это значило?

– Ты смотри, совсем как у нас! – усмехается смекалистый. – И у нас цесарка каждый день в лес уходит и с яйцом возвращается. А о чём они кудахчут, пойдём спросим у наших пчёл, они стерегут в лесу и твою и мою цесарку.

Видит плут, не провести ему этого путника, не задурить ему голову небылицами. Пришлось сходить домой, привести верблюда с мешком соли.

Отдаёт плешивый парню всё, что обещал, а сам шепчет верблюду на ухо:

– Как будешь проходить топкое место, ложись, не вставай. А коли заставит встать, не входи в хлев, раздуй бока так, чтобы не пройти. Прогонит он тебя, и прибежишь ко мне.

Погнал младший брат верблюда и осла домой. Попалось им на дороге топкое место. Разлегся верблюд в грязи и лежит.

Смекалистый парень ничего не сказал. Уселся спокойно на плетень у дороги, закурил трубку.

Шел мимо путник. Поздоровался с ним младший брат и говорит:

– Сделай милость, как пойдёшь через наше селение, скажи моей жене такие слова: «Может, повезёт мне, родишь ты ребёнка. Может, повезёт, и будет у меня сын. Может, повезёт, и вырастет мой сын. А когда сын вырастет, пришли его ко мне с арбой – верблюдов у меня в грязи увяз. Взвалю верблюда на арбу, отвезу домой».

Перепугался верблюд: «Околею с голода, пока его сын за мной на арбе приедет, а может, и вовсе не приедет, коли не родится!» Вскочил верблюд и зашагал вперёд.

Добрался младший брат до дому и стал загонять верблюда в хлев. Раздул верблюд бока, никак не войдёт.

– Дайте-ка мне топор, братья! – кричит парень. – Очень уж большое у верблюда брюхо, обрублю немного с боков.

Видит верблюд – с таким хозяином шутки плохи. Выдохнул воздух и покорно пошёл в хлев.

Горе – там, счастье – здесь, сладких снов и вам и нам.

Сказка – загадка⁶⁷

Грузинская сказка

Жил один царь. Было у него огромное поле. Вспахали царю то поле, засеяли, и поставил он двенадцать сторожей. Один стоит посреди поля, а одиннадцать целый день идут к нему от краев – никак не дойдут. Весной, когда уродился хороший урожай, подошел к полю бык и стал поедать хлеб. В один миг съел весь урожай, но только съел – повалился и околел. У дохлого быка туловище лежит на царском поле, ноги же, хвост и голова – на соседском.

Вошло солнце, прилетела ворона, вонзила когти в быка и понесла его в гнездо. Вдруг видит ворона – пастух пасет овечье стадо; вороне понравилось место, села она на рог одной овцы, устроилась поудобней и стала закусывать быком. Ела, ела ворона – все съела. Обронила только бычачий бок и улетела.

Бок долго валялся на земле. Подул как-то ветер, поднялся этот бок и попал прямо в глаз пастуху. У пастуха было три зятя: царь птиц, царь зверей и царь морей.

Пошел пастух к птичьему царю и говорит:

– Не знаю, что-то попало в глаз, не вытащишь ли?

Послал птичий царь всех птиц в глаз пастуху – отыскивать, что того беспокоит. Искали, искали птицы, две недели искали – не нашли и улетели. Пошел пастух к царю зверей.

– Засорил чем-то глаз, не поможешь ли?

Послал царь зверей в глаз пастуха всех своих подданных – отыскать, что того беспокоит. Искали, искали звери, две недели искали – не нашли и разбежались.

Загрустил пастух, пошел к морскому царю. Морской царь открыл все моря и реки и напустил их на глаз пастуха. Шли, шли воды, две недели шли, наконец вынесли бычачий бок из глаза пастуха.

Отдохнул пастух, поблагодарил царя и ушел.

А бычачий бок валяется на берегу моря. Проходили берегом купцы, понравился им бычачий бок, выстроили на нем целый город и стали жить да поживать.

Но вот горе – осталось на кости немного мяса. Пришла лиса, стала дергать его; как дернет – закачается бок, рушатся купцовы дома.

Забеспокоились купцы, стали искать человека, что мог бы спасти их от такой беды.

Пришел к купцам трехдневный ребенок, сказал:

– Дайте три пули, избавлю вас от беды.

Обрадовались купцы, дали ему три пули. Выстрелил трехдневный ребенок в лису и убил ее. Взяли лису, освежевали ее и говорят ребенку:

– Что тебе дать за наше спасение?

– Дайте мне половину лисьей шкуры, – сказал он, – а другую половину оставьте себе. Дали ему половину шкуры, а другой половиной весь тот купецкий город оделся. Мальчик взял свою половину, сшил себе платье, только ни на рукава, ни на полы не хватило.

⁶⁷ Грузинские народные сказки. Сто сказок. Тбилиси. 1971.

Кто больше: бык, ворона, овца, пастух, кость, лиса или тот ребенок?

– Ребенок, – скажут.

Истинная небылица⁶⁸

Грузинская сказка

Жил-был царь. Была у него одна-единственная дочь. Солнце для него всходило с нею и луна, не мог он на нее нарадоваться. Однажды царь призвал визирей и сказал им:

– Дочь свою я выдам за того, кто выдумает истинную небылицу.

Стали они искать такого жениха. Обшарили все царство, кого только не видели, кого ни спрашивали – никто не мог сказать истинной небылицы. Врали все, но царю угодить не могли: это-де не небылица! И решил тогда один бедняк: «Давай пойду в другое царство, может, там научусь врать по-настоящему и тогда заполучу царскую дочь». Собрался и отправился на чужбину.

Смотрит – посреди дороги сидит какой-то человек, в корзине у него зубцы чеснока и горох, в руках молоточек и отесанный колышек. Воткнет он кол в землю, ударит по нему молотком и бросает в ямку по одному зубцу чеснока и по одной горошине – сеет на дороге чеснок и горох.

Не удержался бедняк и спросил:

– Что ты делаешь, братец? Где это слыхано – посреди проезжей дороги огород разводить?

– Не твоя забота! – отвечал человек. – Разве я спрашиваю тебя, куда ты путь держишь, проходи себе с богом!

Не отстаёт от него бедняк: скажи мне, что ты делаешь?

Тогда человек ответил ему:

– Этим утром несколько арб проехало вверх по дороге и несколько вниз, пока эти арбы проедут обратно, я успею собрать урожай чеснока и гороха, продам крестьянам и выручу денег на пропитание.

И сказал тогда про себя бедняк: раз этот человек мне сказал такую небылицу, вероятно, он знает их великое множество! – и повел его к своему царю.

Шли они девять месяцев и девять дней. Пришли в то царство, и доложил бедняк визирям:

– Привел я человека, который знает уйму небылиц.

Визири усадили того человека на скамью и велели ему рассказывать.

Человек начал:

– Я и мой отец позавчера пасли стадо, есть и пить нам было нечего. Моя мать насыпала в корзину тыквенных семечек и понесла их в огород. К полудню уродилась такая громадная тыква, что проломила изгородь и сорвалась в Куру. Вернулись мы с отцом домой, смотрим – есть нечего! Мать послала меня в огород, чтобы я принес тыкву. Пришел я в огород, но тыквы там не оказалось. Пошел я по следу и увидел, что тыква весом в сорок пудов лежит в Куре. Взвалил я ее на плечи, притащил домой, разрезал пополам и обе половинки положил в печь. Тыква вскоре испеклась, и мы с отцом съели всю сорокапудовую тыкву.

А теперь найдите в моем рассказе хоть крупинку правды! – закончил пришелец.

Визири, как ни старались, не смогли найти ни слова правды. Все же они придрались к тому человеку и сказали:

– Если не выдумаешь настоящей небылицы – не сносить тебе головы!

Пришел тот человек к бедняку, сплел за один день большую корзину, взвалил ее на арбу и подкатил назавтра к царскому дворцу. Царь и его визири выглянули из окна:

– Что это ты привез? – спросили они.

– Великий царь, ровно год назад мой батюшка одолжил тебе такую корзину золота, почему же ты не возвращаешь долга, как тебе не совестно дурачить старца!

И тут царь понял, как мастерски обманул его этот человек. Он задумался: сказать, что это ложь, что никакого золота у отца его он в долг не брал, – царевна достанется крестьянину. Смолчать – нелегко и с золотом расставаться. Много думал царь или мало, решил все же отдать золото.

⁶⁸ Грузинские народные новеллы. / Сост А.А.Глonti. Тбилиси, 1974. С. 215-217.

Нагрузил он полную арбу золотом – и на этом закончили.

Поделился этот человек своей добычей с бедняком, и зажили они припеваючи. А царская дочь по сей день ждет своего суженого

Два дервиша⁶⁹

Грузинская сказочная история

Пришли в Испагань два дервиша. Один из них предстал перед шахом. И шах спросил его:

– Ты обошел множество стран, что попало тебе самое что ни на есть необыкновенное?

Дервиш ответил:

– Много я видел чудес, но прошлого ночью случилось нечто столь чудесное и удивительное, чего я нигде еще не видел. В полночь прилетела огромная птица, схватила целый караван-сарай и унесла его вместе с людьми, верблюдами, домами и оградой.

Шах рассердился и прогнал его:

– Как можно рассказывать такие небылицы, будто птица подняла и унесла целый караван-сарай и все, что в нем и вокруг него было!

Уличенный во лжи дервиш пришел к товарищу и рассказал ему обо всем. Товарищ разбранил его и сказал так:

– Я надеялся, что ты вернешься с прибытком, а тебя за вранье прогнали с пустыми руками. Как ты мог сказать, будто птица унесла караван-сарай? Сказал бы, что она похитила верблюда или лошадь.

При этом дервиш подумал: «Пойду – ка я и оберну ложь моего товарища правдой».

Предстал он перед шахом, шах спросил его:

– Ты обошел множество стран, что попало тебе самое что ни на есть необыкновенное?

Дервиш доложил ему:

– Много видел я на свете чудес, но такого чудесного и удивительного, что представилось мне здесь позапрошлой ночью, я не

видел нигде. Едва запели петухи, как с неба посыпались верблюда голова, ноги, обрубки коня, обломки кирпича и черепицы. Я не мог уснуть до зари.

Изумился шах и сказал:

– Вчерашний дервиш сказал, оказывается, правду, напрасно я его прогнал.

Он поверил дервишу и щедро его одарил.

Сказка охотника⁷⁰

Армянская сказка

Я клянусь крещением моего отца и рождением моей матери, что всё так и было. Как-то раз, а нас было пятеро или шестеро, мы отправились на охоту с саблей и пушкой. С нами был Хади, с нами был Гуди, был ещё Чати, ещё был с нами Мати, наконец, был мой отец и, конечно же, был я, – все пошли охотиться.

Мы шли прямо через горы и через долины. Шли молча, не проронив ни слова, трудно ли было нам по пути, легко ли, – всё терпели. Мы всё шли и шли, пока не дошли до такого места, где было три озера: два из них были пересохшими, а в третьем вообще воды не было.

Глянули мы на них и вдруг заметили, что в том озере, в котором вообще воды не было, плавают три утки. Причём две из них – мёртвые, а третья вообще не живая.

– Хади, давай, стреляй!

– У меня нет ружья.

– Гуди, давай, стреляй!

– И у меня нет ружья.

– Чати!.. Мати!..

– И мы без ружей.

– Ну и что же теперь делать?

А у моего отца как раз был такой длинно-короткий и тонко-толстый посох. Он поднял его на плечи, навёл на цель и выстрелил.

⁶⁹ Сулхан-Саба Орбелиани. О мудрости вымысла [Предисл. А. Барамидзе]. М., 1951. № 123.

⁷⁰ Ресурсы Интернета: <http://skazkoved.ru/index.php?fid=1&sid=7&tid=557>

Ба-бах!!!

Он выстрелил, а я упал. А как я упал – утка и распласталась на земле: каждое крыло метра четыре в длину.

– Хади, дай мне нож!

– У меня нет ножа.

– Гуди, нож!

– И у меня нет.

– Чати!.. Мати!..

– И у нас нет.

– Ну и что же теперь делать?

А у моего отца был нож, только без лезвия. Ну, взяли мы этот самый нож, Хади попробовал резать, – не получается. Гуди попробовал резать – и у него не получается. Чати попробовал – толку нет. Мати пытался – куда там. Даже у моего отца ничего не вышло. Только у меня и получилось, честное слово.

Лежит эта утка, значит, на земле. Мы глядим на неё, а это у не утка вовсе, а целый буйвол! Хади попробовал поднять – не смог. Гуди попробовал – не получилось. И Чати не поднял, и у Мати ничего не вышло. Даже мой отец не поднял. А я ухватился, как следует, да и взвалил себе на плечо. Ну мы и пошли дальше.

Мы всё шли и шли, пока не дошли до такого места, где сразу три села стоят. Причём, двух сёл не видно, а в третьем и вовсе домов нет. Мы побродили по этому безлюдному селу и отыскивали там трёх живых старух. Две из них были мёртвые, а третья и вовсе не дышала.

– Старушки, – сказали мы. – Давайте приготовим эту утку с рисом.

Старуха, та, что не дышала, покрутилась здесь и там да около, и принесла полмешка риса и три горшка. Два из них были насквозь пробиты, а третий и вовсе без дна.

Мы наполнили тот горшок, что был без дна, водой. Добавили рис, положили утку и начали суп варить. Правда, огонь не разводили.

Супчик, значит, всё варился и варился, мясо и рис закипели и испарились, – одна вода осталась.

Проголодавшись, как следует, после охоты, мы набросились на еду. Ели-ели, да так голодными и остались.

Настоящая чепуха⁷¹

Армянская сказка

Жили-были муж с женой. Были они очень бедны. Была у них всего одна курица, но такая драчунья, что если спереди зайти – клювом бьет, а если сзади – то лапами. Приказал им староста курицу эту зарезать, а им жалко было резать ее. Заперли они ее в кладовку, закрыли окна и забыли про нее.

Муж однажды вспомнил про курицу и говорит:

– Жена, пойдем на курицу поглядим, что с ней стало?

– Хорошо, – говорит жена, – пойдем поглядим.

Пошли они в кладовую и видят, что вся она доверху набита яйцами. Взяли они эти яйца, запрягли быков, положили яйца на воз, а сами сверху сели. Яичная скорлупа стала лопаться, стали из яиц выходить направо – петушки, а налево – курочки.

Вдруг из одного яйца гусь выскочил. Выскочил и побежал. Погнался за ним хозяин, а его уже другой человек изловил и на току молотить заставил. Взял этот человек и дал хозяину в придачу к гусю два мешка зерна. Нагрузил тот мешки гусю на спину и погнал его домой.

Дома видит: мешки гусю спину натерли. Сказал ему один лекарь:

– Помажь гуся ореховым маслом, ранка заживет.

Ходил-ходил хозяин, никак орехов найти не мог. В конце концов встретил одну старушку.

– Послушай, матушка, – говорит, – дай мне немного орехов, мне гуся надо вылечить.

– Когда я была ребенком, – говорит старуха, – мой отец из Индии привез орехи. Мы все орехи съели, а один под тахту закатился. Дайте мне палочку, я пошарю.

⁷¹ Ресурсы Интернета: https://leninakan.com/news/armjanskaja_skazka_nastojashhaja_chepukha/2015-05-11-147

Взяли муж с женой вырвали дерево с корнем, дали его старухе, а она из-под тахты орех выкатила. Раздавили они этот орех, смазали спину гуся, а у него на спине через месяц ореховое дерево выросло. Когда гусь на лугу пасся, пастухи и ребята бросали в него комья земли, камни и палки, чтобы орехи сбить. Все это между ветвями застряло, и стал в его ветвях зеленый луг. Люди залезли на дерево, распахали луг, посеяли пшеницу и рожь, а пастухи стали там пасти быков, овец и ягнят.

Однажды один человек сорвал в этом саду арбуз, хотел его разрезать, да нож у него в арбузе застрял, застрял нож и провалился. Разделся этот человек и залез в арбуз. Долго он там бродил, никак ножик найти не мог. Вдруг видит: идет чабан с дубинкой на плече.

– Эй, братец, – спрашивает чабан, – что ты за человек, что делаешь в арбузе?

– Ножик мой упал сюда, – говорит, – ищу, может, найду.

– Эх, зря надеешься, – говорит чабан. – Вот уже ровно два года у меня пропало здесь целое стадо овец. Я уж искать устал, а ты говоришь – нож!

Не понравились эти слова хозяину ножа, и он стукнул чабана. А чабан его дубинкой огрел, и началась тут такая драка, что арбуз свалился на землю, а из него выскочил заяц, выплюнул заяц бумажку, а на ней написано:

– Все это настоящая чепуха .

Лгун⁷²

Армянская сказка

Жил-был царь. Однажды он послал во все стороны глашатаев, которые стали кричать народу:

– Эй, вы! Кто из вас лучше всех солжет, тому царь даст золотое яблоко!

Стали приходиться к царю отовсюду: царевичи, дети назиров, везиров – одним словом, очень много людей, но никто не мог угодить царю.

⁷² Армянские сказки. – М.- Л., Academia, 1933 – С.92-93.

Пришел наконец к царю бедняк с большим кувшином в руке.

– Чего тебе надо? – спросил царь.

– Здравствуй, царь! – ответил бедняк. – Я пришел получить свои деньги: ты ведь мне должен кувшин золота.

– Врешь ты, – ответил царь, – я тебе ничего не должен!

– Вру? Так дай мне золотое яблоко, коли я вру.

Царь, поняв его хитрость, стал отнекиваться: – Нет, ты не врешь.

– А не вру, так плати долг.

Царь, видя, что лгун выиграл, ни слова не сказав, достал и дал бедняку золотое яблоко.

Нужда и врать заставит⁷³

Боснийская сказка

Жил один человек по имени Мия, и был он неисправимый лгун, да такой искусный, что, если бы дня через два довелось ему услышать от кого-нибудь свое собственное вранье, он бы наверняка принял его за чистую правду.

Как-то утром встал Мия с постели и вспомнил, что в кармане у него ни гроша. Стал он размышлять, как бы день перебиться. Жена и дети есть просят – хоть иди воруй. Уж он и так и этак в уме вертел и наконец надумал наплести каких-нибудь небылиц да с помощью своих выдумок и добыть денег.

Вскочил Мия, схватил свой чубук и кисет и полетел напрямик в кофейню. А там все соседи в сборе. Вот входит Мия в кофейню, ни с кем не здоровается и «бог в помощь» не говорит, а сам такой печальный, унылый – ну, брат, не иначе как у него вся родня померла, и уже на кладбище ее свезли. Сел Мия, чубуком об пол постукивает и никому ни слова, понатужился и уронил на грудь несколько слезинок. Другие аги вокруг сидят и молча курят. Наконец один ага говорит:

– Слушай, Мия, что-то ты нам давненько ничего не врал. А ну-ка соври что-нибудь, ты ведь мастак по этой части!

Но Мия и глазом не повел. Уставился в одну точку и постукивает об пол пустым чубуком – где ему табака-то взять, если в

⁷³ Сказки народов Югославии. М., 1984.

кисете ни щепотки, а в кармане гроша ломаного нет. Тут другой ага окликнул Мию и просит соврать позанятнее, а Мия словно воды в рот набрал. Повскакали соседи с лавок:

– Что это ты в молчанку играешь, когда нам охота твое вранье послушать!

– Молю вас богом, добрые люди! Оставьте меня в покое! Великое горе свалилось на мою несчастную голову, такое горе, что я с трудом и языком-то ворочаю.

Всполошились соседи: – Что с тобой стряслось? Скажи, Мия!

– Ах, лучше и не спрашивайте! Сегодня утром умерла у меня жена!

Бедняжка должна была разрешиться от бремени, но во время родов скончалась. Осталось у меня шестеро ребят, мал мала меньше; дома визг стоит и плач. Куда мне податься, страдальцу, ума не приложу, вот и кинулся я сюда со всех ног! В кошельке у меня ни гроша, не на что покойницу похоронить, не на что детям хлеба купить!

Выслушали аги рассказ, и лица их омрачила печаль.

– Несчастный Мия! И надо же было такой беде обрушиться на его плечи! – жалели они своего соседа.

Стали аги деньги собирать – кто грош пожертвует, кто два, и вскоре набралась у Мии полная пригоршня монет.

– Эй, Мия! – воскликнули тогда аги. – Благодарю бога, что у тебя кобыла жива, а жена умерла! Аллах рахметиле, упокой бог ее душу! Жену человеку найти проще простого. «У везучего жена умирает, а у невезучего – кобыла», – говорит старинная поговорка.

– Когда ты покойницу хоронить собираешься? – спросил вдруг один из соседей.

А Мия притворился, будто не слышал. Тот переспросил раз, второй, потом потряс Мию за плечо:

– Да отвечай же наконец, когда ты будешь покойницу хоронить?

– Хорошо бы в полдень снести ее в мечеть, – сквозь слезы пробормотал Мия, – а потом похоронить на кладбище Вакие, потому что такова была воля покойной.

– Не плачь, Мия, – утешает его сердобольный ага. – И у меня жена умерла, а я, видишь, жив-здоров. Знаю я, как больно потерять

жену, но, благодарение богу, боль эта быстро проходит! Точно так же бывает, когда нечаянно ударишься локтем или коленкой – сначала очень больно, а потом все заживет, словно ничего и не было. Благодарю бога, что твоя кобыла жива и ты можешь свезти на базар вязанку дров да купить детям хлеба.

– Слава аллаху, добрые люди! – закричал тут Мия и, не проотившись, побежал на базар. На базаре купил мяса и отнес домой, чтобы к обеду поспел слоеный чурек с мясом. Взял плетеную сумку – и снова на базар; накупил всего, что ему требовалось, да еще не все деньги потратил! Бодро зашагал он домой. Время близилось к полудню, но развеселый Мия и думать позабыл про свое вранье. Вот подходит Мия к дому – и что же он видит! Собралось у его ворот человек сто народу, ждут полудня, чтобы нести покойницу в мечеть. Мия так и обомлел от страха: что теперь делать? Но тотчас сообразил, как ему вывернуться. Снова притворился печальным и пробирается сквозь толпу.

– Дай бог тебе доброго здоровья, Мия!

– Будьте здоровы, друзья! – а самого смех разбирает. Наконец протиснулся Мия к калитке, отворил ее и к людям повернулся.

– Вы что это перед моими воротами собрались? По какому такому поводу?

– Чтобы покойницу в мечеть снести, – отвечают ему хором соседи.

– Да в своем ли вы уме, люди? – воскликнул Мия. – Или, может, спятили?

Не вы ли сами утром в кофейне просили меня соврать вам что-нибудь несусветное, – вот я и наврал. А больше никогда врать не стану, и если по воле аллаха у меня жена помрет, я вам так по совести и скажу, не буду больше лгать. Да и нынче-то нужда меня врать заставила!

Тут Мия калитку захлопнул – и в дом.

А толпа не расходится – люди кричат, ругают Мию на чем свет стоит. А Мие и дела до этого нет – сегодня у него по усам потечет масло из жирного чурека.

Мельник Кьосе и хитрый парень⁷⁴

Македонская сказка

Жил-был хитрый парень. Как-то раз отец подозвал его и говорит:

– А ну-ка, сынок, давай нагрузим на осла мешки с зерном – поедешь на мельницу. Только смотри – в тех местах мельниц великое множество. Сам выберешь, где подешевле, повыгодней будет. Но крепко запомни, к мельнику Кьосе не заходи: непременно обманет – зерно заберет, а муку не отдаст.

– Ну что ж, буду помнить, – ответил сын.

Отец нагрузил на осла мешки, парень тотчас и поехал. А путь-то недолгий был. Приехал он к мельницам. Их было много – одна за другою выстроились, как напоказ, в один ряд. Ну, чтоб не попасть в лапы обманщика Кьосе, парень и начал осматриваться – куда пойти.

А Кьосе имел привычку торчать у ворот своей мельницы, гостей поджидать. Смотрит, не едет ли кто из хозяев с зерном, и к себе зазывает.

Ну, значит, стоял Кьосе у ворот. Увидел он, что парень с зерном приехал. Юркнул Кьосе в свою мельницу да тут же через черный ход выскочил и вошел к соседу, – тихохонько через заднюю дверь прошмыгнул к нему, тут же на улицу через переднюю вышел и стал звать к себе парнишку. Но тот его узнал, к нему не пошел и постучался в соседнюю мельницу. Подумал, верно, что это не мельница лукавого Кьосе, раз он у другой двери стоит.

Стал звать парень мельника – никто не идет. Сам снял мешки с осла. И только зерно засыпал, выходит Кьосе и говорит:

– О-о! Добро пожаловать!

Ну, что ж поделаешь – хоть и обманулся он, а деваться некуда – зерно-то засыпал! Хочешь не хочешь – пришлось оставить!

Но парню запомнились отцовские слова, он знал, что за птица коварный Кьосе. Стал он думать, как бы так сделать, чтобы Кьосе не мог надуть его и присвоить муку.

Начал молотить Кьосе зерно. А парень ему говорит:

– Отец мне велел присмотреть, чтобы ты хорошенько смолот наше зерно, а потом испек бы для нас большую погачу [Погача – плоская пресная лепешка]. Да еще отдал бы мне в жены свою любимую дочь.

– Ну что ж! – отвечал ему Кьосе. – Ты здесь посиди, подожди, пока зерно смелется, потом я испеку вам и погачу!

Налил он воды в котел, поставил котел на огонь. Вскипела вода, а к тому времени зерно было смолото. Кьосе-обманщик взял муки, да и бухнул в котел, будто для теста. А вместо теста получилась жидкая каша – котел-то налит был водой до краев, а муки насыпано немного. Такое тесто разве что для оладий годилось, а не для хлеба...

– Что делать? – спросил Кьосе-обманщик. – Муки-то у нас не хватает!

– Не знаю. Отец мне сказал, чтоб ты спек нам погачу, муку же отдал бы отдельно!

– Да ведь я всю муку истратил, – отвечал ему Кьосе. – Ты же видишь: вся мука в котле! Где же мне взять еще? Тут повздорили они.

– Ну ладно, – сказал Кьосе. – Сделаем иначе. Давай-ка с тобой поболтаем, кто кого переверт. Обманешь меня – дам тебе и погачу и муки. А нет – вернешься домой с пустыми руками.

Парень подумал и согласился. И стал ему Кьосе плести небылицы: он постарше, значит, и начал первым.

– Видишь вот ту канаву? Здесь в старину было чудо. Посадили тут огурцы. Росли они, росли да выросли такие большие – просто диво. Один огурец ненароком упал поперек канавы да так и остался заместо моста. Не только люди по нему могли проходить, но и верблюды.

– Верно, верно! – весело засмеялся парень. – Конечно! Я знаю! Я помню! Отец мне рассказывал, что было еще и такое: однажды по этому огуречному мосту шли верблюды с поклажей, везли драгоценности царские. А мост-огурец раскачался, затрясся – верблюды в канаву свалились, да и утонули. А отец мой в огурце сидел, спал там. Проснулся он от этого шума и выглянул из огурца. Собрал потом потихоньку все царские сокровища и сделался богачом.

⁷⁴ Сказки народов Югославии. М., 1984

И я тебе вот что еще расскажу! У нас были ульи пчелиные, штук этак триста. И каждое утро отец пересчитывал пчел. Как-то утром считал он, считал – одной пчелы не хватает! Куда она делась? Отец и туда и сюда – ну, как не бывало пчелы. Что делать? Оседлал мой отец петуха, поехал по свету искать озорную пчелу. Весь свет объехал – до самого края добрался. Пчелы нет и нет! А как стал подъезжать к Багдаду – видит: пчелу запрягли в плуг, и она пашет в паре с волом чью-то ниву. Отец мой, конечно, пчелу живехонько распряг и погнал перед собой. Привел ее, в улей пустил. Потом расседлал петуха, глядь, на спине у бедняги рана. Что делать? Решил вылечить петуха.

А как? Испробовал одно зелье, другое – петух все болеет! И вот наконец кто-то дал ему добрый совет: расколоть орех, ядро разжевать – и к ране приложить. Отец так и сделал, да сверху еще землицей присыпал и завязал.

Наутро приходит в курятник, развязал тряпицу, видит – диво! Орех-то уже побег дал, и листочки распустились. Вырос орех ростом с дуб, собрали с него урожай небывалый. Галки в ветвях свили гнезда, галчат вывели. А сорванцы ребятишки увидели галок – и давай кидать в них камнями да комами земли, хотели орехов достать и галчат раздобыть. Столько там, наверху, накопилось всяческой дряни, что вскоре уже стало там не дерево, а изрядный участок земли, и отец рассудил, что можно там высеять много семян, не меньше десяти, да, кроме того, еще роща останется. Распахал отец ту землю девятью плугами, хлеб там посеял. А рощу оставил нетронутой, в ней поселились медведи, лисицы и волки. Вот время пришло, мой отец пригласил жнецов, парней и девиц из трех окрестных деревень. Только было принялись они за работу – из лесу выглянула лиса. Тут парни и девушки бросились ловить лисицу; поймать ее не поймали, а кто-то в нее кинул серп. Вонзилась тут рукоятка серпа прямо в бок лисице. От боли несчастная стала метаться туда и сюда – так все поле одна и сжала. А кончила жать – к лесу помчалась. Тут выскочил серп из лисицына бока, а рядом на землю записка упала. Жницы подобрали ее, а прочесть не умеют. К судье отнесли, прочитать попросили...

– А что же судья? – перебил обманщик Кьосе.

– Судья им сказал – здесь написано: нечего Кьосе хитрить понапрасну, пусть тотчас отдаст и муку, и погачу, и дочку в придачу.

Вот так и признал себя побежденным обманщик Кьосе и отдал парнишке и муку, и погачу, и дочку – в придачу. А парень взвалил мешки на осла, взял невесту за руку – и домой!

А правды ни на грош⁷⁵

Далматинская сказка

Жили-были три брата. Уж такие богатые парни: двое голы как соколы, а у третьего ни рубахи на теле, ни шапки на голове. Слыли они добрыми охотниками, да ружей не имели. Пошли раз до зари на охоту и убили трех зайцев: по двум промахнулись, а третий удрал. Идут через лес, видят – лачуга, в ней ни души, они и просят бабушку:

– Дай-ка нам, бабуся, три горшка – зайцев сварить.

Она им подает три горшка – два разбитые, а у третьего дна нет.

Разрезали братья свою добычу, поставили зайцев вариться, а огня-то нет. Тут заметили они на верхушке дуба свет.

– Господи, что там такое? – сказал старший брат и подошел к дубу. Видит, на верхушке дуба сидит медведь: разжег там огонь, насадил на вертел вола и жарит его. Полез старший брат на верхушку дуба попросить огня, а медведь сгреб его лапой и говорит:

– А! Добро пожаловать! Тебя-то мне и надо. Съем тебя на обед, а вола на полдник!

Второй и третий брат тоже полезли на дуб. Медведь и их сгреб за шиворот и сказал им те же слова. Ничего не поделаешь, пришло, значит, время с жизнью расстаться. Братья – в слезы. Сжалился медведь и говорит:

– Ладно, всех отпущу, коли расскажете мне какую-нибудь диковинную небылицу.

Первый брат начал, второй подхватил, а младший вот до чего договорился:

⁷⁵ Сказки народов Югославии. М., 1984.

– Расскажу я вам сейчас небылицу, вы только ничему не верьте, там все враки, а правды ни на грош. Родился я на пятнадцать лет раньше своего отца. Когда отец родился, пошел я к попу, прошу отца окрестить, а поп не хочет без разрешения бога. Пошел я домой, голод и жажда одолевают, иду еле жив. Повстречалась мне женщина – спрашивает, что со мной. Я ей всю правду и рассказал. Запустила она руку в передник, подает мне пригоршню бобов – поесть дорогой. Напекло меня солнце, утомился я и лег под дубом отдохнуть, а в кармане еще три боба осталось. Я крепко уснул и во сне повернулся на другой бок. Все три боба выпали на землю и проросли. Проснулся я, поглядел перед собой, а бобы-то выросли до самого неба. Ну, обрадовался я, стал подниматься по стеблю, от веточки к веточке, от стручка к стручку – вот и очутился на небесах. Самого господа бога узрел, многомилостивого: обедает, хлеб с сыром кушает, да только меня не угощает – ни кусочка не дал.

Поклонился я ему и попросил дозволения предстать пред его светлым ликом. Рассказал я богу про свою докуку. Бог сразу за дело: взял в руки большое перо и написал, братец ты мой, длинное письмо попу с приказом окрестить моего отца. Повеселел я, хочу на землю спуститься – глядь, а бобов-то и нет. Что же случилось? Шли козы на пастбище, набрели на бобы, перегрызли стебли, и у меня уже не было пути на землю. Что тут делать, как тут быть?

Пошел я опять к господу богу, рассказываю, что со мной приключилось. Бог дал мне отрубей, набил я ими полные карманы, а он и говорит: – «Кидай отруби, по ним и спустишься».

Я так и сделал, да вот беда: отрубей не хватило. Что ж теперь делать?

На мое счастье, засунул я за пояс моток пряжи. Стал ее сучить да по ней спускаться, а до земли все-таки не хватает. Измучился, ничего придумать не могу: оборву, подвяжу, оборву, подвяжу – все до земли не достает. Тут вспомнил я, что на голове у меня чуб. Отрезал я его и стал выдергивать волосок за волоском, вяжи да подвязывай – ни конца, ни краю, небо высоко, земля далеко,

ничего и не выходит. Мне стало не по себе, взял я сердце крепко в руки и прыг со страшной высоты. Бац! Упал в живую изгородь и завяз по самую шею. – «Ой, батюшки, караул!» – стал я звать на помощь. Что делать, куда податься? Вылезай, выбирайся, поднимайся, брат, – ну кое-как и выполз. Побежал домой, взял большой деревянный молоток, чтобы разломать изгородь. Едва удалось ее разбить: жара стояла сильная, и все замерзло.

Устал я, жажда томит, пошел воды напиться, солнце печет, а вода в колодце замерзла. Смотрю кругом – нет ли где камня. – «Знаю, что сделаю», – подумал я, взял ножик, отрезал себе голову, разбил ею лед, напился всласть и пошел дальше. Отошел немного, вижу – дуб стоит, а на дубе человек молотит просо, солома падает на землю, а зерно остается на верхушке дуба. «Что ты делаешь, сердечный, как это у тебя солома падает на землю, а зерно остается наверху?» А молотильщик в ответ: – «Ты дивишься этому, а тому не дивишься, что ты без головы».

Ударил я себя по лбу – и в самом деле, где же моя голова? Вспомнил, что оставил ее там, где лед разбивал. Побежал к колодцу и нашел там собственную голову. Взял и приставил ее на место, а когда пришел домой – вижу, что приставил ее наоборот: затылок – спереди, а нос сзади.

– Вот тебе, медведь, небылица – вранья сколько хочешь, а правды ни на грош, – заключил младший брат.

Медведю сказка пришлась по душе, он и говорит:

– Ты ловко соврал, ступай домой, не трону вас.

A.A. Burykin
Khanty folktales and folklore of the Ural-Altaic peoples.
(according the materials of fairy tales on fables)

Summary

The subject of this book is a certain number of Khanty fairy tales in which it is possible to find the motives of telling untruthful stories-fables.

Fairy tales of this type have analogies in the folklore of the Finno-Ugric peoples and they are widespread in folklore of the peoples of the Altaic family. Fairy tales of such type are well-known in fantastic folklore of the Mongolian peoples – Khalha-Mongols of Mongolia, the Buryats, Kalmyks. Similar fairy tales meet in a considerable quantity at the Turkic peoples of Volga-Ural region and in Central Asia – among the Tatars, Kazakhs, Uzbeks, Turkmans, at the Turkic peoples of Siberia – Khakases, Yakuts, at Turks in Turkey, and at the Turkic people of Caucasus – Nogaians, Karachai peoples. The fairy tales with subjects we are interested in are found at the people of Caucasus – Avars, Chechens, Ingushs, and also at Armenians and the Georgians. At means of Turks (Osman) these fairy tales with fables together with other samples of folklore have extended on the Balkans in Southeast Europe, they are written down at Dalmatians, Macedonians, in Bosnia.

Among the fairy tales with telling of fables which is functioning as the difficult task – the obligatory element of tale. set to the hero-teller of fables, it is possible to find out three independent plots. The first plot are fairy tales on fire reception in exchange for telling of fables, this plot is realised in three Khanty tales represented in the book offered to the attention of our readers. The second plot – the heroes tell fables as performance for which the governor (rarely simply rich person) promises the big award. The third plot of this group – in this plot the hero tells fables because a condition of performance of such problem is the marriage on the daughter of the governor – the khan, the padishah, the tsar, the minister, rich and powerful man..

The first subject of the author's attention in this book is the ethnographic bases of plots of fairy tales with fables. Fairy tales with the subject of reception of fire, occurring at the peoples of Siberia and on the Balkans, are characteristic for the people whose basic employment is hunting. Fairy tales on reception of a gratuity and a fairy tale on reception of the daughter of the governor as spouses have distribution among the people whose employment is the cattle breeding – cultivation of horses, camels, donkeys.

The hero of fairy tales on fire reception in exchange for fables is one person among equal ones, as it is usual in the fairy tales, the younger of brothers, and the younger brother achieves the greatest success and rescues his brothers which could not carry out to tell fables. The hero of fairy tales in which telling of fables has a goal in the award reception in gold, and the hero of fairy tales which is the applicant for marriage with the daughter of the governor is a representative of the lowest estates, the poor young man, more often the shepherd who carries out to tell fables and thus has an opportunity to marry the daughter of the governor and to raise the social status.

One more object of our research in the represented book is a character and structure of episodes, motives, subjects and properties of subjects which form the fables told by the heroes of such tales. Each fairy tale of this kind includes various quantity of fables, from one or two fables to several tens, the Mongolian and Buryat fairy tales of this group having the named of 70 fables, variants of a Kalmyk fairy tale – 72 fables, however in a reality these fairy tales contain the number of fables coming nearer to 90. Textual variants of fairy tales on the fables, noted at the Buryat, Kalmyks, Kazakhs, show considerable distinctions, as well as three Khanty fairy tales on fire reception in exchange for fables. Among the fragments of texts and described subjects which we can define as a fable, there are details of a narration or subjects, the motives connected with a subject or action, and even sequences of motives which can be considered as separate plots of the second order (for example, motives of two boots of the hero). We have chosen for a fairy tale on fables for our

comparative typological analysis for the reason that fairy tales on fables accumulate a considerable quantity of widespread motives in the texts and variants.

Fairy tales on fables, besides three plots named earlier, form also special group where the hero tells fables on purpose to get rid of the cheat and the deceiver who has taken hold or wants to take hold of property of the hero. Sometimes these heroes of such fairy tales – sons of the padishah or the khan, the Supreme governor, suffered that they have not executed the instructions of their father.

The analysis of fairy tales with fables, characteristic for the Uralic and Altaic peoples, as well as for the people of Caucasus and southeast Europe, allows us to present 10 different types of fairy tales on the fables showing specific features in the relation to the storyteller, the narration purpose, a plot, character of fiction, adaptedness of a plot and fiction to social and to an ethnographic context. These are the following types of fairy tales:

1) the fairy tales of a fable told from the first person. These fairy tales allow to understand an origin of fairy tales on fables from the point of view of historical change of their structure when the telling identifies itself with the storyteller of such fairy tale, which hero tells fables to other characters of a fairy tale

2) Fables – monologues of the fantastic hero of folktale. .

3) the Fables assuming a question to listeners in the end of a narration. Such fables not containing absurdity, are stated without what that there were participations of the story-teller in represented events. This type of fables is rather rare. Formally such texts are difficult for classifying, defining any special genre signs or maintenance elements. To formal signs we can understand that such stories are not quite lawful even for carrying to fairy tales, they belong to any dialogue folklore genres which properties are not absolutely clear to us. For the further studying of texts of this type it is necessary to find out features of the storyteller of similar stories and that audience for which they intend.

4) the fables in which story-teller on a plot is blamed. It is how much possible to judge after studying of as much as possible great

volume of fairy tales and the stories containing fables or other invented stories, such fairy tales represent a version of household fairy tales with the special character, and the maintenance of fables does not characterise a plot and, seemingly, at all is not allocated as motive having the maintenance.

5) Boasting of the hero as a fable. Unlike the fairy tales carried by us to the first type «actually fables» and told from the first person, fairy tales of this type contain an exposition presenting the story-teller of fables any especially. Telling of fables becomes a prerogative of hunters, and fables are connected with objects of hunting – animals and with craft episodes.

6) the fable-miniature. These are short fairy tales at which maintenance there is an individual episode of telling of a fable. It seems that the given type of the fairy tales allocated on the basis of limited number of fables presented in the text, corresponds only with the fairy tales which hero tells fables for the purpose of any benefit. More often fables of such stories is a theme of a debt of the listener of a fairy tale to the story-teller, the father or a family of the story-teller.

7) the Fairy tales containing large cycles of fables. This type is presented by those fairy tales where telling of fables is a difficult problem which the listener of fables sets to the hero or where the hero himself is caused to carry out this difficult problem on purpose to get out from a difficult situation. Such situation is in Turkish «The Fairy tale on Forty Fables» where the shakh's son tells fables to the swindler and the cheat and defeats him. At this type of fairy tales there are three similar plots – fairy tales on getting fire, a fairy tales on reception of the promised riches and a fairy tales on reception in the wife of the daughter of the governor, the minister (Koreans) or the miller (Macedonians). The last two types of the fairy tales which plots often unite one detail – the promise and riches, and daughters in the wife are the most representative also most widespread. The subject structure of fairy tales of this type in general is identical, separate motives and episodes in them take the same place therefore the general is well looked through the invariants of these plots,

especially if property distinction of heroes is combined with potestary distinction – the khan/padishah/tsar – the shepherd, with rare exception, when sons of the shah or the khan, and the resisting hero – the miller appear the suffering party.

8) Telling of fables as competition. In this type of fairy tales different from others, we meet two story-tellers of fables who compete with each other in their art, and round it plot development is under construction. The daughter of the old man wins the cheat in one plot on purpose to return taken away by a deceit. In these fairy tales the system of characters is original, both story-tellers are equal each other and the competition purpose is the personal victory. The structure of fables in fairy tales of this type demands special attention.

9) Fables where one liar helps another one. Fairy tales of this type are close on structure to fairy tales on two story-tellers of fables, but the main specificity of these fairy tales consists that story-tellers are united by a uniform overall aim. This type of fairy tales on fables appears very rare both peripheral on the importance and distribution, than fairy tales on competition in telling of fables.

10) Lie instead of a fable. The separation of fantastic lies and fantastic lie from actually fables as unlikely stories, absence of logic and which fiction it is obvious, makes a challenge. There are some plots in which the lie of the hero is as though equated to a fable. We consider necessary to allocate this type of fairy tales as a boundary case between fairy tales on telling of fables and household fairy tales with motives of lies or various not deceptive lie which should be classified further still.

Studying of distribution of fairy tales on fables in their most widespread types and forms shows that fairy tales with a plot about fire reception in exchange for fables make the earliest the most ancient type of such fairy tales, they have remained in not very numerous samples on all territory of an existing of such fairy tales. The fairy tales with a plot about reception of riches and reception of the daughter of the governor as the wife they have the wide circulation, occur on all the territory of the Central Asia, at the Turkic peoples to

the East from Caspian sea, at the Iranian people (Tadjiks), and also at the people of Caucasus. The people of Caucasus in their proper folklore tradition have various types of fairy tales on fables and independent plots. The western border of distribution of fairy tales on fables settles down in Southeast Europe, east – in the west of coast of Pacific ocean. Both in Europe, and in the Extreme Northeast of Asia the place of fairy tales on fables is occupied by fairy tales on guessing of riddles.

The problem of an origin of fairy tales on fables, in our opinion, is connected with history of an existing of various fiction in narratives, partially in geographical narratives, telling about other points of space, partly telling of fables acts as means of change of the social status of the hero of a narration.

Revealing of the general file of fairy tales on fables at the people of Siberia, the Volga region, Central Asia, the Central Asia and Caucasus has unexpectedly caused necessity to give the general classification of the fairy tales based on telling of fables. As for a number of folklore traditions, first of all for Central Asia and Caucasus, the existing of fairy tales on fables or fairy tales with fables is characteristic. The narrations representing other different types with differing plots, quite logical there was a question on genesis of fairy tales with telling of fables in connection with shared problems of folklore fiction, problems comic and ridiculous in folklore and some other serious problems of folklore studies. The parity of notorious truth, notorious fiction and notorious imagination has caused the reference to problems of a myth and a fairy tale, their genetic relation and historical sequence of occurrence in genre system that has demanded some audit of fundamental positions of the theory of folklore and of some related subjects. With what degree of persuasiveness the author managed to present the conclusions – it is necessary to judge to readers. However the author will not be receded from the basic idea according to which the system of folklore genres is under construction on a number of universal objective properties of human language – any language from Arctic regions to Ocenia and in own way realises these universal properties of language in each of folklore genres.

The presented work opens and shows the arts very important and very interesting to the theory position – folklore if it to consider in all volume, in the full case of narrative texts and their variants which often also are very essential to understanding of the text and an estimation of its interrelations with genre system, with ethnic culture, with other folklore traditions, reflects and represents to the observer a full picture of world around, at least and with different, something its predetermined degree of detailed description. Just studying of periphery of this picture of the world, those phenomena which seem little significant and insignificant, represents fascinating employment for specialists in folklore and experts in the general theory of art

Working over the studying of separate fables or steady sequences, chains of the fables sometimes forming some kind of dependent plots, such as the greased and not greased boots of the hero, and also estimating similarities separate цельнооформленных texts of fairy tales on fables, the author could notice that, despite considerable similarities of separate plots of fairy tales on fables and separate texts that very much even is expected for a folklore material, we very difficultly appear to recognise even cases of mass similarity of plots and motives as result of direct loan of plots of fairy tales on the fables having the most complicated, multicomponent structure. There is an impression that fairy tales on fables extend not as complete text unities namely as scatterings of motives and episodes from which any part is adopted by neighbours, and any either does not get accustomed, or is creatively processed as a part of new texts.

It is remarkable that those components of fairy tales on fables which correspond with ethnographic archaics that was well visible on an example of fairy tales on getting of fire by means of telling of fables, remain in a freakish set on geographical periphery of a uniform area of an existing of fairy tales on fables. At the same time the centre of areas we meet essential social updatings of structure of plots of motives and other larger structural elements of a narration when begins difficult further to understand that before us – a magic fairy tale with telling of fables as one more difficult problem, or a

fairy tale on fables with the magic fairy tale built in it.

Certainly, given book does not settle all set of the problems connected with structure of fairy tales on fables at the Ural and Altay people, especially at the people of caucasus, and similarly at neighbours of the people of the central Eurasia as it is possible to mark an area of distribution of fairy tales on the fables captured by our research. However it would be desirable to think that the given work not only will give any impulses to the further studying of these fairy tales, but also will qualitatively change the general level of their level of scrutiny. The last on what it would be desirable to stop – in comparative-historical studying of fairy tales and it is exemplary any genre of any separate people it becomes impossible to become isolated in the language and ethnic borders set by a material for both completeness, and reliability of conclusions and общений will depend completely on volume of the fixed texts and an outlook of the researcher.

Научное издание

Бурыкин Алексей Алексеевич

**Хантыйские сказки и фольклор
урало-алтайских народов
(по материалам сказок о небылицах)**

Подписано в печать 07.12.2017 г.

Формат А5. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman

Тираж 150 экз.